

ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

2025. № 3 (Вып. 55)

**LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA**

2025, no. 3, iss. 55

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2025. № 3 (Вып. 55)

Научный журнал

Электронное сетевое издание
ISSN 2712-9608

Является продолжением серийного сборника
«Языки коренных народов Сибири»

Новосибирск

ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

2025. № 3 (Вып. 55)

Основан в 1993 г. Периодичность – 4 раза в год. Издается на русском и английском языках.

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **Кошкарёва Н. Б.**, д-р филол. наук, профессор, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Зам. главного редактора по разделу «Лингвистика» – **Селютина И. Я.**, д-р филол. наук, профессор, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Зам. главного редактора по разделу «Фольклористика» – **Солдатов Г. Е.**, канд. искусствоведения, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Ответственный секретарь по разделу «Лингвистика» – **Байыр-оол А. В.**, канд. филол. наук, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Ответственный секретарь по разделу «Фольклористика» – **Козырева К. Д.**, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Дыбо А. В., д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Россия
Леонова Н. В., канд. искусствоведения, доцент, Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки, Новосибирск, Россия
Невская И. А., д-р филол. наук, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Никольский А. В., PhD in systematic musicology, Frontiers Media, Швейцария
Ойроткинова Н. Р., д-р филол. наук, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Рыжикова Т. Р., канд. филол. наук, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Соловар В. Н., д-р филол. наук, доцент, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск, Россия
Тажиева С. Ж., д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан
Тыбыкова Л. Н., канд. филол. наук, Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия
Тюнтешева Е. В., канд. филол. наук, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Шамина Л. А., д-р филол. наук, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета – **Кузьмина Е. Н.** д-р филол. наук, профессор, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Аникин А. Е., д-р филол. наук, академик РАН, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Бавуу-Сюрюн М. В., д-р филол. наук, Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия
Дампилова Л. С., д-р филол. наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия
Данилова Н. И., д-р филол. наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия
Джапуа З. Д., д-р филол. наук, академик Академии наук Абхазии, Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии, Сухуми, Абхазия
Кляус В. Л., д-р филол. наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва, Россия
Кондратьев М. Г., д-р искусствоведения, профессор, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Чебоксары, Россия
Олмез М., д-р филол. наук, Стамбульский университет, Стамбул, Турция
Скрибник Е. К., д-р филол. наук, профессор, Мюнхенский университет, Мюнхен, Германия
Сыченко Г. Б., канд. искусствоведения, доцент, Президент Ассоциации «Архив “Евразия” имени Романо Маттеи», Рим, Италия
Хабтагаева Б., PhD habil, Неаполитанский Восточный Университет, Неаполь, Италия
Чугунёкова А. Н., д-р филол. наук, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия

ISSN 2712-9608

630090, Новосибирск, ул. Николаева, д. 8, Институт филологии СО РАН
yaz_fol_sibiri@mail.ru
<https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN BRANCH
INSTITUTE OF PHILOLOGY

**LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA**

2025, no. 3 (iss. 55)

Scientific Journal

An online electronic publication
ISSN 2712-9608

A continuation of the collection of scientific articles
“Languages of Indigenous Peoples of Siberia”

Novosibirsk

LANGUAGES AND FOLKLORE OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA

2025, no. 3 (iss. 55)

Founded in 1993. The Journal is issued four times a year and published in Russian and English.

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **Koshkareva N. B.**, Doctor of Philology, Professor, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia
Deputy Editor-in-Chief for the Linguistics section – **Selyutina I. Ya.**, Doctor of Philology, Professor, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Deputy Editor-in-Chief for the Folklore section – **Soldatova G. E.**, Candidate of Art Studies, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Executive Secretary for the Linguistics section – **Bayyr-ool A. V.**, Candidate of Philology, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Executive Secretary for the Folklore section – **Kozyreva K. D.**, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Dybo A. V., Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia

Leonova N. V., Candidate of Art Studies, Docent, M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory, Novosibirsk, Russia

Nevskaya I. A., Doctor of Philology, Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russia

Nikolsky A. V., Ph.D in systematic musicology, Frontiers Media, Switzerland

Oinotkinova N. R., Doctor of Philology, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Ryzhikova T. R., Candidate of Philology, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Solovov V. N., Doctor of Philology, Docent, Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development, Khanty-Mansiysk, Russia

Tazhibbaeva S. Zh., Doctor of Philology, Professor, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Tybykova L. N., Candidate of Philology, Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia

Tyuntseva E. V., Candidate of Philology, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Shamina L. A., Doctor of Philology, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Head of the Editorial council – **Kuzmina E. N.**, Doctor of Philology, Professor, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Anikin A. E., Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Bavuu-Syuryun M. V., Doctor of Philology, Tuvan State University, Kyzyl, Russia

Dampilova L. S., Doctor of Philology, Professor, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS, Ulan-Ude, Russia

Danilova N. I., Doctor of Philology, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB RAS, Yakutsk, Russia

Dzhapua Z. D., Doctor of Philology, Academician of the Academy of Sciences of Abkhazia, D. I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities, Sukhumi, Abkhazia

Khabtagaeva B., PhD habil, Associate Professor, University of Naples L'Orientale, Naples, Italy

Klyaus V. L., Doctor of Philology, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russia

Kondratyev M. G., Doctor of Art Studies, Professor, Chuvash State Institute of Humanities Studies, Cheboksary, Russia

Olmez M., Doctor of Philology, Istanbul University, Turkey

Skrinik E. K., Doctor of Philology, Professor, University of Munich, Germany

Sychenko G. B., Candidate of Art Studies, Docent, President of the Association "Archive "Eurasia" named after Romano Mastromattei", Rome, Italy

Chugunekova A. N., Doctor of Philology, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia

ISSN 2712-9608

Institute of Philology of the SB RAS, Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

yaz_fol_sibiri@mail.ru

<https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Систематизация фольклора

Козлова Н. К.

- Опыт составления указателя мотивов русской мифологической прозы Сибири: рассказы о мифическом хозяине крестьянского дома и подворья 9–32

Эпосоведение

Хабунова Е. Э., Аюшжавийин А.

- Универсальные черты героя-помощника в национальных версиях эпоса «Джангар» 33–42

Садалова Т. М., Паштакова Т. Н.

- Об общих сюжетных аспектах алтайских и монголо-ойратских эпических произведений 43–50

Этномузыковедение

Тирон Е. Л.

- Тувинский варган *демир-хомус*: история изучения, морфология, исполнительство 51–61

Альмеева Н. Ю.

- Песенный фольклор кряшен-переселенцев Иркутской области: вопросы жанрово-стилевой атрибуции (по аудиозаписям 1971 г. Л. Ш. Замалетдинова) 62–96

ЛИНГВИСТИКА

Лексикология

Абжапарова М. Д.

- Функционально-семантическое поле цветообозначений «желтый» и «коричневый» в казахском языке в сравнении с алтайским и тувинским языками 97–111

Скрябина А. А.

- Наименования человека по отношению к браку в якутском языке 112–122

Морфология

Шеймович А. В.

- Формы дательного падежа личных местоимений в хакасских диалектах: ареальное распределение и эволюция 123–146

Синтаксис

Байыр-оол А. В.

- О сравнительной функции частицы *-ла* // *-ле* в тувинском языке 147–162

Язык фольклорных произведений

Шарина С. И.

- Лингвистические особенности эвенского архаического эпоса
«Өмчэни» ‘Одинокий’ 163–174

Социолингвистика

Дырхеева Г. А.

- Образ «свой» – «чужой» в языковом сознании бурят:
экстралингвистический и лингвистический компоненты
(на материале бурятского языка) 175–185

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Мясникова С. А.

- «Я люблю науку!»: интервью с Натальей Константиновной
Козловой (к ее 70-летию) 186–203

Шахов П. С.

- Всероссийская научная конференция с международным участием
«III Сибирский форум фольклористов» (г. Новосибирск,
16–20 июня 2025 года) 204–210

CONTENTS

FOLKLORISTICS

Systematization of folklore

Kozlova N. K.

- Compiling a motif index for Siberian mythological narratives: a case study of the “mythical master of the peasant house and homestead” 9–32

Epic studies

Khabunova E. E., Ayuushzhavijin A.

- Universal traits of the “Helper Hero” in national versions of the “Dzhangar” epic 33–42

Sadalova T. M., Pashtakova T. N.

- On common plot aspects of Altai and Mongol-Oirat epics 43–50

Ethnomusicology

Tiron E. L.

- The Tuvan *demir-khomus* jaw harp: history of research, morphology, and performance 51–61

Al'meeva N. Yu.

- Song folklore of the Kryashen settlers in the Irkutsk region: genre and style attribution based on the 1971 recordings of L. S. Zamaletdinov 62–96

LINGUISTICS

Lexicology

Abzhaparova M. D.

- The functional-semantic field of “yellow” and “brown” color designations in the Kazakh language in comparison with the Altai and Tuvan languages 97–111

Skryabina A. A.

- Names of a person in relation to marriage in Yakut language 112–122

Morphology

Sheymovich A. V.

- Forms of the dative case of personal pronouns in Khakas dialects: areal distribution and evolution 123–146

Syntax

Bayyr-ool A. V.

- On the comparative function of the particle *-la* (*-le*) in the Tuvan language 147–162

Language of folklore

Sharina S. I.

- Linguistic features of the Even archaic epic “Өмчөни” 163–174

Sociolinguistics

Dyrkheeva G. A.

- The “Us” versus “Them” dichotomy in the linguistic consciousness of the Buryats: extralinguistic and linguistic components (a case study of the Buryat language) 175–185

SCIENTIFIC MEETINGS AND EVENTS

Myasnikova S. A.

- “I love science!”: Interview with Natalia Konstantinovna Kozlova (on her 70th birthday) 186–203

Shakhov P. S.

- All-Russian scientific conference with international participation “The 3rd Siberian forum of folklorists” (Novosibirsk, June 16–20, 2025) 204–210

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ФОЛЬКЛОРА

УДК 398.3(=161.1)(571) + 012.4
DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-9-32

Опыт составления указателя мотивов русской мифологической прозы Сибири: рассказы о мифическом хозяине крестьянского дома и подворья

Н. К. Козлова

Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

Аннотация

Представлен опыт автора в составлении указателя мотивов русской мифологической прозы (в ее сибирском варианте) о мифическом хозяине крестьянского дома и подворья. Обоснована актуальность подобной работы, особенно в связи с подготовкой томов академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Единицей классификации в указателе является тема, а систематизации – мотив. Автор придерживается определения мотива, данного в свое время А. Н. Веселовским. Подчеркнуто, что для создания подобного указателя был достаточный корпус текстов и опыт работы составителя. В статье приведены 16 выделенных мотивов с их подробной детализацией. Указатель носит открытый характер и может быть применен фольклористами для систематизации собственного регионального материала.

Ключевые слова

классификация, систематизация, тема, мотив, указатель мотивов, мифологический рассказ, сказочная проза русских сибиряков, мифологическая проза о мифическом хозяине дома и подворья

Благодарности

Исследование проведено в рамках работы научной лаборатории Омского государственного педагогического университета «Региональная литература в контексте историко-культурной традиции XIX–XX вв.».

Для цитирования

Козлова Н. К. Опыт составления указателя мотивов русской мифологической прозы Сибири: рассказы о мифическом хозяине крестьянского дома и подворья // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55). С. 9–32. DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-9-32

Compiling a motif index for Siberian mythological narratives: a case study of the “mythical master of the peasant house and homestead”

N. K. Kozlova

Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia

Abstract

This article presents a motif index, compiled by the author, for Russian mythological prose, specifically focusing on its Siberian variant. The index is dedicated to the motif of the “mythical master of the peasant house and homestead”. The relevance of this work is underscored by its contribution to the scholarly series “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East”, published by the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in Novosibirsk. The index operates on several key principles. First, a motif is defined as a cohesive unit of logical and semantic structures, representing an abstract

© Н. К. Козлова, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 3 (iss. 55)

concept independent of a specific narrative. Second, motif variability is illustrated by showcasing the variability within its components. Third, the system is designed to accommodate new material. Finally, the index functions as a critical research tool. The index employs the theme as its unit of classification and the motif as its unit of systematization. It is emphasized that creating such an index requires a substantial corpus of texts, relevant experience, and deep immersion in the material, with the researcher's scholarly intuition also deemed important. Following these principles, the index identifies sixteen motifs, each with a detailed description and explanation of the principles behind its identification and structure. This index facilitates the study of mythological themes, offers an open-ended structure, and provides folklorists with a tool for systematically organizing their regional data.

Keywords

classification, systematization, theme, motif, index, mythological prose about the mythical master of the house and homestead

For citation

Kozlova N. K. Opyt sostavleniya ukazatelya motivov russkoy mifologicheskoy prozy Sibiri: rasskazy o mificheskom khozyaine krest'yanskogo doma i podvor'ya [Compiling a motif index for Siberian mythological narratives: a case study of the "mythical master of the peasant house and homestead"]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2025, no. 3 (iss. 55), pp. 9–32. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-9-32

Введение

К вопросам, связанным с систематизацией народной сказочной прозы [Козлова 2000, 2004, 2006], мы обращаемся не в первый раз, так как вслед за нашим учителем Ю. И. Смирновым считаем верно составленные указатели своеобразными ключами к исследованию мифологических смыслов той или иной темы [Смирнов 1988].

В связи с работой над томом русской сказочной прозы в рамках академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» эти вопросы становятся особенно актуальными. Том, на наш взгляд, призван не только представить интересные тексты, бытовавшие и еще частично бытующие на территории Сибири, но и показать традиционные устойчивые сюжеты и их эволюцию, а относительно мотивов – показать мировоззренческий аспект, лежащий в основе той или иной мифологической темы. Понятно, что при этом мы должны четко разграничивать сюжетный и мотивный уровни сказочной прозы.

В настоящей статье речь пойдет о мотивах. Цель статьи – показать опыт по составлению указателя мотивов сибирских быличек и поверий о мифическом хозяине крестьянского дома и подворья (далее – МХ).

В очередной раз повторимся, что всегда следуем определению этой единицы систематизации, данному в свое время А. Н. Веселовским, и считаем его единственно верным: «Под мотивом я разумею простейшую повествовательную единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения» [Веселовский 1940: 500]. Из этого вытекает, во-первых, что мотив – единица мировоззрения и единица повествовательная, во-вторых, смысловая (семантическая) неделимость мотива. Морфологическую же многосоставность мотива показал В. Я. Пропп [Пропп 1928]. Это блестяще прояснил в монографии «Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике» И. В. Силантьев [Силантьев 1999].

Обзор существующих подходов к классификации и систематизации мотивов и сюжетов мифологической прозы и теоретическое обоснование было сделано нами в монографии «Восточнославянские былички о змеях. Систематика. Исследование. Тексты» [Козлова 2006].

Составление указателя: принципы и их применение на практике

В связи с проблематикой статьи напомним ключевые моменты, на которые опирается наша систематизация мотивов:

- в указателе мотивов (далее – УМ) представлены мотивы той или иной *темы*;
- понятие мотива для темы и для сюжета одинаково;
- мотив – единство логической и семантической структур;
- как семантическая структура он включает в себе «единицу мировоззрения»;
- тема как совокупность мотивов показывает систему взглядов и мышления;
- мотив – абстрактное и отвлеченное от конкретного повествования понятие;

- показать «инвариантный» мотив темы не представляется возможным, возможно лишь показать его обобщенную схему;
- проблема показа вариативности мотива решается через показ вариативности его составных частей;
- варианты и версии составных частей (элементов) мотива можно расположить в относительной эволюционной последовательности, что покажет их историческую жизнь;
- благодаря списочной структуре, система открыта для введения нового материала;
- указатель – ключ к исследованию темы.

К проблемам, связанным с составлением УМ о домашнем духе, мы обращались в 2014 г. в рамках проекта Российского государственного научного фонда «Проблемы классификации и систематизации сюжетов и мотивов восточнославянских мифологических рассказов Сибири» (№ 14-04-00387а) [Козлова 2014].

Выбор темы как единицы классификации позволил внутри темы говорить и о домовом, и о дворовом, тем более что в поздних записях (XIX и XX вв.) эти персонажи слиты. Тема позволяет показать не только свойства МХ и его функции, но и отношения с человеком, причинно-следственные связи этих отношений.

Дополнительные сложности в систематизации создает живая традиция бытования поверий и быличек о МХ. Тем не менее УМ может продемонстрировать то, что уже «отстоялось» и приобрело устойчивость, и учесть все новообразования.

В составленном нами УМ выделено 16 мотивов. Показать каталог целиком (со всеми отсылками) в статье не представляется возможным (это более 200 страниц). Поэтому ниже после формулировки мотива покажем его детализацию с тем, чтобы обосновать принципы выделения, обозначения и содержания мотивов. Но прежде необходимо прояснить основные положения, которыми мы руководствовались, начиная систематизацию.

Создание УМ мифологической прозы лишь на первый взгляд может показаться делом не столь уж сложным. Однако сделать такой указатель непросто, так как для этого необходимы: 1) достаточный корпус текстов; 2) глубокое погружение в материал и опыт работы такого рода; 3) научная интуиция исследователя.

1) Достаточный корпус текстов. Принимаясь за составление УМ о «Мифическом хозяине крестьянского дома и подворья», мы таким корпусом располагали. Это, во-первых, тексты фольклорного архива Омского государственного педагогического университета, тексты фольклорного архива и фоноархива Красноярского государственного университета им. В. П. Астафьева, в том числе опубликованные в сборнике [МП 2011], тексты из сборника В. П. Зиновьева [Зиновьев 1987], публикации начала XX в. И. Я. Неклепаева [Неклепаев 1903] и К. Д. Логиновского [Логиновский 1904]. Получилось довольно внушительное (более 1000) количество, уже достаточное для построения системы. Оставшиеся «за кадром» мифологические собрания (Ишим и Тюмень, Улан-Удэ, Иркутск) как раз могут послужить проверкой того, насколько составленная система открыта и может впускать новый материал, без слома и пересмотра ее стержневой части.

2) Глубокое погружение в материал необходимо для создания системы, которая могла бы свободно включать в себя новое и располагать в соответствии с его свойствами.

По нашему убеждению, не нужно стараться объять необъятное и пытаться сразу составить указатели всей восточнославянской мифологической прозы, так как это чревато неизбежными ошибками, промахами, пропусками. Необходимо тщательно проработать сначала одну часть (тему, например, или персонаж), а потом переходить к другим. И только после того, как будут проработаны все части, можно увидеть, выделяются ли какие-либо общие закономерности.

3) Поскольку мотив – единица мировоззрения, то УМ призван раскрыть эти мировоззренческие аспекты (то есть показать набор смысловых единиц, раскрывающих народные представления в пределах темы). Казалось бы, теперь все просто: нужно на основе имеющегося материала выделить эти единицы – и указатель готов. Но это не так: здесь нужна интуиция исследователя. Это может показаться странным для специфики научной работы, где нужно опираться на факты, проверенные принципы, алгоритмы и тому подобные параметры. Но тем не менее это так. Мы предпринимали не одну попытку научить (хороших!) студентов, магистрантов и даже аспирантов такой работе, поручить ее некоторым коллегам, но попытки не принесли желаемых результатов.

Во-первых, недостаточно выделить тезисно основные положения темы (=мотивы), нужно еще правильно сформулировать эти положения так, чтобы они были емкими и логично вмещали материал, а в совокупности вобрали бы в себя все смысловое содержание темы.

Во-вторых, появляющиеся вновь какие-то дополнительные нюансы должны логично и легко войти в ту или иную выделенную форму.

В-третьих, мало определить состав мотивов. Нужно показать их историческую жизнь, то есть эволюцию представлений в пределах той или иной темы через варианты и версии. Существует мнение, что показать вариативность мотива невозможно, так как это приведет к «дурной бесконечности» [Рафаева 2006]. Это возможно, если мы будем пытаться учитывать все редакции мотива в целом (алломотивы). Но показать эволюцию представлений, заключенных в мотиве, можно через отображение трансформации его составных частей.

Структура мотива сопоставима со схемой предложения, то есть он состоит из субъекта действия, самого действия (предиката), дополнений, разного рода обстоятельств и мотивировок, может включать и объект действия. Однако не всякое предложение следует трактовать как мотив. Мотив обязательно заключает в себе мифологему¹.

Прежде чем приступить к рассмотрению наполнения УМ и принципов выделения каждого мотива, остановимся на общих для всего указателя положениях.

Главным действующим лицом в составленной нами системе является мифическое существо. Мы отталкиваемся от его действий и проявлений, так как мировоззренческий пласт обнаруживается именно в нем (хотя можно попытаться сделать зеркальный указатель – от действий человека, но эта попытка будет уже исследовательским экспериментом). Есть, правда, мотивы и в нашем УМ, где в пределах темы на первый план выходят действия человека (XI, XII, XIV, XVI).

Выделяя мотив, обозначаем его римской цифрой, арабская цифра, стоящая рядом с римской, призвана обозначать его элементы. Опыт подсказывает, что в УМ любой мифологической темы нужно ввести постоянные цифровые обозначения: 1 – мифическое существо (в данном случае МХ); 2 – человек; 3 – действие (предикат) (в формулировке одного мотива может быть только один предикат); 4, 5, 6 и т. д. – дополнения, обстоятельства, мотивировки. Закрепление этих постоянных обозначений морфологических частей мотива позволит избежать путаницы.

Вторая и следующие за ней арабские цифры, идущие за первой, римской (а также введенные при необходимости буквенные обозначения), покажут дальнейшую детализацию элемента мотива. В общей сложности нужно стараться, чтобы общее количество арабских цифр не превышало четыре, иначе детализация будет слишком расплывчатой. Такая списочная структура делает указатель открытым, в него легко войдет новый материал (если он будет появляться) на любом уровне (уровне самого мотива или его составных элементов и детализации этих элементов).

Уровень выделенных в УМ форм показан и характером оформления заголовков. **Мотив обозначается строчными полужирными буквами, что соответствует уровню римской цифры (I).**

Вопросы к составным частям мотива (или сами составные части): детализация действия, дополнения, мотивировки – **полужирным курсивом** (соответствует уровню первой арабской цифры (I.I)).

Версии составной части – **строчными светлыми подчеркнутыми буквами**, что соответствует уровню второй арабской цифры (I.I.I).

Детализация версии – строчные светлые буквы, соответствует уровню третьей арабской цифры (I.I.I.I).

Дальнейшая детализация – **светлый курсив**, может соответствовать или буквенному обозначению, или четвертой арабской цифре (I.I.I.Ia). Детализация с буквенным обозначением в некоторых случаях может быть и после второй арабской цифры. В этом случае она также обозначается курсивом.

Считается, что предикат не варьируется. Действительно, предикат может содержать только одно значение, которое является обобщением разных действий. Например: *МХ обитает* (мотив IV). Здесь все просто: варьируются дополнения (например, обстоятельство места): *где?* Чтобы раскрыть содержание мотива, нужно уметь правильно задать вопрос к его составным частям.

¹ Мы придерживаемся понятия «мифологема», обоснованного Т. Г. Ивановой [Иванова 2004].

Если мы хотим показать детализацию предиката, то задаем вопрос *каким образом?* Если предикат не дает ответов на этот вопрос, то детализации не будет, например, тот же предикат *обитает* (мотив IV) или *имеет* (мотивы I, II). Не будут иметь детализации предикаты в тех мотивах, которые можно назвать статичными (которые относятся к его образу, статусу, месту обитания и т. п.). Предикаты, обозначающие функции МХ, особенно те, которые связаны с человеком (или домашними животными, скотиной), будут детализироваться, а значит, можно показать их версии. В этом случае в формулировке мотива мы отражаем обобщенное содержание предиката. Например: *проявляет себя*, а затем показываем детализацию или разные способы этого проявления, задавая вопрос: *проявляет каким образом?* – *стучит, наваливается, шепчет* и т. п. Глаголы будут разные, так как и действия, по сути, разные, но все они сводятся именно к *проявлению* МХ (см., например, мотив V и др.).

Частные пояснения для удобства восприятия поместим после формулировки и показа детализации каждого мотива.

Мотив I

I. Мифический хозяин (хозяйка) (МХ) (1) имеет (3) особое название (4) и атрибуты (5).

I.4. Название какое?

- I.4.1. Избна суседка
- I.4.2. Скотска суседка
- I.4.3. Банна суседка
- I.4.4. Земляна суседка
- I.4.5. Домовая («домова») суседка (су(со)седушка)
- I.4.6. Домашняя су(со)седка (суседушка)
- I.4.7. Су(со)седушка-рассуседушка
- I.4.8. Су(со)седка, суседушка
- I.4.9. Буседка, буседушка
- I.4.10. Матушка-со(су)седушка, (со(су)седушка-матушка)
- I.4.11. Батюшка(ко)-су(со)седушка (су(со)седушка-батюшка)
- I.4.12. Дедушка-су(со)седушка
- I.4.13. Дедушка-медведушка
- I.4.14. Дедушка-батанушка (батанушко)
- I.4.15. Хозяин, Хозяин-батюшко
- I.4.16. Хозяйка
- I.4.17. Домовой
 - I.4.17a. Домовушка*
 - I.4.17б. Домовник, домовик*
- I.4.18. Домовиха
- I.4.19. Дворовый (дворовой)
- I.4.20. Домовой-дворовой
- I.4.21. Лизун
- I.4.22. Баскерка
- I.4.23. Домовой черт, нечистый, черт, бес

I.5. Атрибуты какие?

- I.5.1. Шапка-невидимка
- I.5.2. Гриб – суседкин табак (курит суседушка)
- I.5.3. Лошадка с бубенчиками, на которой выезжает в доме
- I.5.4. Плетка

Мотив II

II. Мифический хозяин (хозяйка) (МХ) (1) имеет (3) особое происхождение (4), статус (5) и пол (6).

II.4. Происхождение какое?

- II.4.1. Домовая змея
- II.4.2. Умерший предок

II.4.3. Особый дух (существо)

II.4.4. Падший ангел

II.4.5. МХ – змей, выпаренный из яйца петуха (см. тему – «Мифический помощник»)

II.4.6. Черт, нечистая сила

II.5. Статус какой?

II.5.1. Хозяин (хозяйка) дома (есть в каждом доме)

II.5.2. Скотска суседка (дворовой, домовый) – верховная хозяйка (хозяин) над скотиной

II.5.3. Домовой и банник – одно и то же

II.6. Пол (гендерная принадлежность)

II.6.1. Домовая (суседка) – она

II.6.2. Домовой – он

II.6.3. В доме – она (матушка-суседушка), во дворе, у скотины – он (дедушка-суседушка)

II.6.4. У коней МХ мужского рода, у коров – женского

II.6.5. Он и она – одно и то же существо. Может предстать и в мужском, и в женском облике

Мотивы I, II, (а также IV, см. ниже) просты по составу и семантике. Они относятся к разряду так называемых «статичных» (по определению А. Н. Веселовского) [Веселовский 1940]. В них содержатся указания на признаки, атрибуты и т. п. Такие статичные единицы С. Ю. Неклюдов предложил именовать «мотивами-образами» или «квази-мотивами» и говорить о них как о потенциальных мотивах [Неклюдов 1984: 225–227].

Если поначалу мы вообще не признавали такие конструкции мотивами, предлагая называть их «детальями» и «атрибутами», и считали, что они требуют иного принципа систематизации из-за отсутствия в них предиката [Козлова 2006], то работа над каталогизацией мотивов данной темы убедила нас в том, что предикат у них все же есть. И этот предикат – *имеет* (мотивы I, II). Предикат здесь неизменен. Детализация в мотивах I и II касается названий, атрибутов, происхождения, статуса и гендерной характеристики МХ.

Мотив III

III. МХ (I) имеет (может иметь) (3) особый облик (4), специфику в облике (5), невизуальное проявление (6) при определенных обстоятельствах (7) и в определенном месте (8).

III.4. Облик какой?

III.4.1. Антропоморфный

III.4.1.1. Хозяйки дома

III.4.1.2. Хозяина дома

III.4.1.3. Бывшего хозяина (хозяйки) дома

III.4.1.4. Родственника (родственницы)

III.4.1.5. Умершего родственника (родственницы) (предка)

III.4.1.6. Умершего родственника (родственницы) (не предка)

III.4.1.7. Умершего мужа

III.4.1.8. Старика

III.4.1.9. Мужчины

III.4.1.10. Молодого парня, «парнишки», мальчика

III.4.1.11. Женщины

III.4.1.11a. Женщины с ребенком

III.4.1.12. Ребенка

III.4.2. Зооморфный

III.4.2.1. Кота (кошки)

III.4.2.2. Собаки

III.4.2.3. Больше кота, меньше собаки

III.4.2.4. Ласки, горноста

III.4.2.5. Как кролик

III.4.2.6. Крота

III.4.2.6a. Животного, похожего на крота

III.4.2.7. Крысы

III.4.2.7a. Похож на крысу

III.4.2.8. Белочки

III.4.2.9. Зверька

III.4.2.10. Волка

III.4.2.11. Медведя (как медведь)

III.4.2.12. Козленка

III.4.2.13. Барана

III.4.13a. Похож на барана, но передние ноги – лапы, задние – копыта, маленькие рожки

III.4.3. Гибридный облик: антропо-зооморфный

III.4.3.1. Животного с человеческим лицом

III.4.3.1a. Кота с человеческим лицом

III.4.3.2. Животного с человеческими руками

III.4.3.2a. Крота с человеческими пальцами

III.4.3.2б. Зверька с человеческими руками

III.4.3.3. Животного с другими частями человеческого тела

III.4.3.3a. Сам как зверек, а член как у человека

III.4.4. Змееподобный

III.4.4.1. Змеи

III.4.5. Аморфный

III.4.5.1. Существа в белом, что-то белое (в белом)

III.4.5.1a. Белого прозрачного пятна

III.4.5.1б. Белого кома

III.4.5.2. Черного существа

III.4.5.2a. Кто-то черный (темный)

III.4.5.2б. Кто-то черный в синем тумане

III.4.5.3. Мохнатого клубка с человеческим лицом с красной жесткой короткой шерстью, без рук, без ног

III.4.5.3a. Клубка (что-то круглое)

III.4.5.4. Серого лохматого существа

III.4.5.5. Существа с красными глазами

III.4.5.6. Страшного существа

III.4.5.6a. Страшного существа с длинными волосами, лохматого, косматого, в шерсти

III.4.5.6б. Страшного существа с большими руками

III.4.5.6в. Страшного существа с большими зубами

III.4.5.7. Тени

III.4.5.8. Кого-то небольшого

III.4.5.9. Чего-то большого

III.4.5.10. Тумана

III.4.5.11. МХ невидим

III.5. Специфику в облике какую?

III.5.1. Специфика антропоморфного облика

III.5.1.1. Акцент белого цвета в облике

III.5.1.1a. Белая борода

III.5.1.1б. Белая одежда (весь в белом), белый (беленький)

III.5.1.1в. Белая рубаха

III.5.1.1г. Белый халат

III.5.1.1д. Белая кубанка

III.5.1.1е. Седой

III.5.1.1ж. Белые ножки

III.5.1.2. Акцент черного цвета в облике

III.5.1.2a. Черный человек, человек в черном

- III.5.1.2б. Черные руки*
- III.5.1.2в. Черная коса (у женщины), волосы*
- III.5.1.2г. Черные глаза*
- III.5.1.2д. Черная шапка*
- III.5.1.3. Акцент других цветов в облике
 - III.5.1.3а. Синяя рубаха («станушка»)*
 - III.5.1.3б. Серый цвет одежды*
- III.5.1.4. Высокий рост
- III.5.1.5. Маленький рост
- III.5.1.6. Мохнатый, хохлатый, взлохмаченный, волосатый, заросший, в шерсти
- III.5.1.7. Особые глаза
 - III.5.1.7а. Глаза блестящие (горят, сверкают, светятся)*
 - III.5.1.7б. Черные глаза*
 - III.5.1.7в. Красные глаза*
- III.5.1.8. Особое строение носа
 - III.5.1.8а. С длинным носом*
 - III.5.1.8б. Носик как у мыши*
- III.5.1.9. Большие длинные усы
- III.5.1.10. Особенное строение ушей
 - III.5.1.10а. Острые уши*
- III.5.1.11. Особенности рук
 - III.5.1.11а. Большие (большущие) руки*
 - III.5.1.11б. Волосатые руки*
 - III.5.1.11в. Черные руки*
 - III.5.1.11г. Маленькие, детские ручки*
- III.5.1.12. Особенности ног, обуви
 - III.5.1.12а. Босой*
 - III.5.1.12б. Белые ножки*
- III.5.1.13. Особенности в одежде
 - III.5.1.13а. В шубе, шапке*
 - III.5.1.13б. В фартуке*
 - III.5.1.13в. Шапка «фимочка»*
 - III.5.1.13г. Фуфаячка*
 - III.5.1.13д. В коротких штанишках на одной лямке*
 - III.5.1.13е. Левая пола вверх*
 - III.5.1.13ж. Как солдат (в солдатской форме)*
 - III.5.1.13з. В красной шапочке*
- III.5.1.14. Страшный человек
- III.5.1.15. Чистенький, приятный
- III.5.1.16. Красивый
- III.5.1.17. Легкий, невесомый
- III.5.1.18. Тяжелый
- III.5.2. Специфика зооморфного облика
 - III.5.2.1. Акцент белого цвета
 - III.5.2.1а. Крот белый*
 - III.5.2.1б. Козленочек беленький*
 - III.5.2.1в. Кот (кошка) белый*
 - III.5.2.1г. Собака белая*
 - III.5.2.2. Акцент черного цвета
 - III.5.2.2а. Черная кошка / черный кот*
 - III.5.2.2б. Черная собака*
 - III.5.2.2в. Черный зверек*
 - III.5.2.3. Акцент серого цвета
 - III.5.2.3а. Серый кот (кошка)*

- III.5.2.3б. Серая собака*
- III.5.2.3в. Козленочек серенький*
- III.5.2.4. Акцент других цветов
- III.5.2.5. Маленький рост
 - III.5.2.5а. Маленькой собачки*
 - III.5.2.5б. Маленький зверек*
 - III.5.2.5в. Маленькая белочка*
 - III.5.2.5г. Крот маленький*
- III.5.2.6. Большой рост
 - III.5.2.6а. Большой (огромный) кот*
 - III.5.2.6б. Большая собака*
- III.5.2.7. Огромные (горящие и т. п.) глаза
- III.5.2.8. Мягкая, пушистая шерсть
- III.5.2.9. Жесткая (колючая) шерсть
- III.5.2.10. Легкий, невесомый
- III.5.2.11. Тяжелый

III.6. Имеет невизуальное проявление

III.6.1. Звуковое проявление

- III.6.1.1. Звук цокающих копыт
 - III.6.1.1а. Идет «цоп-цоп»*
- III.6.1.2. Стук
 - III.6.1.2а. Стук в окно*
 - III.6.1.2б. Стук работающих веретена, прялки*
- III.6.1.3. Щелчки по всему дому
- III.6.1.4. Скрип половиц, звук шагов
- III.6.1.5. Стон, вой, плач
- III.6.1.6. Как будто тёс тянут
- III.6.1.7. Звук выстрела
- III.6.1.8. Как будто теленок жуёт сено
- III.6.1.9. Голос (слышат голос)
 - III.6.1.9а. Говорит определенные фразы*

III.6.2. Ощущение от прикосновения

- III.6.2.1. Человек чувствует прикосновение
- III.6.2.2. Ощущение тяжести, как будто кто-то душит (см. VI.3.2; VI.3.3; XIII.3.4)
- III.6.2.3. Прикосновение мягкого, пушистого
- III.6.2.4. Прикосновение голого
- III.6.2.5. Прикосновение теплого
- III.6.2.6. Прикосновение холодного
- III.6.2.7. Ощущение его дыхания
 - III.6.2.7а. Теплое дыхание*
 - III.6.2.7б. Холодное дыхание*

III.6.3. Исчезновение, появление сопровождается ветром

III.7. Обстоятельства проявления МХ

III.7.1. Когда человек в печали, тоске

- III.7.1а. Когда женщина тоскует об умершем муже*
- III.7.1б. Когда человек тоскует об умершем родственнике*

III.7.2. Когда хозяйка остается в доме одна

III.7.3. Когда муж на фронте

III.7.4. Когда проявляет любовь / нелюбовь к хозяевам (хозяйке) дома (см. мотив V)

III.7.5. Когда предупреждает об опасности (см. V.3.14)

III.7.6. Показывается добродетельному человеку (людям)

III.7.7. Просит погреться, так как у соседей черта поминают

III.7.8. Когда предсказывает будущее (см. мотив VI)

III.7.9. После (перед, во время) родов женщины

III.7.10. Когда просто шалит (см. мотив XIII)

III.7.11. Когда выживает хозяев из дома

III.7.12. Перед переездом в новый дом (на новое местожительство)

III.7.13. Когда ложится спать в первую ночь в купленном у других людей доме (просто в новом доме)

III.7.14. Когда гость ночует у хозяев, не спросив разрешения у МХ

III.7.15. Когда не взяли с собой на новое местожительство (см. XII.1.5)

III.7.16. Когда благодарит хозяев за оставленное ему угощение (см. X.1.3.3.2)

III.7.17. Когда МХ помогает по хозяйству (см. мотив VII)

III.7.18. Когда человек применяет определенные действия, чтобы увидеть МХ:

III.7.18.1. Смотрит в шубный рукав

III.7.18.2. Садится под борону (в хлеву) по совету знающего человека

III.7.18.3. Нарочно караулит, ждет появления МХ

III.7.18.4. Приходит от Христовой заутрени с зажженной свечой в дом – за иконами в переднем углу видит МХ

III.7.18.5. Сохраняет во рту частичку просфоры, данной во время причастия на Великий четверг, дома вынимает ее изо рта, заворачивает в тряпочку, хранит около себя. Во время Христовой заутрени входит в пустой дом, спускается в подполье – там видит МХ в его шапке-невидимке

III.7.18.6. Можно увидеть во время крестного хода [видимо, пасхального] вокруг церкви, так как снимает свою шапку-невидимку

III.8. Где, в каком месте МХ проявляет себя (сталкивается, взаимодействует с человеком)?

III.8.1. В пространстве дома (здесь отсылки делать не имеет смысла, так как это вытекает из большинства индексов Указателя)

III.8.2. В подполье (см. IV.4.1)

III.8.3. На чердаке дома (см. IV.4.2)

III.8.4. Во дворе, в пригоне, около скотины (см. IX.1.1)

III.8.5. Вне дома и подворья

III.8.5.1. Около церкви (во время крестного хода) (см. III.7.18б)

III.8.5.2. В окопе, на фронте, на посту (см. V.3.14.1)

III.8.5.3. В лесу

В мотиве III дело усложняется тем, что уже косвенно в действие (вернее, во взаимоотношения с МХ) вступает человек. В формулировке мотива он еще не обозначен (цифра 2), но, если в мотивах I и II признаки и свойства МХ значимы сами по себе, то в мотиве III они уже предполагают наличие человека, то есть МХ здесь не просто имеет то или иное свойство или обличие, а демонстрирует это перед человеком. Предикат *имеет* в смысловом отношении точнее было бы заменить на *предстает в образе* (как, собственно, формула дана в Указателе С. Г. Айвазян и О. Якимовой [Айвазян 1975]). Но в этом случае такую формулировку сложно было бы увязать с детализацией особенностей облика МХ, потребовался бы второй предикат, чего в мотиве быть не должно. А предикат *имеет* в данном случае оказался универсальным.

Структура мотива может включать разные элементы. Если сопоставить их с членами предложения, то они аналогичны дополнениям и обстоятельствам разного рода. В данном мотиве при неизменном предикате (*имеет*) дополнения (отвечают на вопрос *какой?*) показывают разные нюансы, связанные с обликом МХ. Поэтому их можно показать через версии и варианты. Показ детализации обстоятельств проявления МХ (III.7) демонстрирует такое свойство мотива, как способность косвенно вмещать дополнительные смыслы и уточнения, которые не могут войти в формулировку, но тем не менее присутствуют в нем (в его подтексте, если можно так сказать). В то же время некоторые обстоятельства проявления МХ и места, где это происходит, не просто перекликаются с индексами других мотивов, но и идентичны им. Показать их внутри мотива требует логика Указателя. Но в данном случае достаточно ограничиться отсылкой к соответствующему индексу, а не помещать сюда указания на сами источники (тексты).

Мотив IV

IV. MX (1) обитает (3) в определенном месте (4) крестьянского жилища или подворья.

IV.4. Где, в каком месте обитает MX?

IV.4.1. Подполье

IV.4.2. Чердак

IV.4.3. Печка

IV.4.3а. На печке

IV.4.3б. Под печкой

IV.4.3в. За печкой

IV.4.3г. В печурке

IV.4.3д. Под шестком

IV.4.4. Под порогом

IV.4.4а. Порог – дорога домового

IV.4.5. Баня

IV.4.6. Во дворе у скотины (см. IX.1.1)

Мотив V

V. MX (1) по-особому проявляет себя (3) по отношению к членам семьи, живущим в доме (2), по определенным причинам (4).

V.3. Проявляет себя каким образом?

V.3.1. Заплетает хозяйке косу (потому что V.4.1)

V.3.1а. Косу, заплетенную домовым, нельзя обрезать – заболеешь (будет болеть голова)

V.3.1б. Косу, заплетенную домовым, нельзя обрезать – умрешь

V.3.1в. Косу, заплетенную домовым, нельзя обрезать – случится несчастье

V.3.2. Путаёт (выдергивает) хозяйке волосы, дергает за волосы (потому что V.4.4)

V.3.3. Подпевает хозяевам дома, когда те поют (потому что V.4.1)

V.3.4. Домовой ложится к человеку (на человека) (потому что V.4.1; V.4.4)

V.3.5. Является человеку во сне (см. также VI.3.1)

V.3.6. Лезет к хозяйке (потому что V.4.1)

V.3.7. Оставляет на теле человека синяки, щиплет (потому что V.4.4)

V.3.8. Душит, давит (см. VI.3.3)

V.3.9. Подталкивает (толкает), (человек получает увечье) (потому что V.4.4)

V.3.10. Проявляет себя различными звуками (см. III.6) (потому что V.4.4; мотив VI; мотив XIII)

V.3.11. Учит молиться

V.3.12. Воет

V.3.13. Плачет (потому что V.4.2; мотив VI)

V.3.13а. С плачем произносит: «Да миленькие вы мои» (потому что V.4.2)

V.3.14. Будит человека

V.3.14а. Будит, когда во время войны уснула на посту

V.3.15. В хозяйстве все ладится (без явных проявлений MX) (потому что V.4.1)

V.3.16. Все плохо в доме и в хозяйстве (без явных проявлений MX) (см. V.4.4.7)

V.3.17. Хозяева будут болеть (без явных проявлений MX) (см. V.4.4.7)

V.4. По каким причинам проявляет себя тем или иным образом?

V.4.1. Любит хозяйку (хозяев), уважает (см. V.3.1; V.3.3; V.3.4; V.3.5; V.3.6; V.3.11; V.3.12)

V.4.1.1. Пытается вступить в любовные отношения

V.4.2. Жалеет хозяев (хозяйку, хозяина) (см. V.3.13; V.3.13а)

V.4.2.1. Жалеет, если знает о предстоящем несчастье

V.4.2.2. Жалеет перед раскулачиванием хозяев

V.4.3. Оказывает покровительство, благословляет (см. V.3.11)

V.4.4. МХ проявляет нелюбовь (наказывает) (хозяйку) человека, сердится по следующим причинам (см. V.3.2.; V.3.7; V.3.16.; V.3.17):

V.4.4.1. За грязь и беспорядок в доме

V.4.4.2. Если в семье, в доме плохо (нет согласия, мира в семье)

V.4.4.3. За то, что женщина «скинула» (сделала аборт) ребенка

V.4.4.3a. Хозяйку, у которой случился выкидыш, заставляет есть кровавые куски мяса

V.4.4.4. За пренебрежение к христианским святыням

V.4.4.4a. За то, что убрала иконы, так как муж – коммунист

V.4.4.5. За то, что смеются над МХ, не верят в его существование, неуважительно о нем отзываются, грозят ему, плохо к нему относятся

V.4.4.6. Если не любит хозяев (кого-либо из членов семьи) без причины

V.4.4.7. За то, что легли на порог (на его дорогу)

V.4.5. Спасает (см. V.3.14a)

V.4.6. Дает совет

В мотиве V при индексации его составных частей (элементов мотива) мы в отдельных случаях не отрывали дополнения от предиката, а обозначали его той же цифрой (с вариациями), что и предикат. Это целесообразно делать, если дополнения очень близки по семантике с предикатом, как в данном мотиве, поскольку в мотиве главное – семантика, смысловое наполнение.

Поэтому в мотиве V цифрой 3 мы обозначили предикат вместе с дополнением: *проявляет себя*, поскольку весь смысл мотива сводится именно к проявлению МХ по отношению к членам семьи. Здесь один предикат *проявляет* не имеет нужного смысла в отрыве от дополнения *себя*. А далее задаем предикативный вопрос (вопрос к обстоятельству образа действия): *проявляет себя каким образом?* и введением второй арабской цифры 3.1, 3.2 и т. д. показываем детализацию действия. Арабской цифрой 4 обозначаем причины (4.1, 4.2 и т. д.), побудившие МХ проявлять себя. То есть мотив показывает не только, *как* МХ себя проявляет по отношению к человеку, но и *почему*. Можно легко показать причинно-следственные связи путем перекрестных отсылок к индексам и не повторять лишний раз ссылки на источники (хотя последнее нужно проверить опытным путем).

Мотив VI

VI. МХ (1) предсказывает (3) будущее событие (4) для человека (2)

VI.3. Предсказывает каким образом?

VI.3.1. Является во сне, сообщает о том или ином событии во сне

VI.3.2. Наваливается на спящего хозяина (хозяйку)

VI.3.3. Душит, давит

VI.3.3.1. Если давит (душит) (наваливается), нужно спросить: «К худу или к добру?» (форма поверья или информации о событии)

VI.3.3.1a. Душит и на вопрос «К худу или к добру?», если к худу, отвечает: «К ху-у-у», «К худу» («Ххух», «Пфу», «Фъ-ють» и проч.)

VI.3.3.1б. Душит, давит и на вопрос «К худу или к добру?», если к худу – дует холодным ветром (ледяным дыханием)

VI.3.3.1в. Душит, давит и на вопрос «К худу или к добру?», если к добру или к худу – так и скажет

VI.3.3.1г. Душит, давит и на вопрос «К худу или к добру?», если к добру – подует теплым ветром (дыханием)

VI.3.3.1д. Душит, давит и на вопрос «К худу или к добру?» называет конкретно то, что случится

VI.3.3.2. Душит, давит (без сопутствующего вопроса)

VI.3.3.2a. Если душит, наваливается теплым (без наличия соответствующего вопроса), то к добру

VI.3.3.2б. Если душит, наваливается мягким, пушистым, шерстяным, то к добру

VI.3.3.2в. Если душит, наваливается холодным, то к худу

VI.3.3.2г. Если душит – это не домовый, а кровь «давит» (кровь дурная, кровь оставливается, кровь в человеке работает)

VI.3.3.3. Душит, давит где?

VI.3.3.3а. В доме

VI.3.3.3б. В поле, на пашне

VI.3.3.3в. В окопе на фронте

VI.3.4. Стучит в окно (см. III.6.1.2а)

VI.3.4а. После стука в окно человек задает вопрос – МХ прямо отвечает

VI.3.5. «Стреляет» (см. III.6.1.7)

VI.3.6. Тянет одеяло, подстилку

VI.3.7. Плачет (см. III.6.1.5)

VI.3.8. Воет (см. III.6.1.5)

VI.3.9. Окликает, зовет по имени, что-то произносит (см. III.6.1.9)

VI.3.10. Ходит по дому (см. III.6.1.4) и сыпет просо или горох на пол

VI.3.11. Щелкает по всему дому (см. III.6.1.3)

VI.3.12. На чердаке как будто тёс тянут (см. III.6.1.6)

VI.3.13. Ломает лучину и уходит

VI.3.14. Подходит и гладит

VI.3.15. Заходит в дом и вступает в диалог с человеком

VI.3.16. Создает тот или иной зрительный образ, по которому человек уже сам определяет, к худу или к добру

VI.4. Какое будущее событие предсказывает?

VI.4.1. Предсказывает грядущее несчастье в семье

VI.4.1.1. Смерть

VI.4.1.1а. Смерть хозяина (хозяйки) дома

VI.4.1.1б. Смерть кого-либо из членов семьи

VI.4.1.1в. Смерть не родственника

VI.4.1.1г. Смерть на войне (похоронку)

VI.4.1.2. Болезнь

VI.4.1.2а. Болезнь самого участника событий

VI.4.1.2б. Болезнь близкого человека (кого-либо из членов семьи)

VI.4.1.3. Увечье на войне (самому человеку)

VI.4.1.4. Гибель, пропажу скотины

VI.4.1.5. Выселение (выезд) из дома (воспринимаемый негативно)

VI.4.1.6. Арест по репрессии

VI.4.1.7. Бытовые неурядицы

VI.4.1.8. Разорение хозяина

VI.4.1.9. Просто несчастье в семье, без уточнения какое

VI.4.2. Предсказывает радостное событие

VI.4.2.1. Отел скотины

VI.4.2.2. Покупку хорошей коровы (др. скотины)

VI.4.2.3. Возвращение родственника

VI.4.2.4. Предвещает переезд в новый дом

VI.4.2.5. Замужество

VI.4.3. Предсказывает грядущие события государственного (общественного) значения

VI.4.3.1. Войну

VI.2. После встречи с МХ и пережитого страха человек заболевает

В мотиве VI отражена одна из важнейших функций МХ – предсказывать будущее. Мы выделили эту функцию в отдельный мотив несмотря на то, что предсказывание будущего – одна из причин проявления домового. Но необходимость детализации всех семантических нюансов создала потребность выделить это в отдельный мотив (к чему мы пришли опытным путем, работая с конкретными текстами быличек и поверий).

Предикат здесь детализируется при помощи вопроса обстоятельства действия (*предсказывает каким образом?*). Детализация показывается вторыми арабскими цифрами (3.1, 3.2 и т. д.) и буквенными обозначениями (*VI.3.3.1a* и т. п.). На вопросы *что?* или *какое событие?* отвечают дополнения, которые тоже детализируются через версии. Так же используются перекрестные отсылки.

Обратим внимание на то, что после индекса VI.4.3 вводится индекс VI.2. Арабская цифра 2 показывает здесь связь индекса уже не с МХ, а с человеком, который в мотиве всегда обозначен этой цифрой.

Мотив VII

VII. МХ (1) ведет домашнее хозяйство (помогает по хозяйству) (3) вместе с человеком (2).

VII.3. Помогает по хозяйству каким образом?

VII.3.1. Будит по утрам

VII.3.2. Предупреждает об отеле коровы (см. VI.4.2.1)

VII.3.3. Прядет ночью (см. III.6.1.2б)

VII.3.4. Помогает в бытовых делах

VII.3.5. Подсказывает, направляет на определенное действие

VII.3.6. Извещает, чтобы ночью долго не сидела за прялкой

VII.3.7. Просто жить помогает

VII.3.8. Кто верит в домового – хорошо живет

Мотив VII достаточно прост, его формулировка и детализация не нуждаются в объяснении. Здесь всего один вопрос обстоятельства образа действия: *помогает каким образом?*

Мотив VIII

VIII. МХ (1) проявляет особое отношение (3) к кошке, собаке (4) и домашней птице (5).

VIII.4. Отношения МХ с кошкой и собакой

VIII.4.1. Котенок (кот, кошка) видит МХ

VIII.4.2. Собака не обращает внимания на появление МХ

VIII.4.3. Собака лает на МХ

VIII.4.4. Цвет шерсти кошки и собаки должен соответствовать масти скотины (см. IX.5.1)

VIII.4.5. Если кошка и собака худеют и сохнут – не ко двору (не любит МХ)

VIII.4.5a. Если кошка или собака МХ не ко двору, они погибают

VIII.5. Отношения МХ с домашней птицей

VIII.5. Может мучить кур в курятнике или когда их на зиму помещают в пространство под печкой

VIII.5.1. Защитить кур от МХ можно следующим образом:

VIII.5.1.1. Чтобы МХ не мучил, пекут маленькие «караваешки» (булочки) черного хлеба, натыкают их на лучину и помещают за маткой под печкой так, чтобы никто из живности не смог достать, и следят, исчезнет хлеб или нет. Если не исчез – МХ не принял

VIII.5.1.2. Тогда черный хлеб заменяют на белый и так же следят

VIII.5.1.3. Если не помогает – привязывают к ногам кур барсучью («карсучью») шерсть

VIII.5.1.4. Бросают в курятник ножик, чтобы суседка обрезала себе лапы (если мучает кур)

VIII.5.1.5. Курицу, которую «вертит» суседка, сажают на печную заслонку и тихонько стегают ее помелом или трясут помелом над ней. Затем отрезают от этого помела «елочки» веника и кусочек ткани, которым помело скреплено. Все это кладут в ковш с углями и этим дымом подкуривают «верченую» курицу

VIII.5.1.6. Окуривают курицу в первом дыму, когда только что затопится печь, держа ее на руках на шестке

VIII.5.1.7. Вешают в курятник «куриного бога» (камешек с дыркой в середине)

VIII.5.1.8. В Спиридонов день (12 декабря по ст. ст.) сядят под кадку – суседка не тронет до следующего Спиридонова дня

VIII.5.2. Не любит, когда люди спят в «стайке» с курами

В мотиве VIII, так же как и в мотиве V, предикат семантически тесно связан с дополнением (*проявляет особое отношение*). Поэтому цифрой предиката мы обозначаем все словосочетание (3), но детализируем здесь дополнения (4, 5). Интересно, что материал мифологических рассказов часто не дает конкретного действия самого МХ по отношению к кошкам, собакам, домашней птице. Это проявляется через необычное поведение последних. Поэтому мы и не выделили здесь вопрос обстоятельства действия (*каким образом проявляет?*).

Мотив IX

IX. МХ (1) проявляет особое отношение (3) к домашней скотине, лошадям, в связи с определенными обстоятельствами (причинами) (4, 5 и т. д.)

IX.1. Скотска суседка – верховная хозяйка над скотиной (см. II.5.2)

IX.1.1. МХ просто видят (он показывается) у скотины (на скотине)

IX.3. Проявляет каким образом и какое отношение?

IX.3.1. МХ заботится о конях и домашней скотине (любит)

IX.3.1.1. Поит, дает корм лошадям (скотине)

IX.3.1.2. Похищает корм для своей скотины в чужих «загородах»

IX.3.1.3. Плетет в гриве косы лошадям

IX.3.1.3a. Плетет косу в хвосте

IX.3.1.3б. Если отрезать косу – лошадь заболит или пропадет, будет сохнуть

IX.3.1.4. Чешет, моет, гладит, чистит и т. п.

IX.3.1.5. Дерется с чужим домовым, вредящим хозяйской скотине (см. XV 3.3.1)

IX.3.1.6. Следит за скотиной на зимнем постое

IX.3.1.7. Помогает в уходе за колхозными телятами, когда телятница зовет его с собой на ферму

IX.3.1.8. Если любит скотину – она гладкая, чистая, спокойная

IX.3.2. Плачет (воет) по умершей скотине

IX.3.3. МХ вредит скотине (не любит)

IX.3.3.1. Отнимает корм у скотины, не дает корм нелюбимой скотине (коню)

IX.3.3.2. Гоняет – она потная, чахнет

IX.3.3.2a. Скотина, которую не любит домовый, стоит утром потная (вся в мыле) (без уточнения, что он ее гоняет)

IX.3.3.3. Грызет кости скотине

IX.3.3.4. Путает гриву (хвост)

IX.3.3.5. Губит скотину (домашних животных)

IX.3.3.5a. Забирает себе – она гибнет (сообщает, что заберет)

IX.3.3.6. У овец, которых не любит домовый, нет шерсти

IX.3.3.7. Выдаивает корову

IX.3.3.8. Если не любит (не ко двору) – скотина сохнет, чахнет, худеет

IX.3.3.9. Хозяйскую скотину мучает чужой домовый

IX.4. Причины негативного отношения МХ к скотине

IX.4.1. Зол (по какой-либо причине или без причины) на хозяина или вообще рассержен

IX.4.2. Хозяева называли МХ чертом

IX.4.3. Хозяин глупо «пошутил»

IX.4.4. Не нравится масть скотины (коня)

IX.5. МХ по-особому относится к масти домашней скотины

IX.5.1. Вся скотина (и домашние животные) в доме должна быть одной масти

IX.5.2. МХ не любит определенную масть

IX.5.2a. Не любит белую масть

IX.5.2б. Не любит вороную (черную) масть

IX.5.2в. Не любит красную масть

IX.5.3. МХ любит определенную масть

IX.5.3а. Любит пегую

IX.5.3б. Любит гнедую

IX.5.3в. Любит серую

IX.5.4. МХ заказывает желательную масть лошади (говорит о том, какую масть хотел бы иметь)

Мотив IX также раскрывает *проявления особого отношения* (3) МХ, но уже к домашней скотине. Мы не стали объединять это с предыдущим мотивом, так как отношение к лошадям (коровам) требует большой детализации и развернутого показа причинно-следственных связей. И здесь введение вопроса обстоятельства действия (*каким образом проявляет?*) уже уместен. Возможно, это происходит потому, что в данном случае переплетаются функции двух персонажей («домова суседка» и «скотска суседка» или «домовой» и «дворовый»). Так как проявления МХ к скотине четко полярны (то есть проявление плохого и хорошего отношения совершенно разные), то стало возможным сразу разграничить их по этому признаку (вернее, объединить само проявление с причиной, что отражено в вопросах *каким образом?* и *какое?*), не выделяя причину в отдельный элемент (IX.3.1 и IX.3.3). Мотив потребовал указания на причины негативного отношения МХ к скотине в целом (4) и к ее масти (5).

Проявление взаимосвязи МХ с домашней скотиной не сводится только к «любит / не любит». Потребовалось дать указание на статус персонажа при этом. Здесь и сыграла свою роль постоянная цифра обозначения в мотиве мифического существа = субъекта действия (1). И этот элемент мотива мы обозначили первой арабской цифрой (IX.1). Из статуса же вытекает и то обстоятельство, когда МХ просто видят у скотины (без прояснения причинно-следственных связей) (IX.1.1).

Мотив X

X. Человек (2) заботится (3) о своем МХ (1) по определенной причине (4).

X.2. Человек исполняет (должен исполнять) желание МХ (см. IX.5.4)

X.3. Заботится каким образом?

X.3.1. Хозяйка вяжет рукавички для МХ

X.3.2. Забрасывают на крышу (чердак), где обитает МХ, на ночь тулуп

X.3.3. МХ готовят угощение

X.3.3.1. Угощение какое?

X.3.3.1а. Квашню

X.3.3.1б. Булочки («хлебушко», колобочки, шанежки) из остатков квашни

X.3.3.1в. Пекут хлебец и посыпают солью

X.3.3.1г. Лепешечку

X.3.3.1д. Хлеб-соль

X.3.3.1е. Хлеб, кусочек хлеба, два кусочка хлеба

X.3.3.1ж. Остатки еды

X.3.3.1з. Любую еду

X.3.3.1и. Столовый прибор – чашку, ложку, вилку, нож (острые предметы, что не характерно для домашнего – Н. К.)

X.3.3.1к. Последний блин

X.3.3.1л. Характер угощения не уточнен

X.3.3.2. Оставляют угощение для МХ в определенном месте

X.3.3.2а. В подполье, погребе под матицей

X.3.3.2б. В печурке

X.3.3.2в. На столе

X.3.3.2г. Под святым углом

X.3.3.2д. На подоконнике

X.3.3.2е. На чердаке

X.3.3.2ж. Во дворе у скотины

- Х.3.3.2з. В хлев – овечкам*
- Х.3.3.2и. Под матицу в «загородах»*
- Х.3.3.2к. На матицу хлева*
- Х.3.3.2л. На изгородь у хлева*
- Х.3.3.2м. На колоду в хлеву*
- Х.3.3.3. Оставляют угощение для МХ в определенный день*
 - Х.3.3.3а. На Крещение*
 - Х.3.3.3б. В самом начале поста (несут заговлять)*
 - Х.3.3.3в. В Великий четверг перед Пасхой*
 - Х.3.3.3г. На Пасху (накануне)*
 - Х.3.3.3д. В день переезда на новое местожительство (см. XII.3.5.1.4)*
 - Х.3.3.3е. При постройке нового дома*
 - Х.3.3.3ж. В любой день*
 - Х.3.3.3з. Каждый вечер*
 - Х.3.3.3и. Один раз в год*
- Х.1.3.3. Реакция МХ на угощение*
 - Х.1.3.3.1. Если МХ не оставили угощение, то он реагирует определенным образом:*
 - Х.1.3.3.1а. Воеет, стонет, плачет*
 - Х.1.3.3.1б. Шалит, не дает покоя*
 - Х.1.3.3.1в. Не будет вестись хозяйство, все будет плохо в доме*
 - Х.1.3.3.2. МХ благодарит за угощение*
 - Х.1.3.3.2а. Произносит: «Живите, здравствуйте, хозяин с хозяйкой»*
- Х.4. Человек проявляет заботу о МХ по какой причине?***
 - Х.4.1. Просто должен относиться уважительно к МХ и заботиться о нем*
 - Х.4.2. Чтобы МХ заботился о скотине и не мучал ее*
 - Х.4.3. Чтобы МХ заботился о благополучии семьи*

Мотив Х в теме оказался связанным уже не с мифическим существом, а с человеком, который выступает здесь субъектом действия (2). Но цифра 2 фигурирует только в иллюстрации первого элемента мотива (Х.2). Далее мы опять задаем вопрос к предикату (*заботится каким образом?*) (Х.3) и показываем детализацию этого предиката, который в данном случае относится уже к человеку, а не к МХ. Так как версии заботы человека о МХ не соотносятся четко с причинно-следственными связями, а являются большей частью универсальными, то показываем их все (Х.3.1 – Х.3.3.3). Главным в заботе человека о МХ является, как показало составление мотива, приготовление угощения (Х.3.3). Версия подробно расписывается с учетом нюансов и обстоятельств этого вида действия (какое угощение, место, время и реакция МХ). И, наконец, индекс Х.4 обозначает элемент мотива, говорящий о причине заботы о МХ.

Может вызвать удивление, что в данном мотиве нарушена хронологическая последовательность: после индекса Х.3.3 возникает индекс Х.1.3.3. Но в последовательности индексов, обозначенных первыми арабскими цифрами, не нужно видеть хронологии, так как она всегда указывает на элемент мотива, а логика расположения этих элементов может быть разной (см. такой же принцип индексации в мотиве VI).

Здесь, например, после показа нюансов, связанных с угощением домового (Х.3.3.1 – Х.3.3.3), важно показать реакцию МХ на угощение. А раз речь идет уже не о человеке, а о мифическом существе, то мы и вводим в самом начале его постоянный индекс в мотиве (1). Но при этом сохраняем связь с оставлением угощения (3.3). В итоге получаем Х.1.3.3. Четвертая арабская цифра здесь показывает разницу в реакции МХ.

Мотив XI

XI. Человек (2) просит (3) МХ (1) заботиться (3) о скотине (4) и о своей семье (5) при определенных условиях (когда?) (6).

XI.4. Формулы обращения к МХ с просьбой о скотине:

XI.4.1. Матушка-соседушка (и др. названия), вот тебе хлеб да соль (или то, что конкретно подносят), полюби (пой, корми, заботься, береги) нашу скотинушку

XI.4.2. Матушка-соседушка (и др. названия), прими нашу скотину

XI.4.3. Соседушка мой (и др. названия), прими меня, чтобы у меня велись коровки и теляточки, и курочки, и гусочки (и т. п.)

XI.4.4. Домовой, домовой (и др. названия), люби меня и мою скотину

XI.4.5. Дедушка-соседушка (и др. названия), вот тебе хлеба-соли, заговей, пой, корми мою скотинушку

XI.5. Формулы обращения к домовому о своем благополучии:

XI.5.1. Дедушка-соседушка (и др. названия), вот тебе хлеб-соль, а нам дай здоровья

XI.5.2. Домовой-дворовой (и др. названия), тебе питание

XI.6. При каких условиях, обстоятельствах (когда)?

XI.6.1. Когда переходят в новый дом и переводят скотину (см. мотив XII)

XI.6.2. Когда приводят во двор вновь приобретенную скотину

XI.6.3. Когда хотят, чтобы МХ перестал мучить скотину (или проявлял излишнюю заботливость)

XI.6.4. Когда скотину ставят на зиму

XI.6.5. В особые календарные праздники (см. X.3.3.3а – X.3.3.3г)

XI.6.6. Когда оставляют угощение (см. X.3.3)

XI.6.7. Когда хотят, чтобы МХ заботился о благополучии семьи (см. X.4.3)

Мотив XI также связан с действиями человека, а не МХ. Он включает формулы обращения к домовому. При показе формул обращения к домовому мы постарались их предельно типизировать, то есть выделять типичное в формуле. Например, одно дело назвать просто «люби, корми, заботься» и проч., а другое – «прими» (подразумевается забота о новой скотине или новое место) или «заговей» (подразумевается пасхальное подношение). Если идти по пути перечисления многочисленных редакций формул, то это породит уже упомянутую «дурную бесконечность».

Показ обстоятельств обращения к МХ в этом мотиве может предусматривать отсылки к подобным индексам, без заполнения здесь ссылок на тексты.

Мотив XII

XII. Человек (2) обеспечивает (3) свою семью покровительством МХ (1) при постройке (4) нового дома и при переезде (5) в новый дом.

XII.3.2. Человек обеспечивает благополучие семьи и дома без обстоятельств постройки и переезда каким образом?

XII.3.2.1. Идти под Пасху на перекресток дорог, взять там ведро земли и потом все осыпать землей, чтобы скотина велась и все росло

XII.3.2.2. Если человек поселился на хорошем месте – все в доме будет хорошо и скотина будет вестись (и наоборот)

XII.3.4. Человек обеспечивает покровительство МХ при постройке нового дома каким образом?

XII.3.4.1. Совершает ритуальные действия при постройке нового дома:

XII.3.4.1.1. При постройке нового дома в пазы продольных бревен первого венца кладут монеты (богатые – серебро, бедные – медь) (вместе с камешками)

XII.3.4.1.2. При постройке нового дома в пазы скрепления бревен кладут кусочки хлеба (вместе с монетами и камешками)

XII.3.4.1.3. Сооружают место для обитания МХ:

XII.3.4.1.3а. В переднем углу (при закладке первого венца) ставят маленькую цельную с корнем кедринку. При наложении последующих венцов и настилке пола кедринка оказывается в переднем углу подполья – это и есть место обитания МХ

XII.3.4.2. Обращаются к МХ с приглашением (см. XII.3.5.2)

ХП.3.5. Человек обеспечивает покровительство МХ при переезде в новый дом каким образом?

ХП.3.5.1. Совершает ритуальные действия при переезде в новый дом:

ХП.3.5.1.1. В старом доме открывают подпол («западню») и зовут

ХП.3.5.1.1а. Открывают подпол в старом и новом домах и зовут

ХП.3.5.1.1б. В новом доме кладут специально испеченный хлеб в подполье и проносят формулу обращения к домовому

ХП.3.5.1.2. В старом доме ставят лапоть под печку

ХП.3.5.1.3. В старом доме заматают веником со всех углов дома

ХП.3.5.1.4. Готовят угощение МХ при переезде и приглашают в новый дом

ХП.3.5.1.5. Берут квашню и зовут

ХП.3.5.1.6. Берут хлеб-соль (встают левой ногой на порог) и зовут

ХП.3.5.1.7. Обходит хозяин все сараи, дом и зовет

ХП.3.5.1.8. В старом доме наливают рюмку водки, ее уносят в новый дом, ставят в печурку, кладут лепешку и приглашают

ХП.3.5.2. Что при этом говорят? (Формулы приглашения МХ в новый дом)

ХП.3.5.2.1. После называния МХ (соседушка, домовый-домовой и т. п. (см. I.1)) следует повелительная формула: «Пойдем («айда») (иди) (поедем) со мной» и проч.

ХП.3.5.2.2. К предыдущим словам добавляют, зачем (например: хлеб-соль есть, вместе (с нами) жить, вместе хозяйничать и т. п.)

ХП.3.5.2.3. После формулы (ХП.3.5.2.1) добавляется: «Я пойду дорогой – ты стороной»

ХП.3.5.2.4. К формуле добавляется упоминание нового местожительства: «Пойдем с нами в другой дом (квартиру, на новую квартиру, в новый дом, пошли домой и т. п.)

ХП.3.5.2.5. Оповещают МХ о переезде, например: «Хозяин, и мы уезжаем, и поедем с нами, здесь мы тебя не оставим»

ХП.3.5.2.6. Приглашение в непосредственное место обитания в новом доме, например: «Вот тебе, мать-соседушка, теплый дом и мохнатый кедр», «Домовой, домовой, айда, место занимай» и проч.

ХП.3.5.2.7. Формула просьбы МХ о помощи в хозяйстве и благополучии на новом месте (см. мотив XI)

ХП.1.5. Что случится / произойдет, если не позвать МХ с собой?

ХП.1.5.1 МХ плачет, стонет в старом доме

ХП.1.5.2. МХ снится хозяину

ХП.1.5.2а. Снится и упрекает в том, что не взяли его

ХП.1.5.3. МХ душит хозяина (хозяйку) каждую ночь

ХП.1.5.4. Корова постоянно будет реветь на новом месте и сохнуть

ХП.1.5.5. Оставленный старым хозяином дома МХ дерется с домовым нового хозяина

ХП.1.5.6. Оставленный МХ разоряет хозяина (хозяйство приходит в упадок)

ХП.1.5.7. Если не позвать – плохо в доме будет

ХП.1.5.8. Если не позвать – болеть хозяева будут

ХП.1.5.9. Кони не будут вестись

МХ и обстоятельства, связанные с постройкой нового дома или переездом в него, – одни из важных в теме. В мотиве XII пришлось в индексе детализации предиката (3) объединить цифры, обозначающие само действие (3) и обстоятельства (4, 5). Можно, конечно, ввести обозначения 3.1 – что делает и 3.2 – что говорят, а цифры 4 и 5 ввести в индексы обстоятельств (при каких обстоятельствах). Их тогда будет только две: 4 и 5. Но придется вводить везде в формах детализации предиката (3.1 и 3.2) перекрестные отсылки к индексам обстоятельств (4 и 5) и наоборот. Хотя это и сохранит общую логику составления указателя, но будет излишне его загромождать и затруднять цельное восприятие версии мотива. А при принятой нами индексации в этом мотиве будет сразу видно, что человек делает при строительстве нового дома, а что при переезде в него.

Как и в мотиве X, в мотиве XII появилась необходимость показать реакцию МХ на действия человека. И мы опять вводим первую арабскую цифру вне хронологии, а подчиняясь семантической логике мотива. Так как нам важна реакция МХ на действия человека при переезде в новый дом, то мы оставляем в обозначении и цифру 5. Получается: XII.1.5. Третья арабская цифра здесь показывает разницу в реакции МХ.

Так как мы объединили два индекса в один (XII.3.4 – обеспечивает благополучие при постройке дома и XII.3.5 – при переезде в новый дом; вопросы соответственно *каким образом?* и *при каких обстоятельствах?*), то у нас сбивается система графического обозначения элементов мотива (см. выше). Здесь на одном уровне оказались первая и вторая арабские цифры (XII.3.4). И этот уровень оказался выделен полужирным курсивом. Соответственно, подчеркнутый обычный шрифт применен к уровню третьей арабской цифры (XII.3.4.1), а его детализация – обычный шрифт без подчеркивания – соответствует четвертой арабской цифре. То же и в элементе (XII.3.5).

Мотив XIII

XIII. МХ (1) (ночью) в доме шалит (3).

XIII.3. Шалит каким образом?

XIII.3.1. Тянет одеяло

XIII.3.2. Окликает (по имени)

XIII.3.2a. Окликает какой-то фразой

XIII.3.3. Хватает за ноги

XIII.3.4. Душит (давит) человека (без предсказания)

XIII.3.4a. Душит, отвечая на вопрос: к худу или к добру (вне предсказания – просто в шутку («худу – так к худу, к добру – так к добру»))

XIII.3.5. Чешет хозяйке горб, спине

XIII.3.6. Путает волосы (косу) хозяйке дома без видимой причины

XIII.3.6a. Не домовой заплел, а сама неряха – не чесалась

XIII.3.7. Щиплет, оставляет синяки (синявки) без причины

XIII.3.8. Просто лезет ночью к хозяйке

XIII.3.8a. Ложится в кровать к хозяйке

XIII.3.9. Сталкивает человека на пол с кровати

XIII.3.10. Прядет

XIII.3.11. Прячет вещи от хозяев

XIII.3.12. Бьет по голове

XIII.3.13. Проявляет себя разными звуками (см. III.6.1)

XIII.3.14. Портит имущество

XIII.3.15. Смеется над своими же шалостями

Мотив XIII достаточно простой. Он, с одной стороны, переключается с мотивом III, так как подразумевает то или иное проявление МХ (поэтому можно отдельные индексы не заполнять сведениями об источниках, а сделать соответствующие отсылки к элементам мотива III). Но важно выделить этот мотив отдельно, так как он раскрывает еще одну частотную функцию МХ – его беспричинные шалости.

Мотив XIV

XIV. Человек (2) пытается защититься (защищается) (3) от козней МХ (1).

XIV.3. Защищается каким образом?

XIV.3.1. Матом

XIV.3.2. Христианскими оберегами

XIV.3.2a. Крестом и молитвой

XIV.3.2б. Упоминанием Бога («Господи!»)

XIV.3.2в. Христианские обереги не помогают

XIV.3.3. Физической силой

XIV.3.3а. Увидев, как гоняет скотину – ударить кнутом

XIV.3.3б. Сбросить с себя, оттолкнуть

XIV.3.3в. Схватить, если видишь

XIV.3.4. Зажечь свет

XIV.3.5. Вешают сороку в хлев (будет на ней кататься?)

XIV.3.6. Чтобы не прят домовой – прялку на ночь нужно оставлять благословясь

XIV.3.7. Домовой не выносит упоминания черта

XIV.3.8. Домовой исчезает, когда человек просто кричит от страха

XIV.3.9. Домовой исчезает, когда появляется кто-то посторонний

XIV.3.10. Домового угощают специальной выпечкой (см. X.3.3)

XIV.3.11. Просто хозяин дома зовет его с собой на ночное дежурство

XIV.3.12. Люди меняют местожительство

XIV.3.13. От домового ничем защититься нельзя («это божье»)

Мотив XIV семантически связан с мотивом XIII (ответ человека на козни МХ).

Мотив XV

XV. МХ (1) может вступать в общение (общаться) (3) с другими мифическими существами (4).

XV.3. Общается каким образом?

XV.3.1. Связан родственными или дружескими узами с другими духами (см. XV.4.2; XV.4.2.1; XV.4.2.2; XV.4.3; XV.4.3.1; XV.4.4; XV.4.4.1)

XV.3.2. Находится во враждебных отношениях с другими духами (см. XV.4.1.1; XV.4.1.2)

XV.3.3. Вступает в драку с другими мифическими существами

XV.3.3.1. Когда соседский домовый отбирает корм у хозяйской скотины, гоняет ее

XV.3.3.2. Когда старые хозяева оставили своего домового в доме, куда позвали новые хозяева своего домового (см. XII.1.5.5)

XV.3.4. Домовые могут собираться вместе в одном из домов, шуметь

XV.4. С какими мифическими существами вступает в общение / общается?

XV.4.1. Другим домовым

XV.4.1.1. Соседским домовым

XV.4.1.2. Домовым, которого не позвал с собой старый хозяин (см. XII.1.5.5)

XV.4.2. Полевым духом

XV.4.2.1. Полевахой

XV.4.2.2. Полевой змеей

XV.4.3. Межевым духом

XV.4.3.1. Межевой змеей

XV.4.4. Лесным духом

XV.4.4.1. Лесовой змеей

Мотив XVI

XVI. Человек (2) выступает посредником (3) между МХ (1) и духами, с которыми тот общается.

XVI.3. Каким образом выступает посредником?

XVI.3.1. Человек помогает своему домашнему духу в борьбе (в противостоянии) своего МХ и чужого

XVI.3.1.1. Видя драку домовых, кричит: «Наша берет!»

XVI.3.1.2. Бьет кнутом чужого домового, когда тот гоняет скотину

XVI.3.1.3. Помогает своему домовому магическими действиями, призванными обеспечить домашнее благосостояние и благополучие скотины:

- XVI.3.1.3a. В Великий четверг берут по клочку сена из четырех чужих «загородей» и кладут в свою – скотина всегда будет сыта*
- XVI.3.1.4. Человек вредит соседскому домовому из-за зависти к благополучию соседей:
- XVI.3.1.4a. Дырявит бочку, в которой МХ возит коням, – МХ разозлившись, что не может навозить воды, убивает коней*
- XVI.3.2. Передает весть (сам об этом не подозревая) МХ от другого духа
- XVI.3.2.1. Передает домовых, что умерла полевых
- XVI.3.2.2. Передает домовых, что убил лесовую (полевую)
- XVI.1. МХ реагирует на полученную весть
- XVI.1.1. Плачет, воет, узнав о гибели другого духа
- XVI.1.2. Убивает человека, погубившего другого духа

В формулировке мотива XVI опять объединяем предикат с дополнением, так как они семантически неразрывны.

И в этом мотиве, связанном с действиями человека, как и в мотивах X и XII, нужно подчеркнуть реакцию МХ на поступок человека. Поэтому после показа того, каким образом человек выступает посредником между мифическими существами (XVI.3), вводим индекс обозначения МХ (XVI.1). Вторая арабская цифра детализирует этот элемент.

Заключение

В составлении УМ, подобных нашему, многое зависит от интуиции исследователя. Как видим из пояснений к каждому мотиву, разработать постоянный алгоритм действий в выделении мотивов и индексации его элементов невозможно. Определенные закономерности, конечно, есть, но часто приходится отступать от них, так как это диктует живой и текучий материал мифологических рассказов, со множеством смыслов, которые очень сложно (а порой и невозможно) втиснуть в жесткие рамки, изобретенные путем умозрительных заключений.

Созданный указатель открыт для внесения в него нового материала. Он имеет рабочий характер. Введение нового материала может потребовать частичной корректировки УМ без слома всей системы.

При загрузке в матрицу ссылок на источники объем УМ увеличится многократно и может появиться ощущение громоздкости указателя. Единственный, на наш взгляд, путь решения этой проблемы – создание на основе разработанного УМ электронной системы.

Список литературы

Айвазян С. Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах / С. Айвазян при участии О. Якимовой // Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. С. 162–182.

Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Худож. лит., 1940. 649 с.

Зиновьев В. П. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1987. 206 с.

Иванова Т. Г. Мифологема и мотив (к вопросу о фольклористической терминологии) // Комплексное собирание, систематика, экспериментальная текстология. Мат-лы VI Международной школы молодого фольклориста (22–24 ноября 2003 г.). Архангельск, 2004. С. 5–14.

Козлова Н. К. Восточнославянские былички о змее и змеях. Мифический любовник. Указатель сюжетов и тексты. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. 262 с.

Козлова Н. К. Восточнославянские мифологические рассказы о змеях. Систематика. Исследование. Тексты. Омск: Издат. дом «Наука», 2006. 460 с.

Козлова Н. К. Лесной хозяин / Указатель сюжетов и тексты // Гуманитарное знание. Сер. Преемственность: ежегодник. Вып. 7. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. С. 57–84.

Козлова Н. К. «Поместья мирного незримый покровитель» (систематизация сюжетов и мотивов сибирской мифологической прозы о домовом) // Встреча культур в пространстве Сибири:

научные исследования, мемуаристика, художественная критика / под ред. Н. К. Козловой, Т. И. Подкорытовой. Омск: ООО «Издатель-Полиграфист», 2014. С. 224–230.

Козлова Н. К. Что есть мотив (еще раз к вопросу о научной терминологии) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2018. № 2 (Вып. 36). С. 82–87.

Логиновский К. Д. Материалы к этнографии забайкальских казаков // Записки общества изучения Амурского края Владивостокского отделения Амурского отдела РГО. Т. IX (Вып. 1). Владивосток, 1904. С. 1–135.

МП 2011 – Мифологическая проза славянского населения Красноярского края: хрестоматия в 2-х т. Т. 1: Рассказы о домашних духах и людях со сверхъестественными способностями / сост. Н. А. Новоселова, С. В. Калинина. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2011. 399 с.

Неклепаев И. Я. Поверья и обычаи Сургутского края // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Кн. XXX. Омск, 1903. С. 29–230.

Неклюдов С. Ю. О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1984. С. 221–229.

Пропп В. Я. Морфология сказки. Л.: «Academia», 1928. 155 с.

Рафаева А. В. Теория и практика составления фольклорных указателей: о монографии Х. Ясон // Проблемы структурно-семантических указателей / сост. А. В. Рафаева. М.: РГГУ, 2006. С. 13–30.

Силантьев И. В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: очерк историографии. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 1999. 104 с.

Смирнов Ю. И. Восточнославянские баллады и близкие им формы: Опыт указателя сюжетов и версий. М.: Наука, 1988. 117 с.

References

Ayvazyan S. Ukazatel' syuzhetov russkikh bylichek i byval'shchin o mifologicheskikh personazhakh [Index of plots in Russian legends and true stories about mythological characters]. In Pomerantseva E. V. *Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klоре* [Mythological characters in Russian folklore]. Moscow, Nauka, 1975, pp. 162–182. (In Russian)

Ivanova T. G. Mifologema i motiv (k voprosu o fol'kloristicheskoy terminologii) [Mythologem and motif (on the issue of folkloristic terminology)]. In *Kompleksnoe sobiranie, sistematika, eksperimental'naya tekstologiya. Materialy VI Mezhdunar. shkoly molodogo fol'klorista (22–24 noyabrya 2003 g.)* [Comprehensive collection, systematics, experimental textology. Proc. of the 6th Intern. School for Young Folklorists (22–24 Nov. 2003)]. Arkhangel'sk, 2004, pp. 5–14. (In Russian)

Kozlova N. K. Chto est' motiv (eshchyо raz k voprosu o nauchnoy terminologii) [What is a motif (Once again on scientific terminology)]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2018, no. 2 (iss. 36), pp. 82–87. (In Russian)

Kozlova N. K. Lesnoy khozyain: Ukazatel' syuzhetov i teksty [The forest master: Index of plots and texts]. In *Gumanitarnoe znanie. Ser. Preemstvennost': ezhegodnik* [Humanitarian knowledge. Series: Continuity. Yearbook]. Omsk, OmSPU, 2004, iss. 7, pp. 57–84. (In Russian)

Kozlova N. K. “Pomest'ya mirnogo nezrimyy pokrovitel'” (sistemizatsiya syuzhetov i motivov sibirskoy mifologicheskoy prozy o domovom) [“The invisible guardian of a peaceful estate” (systematization of plots and motifs of Siberian mythological prose about the house spirit)]. In *Vstrecha kul'tur v prostranstve Sibiri: nauchnye issledovaniya, memuaristika, khudozhestvennaya kritika* [Meeting of cultures in the space of Siberia: scientific research, memoirs, literary criticism]. N. K. Kozlova, T. I. Podkorytova (Eds.). Omsk, “Izdatel'-Poligrafist”, 2014, pp. 224–230. (In Russian)

Kozlova N. K. *Vostochnoslavyanskіe bylichki o zmeye i zmeyakh. Mificheskіy lyubovnik. Ukazatel' syuzhetov i teksty* [East Slavic legends about the serpent and serpents. The mythical lover. Index of plots and texts]. Omsk, OmSPU, 2000, 262 p. (In Russian)

Kozlova N. K. *Vostochnoslavyanskіe mifologicheskie rasskazy o zmeyakh. Sistematika. Issledovanie. Teksty* [East Slavic mythological stories about serpents. Systematics. Research. Texts]. Omsk, Nauka, 2006, 460 p. (In Russian)

Loginovsky K. D. Materialy k etnografii zabaykal'skikh kazakov [Materials on the ethnography of Transbaikal Cossacks]. In *Zapiski obshchestva izucheniya Amurskogo kraya. Vladivostokskoe otdelenie Amurskogo otdela RGO* [Proceedings of the Society for the Study of the Amur Region. Vladivostok branch of the Amur division of the IRGO]. Vladivostok, 1904, vol. 9 (iss. 1), pp. 1–135. (In Russian)

Mifologicheskaya proza slavyanskogo naseleniya Krasnoyarskogo kraya: khrestomatiya v 2 t. [Mythological prose of the Slavic population of Krasnoyarsk krai: A reader in 2 vols.]. N. A. Novoselova, S. V. Kalinina (Comps.). Krasnoyarsk, Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical Univ., 2011, vol. 1: Rasskazy o domashnikh dukhakh i lyudyakh so sverkh'yestestvennymi sposobnostyami [Stories about house spirits and people with supernatural abilities], 399 p. (In Russian)

Neklepaev I. Ya. Poveriya i obychai Surgutskogo kraya [Beliefs and customs of the Surgut region]. In *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela IRGO* [Proceedings of the West Siberian branch of the IRGO]. Omsk, 1903, bk. 30, pp. 29–230. (In Russian)

Neklyudov S. Yu. O nekotorykh aspektakh issledovaniya fol'klornykh motivov [On some aspects of the study of folkloric motifs]. In *Fol'klor i etnografiya. U etnograficheskikh istokov fol'klornykh syuzhetov i obrazov* [Folklore and ethnography. At the ethnographic origins of folkloric plots and images]. Leningrad, Nauka, Leningr. otd., 1984, pp. 221–229. (In Russian)

Propp V. Ya. *Morfologiya skazki* [Morphology of the fairytale]. Leningrad, "Academia", 1928, 155 p. (In Russian)

Rafaeva A. V. Teoriya i praktika sostavleniya fol'klornykh ukazateley: o monografii Kh. Yason [Theory and practice of compiling folklore indexes: On the Monograph by Kh. Yason]. In *Problemy strukturno-semanticheskikh ukazateley* [Problems of structural-semantic indexes]. A. V. Rafaeva (Comp.). Moscow, RGGU, 2006, pp. 13–30. (In Russian)

Silant'ev I. V. Teoriya motiva v otechestvennom literaturovedenii i fol'kloristike: ocherk istoriografii [Theory of motif in Russian literary studies and folkloristics: A historiographical essay]. Novosibirsk, Izd. IDMI, 1999, 104 p. (In Russian)

Smirnov Yu. I. *Vostochnoslavjanskije ballady i blizkie im formy: Opyt ukazatelya syuzhetov i versiy* [East Slavic ballads and related forms: Attempt at an index of plots and versions]. Moscow, Nauka, 1988, 117 p. (In Russian)

Veselovskiy A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Leningrad, Khudozh. lit., 1940, 649 p. (In Russian)

Zinov'ev V. P. *Mifologicheskie rasskazy russkogo naseleniya Vostochnoy Sibiri* [Mythological stories of the Russian population of Eastern Siberia]. Novosibirsk, Nauka, SB RAS, 1987, 206 p. (In Russian)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
01.08.2025

Сведения об авторе – Information about the Author

Козлова Наталья Константиновна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы и культурологии Омского государственного педагогического университета (Омск, Россия)

Natalia K. Kozlova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor, Department of Literature and Cultural Studies, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia)

nkf@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0395-5000>

ЭПОСОВЕДЕНИЕ

УДК 398.22:821.512.36

DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-33-42

Универсальные черты героя-помощника в национальных версиях эпоса «Джангар»

Е. Э. Хабунова¹, А. Аюушжавийин²

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Элиста, Россия

² Институт языка и литературы АН Монголии, Улан-Батор, Монголия

Аннотация

Рассматриваются национальные версии героического эпоса «Джангар», широко бытовавшие среди калмыков и ойратов, а также имевшие распространение среди бурят, халха-монголов, тувинцев, сарт-калмыков и горных алтайцев в виде сказаний о Джангаре. Анализу подвергаются черты, характеризующие эпического героя как помощника. Исследование позволило определить универсальность эпического героя, оказывающего активную помощь центральному герою-правителю в разрешении конфликтов с враждебным миром. Показано, что исключительные качества и действия героя, направленные на выполнение поручений правителя, указывают на то, что эпический герой-помощник многогранен и многофункционален, что этими чертами героя-помощника в национальных версиях «Джангара» обладает богатырь Хонгор.

Ключевые слова

эпос, национальные версии, аналогии, Джангар, Хонгор, герой-помощник, богатырство, качества, действия

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-48-03026 «Эпический ландшафт ойратов России, Монголии и Китая (от архаического эпоса до книжного текста)», руководитель – Б. А. Бичеев (<https://rscf.ru/project/24-48-03026>).

Для цитирования

Хабунова Е. Э., Аюушжавийин А. Универсальные черты героя-помощника в национальных версиях эпоса «Джангар» // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55). С. 33–42. DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-33-42

Universal traits of the “Helper Hero” in national versions of the “Dzhangar” epic

E. E. Khabunova¹, A. Ayuushzhavijin²

¹ Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, Russia

² Institute of Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia

Abstract

The article examines the national versions of the heroic epic “Dzhangar”, which were widely popular among the Kalmyks and Oirats, as well as among the Buryats, Khalkha Mongols, and Turkic-speaking peoples, as narratives about Dzhangar. This study contributes to the identification of universality within various genres of national epic folklore. The focus is on the traits that characterize the epic hero as a helper of the central hero, the ruler, in resolving conflicts with the antagonistic environment. Employing comparative-typological, comparative-historical, and descriptive methodologies allowed identifying the similarities that establish the universality of the epic hero-helper across diverse genre expressions within national epic narratives. These extraordinary traits include immense strength, divine selection, unmatched superiority, courage, resolve, ingenuity, and eternal life. The specified actions entail the defeat of a significant enemy, pursuit of justice, liberation of

© Е. Э. Хабунова, А. Аюушжавийин, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 3 (iss. 55)

captives, recovery of stolen animals, undertaking of marriage trials, and ability to transform and acclimate within an unfamiliar environment. Given the diversity of the characteristics determined, the figure of the heroic helper is assessment of a multifaceted and versatile. The findings indicate that the heroic helper figure in the national versions of “Dzhangar” exhibits universal traits.

Keywords

epic, national versions, analogies, Dzhangar, Khongor, helper hero, bogatyr (heroic) deeds, qualities, actions

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-48-03026 “The epic landscape of the Oirats of Russia, Mongolia and China (from the archaic epic to the book text)” (2024–2026, under the leadership of B. A. Bicheev; <https://rscf.ru/project/24-48-03026/>).

For citation

Khabunova E. E., Ayuushzhavijin A. Universal’nye cherty geroya-pomoshchnika v natsional’nykh versiyakh eposa “Dzhangar” [Universal traits of the “Helper Hero” in national versions of the “Dzhangar” epic]. *Yazyki i Fol’klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 3 (iss. 55), pp. 33–42. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-33-42

Введение

Героический эпос «Джангар», известный в виде трех основных национальных версий (калмыцкой, монголо-ойратской и синьцзян-ойратской), в прошлом имел распространение среди других монголоязычных и тюркоязычных народов в форме сказаний о Джангаре. Многовековые культурно-исторические контакты кочевых народов способствовали формированию эпических универсалий, которые в эпическом нарративе находят выражение на различных уровнях. Наиболее значимым из них является героический характер эпического повествования, проявляющийся, прежде всего, в описаниях борьбы враждующих сторон и богатырстве эпических героев.

Цель данного исследования – определить основные черты героя, оказывающего активную помощь центральному герою Джангару в его противостоянии с враждебным миром. В работе использованы элементы сравнительно-типологического, сравнительно-исторического и описательного методов, которые позволили выявить аналогии, определяющие универсальность эпического героя-помощника в национальных эпических нарративах, выраженных в различных жанровых формах.

В череде изображаемых эпических событий особо выделяется персонаж, на долю которого выпадает главная роль в выполнении поручений центрального героя, персонифицирующего власть, в борьбе за благополучие и мирную жизнь родной страны. Б. Я. Владимирцовым этот тип героя назван «богатырь – друг главного героя», «второй богатырь». Особенность данного героя определяется рядом качеств: он «лучший из мужей», могуч, силен и мужественен, и в этом образе он появляется во всех ойратских эпопеях [Владимирцов 1923: 46].

Персонаж эпоса наделяется набором черт, позволяющим отнести его к тому или иному типу героев. Наличие универсальных черт делает их узнаваемыми в различных эпосах. «Любой эпический герой соединяет в себе черты индивидуальные, преимущественно ему присущие (имя, мотивы биографии, особенности личности, “свой” поступки), и качества типологического плана, позволяющие включить его в известный ряд и рассматривать как определенное явление эпического творчества» [Путилов 1988: 67].

Безусловно, основной объединяющей чертой эпических героев является богатырство, которое, прежде всего, проявляется в ходе длительной борьбы с мощным противником. Оказание помощи другому персонажу эпоса (хану, отцу, соплеменнику, побратиму, своему коню, в некоторых случаях поверженному противнику) – одна из форм выражения богатырских способностей и деяний эпического героя. Внушительные масштабы эпоса позволяют увидеть полноту и многогранность проявлений богатырских качеств героя, который «непрерывно ищет выхода для своей богатырской энергии» [Мелетинский 1963: 432].

Сфера активности героя-помощника в эпосе достаточно широка, она проявляется во всех значимых событиях, изображаемых в эпическом повествовании. Как правило, готовность к богатырским действиям герой демонстрирует среди соплеменников, но геройства им совершаются за пределами родной ойкумены, и он возвращается с победой благодаря своим исключительным качествам.

В. Я. Пропп, распределяя функции по действующим лицам волшебной сказки (всего их 31), очертил круг действий помощника, который охватывает: пространственное перемещение героя, ликвидацию беды или недостачи, спасение от преследования, разрешение трудных задач, трансфигурацию героя. К категории универсального помощника В. Я. Проппом отнесен персонаж, способный к выполнению всех пяти действий – конь [Пропп 1928: 88, 92]. Этот подход может быть применен при изучении сказаний о Джангаре, которые «в виде богатырских сказок имели распространение у халха-монголов и бурят, <...> горных алтайцев, тувинцев», а также бытовали среди карагольских калмыков» [Кичиков 1997: 3].

Перечень действий «универсального помощника» (по В. Я. Проппу) в разной сочетаемости и вариациях встречается в сказочно-эпической традиции монгольских народов, и он характерен не только для коня. В калмыцком героическом эпосе «Джангар» богатырь при определенных обстоятельствах выполняет действия, не свойственные ему: например, не конь помогает ему в преодолении пространства, а он сам доставляет в безопасное место своего обессилевшего скакуна, взвалив его на плечи [Джангар 1978 II: 88].

К числу аналогий, лежащих на поверхности эпических повествований о Джангаре, следует отнести узнаваемость и активность персонажа, оказывающего помощь центральному герою-правителю в достижении цели.

Обратимся к анализу ситуаций появления героя, способного оказать помощь другому в решении сложных задач, а также обстоятельств, при которых он выполняет эту функцию.

Герой-помощник в национальных версиях эпоса «Джангар»

В ойрат-монгольских сказаниях о Джангаре, отнесенных к числу «контрольных» для стадиально-типологического изучения «Джангара» в его национальных версиях, ввиду того что в них сохранился «наиболее древний и распространенный сюжет, возникший в период становления джангаровского цикла о богатырских подвигах и давших жизнь самым разнообразным повествованиям о борьбе Джангара и его сподвижников с захватчиками» [Кичиков 1997: 107–108], основными действующими лицами являются Джангар хан и Хонгор богатырь. Их взаимоотношения показательны в плане выявления однородных явлений в разных этнических традициях и изучения форм проявления эпических универсалий, адаптированных к другой фольклорной среде.

В национальных версиях эпоса «Джангар» центральным героем является тот, кто инициирует событие: его главенствующая роль во всех рассматриваемых текстах манифестируется эпитетом *богдо* ‘владыка’, ‘верховный’, ‘августейший’, ‘властитель’, ‘повелитель’. Во всех национальных версиях титулом *богдо* наделяется только Джангар: *богд Жаңһр, эзн богдо Жаңһр* – в калмыцкой, синьцзян-ойратской; *богд ноён Жангар, бурхн богдо ноён Жангар, эзн богд ноён Жангар хан, богд ноён Жанрай, богд ноён Жанрвай, богд ноён Жунгараа, богд ноён Жунгаар, богд ноён Жунраа* – в монгольских сказаниях; *Богда Чангар, Богда Лойан Жангар* – в тувинских сказаниях, в бурятской – *Жагар богдо хан*.

Правитель определяет того, кто сможет выполнить его поручение: добыть невесту, устранить опасность, уничтожить врагов, вернуть угнанный табун (коня), освободить из плена подданных (родителей), обеспечить мир и благополучие во владениях (в стране), в редких случаях – заменить его (хана) во время его длительного отсутствия. Многообразие и многоплановость действий, направленных на реализацию задач центрального героя, предполагает наличие исключительных черт у эпического героя-помощника.

Богатырство героя, направленное на оказание помощи правителю, исключает участие кого-либо другого в этом действии [Хабунова 2006: 161]. Выбор лучшего из лучших отрицает необходимость помощи герою в выполнении задания правителя, это объясняет отсутствие в национальных версиях эпоса «Джангара» сказочного «ярко выраженного типа помощника» [Овалов 2004: 48]. Функции помощника в эпосе «Джангар» в основном выполняются героем, отличающимся непревзойденными богатырскими и другими качествами.

Выделение героя-помощника в национальных версиях эпоса «Джангар» всегда связано с его необычными способностями, которые проявляются с момента его появления на свет: чудесное рождение, стремительный рост, необыкновенная сила и другие качества, манифестирующие уни-

версальность данного типа героя. Исходной ситуацией его будущих геройств является демонстрация своей исключительности и решительности при первом же появлении в эпическом социуме.

В монгольских сказаниях о Джангаре герой-помощник появляется на арене эпических событий в связи с поиском человека, который должен отправиться на чужбину с поручением хана. Чаще других в этом контексте упоминается «популярнейший персонаж Джангариады, не являющийся ханом» [Кудияров 2002: 281]. Имя данного героя варьируется в эпических текстах о Джангаре (*Хонгор*, *Хонгор баатар*, *Аянан алдарт аялган Хонгор*, *Урьдын Улаанхонгор баатар*, *Хючит Улан Хонгор*, *Ужихын Улан Хонгор баатар*, *Бужиг Улаан Хонгор*, *Уужуухан Улаан Хонгор баатар*, *Бужуухын Улаан Хонгор*, *Хонгордой Шар баатар*, *Гунан Хонгор* и т. д.), но он узнаваем по ряду признаков, главный из которых – лучший из мужей (*эрийн сэн*).

Герой с аналогичным именем и качеством, указывающим на его превосходство над другими и предназначенность быть в авангарде боевых сражений, встречается во всех национальных версиях эпоса «Джангар»: *Арслийн Арг Улан Хонгор* ‘Львиноподобный Алый Хонгор Благородный’ – в калмыцкой и синьцзян-ойратской; *Урьдын Улаан Хонгор* ‘Лидирующий Алый Хонгор’, *Аянан алдарт аялган Хонгор* ‘Прославленный в походах’ – в монгольской; *Алдар сайхан Эр Хонгор Баатар* ‘Прославленный мужеством лучший богатырь Хонгор’ – в сарт-калмыцкой, *Найдан Хонгор батор* ‘надежный богатырь Хонгор’ – в бурятской, *Натсын-Коген-Конгара* ‘Подобный кречету Хонгор’ – в тувинской.

В исследуемых повествованиях он показан единственным, кто демонстрирует свою решимость выступить навстречу врагу, прославленному своим могуществом, и сразиться с ним: *Догшон цолыг олсон Долдой Күрэл баатар <...> Тэр баатрын нутаг руу Урьдын Улаанхонгор баатар зориод мордов* [Жангарын туульс 1968: 110] ‘Богатырь Урьдын Улаанхонгор баатар направился в страну богатыря Догшин Кюрэл батора, добывшего [в сражениях] титул свирепого батыра’¹.

Выделению героя как надежного и главного помощника центрального персонажа способствует его всеобъемлющий характер: он неуязвим и способен перевоплощаться, оказавшись в затруднительном положении: *Би дээд хувилгахдаа / Зуун тавь хувилдаг / Дунд хувилахдаа / Тавин тав хувилдаг / Ид шидтэй билээ* [АЗС 1977 XI: 79] ‘В верхнем мире / Я имею сто пять воплощений, / В среднем мире могу перевоплотиться пятьдесят пять раз – / Обладаю такими магическими способностями’.

Непревзойденность и избранность эпического героя-помощника признается противниками: его вместе с ханской супругой и конем приказывает доставить к себе хан-антагонист как условие мирного сосуществования. Перечень ультиматума варьируется в национальных и локальных традициях «Джангара», но в них неизменно отмечается требование – доставить богатыря Хонгора, тем самым лишив Джангара его надежного оплота и верного помощника: *Манай хаан / Богд ноён Жангар хаан таны / Хүлэг зээрд морийг / Хүлж богтлоод аваад ир! Гэв / Хүчин улаан хонгор баатрыг / Албат иргэдтэй нь / Хамж аваар ир! гэв* [Жангарын туульс 1968: 38] ‘Богдо ноён Жангар, / Наш хан / Приказал мне доставить к нему / Вашего богатырского коня Зээрдэ / Привязав к седлу / Приказал мне доставить Хючин Улан Хонгор баатыра / Вместе с его подданными’.

Уникальность героя-помощника в указанных эпических сказаниях проявляется при чрезвычайных обстоятельствах: внезапное вторжение врага, угроза нападения, угон табуна или богатырского коня, ультиматум противника. Сигналом для решительных действий героя-помощника служат оповещение, ханский призыв, народная молва о сложившейся ситуации. Например, в тувинском сказании «Богда Чаңгар хаан» (Богда Чангар хан), записанном у сказителя Баяна Балбыра в местности Эн-Суг, приграничной к Западной Монголии [Куулар 1990: 143–148], они описаны так: *Богда-Чаңгар хаан тура чугаалап-тыр: «Соңу чүкте Каңмы-Какпа деп кижжи-биле чаалажыр шаг келди эвеспе – дээш, улуг кожуун чыып, улуг кеңгиргезин дегзип, биче кожуунун чыып, биче кеңгиргезин дегзип туруп, «чаа болчаа келген» деп турган. «Ол черже чоруур шеригдаа чок, ол оран чоруур эрлик кижжи-даа чок, ол оранга чедир тозан чылдык чер болгай» дижит*

¹ Здесь и далее перевод монгольских, калмыцких и сарт-калмыцких оригинальных текстов на русский язык осуществлен Е. Э. Хабуновой.

турлар [Рукопись: 7]² «[Однажды] Богда-Чангар каган говорит: «на северной стороне [живущим] Каңмы-Какпа воевать время пришло – сказав, [свой] большой кожуун собирая, в большой барабан ударяя, [свой] малый кожуун собирая, в малый барабан ударяя, «войны время пришло» говорил. «В ту сторону [могущего] поехать ни армии нет, в ту страну [могущего] поехать лихого богатыря нет, до той страны [надо ехать] девяносто лет – такая вот сторона» – говорили» [Рукопись: 14].

На призыв хана отзывается только его малолетний сын Чиргилчинниг-Шил-оол: *Тозан чылдык черже менден башка чоруур кижиде даа чок-тур, Улуг-Кара-Маадырың бээр сен бе? – деп адазындан айтырган* [Рукопись: 7] «За девяносто лет преодолеваемое место, кроме меня, могущего поехать человека нет, своего Улуг-Кара-Маадыра дашь?» – у отца спросил» [Рукопись: 15]. Заносчивость неприметного до определенного момента героя выражается в его убежденности в своей незаменимости. Непокосимость героя определяет ход дальнейших эпических событий. Так, в тувинском сказании о Джангаре, записанном Н. Ф. Катановым во время экспедиции в Туву в 1789 г. от «человека по имени Аңгырбай», на призыв Богда Лойан Джангара доставить ему головы врагов отзывается только малолетний Натсын-Коген-Конгар – сын Монгун-Шикшира, усыновленный Богда Лойан Джангаром.

Появление богатыря – потенциального помощника в облике мальчонки – традиционно и для других национальных версий «Джангара». В сарт-калмыцкой версии «Джангара» встречается эпизод о внезапном нападении врага на страну Джангара и об отсутствии на тот момент героя, готового сразиться с грозным противником: *negē cagīn dōi dundē narān orxīn xōitō zūvāsa Xāsān Tolgo Manās Žaŋyīrin nutčyūr orōd irnā. Kūmūn irsa medxō bisī, emnōsā yarād barīldādāg bātōr ugo* [АВ ИВР РАН. Zanhar II: 28] «Однажды, в какой-то момент со стороны захода солнца (букв.: с северо-западной стороны) в страну Джангара нагрянул Хайсан Толго Манас. Никто об этом не знал (не ожидал), даже батора, способного вступить в бой, не оказалось».

Искомый герой часто является в образе маленького мальчика, недооцененного окружающими и самим ханом до возникновения опасности. В рассматриваемой версии в критической для хана и страны ситуации решительность и смелость проявляет никому неизвестный малыш: *Mana Žaŋyār xāna Burxūn Zērdē kūlūgī kōtōlzi xārñā gidīg jumbi giži sonsōrdwa. Šavā nādāzi jowūrsan kōwūn <...> Bāxr būrūl ažiŋrē bārād zādān unād abbā. Xāsān Tolgo Manisān ardāsī xāiži nekēd orwā odwō* [АВ ИВР РАН. Zanhar II: 30] «Дошла весть [до мальчика]. Как это возможно – увести Бурхан Зеерде, коня нашего Джангар хана? – подумал. Игравший в альчики мальчик <...> поймал темно-бурого жеребца, не седлая, сел на него. Отправился в погоню за Хайсан Толго Манасом».

Еще не окрепший и не закаленный в битвах малолетний герой проявляет свои воинские способности при первом же сражении. Его отвага и преимущество признаются даже могущественным противником, как, например, в монгольских сказаниях о Джангаре: *Шүдлээгүй даагатай, шөрмөслөөгүй гартай / Бага балчир хөвүүнд дийлэгдэж дарагдсан / Нэгэн гомдол байна* [Жангарын туульс 1968: 112–113] «Сожалею об одном, что не смог одолеть маленького мальчика, у которого рука еще не стала жилистой и жеребенок его пока еще беззубый».

В калмыцком героическом эпосе «речь идет о богатыре-малолетке, который рождается как мститель и спаситель “старших” богатырей» [Неклюдов 2019: 96]. Он становится частью богатырской дружины с момента рождения и, как представитель нового поколения богатырей Бумбы, превосходит воинскими качествами своих предшественников – «старших богатырей», справляется с задачей, которая оказалась не под силу богатырям – соратникам Джангара богдо, таким как трехлетний Улан Шовшур и другие юные герои [Джангар 1978 II: 139–216; Джангар 1978 II: 109–126]. На смену сказочному персонажу – малышу-паршивцу и бедному сироте – приходит «богатырь-малолетка», и подвиг эпического героя младшего поколения в воинском сражении за благополучие державы и веры становится важнее событий родоплеменного масштаба.

К числу важных и трудных поручений, на выполнение которых во владениях хана не находится желающих (кроме «помощника»), относится поездка за невестой, сопряженная с препятствиями, дорожными происшествиями и участием в брачных состязаниях. Сложность задачи

² Рукопись М. Б. Кунгаа на 21 странице компьютерного набора, содержащая разбивку на строки (1–78) оригинального и переводного текстов сказания «Богда Чангар хаан» (Богда Чангар хан). Перевод осуществлен М. Б. Кунгаа.

расширяет круг действий, направленных на реализацию функции помощника: герой должен забрать и доставить невесту хану, не только поборов соперников в брачных состязаниях, но и одержав победу в богатырском поединке.

В монгольских сказаниях эта задача также возлагается на богатыря Хонгора: *Наран дагина гэдэг / Авхайг авах юмсан / Яаж авах билээ гэж / Нэг хэлж, дуугарсангүй гэнэ. / Хоёр хэлж, дуугарсангүй гэнэ. / Гурав хэлэх дээр нь / Ужихын Улаанхонгор баатар / Тигье гэж дуугарч гэнэ* [Жангарын туульс 1968: 54] ‘Жаль, что я не могу забрать / Наран Дагина красавицу / Как же забрать ее? / Раз сказал, никто не отозвался, / Второй раз сказал, никто не отозвался, / Когда произнес в третий раз, / Ужихын Улаанхонгор баатар / Тут отозвался’. В сказаниях о Джангаре герой, превратившись в неказистого малыша, проникает в ханский дворец, участвует в брачных состязаниях, сражается с противником и побеждает его [АЗС 1978 XI: 81].

В бурятском сказании «Жагар Богдо хан и Найдан Хонгор-батор» для участия в брачных состязаниях богатырь принимает облик неказистого мальчугана, а своего коня превращает в серого шелудивого лончака [Небесная дева 1992: 123].

В образе эпического малолетнего богатыря просматривается архаический тип сказочного социально «низкого» героя, оказавшегося лучше других в решении сложных задач. Если в сказке эти задачи заключаются в том, чтобы восполнить недостачу, добыть чудесные предметы, вернуть похищенную жену и др., то в эпическом преломлении неказистость героя проявляется в его физической незрелости, которая не является препятствием и манифестируется для проявления его богатырских качеств и способностей. Архаические черты «низкого» героя в большей степени проступают в монголо-ойратском эпосе, в бурятской, тувинской, сарт-калмыцкой версиях сказаний о Джангаре, чем в калмыцкой и синьцзян-ойратской версиях, где образ малолетнего помощника главного героя занимает периферийную позицию.

Для героя, нацеленного на выполнение поручения хана, на оказание помощи другим, не существует безвыходных положений. Эта функция выполняется им в большей степени благодаря его исключительным богатырским и чудесным способностям, чем при помощи другого лица или волшебного предмета. Безусловно, магическими свойствами обладает его оружие, однако, используя его, он демонстрирует свою исполинскую силу и воинскую сноровку. Например, в монгольских сказаниях, преодолевая встречающиеся на пути преграды, он метким выстрелом из лука, который не могут поднять семьдесят человек, вдребезги раскалывает скалу, срезает будто ножницами непролазную чащу и осушает океан, преодолевая встречающиеся на пути преграды [Жангарын туульс 1968: 55–56], в бурятской версии богатырь Найдан Хонгор-батор бросает своего противника вниз головой с такой силой, что тот по уши увяз в земле [Небесная дева 1992: 124], в сарт-калмыцкой – скинул мощного противника с коня с такой силой, что у того кровь хлынула из носа и рта и полдня капала на землю [АВ ИВР РАН. Zanhаr II: 31], в тувинском сказании – у одной части многочисленного войска головы отрубил и войско в четыре ряда до последнего уничтожил [Рукопись: 20–21].

В калмыцкой традиции «Джангара» также исключается помощь другого богатыря в поединке. Герой, которому оказана честь выполнить поручение державного хана, должен совершить подвиг и одержать победу, которая будет воспета на богатырском пиру. Во всех рассматриваемых повествованиях герой-помощник один одолевает сильного противника: спавших людей надвое разрубив, две половины головы за пазухи засунув, убежал (тувинская версия), догнал Манаса, сразился с ним и отобрал у него божественного Зеерде, захватил часть их подданных, забрал скот и повел с собой [АВ ИВР РАН. Zanhаr II: 31], уничтожил десятерых разбойников и их детей, своим булатным мечом разрубил других пятерых разбойников и бросил их на дно ядовитого желтого океана [Жангарын туульс 1968: 87], отсек голову поверженному противнику, коня его разрезал на куски, голову противника привязал к торокам [Джангар 2005 I: 74].

Сложность поручения заключается не только в устранении грозного противника, но и в труднодоступности его местоположения. Несомненно, перемещение в пространстве в эпосе связано с конем, вместе с тем трудности преодоления длительного и опасного пути ложатся на самого богатыря: есть вероятность, что герой не доберется до нужного места, что не вернется живым: калм. *күрнүй, угай?* ‘доберется или нет?’, *асхрхла – ааһ цусн, эгрхлэ – нэамн чимгн* ‘если прольется, то чаша крови, если иссохнут, то восемь трубчатых костей’; тув. *ол черге*

четкеш, дедир ээл кээп, чуртумга сөөк салырым билдинмес боор – деп-тир ‘до той стороны до-ехав, обратно вернусь ли, в своей стране кости сложу ли, неизвестно’, тозан чылдык черже мен-ден ‘за девяносто лет преодолеваемое место’.

Схватка с противником, разворачивающаяся в безжизненном пространстве, также сопряжена с риском для жизни: *Negē ermīn saxān kōdōdā xarxāzi kōzi jowād kücēd barwā. Manīstāxan mōrīn dēre xolbō xolbō tatālcād odwō* [АВ ИБР РАН. Zanhār II: 165. оп.1. № 14: 30] ‘Догнал в безлюдной степи, покрытой белой пылью, схватился с Манасом, стали они стягивать друг друга с коней’.

В других национальных версиях героя не страшат непреодолимые природные препятствия, встречающиеся на пути: *Гуйлтын хаан / Алттын хаан, Мөнгөтийн хаан гэж гурван хааныхыг давах нэн бэрк / Эзгүй ээрэм цагаан хөдөө <...> давах нэн бэрк / <...> Эргээж ч гардаг аргагүй / Тойрч ч гардаг аргагүй / Хорон шар далай буцалж байна / Түүнийг давах нэн бэрк* [Жангарын туульс 1968: 77–78] ‘Проехать через владения Гуйлтын, Алттын и Мёнгёт ханов очень трудно, / Преодолеть безжизненную пустыню очень сложно, / Переправиться через необъятный, непреодолимый, ядовитый кипящий океан невозможно’.

Безжизненность пространства предполагает отсутствие в нем не только живых существ (на месте сражения не должно быть свидетелей поражения одного из богатырей, исключением является боевой конь), но и духов-хозяев местности, на помощь которых мог бы рассчитывать эпический герой.

Герой-помощник бессмертен, он не может умереть, не достигнув поставленной цели, что объясняет присутствие мотива чудесного исцеления во всех рассматриваемых эпических нарративах. В сарт-калмыцкой версии «Джангара» добродетельная ханша Авай Гэрэл извлекает золотой наконечник стрелы, заговоренный противником Хайсан Толгой *мангасом*, который застрял между лопаток богатыря Эр Хонгора, после того как «прочитала молитву, зажгла *арцу* перед бурханами, обмыла рану святой водой, положила юношу, зацепила застрявший наконечник стрелы зубами и вытасила ее. Приготовила целительное снадобье и вылечила молодца» [АВ ИБР РАН. Zanhār II. 165. Оп. 1: 14]. В тувинском сказании «Богда Чангар хан» картина оживления богатыря изображена следующим образом: стража Канмы-Какпа хана, увидев удаляющегося Шил-оола, пускает вслед ему заговоренную стрелу, которая пронизывает насквозь спину Шил-оола. Прикрыв рану платком, Шил-оол продолжает свой путь, но вся его кровь вытекает, и он умирает. Конь, не роняя своего хозяина, добирается до поселения Богда Чангар хана, который <...> собирает весь свой народ, чтобы найти того, кто бы мог воскресить Шил-оола. Конь Шил-оола поняв, что никто из них не сможет воскресить его хозяина, поднимается в Верхний мир за Ногаан дангыны – дочерью небесного хана. Небесная Ногаан Дангына оживляет его, растерев в порошок лекарственное растение и вдув ему в ухо со словами: «Проснитесь!» [Рукопись: 18–20].

В калмыцком героическом эпосе «Джангар» богатыря Хонгора и его коня, четверо суток без сознания лежащих в безжизненной пустыне, приводит в чувство его суженая. Появившись в облике лебедя, она утоляет его жажду, превратив свои слезы в родниковую воду, укрывает от жары, превратив свои локоны в зеленую траву, которая росла на берегу священного океана, а затем спасает от голодной смерти, вскормив его океанской рыбой, в которую она перевоплотилась [Джангар 1978 II: 48, 57–58]. В бурятском сказании Найдан Хонгор-батор оживает после того, как его суженая отдала ему зрачок своего глаза, чтобы дать попить, а потом отрезала кусок мяса со своего бедра, пустив его рыбкой в ручеек, чтобы покормить его» [Небесная дева 1992: 123]. Вкусив золотую и серебряную рыбку, оживает и герой монгольского сказания о Джангаре богатырь Урьдын Улаанхонгор, брошенный в шкуру вола злобным мангасом в бурлящий океан [Жангарын туульс 1968: 115].

Изучая основные закономерности эпического творчества и идеи В. М. Жирмунского и В. Я. Проппа о типологической преемственности, Б. Н. Путилов отмечал, что для обнаружения общих закономерностей «фольклорист может не учитывать решительно всего океана материала», «закон выясняется постепенно», и вполне может оказаться результативным изучение «части фольклорного материала в целях получения общих, типовых видов», и «если закон верен, то он будет верен на всяком материале, а не только на том, который включен» [Путилов 1988: 141–155].

Заключение

Универсальность героя-помощника в национальных версиях эпоса «Джангар» выражается в безграничности его возможностей: он уверен в своих силах и может самостоятельно принимать решение; он обладает богатырской силой и не знает поражений; настойчив и дерзок; умен и находчив; способен к трансформации; успешен, справедлив и бессмертен.

Комплекс универсальных черт способствует узнаванию эпического героя-помощника и определению его функциональных возможностей. В своей совокупности эти признаки указывают на предназначение героя – самостоятельно осуществлять функции миропорядка, противостоять враждебному миру или помогать другому разрешать конфликты, возникшие на этом пути. В исследованных эпических памятниках герою-помощнику отводится вторая роль. Как бы ни был назван герой («богатырь-друг главного героя», «второй богатырь», «младший герой»), он основной помощник, главный исполнитель поручений хана в разрешении конфликтов с враждебным миром.

Исследованный материал указывает на расширение сферы действий, на многообразие способов проявления богатырских качеств, а также влияния эпического героя-помощника, в прошлом сказочного персонажа, на ход событий, направленных на решение социально более значимой задачи – оказание помощи центральному герою-правителю не только в установлении справедливости в рамках родоплеменных отношений, но и в обеспечении мира в стране.

Универсальными чертами героя-помощника в национальных версиях «Джангара» обладает богатырь Хонгор. Данный тип героя является яркой иллюстрацией того, что сказания о Джангаре сохранили элементы богатырской сказки, свойственные архаическому эпосу, и приобрели отдельные черты героического эпоса, достигшего своей художественно-поэтической вершины в виде калмыцкого «Джангара» – героического эпоса классической формации.

Список литературы

- Владимирцов Б. Я. Монголо-Ойратский героический эпос / Пер., вступ. статья и прим. Б. Я. Владимирцова. Пб.; М.: Гос. изд-во, 1923. 254 с.
- Кичиков А. Ш. О тувинской богатырской сказке «Богда Чаңгар-хаан» // Уч. зап. Вып. XI (серия филологии). Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 118–121.
- Кичиков А. Ш. Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. Изд. 2-е, репринтное / отв. ред. С. Ю. Неклюдов. М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1997. 320 с.
- Кудияров А. В. Поэтико-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 329 с.
- Куулар Д. С. «Богда Чаңгар хаан». Тувинский эпос // Уч. зап. Вып. XI (серия филологии). Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 122–129.
- Куулар Д. С. Тувинская версия «Джангара» // Мат-лы междунар. науч. конф. «Джангар» и проблемы эпического творчества» (22–24 августа 1990 г.). Элиста: АПП «Джангар», 2004. С. 143–148.
- Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаичные памятники. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 462 с.
- Неклюдов С. Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 592 с.
- Овалов Э. Б. Типология мотивов и сюжетов в эпосе монгольских народов. Элиста: АПП «Джангар», 2004. 184 с.
- Пропт В. Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. 152 с.
- Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. 224 с.
- Хабунова Е. Э. Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла. Сравнительное изучение национальных версий. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2006. 256 с.
- Хабунова Е. Э., Дампилова Л. С., Кунгаа М. Б., Аюушжавийин А. Тувинское сказание «Богда Чаңгар хан» и его константные сегменты в ойратской и калмыцкой версиях героического эпоса «Джангар» // Новые исследования Тувы. 2019, № 4, С. 109–118. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/887> (дата обращения: 14.07.2025).

Список источников

АВ ИВР РАН – Архив ИВР РАН. Zanhar II: 165. оп. 1. № 14. Бурдуков А. В. Сарт-калмыцкий вариант «Джангара», записанный со слов Б. Сарпекова в 1929 г. Текст в транскрипции на латинице и на кириллице и переводом на русский язык. 60 л.

АМЗ – Аман зохиол судлал. Аянган Алдарт Аялган Хонгор. БНМАУ-аас сурвалжлан бичсэн Жангарын туульс. XI боть / Удиртгал ба тайлбар сэлт үйлдэж хэвлэлд бэлтгэсэн У. Загдүрэн. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн хэвлэл, 1977. 234 с.

Джангар. Калмыцкий героический эпос / Тексты 25 песен: в 2-х т. / сост. А. Ш. Кичиков. Т. 2. М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1978. 411 с.

Джангар – Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов. На калм. языке: в 3-х т. Т. I. Переложение с ойратской письменности (тодо бичиг) на современное калмыцкое письмо Тодаевой Б. Х. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 856 с.

Жангарын туульс – Жангарын туульс. Удиртгал ба тайлбар сэлт үйлдэж хэвлэлд бэлтгэсэн У. Загдсүрэн (Эпос «Жангар» / сост., автор предисл. и примеч. У. Загдсүрэн). Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн хэвлэл, 1968. 196 с.

НДЛ – Небесная дева лебедь: Бурятские сказки, предания и легенды / Составление, запись И. Е. Тугутова, А. И. Тугутова; пер. и предисл. А. И. Тугутова, Л. Н. Нуркаевой. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1992. 368 с.

References

Khabunova E. E., Dampilova L. S., Kungaa M. B., Ayuushzhaviyin A. Tuvinskoe skazanie “Bogda Changar khan” i ego konstantnye segmenty v oyratskoy i kalmytskoy versiyakh geroicheskogo eposa “Dzhangar” [The Tuvan legend “Bogda Changar Khan” and its constant segments in the Oirat and Kalmyk versions of the heroic epic “Jangar”]. *Novye issledovaniya Tuvy* [The New Research of Tuva]. 2019, no. 4, pp. 109–118. URL: [https:// nit.tuva.asia/nit/article/view/887](https://nit.tuva.asia/nit/article/view/887) (accessed 14.07.2025). (In Russian)

Khabunova E. E. *Geroicheskiy epos “Dzhangar”: poeticheskie konstanty bogatyrskogo zhiznennogo tsikla. Sravnitel'noe izuchenie natsional'nykh versiy* [The heroic epic “Jangar”: poetic constants of the heroic life cycle (a comparative study of national versions)]. Rostov-on-Don, North Caucasus Scientific Center of Higher School, 2006, 256 p. (In Russian)

Kichikov A. Sh. *Geroicheskiy epos “Dzhangar”. Sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie pamyatnika* [The heroic epic “Jangar”: a comparative and typological study of the monument]. 3rd ed., reprint. Moscow, 1997, 320 p. (In Russian)

Kichikov A. Sh. O tuvinskoy bogatyrskoy skazke “Bogda Changar khane” [About the Tuvan heroic tale “Bogda Chagar-Khan”]. In *Uchenye zapiski Kalmytskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii. Vyp. XI (Seriya filologii)* [Scientific notes of Kalmyk Research Institute of Language, Literature, and History. Iss. XI (Philology series)]. Elista, 1973, pp. 118–121. (In Russian)

Kudiyarov A. V. *Poetiko-stilevye traditsii eposa mongoloyazychnykh i tyurkoyazychnykh narodov Sibiri* [Epic traditions of Siberian Turko-Mongols: poetic and stylistic features]. Moscow, IWL RAS, 2002, 329 p. (In Russian)

Kuular D. S. “Bogda Changar khaan”. Tuvinskiy epos [Bogda Changgar khan (a Tuvan epic)]. In *Uchenye zapiski Kalmytskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii. Vyp. XI (Seriya filologii)* [Scientific notes of Kalmyk Research Institute of Language, Literature, and History. Iss. XI (Philology series)]. Elista, 1973, pp. 122–129. (In Russian)

Kuular D. S. Tuvinskaia versiia “Dzhangara” [A Tuvan version of “Jangar”]. In *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “Dzhangar” i problemy epicheskogo tvorchestva (22–24 avgusta 1990 goda)* [Proceedings of the International Scientific Conference “Dzhangar” and Problems of Epic Creativity (August 22–24, 1990)]. Elista, APP “Dzhangar,” 2004, pp. 143–148. (In Russian)

Meletinskiy E. M. *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa: rannie formy i arkhaiskiye pamyatniki* [The origin of the heroic epic: early forms and archaic monuments]. Moscow, Vost. lit., 1963, 462 p. (In Russian)

Neklyudov S. Yu. *Fol'klorny landshaft Mongolii. Epos knizhnyy i ustnyy* [The folklore landscape of Mongolia. Book and oral epics]. Moscow, Indrik, 592 p. (In Russian)

Ovalov E. B. *Tipologiya motivov i syuzhetov v epose mongol'skikh narodov* [Typology of motifs and stories in the epic of the Mongolian people]. Elista, APP “Dzhangar,” 2004, 184 p. (In Russian)

Propp V. Ya. *Morfologiya skazki [Morphology of the fairytale]*. Leningrad, Academia, 1928, 152 p. (In Russian)

Putilov B. N. *Geroicheskiy epos i deystvitel'nost' [Heroic epic and reality]*. Leningrad, Nauka, 1988, 223 p. (In Russian)

Vladimirtsov B. Ya. *Mongolo-Oyratskiy geroicheskiy epos [The Mongol-Oirat heroic epic]*. B. Ya. Vladimirtsov (Transl., introd. art. and notes). Petersburg, Moscow, Gos. izd., 1923, 254 p. (In Russian)

List of sources

Aman zokhiol sudlal. Ayanan Aldart Ayalgan Khongor. BNMAU-aas survalzhlan bichsen Zhangaryn tuul's [Folklore studies. The Noble Khongor, Renowned for His Campaigns. Tales of Zhangar, Recorded in the Mongolian People's Republic]. U. Zagduren (Prep., introduction, and notes). Ulaanbaatar, Academy of Sciences Publishing House, 1977, vol. 11, 234 p. (In Mongolian)

Arkhir IVR RAN. *Zanhar II: 165. op. 1. no. 14. Burdukov A. V. Sart-kalmytskiy variant "Dzhangara," zapisannyi so slov B. Sarpekova v 1929 g. Tekst v transkriptsii na latinitse i na kirillitse i perevodom na russkiy yazyk [Archive of the Institute of Oriental Studies RAS. Zanhar II: 165. op. 1. No 14. Burdukov A. V. Sart-Kalmyk version of "Jangar" recorded from B. Sarpekov in 1929. The text is transcribed into Latin and Cyrillic and translated into Russian]*. 60 l. (In Sart-Kalmyk)

Dzhangar. Kalmytskiy geroicheskiy epos. Teksty 25 pesen: v 2-kh t., [Jangar. The Kalmyk heroic epic. Texts of 25 songs: in 2 vols.]. A. Sh. Kichikov (Comp.). Moscow, Nauka, vol. 2, 411 p. (In Kalmyk)

Dzhangar. Geroicheskiy epos sin'tsyzanskikh oyrat-mongolov. Na kalm. yazyke: v 3-kh tomakh, t. I. Perelozhenie s oyratskoy pis'mennosti (todo bichig) na sovremennoe kalmytskoe pis'mo Todaevoy B. Kh. [Jangar: a heroic epic of Xinjiang Oirat Mongols. In the Kalmyk language: in 3 vols., vol. I: Translation from the Oirat writing (todo bichig) to the modern Kalmyk writing by Todaeva B. Kh.]. Elista, APP "Dzhangar," 2005, 856 p. (In Russian and Kalmyk)

Nebesnaya deva lebed': Buryatskie skazki, predaniya i legendy [Heavenly maiden swan: buryat fairy tales, legends, and stories]. I. E. Tugutov, A. I. Tugutov (Comps., record.); A. I. Tugutov, L. N. Nurkaeva (Transl. and foreword). Irkutsk, Vost.-sib. kn. izd. 1992, 368 p. (In Russian)

Zhangaryn tuul's [Jangar epic]. U. Zagdsuren (Comp., preface, and notes). Ulaanbaatar, Publishing house of the Academy of Sciences, 1968, 196 p. (In Mongolian).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
16.07.2025*

Сведения об авторах – Information about the Authors

Евдокия Эрэндженовна Хабунова – доктор филологических наук, профессор, директор международного научного центра «Культурное наследие монгольских народов» Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова (Элиста, Россия)

Evdokia E. Khabunova – Doctor of Philology, Professor, Director of International Scientific Centre "Cultural Heritage of Mongolic Peoples", Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (Elista, Russia)

khabunova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2113-6877>

Алимаа Аюушжавийин – доктор наук (PhD), заведующий отделом фольклора Института языка и литературы Академии наук Монголии (Улан-Батор, Монголия)

Alimaa Ayuushzhavijin – PhD (Cultural Study), Head of Folklore Department, Institute of Language and Literature, Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia)

alimaaa@mas.ac.mn, <https://orcid.org/0000-0002-3533-2000>

Об общих сюжетных аспектах алтайских и монголо-ойратских эпических произведений

Т. М. Садалова^{1,2}, Т. Н. Паштакова³

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Элиста, Россия

² Институт алтаистики им. С. С. Суразакова, Горно-Алтайск, Россия

³ Национальный музей Республики Алтай им. А. В. Анохина, Горно-Алтайск, Россия

Аннотация

Представлено сопоставительное исследование алтайского и монголо-ойратского эпоса на материале алтайских героических сказаний, в том числе «Кан-Алтын», и монголо-ойратских сказаний «Хан Харангуй», «Гэсэр». Проведен сравнительный анализ сюжетных линий, мотивов и образов сказаний «Кан-Алтын» и «Хан Харангуй», обозначено отражение образа ойрат-монгольского эпического героя Гэсэра в алтайских мифах и эпосе. Выявлены универсальные мотивы чудесного рождения героев, борьбы с мифологическими врагами в облике чудовищ, сватовства, установления миропорядка на земле. Несмотря на общие историко-культурные пласты в эпосе алтайцев и монголо-ойратов, есть и заметные различия. В монголо-ойратском эпосе прослеживаются буддистские религиозные наслоения, в то время как алтайский сохраняет архаичные мифологические черты.

Ключевые слова

монголо-ойратский эпос, алтайские сказания, архаические истоки, мифы, сюжет, образы, сравнительно-сопоставительный анализ, сказители, Кан-Алтын, Хан Харангуй, Гэсэр

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 24-48-03026 «Эпический ландшафт ойратов России, Монголии и Китая (от архаического эпоса до книжного текста)» (2024–2026 гг., руководитель – Б. А. Бичеев; <https://rscf.ru/project/24-48-03026/>).

Для цитирования

Садалова Т. М., Паштакова Т. Н. Об общих сюжетных аспектах алтайских и монголо-ойратских эпических произведений // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55). С. 43–50. DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-43-50

On common plot aspects of Altai and Mongol-Oirat epics

Т. М. Sadalova^{1,2}, Т. Н. Pashtakova³

¹ Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, Russia

² S. S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaic Studies, Gorno-Altai, Russia

³ National Museum of the Altai Republic named after A. V. Anokhin, Gorno-Altai, Russia

Abstract

This paper presents a comparative study of the Altai and Mongol-Oirat epics. The study is relevant due to its contribution to historical and typological studies of epics, as well as the increasing interest of Turkic-Mongol peoples in preserving their ethnocultural identity. The primary objective was to identify common plotlines, motifs, and images associated with epic characters. Included in the study resources are the Altai heroic tale “Kan-Altyn,” as narrated by storyteller T. A. Chachiyakov, and the Mongol-Oirat tales “Khan-Kharanguy” and “Geser.” A comparative analysis of “Kan-Altyn” and “Khan-Kharanguy” was conducted. In addition, the authors investigated how the image of the hero Geser from the Oirat-Mongol epic is presented in Altai mythology and epic poetry. By focusing on the under-researched epic literature of the Altai and Oirat Mongols, this work introduces a unique perspective to the field of comparative studies involving Turkic and Mongol cultures. The analysis uncovered universal motifs such as the miraculous birth of a hero, battles with mythological monsters, matchmaking rituals, and the

© Т. М. Садалова, Т. Н. Паштакова, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 3 (iss. 55)

establishment of a world order. The key finding of the study is that, despite a shared historical and cultural context, the Mongol-Oirat texts reflect Buddhist influences. In contrast, the Altai narratives preserve a more archaic mythological framework rooted in ancient beliefs. The authors suggest that further comparative analyses of a broader range of epic texts within these traditions would be promising for future research.

Keywords

Mongol-Oirat epic, Altai tales, archaic origins, myths, plot, imagery, comparative analysis, storytellers, Kan-Altyn, Khan-Kharanguy, Geser

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-48-03026, “The epic landscape of the Oirats of Russia, Mongolia and China (from the archaic epic to the book text)” (2024–2026, under the leadership of B. A. Bicheev; <https://rscf.ru/project/24-48-03026/>).

For citation

Sadalova T. M., Pashtakova T. N. Ob obshchikh syuzhetnykh aspektakh altayskikh i mongolo-oyratskikh epicheskikh proizvedeniy [On common plot aspects of Altai and Mongol-Oirat epics]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 3 (iss. 55), pp. 43–50. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-43-50

Введение

Обращаясь к сравнительному анализу алтайского и монголо-ойратского эпоса, стоит отметить, что эта тема уже получила освещение в науке. Например, отдельные аспекты сопоставления монгольского эпоса «Гэсэр» и алтайских сказаний рассматривались рядом исследователей. С. С. Суразаков в статье «К проблеме сравнительно-исторического изучения эпоса народов Сибири» указывал: «Во многих сходных произведениях разных народов особенно близкими являются отдельные эпизоды и мотивы: рождение от старых родителей; богатырь рождается «с золотой грудью и серебряным торсом», «зажав в руке запекшуюся черную кровь»; чудесны и способности богатыря: оборотничество, оживление, вызывание снегопада и т. д.» [Суразаков 1982: 15–16].

В статье «О мифологическом пространстве “Алтай” в эпосе “Гэсэр”» Т. М. Садалова дает общую характеристику Алтая как священной, родовой и «серединной» земли в трехмерном мифологическом измерении пространства и для алтайского, и для монгольского эпоса [Садалова 2016: 481–485].

Нужно отметить весомый вклад в разработку данной темы С. Ю. Неклюдова, выявившего на основе устных и книжных традиций сходство эпоса «Гэсэр» с тюркскими эпосами, в частности, с тувинской и алтайской версиями [Неклюдов 2019: 423–431]. К алтайской версии «Гэсэра» он относит близкие сюжеты в мифах и эпических текстах, зафиксированных В. В. Радловым [1866], Г. Н. Потаниным [1883], В. И. Вербицким [1893]. Интересно, что обнаруженные им параллели касаются деяний Гэсэра и популярных алтайских мифологических персонажей Сартакпая, Тюрун Музыкайа, а также эпического героя Кан-Пудая.

В нашей статье представлен сравнительный анализ эпических сюжетных линий в эпосах алтайцев и монголо-ойратов «Кан-Алтын» и «Хан Харангуй», а также выявление образа Гэсэра в алтайском фольклоре. Алтайский эпос, благодаря сохранению в нем множества архаических сюжетов, мотивов и эпизодов, а также образов, дает представление о богатом и многослойном его содержании. В нем обнаруживаются сюжетные линии, перекликающиеся с монголо-ойратскими сказаниями.

Алтайский эпос «Кан-Алтын», анализируемый здесь в сопоставлении с монголо-ойратскими эпическими произведениями, был записан у известного алтайского сказителя Т. А. Чачиякова; его варианты были зафиксированы у А. Г. Калкина и С. И. Савдина [Алтайские героические сказания 1997]. Видимо, этот эпос был одним из самых популярных героических сказаний. Особого внимания заслуживает и тот факт, что Т. А. Чачияков и С. И. Савдин усвоили «Кан-Алтын» от одного и того же учителя – Сакарова Кууака. Как указывает З. С. Казагачева, на основе широкого спектра текстов эпоса можно выявить не только особенности сказительских традиций, представленных тремя названными исполнителями алтайского эпоса, но и все то, что присуще эпическому наследию алтайцев в целом [Казагачева 2002а: 18]. В архиве Института алтаистики им. С. С. Суразакова хранятся разновременные записи сказания «Кан-Алтын» от Т. А. Чачиякова 1965 и 1985 гг. [Казагачева 2002б: 121].

Сказание «Хан Харангуй», по мнению Г. Д. Санжеева, является весьма большим произведением для монголо-ойратского героического эпоса. Обычные халха-монгольские улигеры могут содержать до полутора тысяч стихов [Санжеев 1937: 17]. Оба сравниваемых произведения – и «Кан-Алтын», и «Хан Харангуй» – имеют объем более 4000 строк и представляют собой обширный материал для анализа.

1. Сравнительный анализ сказаний «Кан-Алтын» и «Хан Харангуй»

Во всех разновременных записях эпоса «Кан-Алтын» от Т. А. Чачиякова устойчиво сохраняется сюжетная канва, связанная с мотивом о бездетном хане и чудесном рождении сына. Однако основной конфликт, который заключается в борьбе представителей трех миров за обладание чудесными музыкальными инструментами – «золотым шором с шестью суставами» и «медным шором с семью суставами», в других текстах отсутствует [Казагачева 2002б: 185].

В эпосе «Кан-Алтын» один за другим следуют эпизоды, в которых богатырь Кан-Алтын и его рыжий конь борются с враждебными силами. Сначала они противостоят двум одинаковым Кюлер-каанам «на двух одинаковых бурых конях», затем следует сюжет о борьбе «с двумя Дьек-Дьыланами» (Глоталами-Змеями). Одержав победу над ними, Кан-Алтын и его конь вступают в битву с Дьингис-кааном «в шапке из дерна» и, наконец, с семью шулмусами [Алтайские героические сказания 1997: 393–493]. В завершающем сюжете на первое место выходит сын богатыря, который добывает себе невесту и женится на ней [Там же: 501–551].

Кан-Алтын с божественными дарами (золотой и медный шор) приравнен к божеству. Подтверждение тому – ниспосланность ему не только шоров, но и «небесных коней» (огненно-рыжих жеребцов), и другие признаки [Казагачева 2002б: 219].

С. Ю. Неклюдов, ссылаясь на монгольского исследователя Хорлоо, пишет, что Хан Харангуй рожден «противостоять земле и бороться с небом» [Неклюдов 1984: 106]. Как правило, покровителями Хан Харангуя выступают буддийские божества: «Хан Харангуй выходит победителем в борьбе с посланцами тэнгриев лишь благодаря тому, что ему помогают буддийские божества... а на челе у него величие Махакалы» [Санжеев 1937: 22].

Борьбу с мирами мы наблюдаем и в «Кан-Алтыне», где активно задействованы все три мира: «главным противником Кан-Алтына выступает Эрлик, Кан-Алтын не спускается в Нижний мир, его борьба с посланцами Эрлика происходит в Среднем мире» [Казагачева 2002б: 12].

Сюжет «Кан-Алтына» построен на мотивах, к которым относятся: сборы богатыря в поход, путь богатыря (преодоление множества гор, рек, степей), встреча с врагами и сражение, исход поединка, посещение земли врага, возвращение домой, сон. Главной завязкой сюжета являются звуки музыкального инструмента – шора, которые слышали Уч-Курбустаны Верхнего мира, Кюлер-кааны в Среднем мире и Эрлик в Нижнем мире [Алтайские героические сказания 1997: 333]. С этого момента начинается борьба за обладание шорами. Второе существенное дополнение касается причин поведения эпических персонажей – ста богатырей, помощников Кан-Алтына, и его сына (в эпизоде борьбы с семью шулмусами).

Противников Хана Харангуя можно разделить на две категории: пятнадцатиголовый мангус, Эрхим Хара и Хатан Цэнгэл, с одной стороны, Наран Саран Тулай, пять драконов, хан мангусов, неизвестное существо и черный злобный враг, с другой. Если первые противники борются с Ханом Харангуем из-за личных интересов, то другие сражаются с ним по поручению Бурал-хана и тэнгриев.

В героическом сказании «Кан-Алтын» часть сюжетных линий связана с противостоянием Кан-Алтына с Кан-Капшукаем, Кюлер-каанами, мифологическими Глоталами-Змеями, Дьингис-кааном. Также сюжетную линию составляют мотивы героического сватовства и женитьбы сына Кан-Алтына, Алтын-Топчы, на единственной сестре ста богатырей и совместное противостояние сына и отца семи шулмусам.

В обоих эпических текстах присутствует мотив оживления героев: самого Хан Харангуя, его младшего брата Уладай Мэргэна и побратима Хиргис Сайн Буйдэра, превращенных в девяностоголового черного мангуса, каменное изваяние и желтого вепря соответственно. Родившийся в их отсутствие племянник Хан Харангуя по совету родителей отправляется к бодхисаттве Хоншиму, который сообщает ему о трех буддийских святынях [Санжеев 1937: 74]. Именно с помощью этих святынь юному герою удастся вернуть к жизни трех «заколдованных» богатырей. «Сказание завершается описанием счастливой семейной жизни героев в обществе их прекрасных жен и

сыновей – наследников богатырской славы» [Дугаров 2018: 135]. В алтайском эпосе Кан-Алтын и его сын Алтын-Топчы живыми травами и целебными водами оживляют сто богатырей, братьев супруги [Алтайские героические сказания 1997: 535].

Помощниками Хана Харангуя являются его брат Уладай Мэргэн и Хиргис Сайн Буйдэр, Бурал-хану же помогают Наран Саран Тулай и силачи Аргай Бухэ, Шаргай Бухэ.

В эпосе «Кан-Алтын» мотив рождения сына Кан-Алтына в его отсутствие и сильного батыра-помощника в его лице усиливают мощь отца. Алтын-Топчы, приехавший свататься к сестре Ак-богатырей, застаёт битву братьев с семью шулмусами (борьба с этими мифологическими противниками длится уже сто лет) и спешит им помочь. Но тут он обнаруживает следы коня необычайно могущественного богатыря. Оказывается, когда шулмусы истребили почти всех братьев-богатырей, подоспевший Кан-Алтын расправился с пятью шулмусами и теперь сражается с шестым. Алтын-Топчы тоже вступает в битву. Рядом бьются богатыри двух поколений [Там же: 421–531].

Обычно помощниками героя являются равные ему или побежденные им богатыри, принявшие клятву быть названными братьями, условием их побратимства является помощь друг другу во всех тяжелых ситуациях. В героическом эпосе монголо-ойратов побратимство совершается в результате того, что два витязя не могут одолеть друг друга. В эпосе «Кан-Алтын», когда прожорливые Кюлер-кааны погибают, Кан-Алтын проявляет милосердие по отношению к малолетнему сыну Кюлер-каанов, который впоследствии становится его побратимом [Там же: 551]. В алтайском эпосе побратимы есть и у отрицательных героев. Узнав о том, что у двух Кюлер-каанов есть друзья-побратимы – два кровожадных змея (самка и самец), Кан-Алтын приезжает к чудовищам и уничтожает их. Огненной стрелой, посланной из богатырского лука, он сжигает дотла землю чудовищ [Там же: 403].

Так, в сопоставляемых сказаниях мы выявляем основную сюжетную линию: участие главных героев в борьбе Верхнего и Нижнего миров на стороне небесных божеств. При этом обнаружены сходные мотивы и эпизоды: отправка богатырей в поход, преодоление препятствий, битвы с врагами, победа над врагами. Достаточно ярко перекликаются характеристики главных героев, образы их помощников. Как в алтайском, так и в монголо-ойратском эпосах представлены мотивы побратимства, которые являются важными составляющими в эпических произведениях. В них почти одинаково происходит распределение на помощников героев и их противников.

2. Отражение образа Гэсэра в алтайских мифах и эпосе

Лексема *кезер* / *кесер* в алтайских эпических произведениях является нарицательной и выступает синонимом слова ‘батыр’, которое означает титул героя. Как отмечает С. С. Суразаков, «наряду со словом “баатыр”, общим для монголов и тюрков, сохранились и другие древние титулы воинов и бытовые наименования героев: *алын* (в орхонском памятнике – *алт*), *эр*, *кезер*, *кюлюк*, *солоон*» [Суразаков 1985: 30]. В другом случае слово *кесер* понимается как ‘богатырь, силач’ [Алтайские героические сказания 1997: 639].

В мифах, опубликованных К. В. Ядановой, упоминается персонаж Кесер в числе создателей мира: «Боудо-Бырман и Кесер создают землю. Боудо предопределяет людям жизнь: умирать и в младенчестве, и в старости... Кэсер – хозяин земли, Боудо – дух-хозяин Бога-кудая...» [Яданова 2013: 116]. К. В. Яданова, комментируя пояснения своего информанта о функции Боудо, предполагает: «рассказчица, видимо, имела в виду, что Боудо является высшим богом». И упоминает еще одно уточнение респондента: «Боудо и Кесер создавали землю. Боудо и Кесер вдвоем землю творили – творили, творили-творили, создавая, оказывается, встретились» [Яданова 2013: 223]. Другими словами, в этих мифах Кесер входит в число божественных творцов земли, хотя он и ниже по статусу, чем верховный бог Боудо. К тому же в этом мифе отмечается, что последнее слово божественного творца остается за Боуди: «Кесер говорит: “Люди много не размножатся. Человек должен быть сильным, должен [жить] много лет. Детей... больше двух-одного не должен иметь детей...” Боудо, оказывается, скажет: “Людей должно быть и много, и мало... Кесер хозяин земли, Боудо же, хозяин [наверху]» [Яданова 2013: 225]. Таким образом, Кесер в алтайских мифах является одним из небожителей.

Роль Кесера перекликается с функцией персонажа Тюрун-Музыкай, которого С. Ю. Неклюдов считает образом Гэсэра в алтайской мифологии: «Он – владыка среднего из девяти миров (что соответствует эпитету Гэсэра “владыка десяти стран света”), один из трех богатырей

верховного бога Ульгена (в чем легко усмотреть трансформацию мотива “один из трех сыновей верховного бога”))» [Неклюдов 2019: 428]. То есть в алтайской мифологии в характеристике божественных персонажей прослеживаются мотивы, связанные с монгольским эпическим героем Гэсэром.

Сопоставляя эпос «Гэсэр» с алтайскими эпическими текстами, С. С. Суразаков выделяет мотив «трудные поручения» в эпизоде брачных испытаний, когда Гэсэр должен достать перья птицы Хан-Хэрдиг [Суразаков 1982: 16]. В алтайских сказаниях подобный мотив является достаточно распространенным. Мотивы трудных поручений, брачных состязаний являются частями крупного архаического мотива о героическом сватовстве. Например, в алтайском сказании «Аин-Шаин-Шикширге» герой выполняет трудное поручение – привозит в ставку Тойбон-хана Кан-Кереде [Никифоров 1915: 232]. В «Гэсэре» мотив трудных поручений органично соединяется с мотивом змееборства.

В примечаниях к «Аносскому сборнику» Г. Н. Потанин сопоставляет мотив испытания отцом своих сыновей в сказании «Тектебей-Мерген» с испытанием трех молодых людей, младшим из которых оказался Гэсэр [Никифоров 1915: 234].

В автобиографических воспоминаниях исследователя и исполнителя эпоса И. Б. Шинжина есть упоминание о сказителях, в репертуаре которых был эпос «Кезер»: его брат Тензе знал много героических сказаний, в том числе «Кан-Кезер», «Кезер», он упоминает имя еще одной сказительницы – Тужаловой Талат, которая знала эпос «Кезер»: «Она исполняла “Кан-Кезер”, “Янгар” и другие сказания. Не каем, а полугортанным пением. Порой сопровождала свое исполнение игрой на топшууре, а иногда без топшуура»¹. Из услышанных в детстве сказаний И. Б. Шинжин воспроизвел несколько: «Алтын-Саадак», «Кан-Шиней», «Ай-Мерген» – и к концу жизни издал сказание «Кезер» под названием «Чыдым ла ойгор Кезер-Баатыр» («Мужественный и мудрый Кезер-Богатырь») [Шинжин 2020].

В бурятской версии эпоса «Гэсэр» герой, будучи сыном небожителя Хурмасты, заново рождается на земле от престарелых родителей [Абай Гэсэр-Хубун 1961: 30]. В алтайском эпосе достаточно распространенным является мотив рождения героя от престарелых родителей или неизвестный факт его рождения (чудесное рождение). В связи с этим мы соглашаемся с В. Ц. Найдаковым и С. Ш. Чагдуровым, которые объясняют второе рождение Гэсэра на земле таким образом: «Гэсэр – сын небожителя Хурмасты, вступив в пределы земли и став обитателем срединного мира, заново рождается на земле от земных родителей, по представлениям создателей эпоса, небесному жителю не дано вмешиваться в земные дела, также невозможным признается и «вторжение» в иную сферу. Чтобы получить право участвовать в делах людей, эпический герой должен сделаться земным по происхождению, то есть приобрести новую земную ипостась» [Найдаков, Чагдуров 1986: 7]. В алтайском эпосе «Янгар» Мать-Пуповины Земли (божество-покровитель героев в среднем мире) просит верховное божество Юч Курбустана сотворить для битвы с подземными силами нового богатыря – Бодой батыра, но чтобы стать земным богатырем, тот рождается из градинки, проглоченной престарелой женщиной, и вырастает в течение нескольких дней [Янгар 2025: 224]. В «Гэсэре» герой для поиска души чудовища Орголи попадает в его утробу [Гэсэр 1986: 275], в алтайских сказаниях душа врага находится вне его тела [Маадай Кара 1973; Янгар 2025]. В алтайской эпической традиции мотив поиска души героя также является популярным.

В «Чыдым ла ойгор Кезер-Баатыр» в исполнении И. Б. Шинжина содержание эпического произведения в целом соответствует алтайским героическим сказаниям, состоящим из традиционных мотивов (рождение героя, наречение имени, получение боевого коня, выезд на охоту и т. д.). Но в нем наблюдаются и определенные параллели с монгольским эпосом «Гэсэр». Так, герой тоже рождается от престарелых родителей, отца зовут Кан-Сюмер (букв.: Прекрасный Сюмер, от *сюмер* ‘вершина высокой горы’), мать – Эне-Дьай (букв.: Мать-Лето; возможно, здесь сокращенный вариант теонима Эне-Дьайаачы ‘Мать-Творец’), что свидетельствует об их необычности и указывает на их высокий статус в среднем мире. Кезер рождается с наконечником стрелы в правой ладони [Шинжин 2020: 12], и этот мотив известен не только в алтайских сказаниях

¹ НМРА КП ОФ 12645/78 – Автобиография И. Б. Шинжина; записана И. Б. Шинжиным для Бориса Михайловича Шульгина. Рукопись на шести листах, датирована 28.01.1999 г.

и преданиях, но и в монгольском фольклоре. Важно, что в самом тексте алтайского сказания подчеркивается, что Кезер спущен с неба для управления народом на земле [Шинжин 2020: 24].

Общие с «Гэсэром» мотивы следует отметить в популярных алтайских сказаниях: освобождение родителей из плена подземного владыки Эрлик-бия и в финале вознесение на небо богатыря [Маадай-Кара 1973: 435–436], а в «Гэсере» повествуется «о вызволении его земной матери из ада, а также о возвращении героя на небо после завершения земной миссии» [Неклюдов 2019: 261]. Гэсэр воюет с многочисленными чудовищами, что также часто встречается в алтайских сказаниях, например, в сказании И. Б. Шинжина Кезер сталкивается с многоголовым чудовищем Дьелбегеном [Шинжин 2020: 64–67].

Как главный герой сказаний о Гэсэре, так и алтайские богатыри видят свое предназначение в защите земли, в победе над всевозможными врагами, чудовищами, в установлении мира. В алтайских мифах и эпических сказаниях наблюдаются мотивы перерождения небожителей на земле или чудесное рождение посланников верховных божеств с конкретными задачами для противостояния с чудовищами и победы над ними.

Заключение

Сравнение сюжетных линий, мотивов и образов монголо-ойратских и алтайских героических сказаний позволяет говорить об их общих архаических истоках. В сопоставляемых эпических произведениях алтайцев и монголо-ойратов «Кан-Алтын» и «Хан Харангуй» выявлены наиболее универсальные мотивы чудесного рождения героев, борьбы с мифологическими врагами в облике чудовищ, сватовства, установления миропорядка. К совпадающим сюжетным линиям относятся: борьба героев на стороне небесных божеств с антагонистами из подземного мира (отправка богатырей в поход, преодоление препятствий, битвы с врагами, победа над врагами). Во многом похожи образы главных героев, их помощников.

После проведенного анализа отражения образа монголо-ойратского эпического героя Гэсэра в алтайских мифах и эпосе выявлены совпадения не только мотивов в сказаниях (чудесное рождение у престарелых родителей, исполнение трудных поручений, поиски души врага, возвращение героем родителей из подземного мира), но и характеристик героев в мифологических рассказах (божественное происхождение, отправка героя на землю для защиты людей). Это свидетельствует о достаточно раннем возникновении и единых корнях этих эпических сюжетов и мотивов. Несмотря на общие страницы в истории и культуре проживающих по соседству народов, в монголо-ойратском эпосе проявляются буддистские религиозные наслоения, тогда как в алтайском эпосе наблюдается мифологическая картина противостояния разных уровней трехмерного пространства, что отражает более древнюю религиозно-идеологическую систему.

Список литературы

- Абай Гэсэр-Хубун*: Эпопея: (Эхирит. булагат. вариант) / Записан Ц. Жамцарано у сказителя Маншута Имегенова; подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хоимонова; АН СССР. Сиб. отд-ние. Бурят комплекс. НИИ. Улан-Удэ, 1961. 231 с.
- Алтайские героические сказания*. Очи-Бала. Кан-Алтын / Отв. ред. тома В. М. Гацак. Новосибирск: Наука, 1997. 668 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 15).
- Вербицкий В. И.* Алтайские инородцы. М.: Скоропеч. А. А. Левенсон, 1893. 221 с.
- Гэсэр*. Бурятский героический эпос. Перевод В. Солоухина / Науч. ред. С. Ш. Чагдуров. Т. 1. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1986. 288 с.
- Дугаров Б. С.* Эпос «Хан Харангуй»: традиция и буддийская интерпретация // Буддийская культура: история, источниковедение, языковедение и искусство. Седьмые Доржиевские чтения: Буддизм и современный мир. СПб.: Свое издательство, 2018. С. 133–139.
- Казагачева З. С.* Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын». Аспекты текстологии и перевода: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002а. 48 с.
- Казагачева З. С.* Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын» (Аспекты текстологии и перевода). Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 2002б. 352 с.
- Маадай Кара*. Алтайский героический эпос / сост. С. С. Суразаков. М.: Наука, 1973. 465 с. (На алтайском и русском яз.)

- Найдаков В. Ц., Чагдуров С. Ш. Героический эпос бурят // Гэсэр. Бурятский героический эпос. Т. 1. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1986. 288 с.
- Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1984. 308 с.
- Неклюдов С. Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 592 с.
- Никифоров Н. Я. Аноский сборник / Зап. Н. Я. Никифорова от сказителя Ч. Куранакова. Пер. Н. Я. Никифорова, Г. Н. Потанина. Предисл. и примеч. Г. Н. Потанина. Омск: Типография штаба Омского военного округа, 1915. 262 с.
- Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. 1. СПб.: Типография Академии наук, 1866. 419 с.
- Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб.: Имп. РГО, 1883. 1026 с.
- Садалова Т. М. О мифологическом пространстве «Алтай» в эпосе «Гэсэр» (About the mythological space “Altai” in the epic “Geser”) // The 8th International Conference on Geser / Geser Studies in Congratulation of the 300th Anniversary of the Publication of Beijing Woodenblock Geser. Beijing, China, 2016. Pp. 481–485.
- Санжеев Г. Д. Монгольская повесть о хане Харангуй. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 170 с.
- Суразаков С. С. Из глубины веков. Статьи о героическом эпосе алтайцев. Сост. З. С. Казагачева. Горно-Алтайск: Алт. книж. отд-ние, 1982. 144 с.
- Суразаков С. С. Алтайский героический эпос / Под ред. В. М. Гацака. М.: Наука, 1985. 256 с.
- Шинжин Т. Б. Чыдым ла ойгор Кезер-Баатыр («Мужественный и мудрый Кезер-Богатырь»). Алтайское героическое сказание. Онгудай: Арусвати, 2020. 368 с.
- Яданова К. В. Предания, легенды, былички теленгитов долины Эре-Чуй. Горно-Алтайск, 2013. 256 с.
- Янгар. Алтайский героический эпос. Н. К. Ялатов. Т. 2 / Перев. Т. М. Садалова, Т. Н. Паштакова. Горно-Алтайск: Литературно-издательский дом «Алтын-Туу», 2024. 476 с.

References

- Abay Geser-Khubun: Epopeya: (Ekhirit. bulagat. variant) [Abai Geser-Khubun: Epopeya: (Ekhirit-Bulagat variant)]*. Recorded by Ts. Zhamtsarano from the storyteller Manshut Imegenov; M. P. Khomonov (text prep., transl., and notes). Buryat Complex Research Institute SB AS USSR. Ulan-Ude, 1961, 231 p. (In Russian)
- Altayskie geroicheskie skazaniya. Ochi-Bala. Kan-Altyn [Altai heroic tales. Ochi-Bala. Kan-Altyn]*. V. M. Gatsak (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 1997, 668 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]; Vol. 15). (In Russian)
- Dugarov B. S. Epos “Khan Kharanguy”: traditsiya i buddiyskaya interpretatsiya [The epic “Khan Harangui”: tradition and Buddhist interpretation]. In *Buddiyskaya kul'tura: istoriya, istochnikovedenie, yazykoznanie i iskusstvo. Sed'mye Dorzhievskie chteniya: Buddizm i sovremennyy mir [Buddhist culture: history, source studies, linguistics and art. Seventh Dorzhiev readings: Buddhism and the modern world]*. St. Petersburg, Svoe izd., 2018, pp. 133–139. (In Russian)
- Geser. *Buryatskiy geroicheskiy epos [Buryat heroic epic]*. V. Soloukhin (Transl.), S. S. Chagdurov (Ed.). Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1986, vol. 1, 288 p. (In Russian)
- Kazagacheva Z. S. *Altayskie geroicheskie skazaniya “Ochi-bala,” “Kan-Altyn.” Aspekty tekstologii i perevoda [Altai heroic tales “Ochi-bala,” “Kan-Altyn.” Aspects of textology and translation]*. Abstract of Cand. philol. sci. diss., Moscow, 2002, 48 p. (In Russian)
- Kazagacheva Z. S. *Altayskie geroicheskie skazaniya “Ochi-bala,” “Kan-Altyn” (Aspekty tekstologii i perevoda) [Altai heroic tales “Ochi-Bala,” “Kan-Altyn” (Aspects of textology and translation)]*. Gorno-Altaysk, Gorno-Alt. tip., 2002, 352 p. (In Russian)
- Maaday Kara. *Altayskiy geroicheskiy epos [Maadai Kara. Altai heroic epic]*. S. S. Surazakov (Comp.). Moscow, Nauka, 1973, 465 p. (In Altai and Russian)
- Naydakov V. Ts., Chagdurov S. Sh. *Geroicheskiy epos buryat [Heroic epic of the Buryats]*. In *Geser. Buryatskiy geroicheskiy epos [Geser. The Buryat heroic epic]*. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1986, vol. 1, pp. 5–12. (In Russian)

Neklyudov S. Yu. *Fol'klorny landscape Mongolii. Epos knizhnyy i ustnyy* [Folklore landscape of Mongolia. Book and oral epics]. Moscow, Indrik, 2019, 592 p. (In Russian)

Neklyudov S. Yu. *Geroicheskiy epos mongol'skikh narodov. Ustnye i literaturnye traditsii* [The Heroic Epic of the Mongolian peoples. Oral and literary traditions]. Moscow, Glav. red. vost. lit., Nauka, 1984, 308 p. (In Russian)

Nikiforov N. Ya. *Anoskiy sbornik* [Anoss collection]. Recorded by N. Ya. Nikiforov from the storyteller Ch. Kuranakov. N. Ya. Nikiforov, G. N. Potanin (Transl.), G. N. Potanin (Preface and notes). Omsk, Tip. shtaba Omskogo voennogo okruga, 1915, 262 p. (In Russian)

Potanin G. N. *Ocherki Severo-Zapadnoy Mongolii. Vyp. IV. Materialy etnograficheskie* [Essays on North-Western Mongolia. Issue IV. Ethnographic materials]. St. Petersburg, Imp. RGO, 1883, 1026 p. (In Russian)

Radlov V. V. *Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoy Sibiri i Dzungarskoy stepi* [Samples of folk literature of the Turkic tribes living in Southern Siberia and the Dzungarian steppe]. St. Petersburg, Tip. Akademii nauk, 1866, pt. 1, 419 p. (In Russian)

Sadalova T. M. O mifologicheskom prostranstve "Altay" v epose "Geser" (About the mythological space "Altai" in the epic "Geser"). In *The 8th International Conference on Geser. Gesar Studies in Congratulation of the 300th Anniversary of the Publication of Beijing Woodenblock Geser*. Beijing, China, 2016, pp. 481–485. (In Russian)

Sanzheev G. D. *Mongol'skaya povest' o khane Kharanguy* [The Mongolian Tale of Khan Harangui]. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1937, 170 p. (In Russian)

Surazakov S. S. *Iz glubiny vekov. Stat'i o geroicheskom epose altaytsev* [From the depths of the centuries. Articles on the heroic epic of the Altaians]. Z. S. Kazagacheva (Comp.). Gorno-Altaysk, Altayskoe kn. otd., 1982, 144 p. (In Russian)

Surazakov S. S. *Altayskiy geroicheskiy epos* [Altai heroic epic]. V. M. Gatsak (Ed.). Moscow, Nauka, 1985, 256 p. (In Russian)

Shinzhin T. B. *Chydym la oygor Kezer-Baatyr. Altayskoe geroicheskoe skazanie* [The courageous and wise Kezer-Bogatyir. Altai heroic legend]. Onguday, Arusvati, 2020, 368 p. (In Russian)

Verbitsky V. I. *Altayskie inorodtsy* [Altai members of national minority]. Moscow, Skoropech. A. A. Levenson, 1893, 221 p. (In Russian)

Yadanova K. V. *Predaniya, legendy, bylichki telengitov doliny Ere-Chuy* [Legends, epics of the Telengites of the Erechui Valley]. Gorno-Altaysk, 2013, 256 p. (In Russian)

Yangar. *Altayskiy geroicheskiy epos* [Yangar. Altai heroic epic]. Storyteller Nikolai Yalatov. T. M. Sadalova, T. N. Pashtakova (Transl.). Gorno-Altaysk, Literat.-izd. dom "Altyn-Tuu," 2024, vol. 2, 476 p. (In Russian)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
24.08.2025

Сведения об авторах – Information about the Authors

Тамара Михайловна Садалова – доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (Элиста, Российская Федерация); Институт алтаистики им. С. С. Суразакова (Горно-Алтайск, Россия)

Tamara M. Sadalova – Doctor of Philology, Senior Researcher, Kalmyk State University named after. B. B. Gorodovikov (Elista, Russian Federation); S. S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaic Studies (Gorno-Altaysk, Russian Federation)

sadalova-t@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7984-2379>

Татуна Николаевна Паштакова – научный сотрудник, Национальный музей Республики Алтай им. А. В. Анохина (Горно-Алтайск, Россия)

Tatuna N. Pashtakova – Researcher, National Museum of the Altai Republic named after A. V. Anokhin (Gorno-Altaysk, Russian Federation)

ms.tatuna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2659-3572>

Тувинский варган *демир-хомус*: история изучения, морфология, исполнительство

Е. Л. Тирон

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению *демир-хомуса* тувинцев. Материалом для анализа являются варганы из архивных коллекций музеев России, опубликованные источники и материалы экспедиции 2025 г. Проследив историю фиксации и изучения *демир-хомуса* тувинцев начиная с конца XIX в. и до настоящего времени, автор приходит к выводу о бытовании с конца XIX – начала XX вв. дугообразно-стержневой формы и фиксации пластинчатой формы только с 1970-х гг. Охарактеризованные в статье техника игры на *демир-хомусе* и жанровые формы хомусной музыки, по мнению автора, тесно связаны со сферой музицирования. Отмечены тенденция угасания бытования хомусной музыки в народной среде, профессионализация и актуализация через конкурсную и образовательную деятельность.

Ключевые слова

варган, хомус, демир-хомус, традиционные музыкальные инструменты, инструментальная музыка, тувинцы, этномузыкознание

Благодарности

Автор выражает благодарность коллегам Ч. С. Тумат, М. М. Бадыргы, А. Х. Кан-оол, А. В. Байыр-оол, а также сотрудникам тувинских учреждений культуры за ценные консультации.

Для цитирования

Тирон Е. Л. Тувинский варган *демир-хомус*: история изучения, морфология, исполнительство // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. XX). С. 51–61. DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-51-61

The Tuvan *demir-khomus* jaw harp: history of research, morphology, and performance

E. L. Tiron

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russia

Abstract

This article is dedicated to the metallic heteroglot jaw harp of the Tuvans, known as the *demir-khomus* (i.e., an instrument with a vibrating tongue made of a different material than the frame). An examination was conducted of instruments held within Russian museum collections (Kyzyl, Yakutsk, St. Petersburg, and others). The data analyzed include published sources and materials gathered during a field expedition to Tuva in 2025. This expedition was part of the Cycle of Folklore Expeditions for the Preparation of Intangible Ethnocultural Heritage Objects, organized with the support of the Ministry of Culture of the Russian Federation, the Russian State House of Folk Art, and the Republican Center for Folk Art and Leisure. The author identifies two Tuvan *demir-khomus* varieties (arc-shaped and plate-shaped) and details the evolution of their recording and research, spanning from the late 19th century to the modern era. The article describes the playing techniques and genre forms of Tuvan jaw harp music, which are suggested to relate closely to the sphere of musical performance. Particular attention is given to the professionalization of the jaw harp performance in Tuva, beginning in the 1930s, and the emergence and spread of ensemble playing in the second half of the twentieth century. However, it is noted that the *khomus* persisted in the realm of folklore even as it began to be performed onstage. Currently, a decline in the popularity of *khomus* music is observed in the Republic of Tuva. Cultural institutions conduct various competitions featuring masters and performers of the *khomus* to promote this musical instrument.

© Е. Л. Тирон, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 3 (iss. 55)

Keywords

jaw harp, khomus, demir-khomus, traditional musical instruments, instrumental music, Tuvans, ethnomusicology

Acknowledgements

The author expresses gratitude to colleagues Ch. S. Tumat, M. M. Badyrgy, A. H. Kan-ool, and A. V. Bayyrol, as well as to the staff of Tuvan cultural institutions, for their valuable consultations.

For citation

Tiron E. L. Tuvinskiy vargan *demir-khomus*: istoriya izucheniya, morfologiya, ispolnitel'stvo [The Tuvan *demir-khomus* jaw harp: history of research, morphology, and performance]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 3 (iss. 55), pp. 51–61. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-51-61

Введение

В июле 2025 г. в Республике Тыва была проведена работа по подготовке объектов нематериального этнокультурного достояния в рамках Цикла фольклорных экспедиций, реализуемого при поддержке Министерства культуры РФ Государственным Российским Домом народного творчества им. В. Д. Поленова и Республиканским центром народного творчества и досуга (рук. группы Е. Н. Ондар, эксперты Е. Л. Тирон, В. А. Беляева-Сачук, оператор В. А. Ооржак). Одним из объектов являлся тувинский варган *хомус*, а именно технология изготовления и игра на всех его разновидностях.

Цель статьи – на основе собранной в экспедиции информации, а также архивных материалов и опубликованных источников дать комплексное описание наиболее распространенного в настоящее время у тувинцев *демир-хомуса* ‘железного хомуса’: проследить историю фиксации и изучения, описать его разновидности, технику игры, жанровые группы хомусной музыки, а также рассмотреть сферы применения *демир-хомуса*¹.

1. История фиксации и изучения тувинского *демир-хомуса*

Наиболее ранняя фиксация *демир-хомуса* относится к 1889 г. и принадлежит Н. Ф. Катанову, который увидел этот железный *коңыс*² (7,8 см³) у сойотки⁴ по имени Сапанай из Ойнарского хожуна Урянхайского края⁵. Исследователь приводит рисунок стержневого дугообразного варгана с выступающим за основание язычком и размеры инструмента: ширина основания – $\frac{1}{2}$ вершка (2,2 см), ширина в месте сужения щечек – $\frac{1}{4}$ вершка (1,1 см)⁶, толщина основания – $\frac{1}{16}$ вершка (0,3 см), длина язычка – $1\frac{3}{4}$ вершка (7,8 см). Впервые дается краткое описание игры на инструменте: «толстый конец берется в левую руку, а правый между зубов; указательным пальцем правой руки проволока трогается (перебирается); узкий конец сжимается зубами. Звуки получаются низкие (октава)» [Катанов 2011: 58].

В каталоге экспонатов Минусинского музея, составленном в 1900 г. Е. К. Яковлевым, имеется указание на три сойотских *тимыр комыза*. Прилагается и небольшое описание варгана и игры на нем: «тимыр комыз (железная музыка) – состоит из железной развилки, внутри которой дрожит при малейшем движении металлическая пластинка. Комыз берется в рот между зубами и испускает ряд однообразных звуков от выдыхания музыкантом воздуха изо рта и треньканья по струне пальцем; в большом употреблении у женщин и особенно у девушек. Размеры: дл. 5,5 снт.; шир. 1 снт.» [Яковлев 1900: 114–115].

В. Ю. Сузукей приводит информацию о том, что в 1902–1903 гг. Ф. Я. Кон в экспедиции в Урянхайский край зафиксировал распространенность у сойотов *тэмир-комыза* [Сузукей 1991: 59]. Ф. Я. Кон пишет и об особом, почетном статусе кузнеца: «когда кузнец за работой, а в юрту

¹ Обзор дискографии тувинской хомусной музыки не входит в задачи автора настоящей статьи.

² Здесь и далее в этом разделе написания терминов, обозначающих *демир-хомус*, приводятся в оригинальной орфографии. Отметим постепенное формирование термина *демир-хомус* как денотата.

³ В скобках указываются известные длина и, реже, ширина инструмента.

⁴ Одно из устаревших названий тувинцев, бытовавшее до 1930-х гг.

⁵ Урянхайский край – историческое название территории, совпадающей с границами современной Тувы, употреблявшееся в XIX – начале XX вв.

⁶ Ширина инструмента с двух сторон указана довольно большая: $\frac{1}{2}$ ($\frac{1}{4}$) вершка и $\frac{3}{4}$ ($\frac{1}{2}$) вершка.

входит чиновник, мастер не должен отвлекаться от работы для его приветствия: “работа кузнеца старше”» [Кон 1936: 71].

Г. Е. Грумм-Гржимайло называет *темир-комыз* сойотов «своеобразным музыкальным прибором, состоящем из железной развилки, к изогнутой стороне которой прикреплена очень тонкая железная же пластинка, приходящая в вибрирующее состояние при малейшем движении» [Грумм-Гржимайло 1926: 117], но игру на этом инструменте в путешествии 1903 г. ему слышать не довелось.

В 1908 г. два *хамыса* были собраны В. Н. Васильевым у сойотов на р. Тапса и хранятся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН⁷. Первый из них является стальным стержневым дугообразным *демир-хомусом* (5,2 на 0,3–0,9 см) с выпирающим за пределы основания язычком.

В статье З. Эвальд, В. Косованова и С. Абаянцева «Музыка и музыкальные инструменты народностей Сибири» имеется иллюстрация, на которой изображен подковообразный варган «*омон-хур (темир-комыс)* алтайских турок, бурят и тувинцев; *хомыс* – якутов» [Эвальд и др. 1932: 578]. В описании дается также самое общее представление о варганах народов Сибири как о наиболее распространенном музыкальном инструменте, который «состоит из металлической пластинки, согнутой дугообразно или прямой, с прикрепленным к ней язычком. При игре инструмент вставляется в рот, заменяющий резонатор. Звук извлекается путем вибрации язычка, который приводится в движение пальцем» [Там же: 595]. В статье Г. И. Благодатова «Музыкальные инструменты народов Сибири» тувинский *хомус* не упоминается, что, по-видимому, свидетельствует о недостаточной степени его изученности [Благодатов 1958]. В «Атласе музыкальных инструментов народов СССР» среди тувинских язычковых инструментов приводятся *темир-комыс* – «металлический варган, на котором играют преимущественно женщины и молодежь» [Вертков и др. 1963: 140]. На иллюстрации № 721 изображен *темир-комыс* из фонда Государственного центрального музея музыкальной культуры им. М. И. Глинки (сейчас – Российский национальный музей музыки) [Там же: 269, вклейка].

С. М. Бюрбе дается краткая, но емкая характеристика тувинского *демир-хомуса*. Описывается его конструкция, состоящая из «подковообразной основы и изогнутого язычка-вибратора», техника игры, звучание и преимущественно сольный характер музицирования: «во время игры исполнитель, поддерживая хомус у открытого рта, дергает пальцем по язычку инструмента. Звук, извлекаемый из хомуса, слабый, но приятный. Исполнение на хомусе обычно индивидуальное, редко групповое» [Бюрбе 1964: 297].

Первое научное описание *темир-хомуса* – его размеров, материала, конструкции, техники игры и репертуара – имеется в монографии А. Н. Аксенова [Аксенов 1964: 69–71]. Исследователь свидетельствует о широком распространении этого инструмента в Туве и отмечает, что «на темир-хомусе играют преимущественно девушки и женщины» [Там же: 70]. Приводится фото дугообразного инструмента и его описание: «инструмент представляет собой камертонообразную железную, а иногда латунную или медную вилку, у основания более широкую, у вершины более узкую (ее длина от 5 до 6 см, ширина – 1 см у основания и 0,5 см у вершины). В центре основания вилки прикреплен (обычно припаян) тоненький стальной стерженек-вибратор, загнутый у вершины перпендикулярно к плоскости вилки (его длина до загиба равна длине вилки, длина загнутого конца – 2 см» [Там же: 70].

А. Н. Аксенов впервые нотирует наигрыш на *темир-хомусе*, представляющий собой вариацию на песенные мелодии. Он был записан в 1956 г. от Н. О. Олзей-оола [Аксенов 1964: 196–198, 228]. Музыковед утверждает, что в каждом районе Тувы для *темир-хомуса* были свои мелодии. Кроме того, исследователь впервые говорит об обертоновой природе звучания *хомуса*:

⁷ МАЭ 1340-321/1, МАЭ 1340-322. Здесь и далее в сносках даются архивные номера предметов из коллекций российских музеев: МАЭ – Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН (Кунсткамера), МХНМ – Музея и Центра хомуса народов мира Республики Саха (Якутия), НМРТ – Национального музея имени Алдан-Маадыр Республики Тыва, РЭМ – Российского этнографического музея, РЖФИ – Музея музыкальных инструментов народов Северной Азии при Арктическом государственном институте культуры и искусств, ЯГОМ – Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского. Информация о большинстве экспонатов размещена на сайте Государственного каталога музейного фонда Российской Федерации (см. <https://goskatalog.ru>), а также на сайтах организаций. С полной коллекцией *хомусов* НМРТ и их описью мы ознакомились в 2025 г.

«искусные исполнители на темир-хомусе, владеющие техникой, извлекают свободно любые звуки и любые интервалы <...> обертонового звукоряда» [Там же: 69–70]. Описывается и артикуляционная техника игры, при которой происходят изменения объема полости рта за счет подъема и опускания языка и мягкого нёба.

В фондах Национального музея Республики Тыва им. Алдан-Маадыр хранится коллекция из 43-х *демир-хомусов*. Почти все они относятся ко второй половине XX в. Большая часть варганов изготовлена Б. Л. Кужугетом. Его *хомусы* имеются также в музеях Бай-Тайгинского, Дзун-Хемчикского, Барун-Хемчикского, Тоджинского районов и в Санкт-Петербурге⁸.

В Якутском государственном объединенном музее истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского имеется набор из пяти пластинчатых *демир хомусов*, подаренных в 1972 г. трудящимися Тувинской АССР Президиуму Верховного совета Якутской АССР (их длина 6,0, 6,1, 6,3, 6,5 и 6,5 см)⁹. На основании одного из инструментов имеется широкое круглое отверстие. Такого же типа варган, датированный 1973 г., хранится и в НМРТ¹⁰.

В фондах Российского этнографического музея имеется три стержневых дугообразных *демыр хомуса* 1970-х гг. (7,0 на 1,3 см; 7,1 на 1,1 см; 9,8 на 1,5 см)¹¹.

Сведения о трех тувинских *темир комусах*, собранных в Туве в 1980-е гг. Ю. И. Шейкиным, опубликованы на портале Музея музыкальных инструментов народов Северной Азии¹². Два варгана имеют дугообразную форму и изготовлены Б. Л. Кужугетом (6,7 на 1,0 см)¹³ и М. О. Ондаром (6,2 на 1,0 см)¹⁴. Изготовитель третьего, пластинчатого варгана, названного по-алтайски *кой комусом*, неизвестен (7,2 на 1,0 см)¹⁵.

В Музее и Центре хомуса народов мира Республики Саха (Якутия) хранится традиционный пластинчатый *демир хомус* (7,2 на 0,9 см) работы И. С. Хомушку¹⁶. В 2010 г. коллекцию музея пополнил еще один *хомус* такой формы (8,4 на 0,9 см)¹⁷. Кроме того, в этом музее имеются три *демир хомуса* стержневой формы с подковообразным основанием работы неизвестного автора¹⁸ (5,5 см, 5,6 см, 6,1 см). Возможно, эти инструменты принадлежат А. М. Салчаку, который в 1992 г. подарил их музею¹⁹. *Демир-хомус* аналогичной формы и размеров имеется в фонде НМРТ и относится к 2000 г. (5,9 см)²⁰. Похожий по форме, но более крупный *демир-хомус* (11,2 на 4,0 см) также отражает экспериментальный поиск мастеров, заимствующих, по-видимому, идеи от якутских авторов²¹.

Специальное исследование, посвященное музыкальным инструментам тувинцев, проведено В. Ю. Сузукей [Сузукей 1989, 2010 и др.]. В этих публикациях впервые подробно описываются все разновидности тувинского *хомуса*, анализируются исполнительские приемы игры, дается характеристика музыкального репертуара. Внимание уделяется и фольклорным произведениям, посвященным происхождению инструмента у тувинцев, а также содержащим упоминание *хомуса* в эпосе, сказках и песнях [Сузукей 2010: 275–281]. В трудах исследователя всесторонне раскрывается бурдонно-обертоновая основа инструментальной, в том числе и хомусной, музыки тувинцев [Сузукей 1993], приводятся многочисленные нотировки наигрышей на *хомусе* [Сузукей

⁸ К 100-летию мастера национальных инструментов Балгана Кужугета // Культурное наследие Тувы. 18 октября 2013. URL: <https://kntuva.ru/news/1154>

⁹ ЯГОМ КП-36809/1-5.

¹⁰ НМРТ КП-9036/1.

¹¹ РЭМ 10064-70, РЭМ 10064-71, РЭМ 10064-72.

¹² Музей музыкальных инструментов народов Северной Азии. URL: <https://museum.agiki.ru>.

¹³ РЖФИ №162(н).

¹⁴ РЖФИ №123.

¹⁵ РЖФИ №161(н). Изображение данного *хомуса* имеется в [Шейкин 2002: 118].

¹⁶ МХНМ-1641.

¹⁷ МХНМ-9171.

¹⁸ МХНМ-1643; МХНМ-7043; МХНМ-237.

¹⁹ Манчин-оол Ю. Александр Салчак. Семьдесят три года с демир-хомусом. Окончание // Центр Азии. 2015. № 44 (27 ноября – 3 декабря 2015). URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2015/44/5267-aleksandr-salchak.-semdesyat-tri-goda-s.html>.

²⁰ НМРТ КП-10566.

²¹ НМРТ КП-4638/2.

2010: 165, 168, 176–178, 183, 185–186, 189, 191–192, 202–204, 207–215, 244–274], отмечается сложность и схематичность нотной фиксации хомусной музыки²².

В Фонде НМРТ имеются *демир-хомусы*, изготовленные современными мастерами О. К. Хомушку, Ш. Э. Кууларом и Э. А. Монгушем²³. Навершие инструментов орнаментированы тувинскими узорами, изображением голов лошади и инкрустированы кораллами.

2. Разновидности *демир-хомуса* тувинцев

Демир-хомус ‘железный хомус’ может изготавливаться из разных металлов: железа, латуни и меди, а также из нержавеющей стали²⁴. Соответственно материалу он может обозначаться как *чес-хомус* ‘из красной меди хомус’, *хола-хомус* ‘латунный / из желтой меди хомус’. Чем тверже металл, тем ярче звук хомуса.

У тувинцев по форме выделяется два вида *демир-хомусов*: пластинчатый «вилкообразный» и стержневой дугообразный²⁵.

Пластинчатые *демир-хомусы*, имеющиеся в фондах музеев Тувы и Якутии, относятся к периоду со второй половины XX в., многие из них изготовлены И. С. Хомушку²⁶ (см. рис. 1). В настоящее время одним из лучших мастеров признается О. К. Хомушку, пластинчатые хомусы которого хранятся в НМРТ, а также используются тувинскими профессиональными музыкантами (Е. В. Сарыгларом, Э. В. Дамдыном, Т. Д. Соржу и др.). По технологии О. К. Хомушку проходит обучение в Кызылском колледже искусств им. А. Б. Чыргыл-оола (преподаватель Х. Х. Кан-оол). Сам же О. К. Хомушку, по сведениям В. К. Никулиной, перенял традиционную технологию изготовления *демир-хомуса* от известного кузнеца *даргана* из с. Алаш Барун-Хемчикского района. Длина традиционного пластинчатого *демир-хомуса* – 6,0–7,5 см²⁷. Основание имеет вытянутую прямоугольную форму. Щечки *чаактары* длиной 4,5–5,3 см заужены к концу. Язычок *дылы* имеет коническую форму, сужается от 0,4 см в месте крепления до 0,1 см в месте сгиба. Колено язычка составляет 2,0–3,0 см.

Дугообразные *демир-хомусы* изготавливаются из металлического стержня (см. рис. 2). Этот вид зафиксирован исследователями в конце XIX в. – начале XX вв. В настоящее время он имеет меньшее распространение, хотя еще в 1980-е годы такие варганы в народе изготавливали по довольно простой технологии: корпус – из гвоздя, язычок – из толстой иглы *тевене*, которой шили войлочные коврики *ширтеки*. А. М. Салчак делал язычок из стальных колец поршневых цилиндров грузовой машины, а также из стальных линеек или лезвия косы²⁸. По детским воспоминаниям В. К. Никулиной и Х. Х. Кан-оола, отец одноклассника Эреса из Барун-Хемчикского района мог сделать *демир-хомус* из гвоздя, используя довольно простой и быстрый способ: черный гвоздь без шляпки и острия сгибался пополам без нагрева, пропиливался замок *аптара* и в него

²² В. В. Мазепус детально описал физические явления, лежащие в основе игры на варгане и предложил универсальную систему нотации, включающую обозначения высоты мелодического тона, выделенного ротовым и глоточным резонаторами, положения языка, степени огубленности, назализации, ротовых и фарингальных смычек, вдоха и выдоха, силы дыхания [Мазепус 1989].

²³ НМРТ КП-8702; НМРТ КП-12819; НМРТ КП-12820.

²⁴ По рассказам Х. Х. Кан-оола, в 1990-е гг. для этого переплавляли столовые ложки.

²⁵ Обычно пластинчатым называют варган с вырезанным язычком, т. е. идиоглотический варган. В нашем случае данный термин используется для разграничения двух разновидностей типа 121.221 «(одиночные) гетероглотические варганы» [Хорнбостель, Закс 1987: 243], корпуса которых изготавливаются из металлической пластинки (пластинчатый) или согнутого прута (дугообразный), а язычок приклепывается к корпусу. Ю. И. Шейкин предполагает, что данная форма инструмента характерна именно для Южной Сибири [Шейкин 2002: 129]. В отличие от дугового, пластинчато-дуговой гетероглотический варган «не имеет петельки, а вилка-основа имеет плоскую форму (т. е. пластинчатая), но язычок также “приклепывается”, как и у других дуговых варганов» [Шейкин 1989: 21]. *Темир комусы* алтайцев этой формы называют «вилкообразными» [Кондратьева, Сыченко 1997: 263].

²⁶ По сведениям Б. Ч. Иргит, И. С. Хомушку делал хомусы и для участников ансамбля «Саяны».

²⁷ Объяснение того, что размеры *демир-хомусов* варьируются, заключается в традиционной сольной природе музицирования на нем. При появлении ансамблевого исполнительства потребовалась подстройка инструментов.

²⁸ Манчин-оол Ю. Александр Салчак. Семьдесят три года с демир-хомусом // Центр Азии. 2015. № 43 (20–26 ноября 2015). URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2015/43/5265-aleksandr-salchak.-semdesyat-tri-goda-s.html>.

вкладывался язычок ²⁹. Размеры дугообразного *хомуса* в музейных коллекциях варьируют от 4,4 до 9,8 см, однако наиболее распространенной длиной является 5,0–7,0 см. В архивной информации не всегда приводятся сведения об имена изготовителей инструментов, известны лишь Тогон-оол, Б. Л. Кужугет и М. О. Ондар.

Более редкой разновидностью дугообразного стержневого *демир-хомуса* является варган, основание которого имеет более округлую форму, напоминающую подковку. Такие *демир-хомусы* небольшие по размеру (5,1–5,9 см). В музейных коллекциях данные *хомусы* относятся ко второй половине XX в. Автор не указан, возможно, это А. М. Салчак (см. рис. 3).

Рис. 1. Пластинчатый *демир-хомус* мастера И. С. Хомушку. НМРТ КП-10431. Фото Э. И. Байкова (Кызыл, 2025 г.)

Fig. 1. Lamellar *demir-khomus* of the master I. S. Khomushku. NMRT KP-10431. Photo by E. I. Baykov (Kyzyl, 2025)

Рис. 2. Дуговой стержневой *демир-хомус* мастера И. С. Хомушку. НМРТ НВ 554. Фото Э. И. Байкова (Кызыл, 2025 г.)

Fig. 2. Arched rod *demir-khomus* of the master I. S. Khomushku. NMRT HB 554. Photo by E. I. Baykov (Kyzyl, 2025)

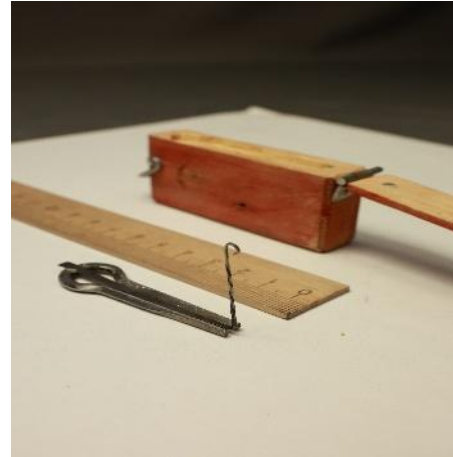

Рис. 3. Стержневой подковообразный *демир-хомус* мастера А. М. Салчака (?). НМРТ КП-10566. Фото Э. И. Байкова (Кызыл, 2025 г.)

Fig. 3. Rod horseshoe *demir-khomus* of the master A. M. Salchak (?). NMRT KP-10566. Photo by E. I. Baykov (Kyzyl, 2025)

3. Техника игры на *демир-хомусе*

Левой рукой музыкант держит инструмент за основание, а щечки *хомуса* зажимает между передними зубами. Нижняя челюсть опущена, рот приоткрыт. Указательным пальцем правой руки приводится в движение колено язычка. Направление удара должно быть прямым, без наклона. Традиционная манера игры, по словам Е. В. Сарыглара, такова: три пальца правой руки (средний, безымянный и мизинец) лежат под левой рукой, чуть затрагивая корпус *хомуса*; левая рука повернута по вертикали примерно на 45 градусов. По мнению Т. Д. Соржу, главными навыками начинающего *хомусиста* являются формирование большого объема ротовой полости с отодвиганием языка назад и управление дыханием, которое производится животом. При сужении ротовой полости получаются более высокие звуки.

По верному наблюдению В. Ю. Сузукей, многие важные элементы исполнительского процесса скрыты от стороннего наблюдателя. Слушатель видит лишь положение варгана относительно рта, постановку рук, удары по язычку. «Разнообразные эффектные движения пальцев или кисти правой руки исполнителя не характерны для тувинских *хомусистов*, они зрелищны лишь внешне и на звуковысотную и тембровую характеристику звучания *хомуса* в принципе не оказывают никакого влияния» [Сузукей 1993: 44]; «при бурдонно-обертоновом звукоизвлечении

²⁹ Выделяются две степени сложности технологии изготовления *демир-хомусов*: простая, бытовавшая в народной среде, и профессиональная, связанная с деятельностью кузнецов. Если в первом случае *демир-хомус* изготавливался для себя и членов семьи, то во втором – также и для других людей. Имена лучших мастеров хорошо известны в народе, у них учатся начинающие мастера, заказывают инструменты музыканты. На варганах мастера часто ставили клеймо как знак качества.

исполнителями реализуется прежде всего такой фонический комплекс этих инструментов, как богатство и глубина их тембрового звучания, широкий спектр обертонов» [Там же: 31]. Координируя удары по язычку с изменениями объема полости рта, напряженности стенок гортани, глочно-зевного участка, голосовых связок, положения языка, твердого и мягкого неба, губ, нижней челюсти, интенсивности вдоха и выдоха, мимики, исполнитель реализует весь спектр тембрового и ритмического разнообразия *демир-хомуса*. Неизменным по высоте является основной тон, возникающий от колебания язычка, он относится к малой (или большой) октаве. Мелодия является своеобразной игрой на обертонах, она формируется при изменении артикуляционного аппарата исполнителя. На одно подергивание язычка приходится один или несколько мелодических звуков.

Лучшими исполнителями на *демир-хомусе*, относящимися к старшему поколению, являются Б. Л. Кужугет, Н. О. Олзей-оол, И. С. Хомушку, К. Н. Мунзук, С. М. Бюрбе, О. А.-Ш. Шулуу, Х. С. Ооржак, А. М. Салчак, Н. А.-Ш. Куулар, Т. Д. Соржу, И. А. Айыжы и др. Из современных исполнителей выделяются Д. Э. Монгуш, М. Д. Ондар, А. Б. Дамыран, Э. В. Дамдын, Ч. С. Тумат, Е. В. Сарыглар, С. С. Согпа, А. С. Сам, Ш. М. Белек-оол, А. А. Быртаан-оол и др.

В культуре имеется также и особая техника игры, при которой конец язычка *демир-хомуса* поворачивается в полость рта. Исполнитель приводит его в движение с помощью языка. Е. В. Сарыглар считает, что для этого необходим специальный *хомус*, у которого язычок укорочен (при этом размер корпуса не уменьшен). Такую технику игры, по словам Е. В. Сарыглара и Б.-Д. В. Ондара, демонстрировали А. Б. Куулар, М. Д. Ондар и З. К. Кыргыс.

В настоящее время техника игры на *хомусе* получила развитие, что отражается на возникновении новых приемов, когда удары осуществляются всеми пальцами одновременно или по очереди, правая рука располагается над инструментом, когда удары производятся и на себя, и от себя. Мастера изготавливают *хомусы* разных форм и размеров, с двумя язычками, украшают навершие. Музыканты достигают довольно высокого технического и художественного уровня исполнительства, используют все разнообразие артикуляционных приемов, тонко чувствуют возможности дыхания, направления и силы воздушной струи. Можно констатировать, что по исполнительским возможностям *демир-хомус* несколько не уступает другим музыкальным инструментам.

4. Жанровые формы музицирования на *демир-хомусе*

В. Ю. Сузукей выделяет несколько жанровых групп хомусной музыки: звукоподражания; песенные мелодии («поющий *хомус*»); *хомусту чугааладын ойнаары*, то есть сочетание *хомуса* с беззвучным артикулированием слов песен («говорящий *хомус*»); традиционные инструментальные импровизации *узун хоюг*; сочетание *хомуса* и *хоомея* [Сузукей 2010: 105].

Специальные наигрыши на *демир-хомусе* требуют от исполнителя высокого уровня мастерства, между тем, по сведениям В. Ю. Сузукей, они сохраняются только в сфере бытового музицирования [Там же: 108]. В импровизационных композициях исполнитель часто рассказывает звуковую историю своего конного путешествия, какие голоса птиц и животных встретил по пути, какие природные шумы слышал (ветер, ручей, эхо), какие песенные мелодии и горловое пение исполнял в дороге. Интересна техника звукоподражания кукушке, продемонстрированная Е. В. Сарыгларом. Исполнение на *хомусе* песенных мелодий является наиболее распространенным в сценическом пространстве. А. Н. Аксенов пишет, что в этой форме хомусной музыки используются характерные для отдельных локальных традиций песенные мелодии [Аксенов 1964: 70]. Особым мастерством признается музицирование на *хомусе*, сочетающееся с горловым пением. Так, Д. Э. Очур и Г. Т. Чаш владели сочетанием игры на *демир-хомусе* с *сыгытом* [Сузукей 2006: 86]. М. О. Ондар и Е. В. Сарыглар сочетают игру на *демир-хомусе* с разными видами горлового пения (*сыгыт*, *хоомей*, *эзингилээр*). Артикулирование песенных текстов без подключения голоса во время игры на *хомусе* характерно для общения влюбленных.

Не указываются в предложенной В. Ю. Сузукей жанровой системе хомусной музыки еще две разновидности, зафиксированные в экспедиции 2025 г. Так, при игре на варгане может использоваться и вокальный голос исполнителя, пропевающий песенный текст. В этом случае в партии варгана на первый план выходит ритмическая сторона музыки. Кроме того, по словам Б.-Д. В. Ондара, на звучание *хомуса* мог накладываться тайный бытовой разговор между мужем

и женой, хозяином и гостем юрты, скотокрадом *кайгалом* и окружающими людьми, т. е. в данном случае исполняется прозаический текст.

5. Бытование *демир-хомуса* в народной среде и на сцене

На рубеже XIX–XX вв., по сведениям Е. К. Яковлева, *демир-хомус* был преимущественно женской сферой музицирования [Яковлев 1900]. Это же отмечает и А. Н. Аксенов [Аксенов 1964: 70]. Сейчас на инструменте играют мужчины и женщины, взрослые и дети. Раньше *хомусом* могли пользоваться все члены семьи, сейчас из гигиенических соображений к нему стали относиться как к индивидуальной вещи. Миниатюрный размер инструмента позволяет постоянно иметь его при себе и музицировать.

Наиболее ранним свидетельством появления *демир-хомуса* на сцене является фотография В. П. Ермолаева 1936 г., на которой запечатлен варганист Х. Б. Конгар³⁰. Появление ансамблевого исполнительства датируется 1950–1960-ми гг. [Сузукей 2010: 102]. О развитии ансамблей хомусистов говорят архивные фотографии 1970–1980-х гг. исполнителей из Улуг-Хемского, Сут-Хольского, Пий-Хемского, Овюрского и Бай-Тайгинского р-нов на Республиканских смотрах художественной самодеятельности и других мероприятиях³¹.

В 1970–1980-е гг. сотрудниками ТНИИЯЛИ наигрыши на *демир-хомусе*, импровизирующиеся на песенные мелодии, были записаны в Дзун-Хемчикском и Бай-Тайгинском районах³². В 2000-х гг. музыкально-этнографическими экспедициями Новосибирской государственной консерватории фиксировались единичные наигрыши в Эрзинском, Сут-Хольском, Монгун-Тайгинском и Овюрском районах [Сыченко и др. 2011]. Всеми современными респондентами отмечается тенденция угасания бытования *демир-хомуса* в народном исполнительстве.

Большее распространение игра на *демир-хомусе* имеет в среде современных профессиональных музыкантов Тувы. *Хомусы* используются в деятельности Тувинского национального оркестра и тувинских фольклорных ансамблей («Саяны», «Тыва», «Тыва кызы» и др.). У профессиональных музыкантов существует установка на традиционную форму и размер варгана, высоко ценится аутентичное мягкое и нежное звучание *демир-хомуса*.

В учреждениях культуры и образования ведется работа по актуализации хомусного творчества. Так, в 2023 г. Кызыльском колледже искусств в рамках кружка для студентов по специальностям «Сольное народное пение» и «Национальные инструменты народов России» (преподаватели: Ч. С. Тумат, А. Б. Дамыран) организовано обучение изготовлению и игре на *демир-хомусе*. Примером современного развития технологии изготовления *демир-хомуса*, в которой сочетаются кузнечное и ювелирное искусство, является дипломная работа студента Кызыльского колледжа искусств А.-М. С. Ооржака. В 2024 г. Международная академия «Хоомей» провела Республиканский конкурс хомусистов и мастеров-изготовителей хомуса «Мелодии хомуса». Республиканским центром народного творчества организованы два Международных фестиваля-конкурса «Хомус» (2005, 2013 гг.). Исполнительство и изготовление *хомуса* продвигается и в рамках конкурсов национальных инструментов для детей и молодежи Кызыльским колледжем искусств (Конкурс исполнителей на национальных инструментах и конкурс мастеров-изготовителей национальных инструментов «Дынгылдай» – 2002, 2004, 2009, 2011, 2021, 2023 и 2025 гг.) и Центром тувинской традиционной культуры и ремесел (I Республиканский конкурс исполнителей на тувинских национальных инструментах им. Т. Т. Балдан – 2017 г.).

Заключение

Проследив историю фиксации разных видов *демир-хомусов* у тувинцев, можно констатировать, что в конце XIX – начале XX вв. была распространена дугообразно-стержневая форма с характерным креплением язычка, выходящего за пределы основания корпуса. В первой половине XX в. в научной литературе содержится крайне скудная и порой сомнительная информация

³⁰ НМРТ КП-11286/549.

³¹ НМРТ КП-11286/5202; НМРТ КП-11286/5332; НМРТ КП-11286/5333; НМРТ КП-11286/6959; НМРТ КП-11286/6960; НМРТ КП-11286/7016; НМРТ КП-11286/16888; НМРТ КП-11286/16890; НМРТ КП-11286/21673; НМРТ КП-11286/5219; НМРТ КП-11286/5220; НМРТ КП-11286/5257.

³² Архив Тувинского института прикладных и социально-экономических исследований, Фонотечный фонд, пл. 244 (зап. в 1973 г. от А. Б. Монгуша) и пл. 505 (зап. в 1985 г. от Б. Б. Монгуш, Д. Ш. Саая и М. Х. Калзана).

о *демир-хомусах* у тувинцев. В 1960-х гг. появляются научные описания дугообразного варгана. Первая обнаруженная информация о пластинчатом варгане относится только к 1970-м гг., к *хомусам* мастера И. С. Хомушку из западной Тувы (он родом из Барун-Хемчикского, жил в Бай-Тайгинском районе). Примечательно, что именно пластинчатый *демир-хомус* получил развитие у современных мастеров. В конце XX в. появилась подковообразная форма варгана, предположительно, принадлежащая мастеру А. М. Салчаку из Бай-Тайгинского района. Таким образом, наличие разных форм *демир-хомуса* у тувинцев не связано с какими-то локальными зонами их распространения, все они, по крайней мере во второй половине XX в., существовали параллельно.

Техника игры на *демир-хомусе* и жанровые формы хомусной музыки тесно связаны со сферой музицирования. При традиционной игре в юрте музицирование происходило в основном «для себя», ценился мягкий и нежный тембр инструмента. Постановка рук имела определенную позицию. Среди жанровых групп превалировали специальные инструментальные наигрыши. С выходом инструмента на сцену техника игры получила развитие, появилось ансамблевое исполнительство, а в кругу жанровых групп хомусной музыки на первый план вышли песенные мелодии как наиболее демократичные для восприятия, а также эффектные звукоподражания и сочетание игры на *хомусе* с горловым пением.

Список литературы

- Благодатов Г. И. Музыкальные инструменты народов Сибири // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1958. Т. 18. С. 187–207.
- Бюрбе С. М. Музыкальный фольклор тувинцев // Уч. зап. ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1964. Вып. XI. С. 296–304.
- Вертков К., Благодатов Г., Язовицкая Э. Атлас музыкальных инструментов народов СССР. М., 1963. 273 с.
- Катанов Н. Ф. Очерки Урянхайской земли. Кызыл, 2011. 383 с.
- Кон Ф. Я. За пятьдесят лет. Т. 3–4. М., 1936. 344 с.
- Кондратьева Н. М., Сыченко Г. Б. Алтайцы: алтай-кижи, теленгиты, телёсы, телеуты, тубалары, чалканцы, кумандинцы // Музыкальная культура Сибири: В 3 т. Т. 1. Традиционная музыкальная культура народов Сибири. Кн. 1 Традиционная культура коренных народов. Новосибирск, 1997. С. 209–283.
- Мазепус В. В. О физических основах звукообразования при игре на варганах // Музыкальная этнография Северной Азии. Новосибирск, 1989. С. 155–161.
- Сузукей В. Ю. Бурдонно-обертоновая основа традиционного инструментального музицирования тувинцев. Кызыл, 1993. 90 с.
- Сузукей В. Ю. Конфигурация развития музыкальной культуры Тувы: динамика аксиологического процесса. Кемерово, 2006. 207 с.
- Сузукей В. Ю. Типология тувинских хомусов // Варган (хомус) и его музыка: материалы I Всесоюзной конференции (Якутск, 1988). Якутск, 1991. С. 59–66.
- Сузукей В. Ю. Тувинские традиционные музыкальные инструменты. Кызыл, 1989. 144 с.
- Сузукей В. Ю. Хомус в традиционной культуре тувинцев. Кызыл, 2010. 288 с.
- Сыченко Г. Б., Тиرون Е. Л., Кан-оол А. Х. Результаты полевых и научных исследований Новосибирской консерватории в Республике Тыва (1997–2009 гг.) // От конгресса к конгрессу: Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов. Т. 3. М., 2011. С. 281–299.
- Хорнбостель Э., Закс К. Систематика музыкальных инструментов // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка. Ч. 1. М., 1987. С. 229–261.
- Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. М., 2002. 718 с.
- Шейкин Ю. И. Типология конструкций варганов народов Сибири // Варган (хомус) и его музыка: материалы I Всесоюзной конференции (Якутск, 1988). Якутск, 1991. С. 14–22.
- Эвальд З., Косованов В., Абаянцев С. Музыка и музыкальные инструменты народностей Сибири // Сибирская советская энциклопедия. Т. 3. Новосибирск, 1932. С. 577–596.

Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, 1900. 357 с. (Описание Минусинского музея. Вып. IV. Отдел этнографический).

References

- Blagodotov G. I. Muzykal'nye instrumenty narodov Sibiri [Musical instruments of the peoples of Siberia]. In *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow, Leningrad, 1958, T. 18, pp. 187–207. (In Russian)
- Byurbe S. M. Muzykal'nyy fol'klor tuvintsev [Musical folklore of Tuvinians]. In *UZ TNIIYALI* [Scientific notes of TNIIYALI]. Kyzyl, 1964, vol. XI, pp. 296–304. (In Russian)
- Ewald Z., Kosovanov V., Abayantsev S. Muzyka i muzykal'nye instrumenty narodnostey Sibiri [Music and musical instruments of the peoples of Siberia]. In *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. Novosibirsk, 1932, vol. 3, pp. 577–596. (In Russian)
- Katanov N. F. *Ocherki Uryankhayskoy zemli* [Essays of the Uriankhai land]. Kyzyl, 2011, 383 p. (In Russian)
- Hornbostel E. M. von, Sachs K. Sistematika muzykal'nykh instrumentov [Systematics of musical instruments]. In *Narodnye muzykal'nye instrumenty i instrumental'naya muzyka* [Folk musical instruments and instrumental music]. Moscow, 1987, vol. 1, pp. 229–261. (In Russian)
- Kon F. Ya. *Za pyat'desyat let* [For fifty years]. Moscow, 1936, vols. 3–4, 344 p. (In Russian)
- Kondrat'eva N. M., Sychenko G. B. Altaytsy: altay-kizhi, telengity, telesy, teleuty, tubalary, chalkantsy, kumandinty [Altaians: Altai-kizhi, Telengites, Teles, Teleutes, Tubalars, Chalkans, Kumandins]. In *Musical culture of Siberia*: In 3 vols. Vol. 1. Traditional musical culture of the peoples of Siberia. Book 1. The traditional culture of the indigenous peoples of Siberia. Novosibirsk, 1997, pp. 209–283. (In Russian)
- Mazepus V. V. O fizicheskikh osnovakh zvukoobrazovaniya pri igre na varganakh [On the physical foundations of sound formation when playing jew's harps]. In *Muzykal'naya etnografiya Severnoy Azii* [Musical ethnography of Northern Asia]. Novosibirsk, 1989, pp. 155–161. (In Russian)
- Sheykin Yu. I. Tipologiya konstruktivnykh varganov narodov Sibiri [Typology of constructions of jew's harps of the peoples of Siberia]. In *Vargan (khomus) i ego muzyka* [Jew's harp (khomus) and his music]. Yakutsk, 1991, pp. 14–22. (In Russian)
- Sheykin Yu. I. *Istoriya muzykal'noy kul'tury narodov Sibiri: sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie* [The history of musical culture of the peoples of Siberia: comparative historical research]. Moscow, 2002, 718 p. (In Russian)
- Suzukey V. Yu. *Khomus v traditsionnoy kul'ture tuvintsev* [Khomus in the traditional culture of Tuvinians]. Kyzyl, 2010, 288 p. (In Russian)
- Suzukey V. Yu. *Burdonno-obertonovaya osnova traditsionnogo instrumental'nogo muzitsirovaniya tuvintsev* [Bourdon-overtone basis of traditional instrumental music of Tuvinians]. Kyzyl, 1993, 90 p. (In Russian)
- Suzukey V. Yu. *Konfiguratsiya razvitiya muzykal'noy kul'tury Tuvy: dinamika aksiologicheskogo protsessa* [The configuration of the development of musical culture in Tuva: the dynamics of the axiological process]. Kemerovo, 2006, 207 p. (In Russian)
- Suzukey V. Yu. Tipologiya tuvinskikh khomusov [Typology of Tuvan khomuses]. In *Vargan (khomus) i ego muzyka* [Jew's harp (khomus) and his music]. Yakutsk, 1991, pp. 59–66. (In Russian)
- Suzukey V. Yu. *Tuvinskie traditsionnye muzykal'nye instrumenty* [Tuvan traditional musical instruments]. Kyzyl, 1989, 144 p. (In Russian)
- Sychenko G. B., Tiron E. L., Kan-ool A. Kh. Rezul'taty polevykh i nauchnykh issledovaniy Novosibirskoy konservatorii v Respublike Tyva (1997–2009 gg.) [Results of field and scientific research of the Novosibirsk Conservatory in the Republic of Tyva (1997–2009)]. In *Ot kongressa k kongressu* [From Congress to Congress]. Moscow, 2011, vol. 3, pp. 281–299. (In Russian)
- Vertkov K., Blagodotov G., Yazovitskaya E. *Atlas muzykal'nykh instrumentov narodov SSSR* [Atlas of musical instruments of the peoples of the USSR]. Moscow, 1963, 273 p. (In Russian)

Yakovlev E. K. *Etnograficheskoy obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya i Ob'yasnitel'nyy katalog etnograficheskogo otdela muzeya* [An ethnographic overview of the non-native population of the Southern Yenisei Valley and an explanatory catalog of the Ethnographic department of the museum]. Minusinsk, 1900, 357 p. (Opisanie Minusinskogo muzeya. Vol. IV. Otdel etnograficheskoy [Description of the Minusinsk Museum. Vol. IV. Department of Ethnography]). (In Russian)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
21.08.2025

Сведения об авторе – Information about the Author

Екатерина Леонидовна Тирон – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Российская Федерация)

Ekaterina L. Tiron – Candidate of Arts, Senior Researcher, Department of Folklore of Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

krupich_katja@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9012-0476>

**Песенный фольклор кряшен-переселенцев Иркутской области:
вопросы жанрово-стилевой атрибуции
(по аудиозаписям 1971 г. Л. Ш. Замалетдинова)**

Н. Ю. Альмеева

Российский институт истории искусств, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Этномузыкологически атрибутируются в жанровом и стилевом планах архивные звукозаписи традиционного пения татар-кряшен Приуралья, переселившихся в Сибирь. Записи сделаны татарским филологом-сказковедом Л. Ш. Замалетдиновым в 1971 г. на магнитофонную ленту в экспедиции по Сибири и переданы в личный архив автора статьи в 1987 г. Выявляются типичные черты фольклора кряшен, присущие данному высоко аутентичному собранию напевов: ладоинтонационные и ритмические формы, стиль интонирования, фактура двухголосия, тексты песен, что в комплексе позволяет автору произвести жанрово-функциональную атрибуцию каждого из отобранных здесь напевов сибирской коллекции.

Ключевые слова

татары-кряшены, кряшены Сибири, песни, жанр, стиль, стих, двухголосная фактура, атрибуция напевов

Для цитирования

Альмеева Н. Ю. Песенный фольклор кряшен-переселенцев Иркутской области: вопросы жанрово-стилевой атрибуции (по аудиозаписям 1971 г. Л. Ш. Замалетдинова) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55). С. 62–96. DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-62-96

**Song folklore of the Kryashen settlers in the Irkutsk region:
genre and style attribution based on the 1971 recordings of L. S. Zamaletdinov**

N. Yu. Al'meeva

Russian Institute of Arts History, St. Petersburg, Russia

Abstract

This article examines the song folklore of the Kryashen Tatars, an Orthodox, Tatar-speaking sub-ethnic group whose history is marked by both migration and cultural synthesis. Originating in the Volga-Ural region during the Christianization period (16th–18th centuries), the Kryashen identity emerged from a complex interplay of Turkic-Tatar elements with local Chuvash, Mari, and Udmurt communities. A significant chapter in their history unfolded in 1912–1913, when a segment of this population relocated to Siberia from Ufa Province as part of Pyotr Stolypin's agrarian reforms. Today, residing primarily in Tatarstan, Bashkortostan, and Udmurtia, they maintain their distinct identity as an ethno-religious minority. The analysis presented here is based on unique archival recordings of Siberian Kryashen singing (33 items). The recordings were made in 1971 by the Tatar philologist and folklorist L. S. Zamaletdinov during an expedition to the villages of Kharioty and Bokhan (Irkutsk Region) and subsequently entrusted to the author. Previously undescribed, these materials represent a rare source for the study of Kryashen folklore. Eleven representative samples, transcribed and translated by the author, form the musical appendix to the article. Their analysis reveals features characteristic of Kryashen song culture, rhythmic and intonational structures, vocal timbre, stanzaic form, and poetic content, allowing for a comprehensive attribution of genre and style.

Keywords

Kryashen tatars, Kryashens of Siberia, songs, genre, style, verse, two-voice texture, attribution of tunes

© Н. Ю. Альмеева, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 3 (iss. 55)

For citation

Al'meeva N. Yu. Pesenny fol'klor kryashen-pereselentsev Irkutskoy oblasti: voprosy zhanrovo-stilevoy atributsii (po audiozapisyam 1971 L. Sh. Zamaletdinova) [Song folklore of the Kryashen settlers in the Irkutsk region: genre and style attribution based on the 1971 recordings of L. S. Zamaletdinov]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 3 (iss. 55), pp. 62–96. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-62-96

Введение

Татары-кряшены – православная татароязычная этническая общность¹, которая исторически сложилась на тюрко-татарской основе в волго-уральском регионе в период его христианизации (XVI–XVIII вв.) [История и культура 2017] при участии локальных этнических групп чувашей, марийцев, удмуртов [Мухаметшин 1977: 24; Становление и генезис 2022: 8, 27; Макаров 2002: 176] и рассматривается в татарской этнологии как этноконфессиональное меньшинство в составе татар Среднего Поволжья и Приуралья [Исхаков 2001]. Основные ареалы расселения находятся на территории Республики Татарстан, а также в приграничных для Татарстана районах Башкортостана и Удмуртии. Кряшены говорят на диалектах волжско-татарского языка [Баязитова 1986].

В письменных источниках XIX в. (отчетах сельских священников своему начальству о религиозном состоянии христианизированного населения) их называют исключительно крещеными татарами [Малов 1866; Одигриевский 1895]. Этот экзоэтноним закрепился в советской исторической науке, но наряду с ним широко фигурирует и этноним «татары-кряшены» [Татары 2001; Татары 2017], а также эндоэтноним «кряшены».

В музыкальной фольклористике песенный фольклор кряшен появляется в нотных сборниках М. Н. Нигмедзянова [Нигмедзянов 1970, 1974] (записи 1960-х гг., сделанные в предкамских ареалах), в которых составитель объединил общенациональной жанровой сеткой традиционные песни казанских татар, татар-мишарей и «встроил» в нее обрядовые напевы татар-кряшен (рубрикация в его сборниках идет по жанрам, хотя в монографии [Нигмедзянов 1982] автор посвящает отдельные главы кряшенам, казанским татарам и татарам-мишарям). Ему же принадлежат первые краткие опыты осмысления самобытности традиции татар-кряшен [Нигмедзянов 1964]. Песни молькеевской группы кряшен (ареал расселения на границе с Чувашией), собранные ранее в экспедиции 1955 г. Р. А. Исхаковой-Вамба, но опубликованные позже [Исхакова-Вамба 1981: 155–177], получают специальный раздел (наряду с другими этнографическими группами), а также краткие комментарии этнографического характера [Там же: 184–185]. Целе направленное исследование песенных традиций кряшен было предпринято автором [Альмеева 1986] на информационной базе личных полевых экспедиций 1978–1982 гг. в предкамские, закамские ареалы расселения, а также в молькеевский ареал². В самом начале экспедиционной практики автора в процессе плодотворного диалога с жителями многочисленных деревень выяснилось, что существующее самоназвание (эндоэтноним) *керәшән* для них означает и соответствующее самосознание, поскольку кряшены отличают свое песенное наследие от татарского фольклора [Альмеева 1986: 103–110]. В работе было отмечено, что по признакам самобытной жанровой системы и исполнительства в контексте татарского фольклора кряшены образуют субэтнос [Там же: 9], чего в этнологической литературе того времени еще не утверждалось. Ключевые аспекты диссертации 1986 г. – жанровая система и многоголосие – связаны с проблемой выявления реальных обрядовых обстоятельств традиционного пения, с рассмотрением обрядового тембра и многоголосной фактуры. Богатый полевой материал достаточно сохранной живой традиции дал автору возможность составить научное представление о песенном фольклоре этой этнографической группы как о музыкальной системе, продемонстрировать аналитические подходы к описанию составляющих его подсистем (ритмических, интонационных, тембровых, жанровых, исполнительских) и, в конечном итоге, назвать всю совокупность пения кряшен песенной культурой.

¹ Определение предложено автором [Альмеева 2007: 5].

² Экспедиции автора статьи продолжались по 2024 г.

Цель, задачи и методы исследования материалов

В распоряжении автора статьи оказалась магнитофонная пленка, на которой голоса сибирских кряшен записаны татарским филологом-фольклористом Л. Ш. Замалетдиновым³ и которая лично им была вручена автору. На пленке содержатся 33 трека, записанные им в 1971 г. в двух селах Иркутской области – в основном в с. Харёты Аларского (с 2019 г. – Нукутского) района, а также в поселке Бохан Боханского района⁴.

Записанный песенный материал локальной группы татар-кряшен Сибири представляет большую научную ценность как объект исследования очевидной аутентичностью звучания и тем, что это редчайшие образцы записи пения сибирских кряшен. Предмет исследования – все музыкально-поэтические составляющие (характерность ритмической организации, интонационности, исполнительского тембра, музыкальной формы строфы, содержание вербальных текстов) каждого песенного образца традиции с. Харёты. Целью настоящей публикации является введение сибирских напевов в общий круг научного изучения фольклора татар-кряшен. Своей задачей автор видит атрибуционный комментарий к ним на основе своего слухового опыта (сложившегося с 1978 г.) и звуковых впечатлений от живого аутентичного пения кряшен Поволжья и Приуралья поколения информантов 1890–1930-х гг. рождения. Методами исследования выступают аналитическое нотирование, способствующее применению метода ладоинтонационного анализа [Земцовский 1980: 184–198], ритмическая типология, текстология. Рассматриваемые свойства напевов и вербальных текстов в комплексе дают возможность жанровой атрибуции артефактов.

Из истории локальной песенной традиции татар-кряшен Иркутской области

Татары-кряшены не являются коренными жителями Сибири. Речь идет о семействах приуральских кряшен, которые переселились в Сибирь в годы столыпинских реформ (поселения в Западной и Восточной Сибири, на Алтае, в Забайкалье, вплоть до Приморья) [Глухов 1997: 327–333]. В 1970-е гг. по инициативе молодых краеведов в их личной переписке со школьными учителями⁵ удалось получить письменную информацию о кряшенах Тюменской и Иркутской областей. И те, и другие писали, что, кроме них самих, кряшен в Сибири нет, из чего следует, что кряшены Сибири друг о друге не знали.

Информация очень отрывочная. Факты, изложенные в письме работника школы с. Харёты, явно очевидицы описываемых событий, Фоминой Флоры Дмитриевны, обращенном к Д. М. Васильеву, дают возможность почерпнуть ряд хотя и скудных, но очень важных, даже уникальных сведений того времени об истории формирования конкретной, затерянной в огромной Сибири, песенной традиции:

Уважаемый Дамир Михайлович, здравствуйте!

Отвечаю на Ваше письмо по просьбе директора школы. Работаю я в школе, зовут меня Фомина Флора Дмитриевна. Действительно, в 42 километрах от железнодорожной станции Залари расположено село Харёты, в котором сейчас проживают русские, буряты, татары. Старшее поколение называют себя кряшенами, знают и говорят на татарском языке, поют кряшенские песни, соблюдают свои

³ Замалетдинов (татар. *Жамалетдинов*) Ленар Шайхиевич (1935–2023) – фольклорист, засл. работник культуры РТ (1995), лауреат Госпремии ТАССР им. Г. Тукая (1989); с 1970 г. работал в Институте языка, литературы и истории КФАН СССР, с 1997 г. – в Институте языка, литературы и искусства АН РТ; ему принадлежат труды по прозаическим жанрам татарского фольклора (информация из открытых источников).

⁴ Звукозаписи пения татар-кряшен целенаправленно отобраны и скопированы Л. Ш. Замалетдиновым из его экспедиционных материалов, хранившихся в его личном домашнем архиве, и безвозмездно переданы им в личный архив автора статьи в 1987 г. как профессионально заинтересованному лицу, специалисту по фольклору кряшен, для работы. На пленке, кроме сибирских фонограмм (записи 27 июня и 2 июля 1971 г.), присутствуют также записи пения кряшен д. Ляки Сармановского р-на Татарстана, сделанные им же 28 мая 1972 г., как объявляет голос собирателя. Все аудиозаписи позже были оцифрованы.

⁵ Г. М. Макаров (ныне этноинструментовед, кандидат искусствоведения) и Д. М. Васильев (ныне историк) рассылали такие письма. Предоставленные им ответы с мест были опубликованы в газете Общества кряшен Татарстана «Туганайлар» («Родимые»).

кряшенские обряды, обычаи. Примерно до 60-х годов проводили свадьбы по-кряшенски (они отличаются от русских и, естественно, татарских). Но сейчас все изменилось. Среднее и молодое поколение обрусели: плохо знают или совсем не знают языка (особенно молодые), не знают обычаев, традиций, не поют песен. Молодые считают своим родным языком русский. Этому способствовало все: и обучение в школе, и общение (окружение разно-национальное), и смешанные браки с русскими и бурятами.

Самые распространенные фамилии кряшен – это Николаевы, Фроловы, Табанаковы, Антиповы, Кудряшовы, Рыцёвы, Васильевы.

Первые кряшены приехали сюда в 1912–13 годах в поисках лучших земель. Родом они были из Умира, Илика, Сарашлы Бакалинского района. Их было 19 семей. Вот некоторые из них: Николаев Осип с сыновьями. Табанаков Егор, 5 его сыновей и дочь. Фролов Василий Фролович с братом Федором и другие. Несколько семей уехали обратно: причины – тоска по родным местам, суровый климат, чуждый народ и т. д. Коренное население – буряты – встретили их враждебно. Поэтому им пришлось поселиться в 3–4 км от Харёта (тогда это был бурятский улус). Жили в первые год-два в землянках, потом построили деревянные избы. Сейчас это урочище, бывшее селение, носит название «Иски Аул». Также в первые годы жизни им здесь не разрешали даже хоронить своих покойников. Для этого они ездили в Нукуты, в 12–15 км, там была небольшая церковь. Там же крестили и совершали другие религиозные обряды. Район здесь лесостепной, но в степи им земли не давали, поэтому они корчевали густой лес и на этих небольших участках обрабатывали землю, сеяли пшеницу, просо, картофель. Постепенно враждебность исчезла. Буряты (богатые) стали нанимать кряшен на сезонные работы, хорошо платили им зерном, мясом. Сдружились, стали общаться, разрешили им переселиться в Харёты. Улица, на которой они поселились, и сейчас называется Волжинской. В 30-х годах организовали свой колхоз «Красная Волга». В 1936 году произошло слияние двух колхозов (татарского и бурятского). Общий был назван именем Калинина. Затем в 60-х годах реорганизован и переименован в совхоз «Харётский». Сейчас всего 321 двор. Из них татарских 49 дворов. Цифра эта примерная. Округ называется Усть-Ордынский бурятский автономный округ.

Кряшены только в Харётах (во всяком случае мне неизвестна иная информация, я интересовалась). Татары (мусульмане) есть и в Нукутском, и в других районных округах. Есть целые татарские деревни, например – Новоселово, Шаховск (но не кряшенские). Вот, собственно, вся информация, которую Вам могу дать по существу Ваших вопросов. Всего доброго.

С уважением, Флора ФОМИНА,
Иркутская область, Нукутский район, с. Харёты.⁶

По упоминанию названий конкретных деревень и района Башкортостана можно судить о том, что сибирские переселенцы происходят из бакалинской группы кряшен⁷. Песня о переселении в Сибирь есть в представляемых здесь материалах (№ 8).

Как филолог, участвовавший в формировании антологии татарского фольклора, Л. Ш. Замалетдинов в данной сибирской экспедиции имел целью собирание сказок сибирских татар, а песни кряшен записаны им попутно. Системных сведений о материалах нет. Перед каждой песней он называет дату записи, Иркутскую область, село, фамилию, имя и отчество исполнителя, иногда только имя и фамилию, но, к сожалению, не уточняет годы рождения. Иногда он называет жанр записываемой песни (например, на проводы гостей, свадебный, солдатский напев), вероятно, сообщенный на его запрос, иногда не делает этого (объявляя просто *борынгы керәшен көе* ‘старинный кряшенский напев’). Но, несомненно, следует выразить собирателю большую благодарность за бесценный материал, который давно исчез из бытовой жизни, а теперь все же попадает в научный оборот⁸.

⁶ Письмо опубликовано в 1999 г. в газете «Керәшен сүзе» («Слово кряшен»). Републикация в газете «Туганайлар» («Родимые») от 16 мая 2019 г.: <http://tuganaylar.ru/news/etnograficheskaya-mozaika/iz-istorii-iski-aul-ili-o-buryatskikh-kryashenakh> (дата обращения: 06.09.2025). Текст письма воспроизведен точно, кроме нескольких знаков препинания, а также буквы ё в названии села.

⁷ Бакалинская территориальная группа татар-кряшен ныне расселена в Бакалинском районе Башкортостана. До Октябрьской революции Бакалинский район являлся волостью в составе Белебеевского уезда Уфимской губернии. Песни сёл Умирово, Ново-Илеково и других сёл кряшен Бакалинского р-на Республики Башкортостан см. в книге: [Народные песни кряшен Башкортостана (Бакалинский район)].

⁸ На сайте ANTONOVKA RECORDS, где выкладываются электронные альбомы этнической музыки разных народов, опубликован альбом «Урман: песни сибирских кряшен (Иркутская область), 2022 г.» с пением ансамбля «Туган авылым» («Родная деревня моя») с. Харёты (основан в Харётах в 1986 г., руководитель – Татьяна Прокопьевна Антипова). Надо отдать должное энтузиазму этих женщин, которые,

Объем каждой единицы записи чаще составляет одну мелострофу, реже две. Заметим, что для опознания мелодического типа и его анализа этого достаточно при знании всего известного на сегодня корпуса песен татар-кряшен.

В поселке Бохан записано всего 7 треков (6 – от одной исполнительницы). Из них только два свадебных напева относятся к сугубо кряшенским (весьма характерные по музыкальным и исполнительским качествам), остальные образцы – из общетатарского репертуара.

Большинство записей в собрании Л. Ш. Замалетдинова сделаны в с. Харёты, поэтому речь здесь пойдет в основном о них. В с. Харёты зафиксированы 24 образца, восемь из которых содержат тексты с тематикой первых послереволюционных лет на мелодии татарских такмаков и на русские – в том числе авторские – мелодии⁹. Только оставшиеся 16 напевов можно назвать особо ценными для фиксации старинной кряшенской песенной традиции с их приуроченными текстами, традиционными мелодическими типами¹⁰ и – подчеркнем – невозвратно потерянным тембром и интонированием. Здесь выборочно представлены 11 образцов¹¹.

Характерность кряшенских песен Иркутской области в контексте песенной культуры кряшен

Песенная традиция кряшен принципиально коллективная. Сибирские образцы очень ценны присутствием таких аутентичных черт их **ансамблевого пения**, как:

- полная синхронность произнесения текста соответственно общему слогоритму, в том числе синхронность акцентов, словообрыва, дробления слогов, нетекстовых вставок в тексты, кадансовых фермат и акцентов;
- гетерофонная фактура;
- наличие в двухголосии голосовых партий, где в фактуре пунктирно присутствует подвижный бурдон (№ 4);

При нотировании старинных песен автором применялось замедление скорости аудиозаписи, что оказалось очень важным для фиксации этого типа интонирования. В определенных образцах замедление показывало достаточно мелкое внутрислоговое интонационное и мелизматическое дробление, которое может остаться незамеченным в деталях в реальной скорости записи.

Отобранные образцы представляют здесь все основные жанры песенной традиции кряшен: свадебные напевы, напевы общинных гостеваний в осенние праздники, рекрутский, хороводный, напев вечерних уличных гуляний, лирический. Среди них – три ценнейших образца с традиционной двухголосной фактурой¹². Песни на многослоговой стих, с квантитативной ритмикой кряшены называют протяжными – *озын көй* (в отличие от так называемых коротких песен – *кыска көй* – квадратной структуры со стихом 8 + 7). Это основной корпус песенного наследия кряшен, к которому относятся и представляемые песни (№№ 1–10).

Узнаваемые качества песенной культуры кряшен проявлены в сибирских песнях во всех составляющих мелодики и стихов.

Интонационные свойства:

- конкретные мелодические типы – в данном случае принадлежащие определенному локальному ареалу (мензелинской группе, связанной с бакалинской);

видимо, имеют большую потребность в исполнении песен своего села. Но в пении они не воспроизводят традиционные качества мелоса – характерное интонирование, тембр, фактуру коллективного пения, что не могло быть иначе в условиях прерванной традиции. Общее звучание ансамбля – абсолютный унисон, темброво выхолащенный, а динамически однообразно громкий, к сожалению.

⁹ Опускаем их, а также образцы жанров фольклора казанских татар: баит, две плясовые песни, частушки.

¹⁰ Мелодический тип – термин И. И. Земцовского [Земцовский 1975: 20–21]. Мелодические типы, интонационный строй и фактура традиционных песен с. Харёты имеют аналоги в традиции кряшен мензелинского ареала, которая в свое время отпочковалась от бакалинской группы и которую автор статьи застала в экспедиции 1980 г. в очень хорошем состоянии.

¹¹ Нумерация образцов, упоминаемых в тексте статьи, соответствует нумерации в Нотном приложении, а также в перечне ритмических клише (см. рис. 1 на с. 68–69) и схемах ладозвукорядов (см. рис. 2 на с. 69).

¹² Всего в записях Л. Ш. Замалетдинова шесть двухголосных образцов.

– формульный интонационный строй, характерный для всех традиционных жанров, в исторически различных мелодических слоях: от «обнаженной» формульности интонаций (№№ 2, 5), от повторности узкообъемной интоны, преодолевающей однообразность ее повторов динамикой тембра (№ 3) или искусным внутрислоговым распевом-варьированием (№№ 1, 4, 5), до напевов с интонационными взлетами на поступенном движении, обнаруживающими октавный предел слегка обозначенными звуками (№№ 7, 10), или с развитой мелодической линией, сочетающей интонационный простор кварт и секст с поступенным движением в объеме периода из двух предложений в условиях октавной пентатоники (№№ 8, 9).

Песенные формы следующих типов:

- 1) цезурированный мелодический период из двух предложений:
 - а) с повтором второй и четвертой строк (№№ 4, 7–10); дополнительный повтор второго двустушия, как правило, должен быть, но здесь ряд нотировок представлен без этого повтора;
 - б) с прерванной второй строкой (№№ 1, 3, 5, 6);
 - в) с рефреном после первой и третьей строк (№ 2) и между повторами четных строк (№ 9);
- 2) однострочный напев, звучащий на каждую строку четверостишия (№ 10: в данном случае каждый двухстрочник мелодически оформлен как период из двух предложений при стихе 10 + 9 с кадансированием во втором предложении); второе двустушие в каждой песне повторяется.

Ладообразование:

- ангемитоника малых форм (бестерцовая тетратоника *as-b-des-es* в № 1, *f-g-b-c* в № 2, малотерцовая тетратоника как основа напева *f-as-b-c* в № 3);
- пентатонная ладовая основа (№ 4), октавно-пентатонная (№№ 8, 10);
- минорный пентахорд (№ 5), сочетание ангемитонных интонаций с гемитонными в условиях минорного пентахорда (№ 6);
- дорийский колорит, неслучайность которого подтверждается его характерностью для мензелинского ареала Татарстана, и его сочетание с ангемитонными и гемитонными фрагментами (№ 9);
- диатоника (№ 7).

Вербальные стихотворные тексты песен и их исполнительское воплощение:

- четверостишия обрядового и лирико-философского содержания на волжско-татарском языке, встречающиеся в различных территориальных группах кряшен;
- акт распевания слогов текста при открытом звуке, меняющем звучание гласных, делая их как бы «плоскими», несколько искажая их, но не делая их непонятными;
- форшлагги внутри звука / слога, которые приходятся на вставные фонемы в словах (№№ 1, 6, 10): в этих случаях нотная графика показывает общей акколадой групповое единство звуков на один слог, а частичная лига под этой акколадой выделяет вставной слог из звучания основного слога;
- присутствие в этом собрании нескольких файлов с таким типичным для кряшен способом звукоподдачи, как открытый звук с сильной опорой на диафрагму и фонетической инструментровкой строфы¹³ вставными слогами;
- дробление поющего слога его произнесением с участием вставной фонемы (типа *йа, йо*), превращающей единичный звук в синкопированно-раздвоенный (№№ 1, 3, 8);
- *crescendo* на заключительных протяженных устоях полукадансовых и кадансовых зон (в традиционной обрядовой или событийной обстановке они бывают очень ярко выражены).

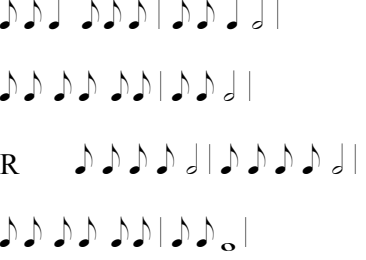
Ритмическая организация:

- ритмоинтонационная трехчастность первой строки каждого двустушия [Альмеева 2022: 152–170] как буквальная (№№ 2, 3, 5, 6, 8, 10), так и на уровне интонационных полей (№ 1)¹⁴;
- традиционные квантитативные ритмические клише напевов как структурная основа мелострофы в масштабах мелодического периода из двух предложений, дважды повторенные в четверостишии [Альмеева 1986: 54; 1989: 157–165] (ритмические клише приведены здесь

¹³ Фонетическая инструментровка строфы – формулировка, предложенная И. И. Земцовским в период работы автора над диссертацией под его руководством.

¹⁴ Интонационное поле – термин И. И. Земцовского [Земцовский 1975: 21].

в виде своих широко распространенных инвариантов, без учета исполнительских деталей, как то пауз, *fermata* и т. п.) (см. рис. 1):

1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.

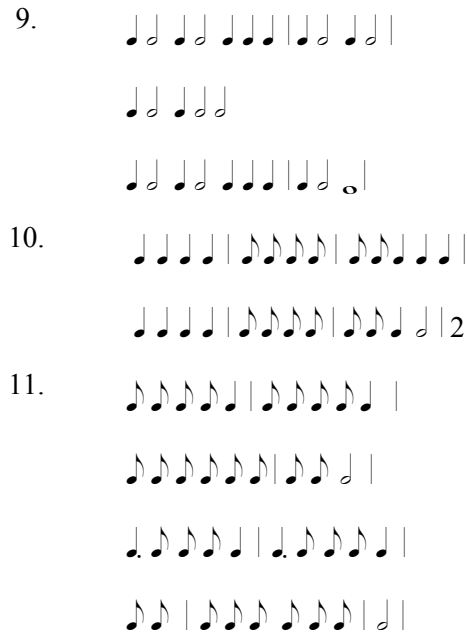

Рис. 1. Ритмические клише напевов
Fig. 1. Rhythmic clichés of chants

Рис. 2. Ладозвукорядные схемы напевов
Fig. 2. Scale diagrams of chants

Жанровая атрибуция нотных образцов

№ 1 (22)¹⁵. На звукозаписи песни объявлена Л. Ш. Замалетдиновым просто как «напев крышен». Спели Ирина Ермолаева и Прасковья Николаева. Это яркий пример специфической традиции виртуозного интонирования певицы-лидера¹⁶, которая с легкостью игры на флейте вос-

¹⁵ В скобках показан порядковый номер песни в аудиозаписи.

¹⁶ Судя по сольным записям Ирины Ермолаевой (трек 23 б в коллекции Л. Ш. Замалетдинова, в статью не вошел) и Прасковьи Николаевой (здесь № 8), обе они владели специфической техникой пения «ломкой» мелодической линии, присущей песням обрядового слоя (здесь №№ 1, 4) и лирики (№ 9),

производит довольно мелкую ритмическую картину и все мельчайшие морденты, внутрислоговые и «подброшенные» форшлагги. Вторая певица интонирует подчиненный нижний голос, то есть присутствует явное разделение на функции в гетерофонной фактуре и «просвечивающие» элементы бурдона. Текст песни лирико-философского характера о ценности и невозвратности молодости и самой жизни мог быть и частью застольной, и хороводной песни старшего поколения.

*Казаннардин килгән, дә ла, эшләйне
бигерәк...
бигерәк әйбәт булыр, да ла, жизләсәк.
Жәшлек-гүмерләрне, дә ла, таб'алмабыз,
миллийон...
миллийон маллар биреп та, ләй, эзләсәк.*

Шлея, что привезена из Казани,
очень...
очень хороша будет, если украсим её латуною.
Молодость-жизнь мы не отыщем,
миллион...
даже если заплатим миллион за поиски.

Ритмическое клише типично для застольных гостевых песен. Интонационный словарь в широко распространенной у крышен Татарстана бестерцовой тетратонике такого вида характерен для более раннего обрядового исторического слоя песен, так же как и наличие единственного ладового устоя. В процессе интонационного развертывания в вертикали возникают квинта, секунда и, что особенно характерно для целого слоя обрядовых песен крышен, мимолетные кластеры, образуемые распевом одного голоса внутри слога в пределах большой терции, кварты и квинты. Присутствует такое специфическое качество интонирования крышен, встречающееся в разных жанрах песен и в различных территориальных группах, как форшлагги внутри звука / слога на вставные фонемы в словах, которые приходится иногда на слоги *йе, йә, йа*, что напоминает звукоподражание птицам:

*Жизләсәк = же(йе)з_лә(йә)_сә(йә)к
Өзләсәк = ө(йе)з_лә(йә)_сә(йә)к
Маллар = мал_ла(йа)р*

Мелос такого типа фиксировался автором в мензелинской традиции крышен, которая, видимо, генетически близка жителям с. Харёты.

№ 2 (32). На записи объявлено, что Елизавета Антипова поет песню «Лесная опушка» (условное название по рефрену). Судя по тексту и предельно формульному, «раскачивающемуся» в ритм коллективного шага интонационному словарю, это песня ежегодного семейно-родового гостевания, которая поется «артельно», когда гости, взявшись под руки и выстроившись шеренгами, переходят из дома в дом по всей деревне.

*Жаус'ыйды да жангырлар, эй, жаус'ыйды,
R (урман буйлары...)
сулыкларга сыйса ла сыйса'йды¹⁷.
Әлекәй дә бергә лә без жөрийбез,
R (урман буйлары...)
тагы жөрөшерләргә жазс'ыйдый.*

Пролился бы дождь, эй, пролился бы,
R (лесная опушка...)
водоемы наполнились бы, наполнились бы.
Пока что вместе мы ходим-общаемся,
R (лесная опушка...)
еще так же общаться суждено было бы.

№ 3 (28). Спели Ирина Ермолаева и Прасковья Николаева. На записи объявлено, что «исполнители называют этот напев старинным». На данной одноканальной записи двухголосия хорошо отличим ведущий, лидирующий голос (он насыщен энергией характерного яркого тембра), и, соответственно, «подчиненный» ему. Напряженный тембр певицы-лидера, медитативное пребывание в квинтовом пространстве с многократно повторяемыми протяженными звуками

и являли собой мастерски спетый дуэт. Но все же по сольной записи Прасковьи Николаевой нам представляется, что в этой и последующих двухголосных записях именно она является ведущей в дуэте как носитель яркого традиционного тембра, динамики звука и техники исполнения. Здесь и далее в описаниях песен №№ 1, 3 и 4 она именуется «лидер».

¹⁷ Это двустопное было исполнено с некоторыми искажениями. Первое слово распространенного в песнях крышен четверостишия *Жаус'ыйды* 'Пролился бы' было пропето с неверным окончанием *-ыр*. Здесь в тексте восстановлены традиционные слова этого четверостишия. Благодарю Г. М. Макарова за уточнение.

ми на квинтовой ступени, к тому же «зависающими» на микро-ферматах, демонстрирует признаки мелоса обрядового класса. Ангемитонная аура напева внезапно «выключается» появлением секундовой ступени *g* (6-я строка). Квинтовое соотношение основного и срединного устоев в мелодическом периоде из двух предложений. Текст с красивой образно-психологической параллелью несет идею прочности кровнородственных связей и возможен как в напевах общинно-родового гостевания, так и в хороводах старшего поколения.

*Ак кошлардый очарлар күлләр күреп,
күбәләкләр очар...
күбәләкләр очар, ой, гөл күреп.*

*Гөлләр күреп очкан на күбәләк күк,
сайрашырбыз микән...
сайрашырбыз микән, ай, бер күреп?*

*Гөлләр күреп очкан на күбәләк күк,
сайрашырбыз микән...
сайрашырбыз микән, ай, бер күреп?*

Лебеди летят к озеру, увидев его,
бабочки летят...
бабочки летят на цветок, ой, увидев его.

Подобно бабочкам, увидевшим цветок,
поворкуем ли...
поворкуем ли, ай, однажды увидевшись?

Подобно бабочкам, увидевшим цветок,
поворкуем ли...
поворкуем ли, ай, однажды увидевшись?

№ 4 (29). На записи напев объявлен верно, как свадебный застольный. Спела Прасковья Николаева. Песня одной из роднящихся сторон, восхваляющая гостеприимство хозяев дома (новую родню с другой стороны), с типичным для свадебно-гостевых песен ритмическим клише, с завуалированной в распевную мягкость интонационной формульностью в условиях ангемитонной пентатоники. Квинтовое соотношение основного и срединного устоев в мелодическом периоде из двух предложений.

*Өстәл өсткәйләрең, ай, күрәгә,
Күрәгәләр түгеллә, эй, балдыр ул! (2)
Эчкән кунакларга, эй, балдыр ул,
Биргән куҗаиннарга, эй, дандыр ул! (2)*

На прекрасной поверхности стола, ай, курага.
Это не курага, эй, это просто мед! (2)
Гостям, которые его пьют, эй, это мед.
Угощающим хозяевам, эй, слава! (2)

№ 5 (31). На записи объявлено, что поет Антипова Елизавета Федоровна, жанр не назван. В тексте песни упоминается игра на опушке леса, что ассоциируется с хороводной игрой с участием многих людей на Петров день, которую (игру) провожают в последний вечер этого праздника, шествуя из деревни в лес. В деревнях, где Петров день был престольным праздником, от кришён приходилось слышать: *Питрау кич уйынны озатабыз урманга* 'Вечером Петрова дня игру провожаем в лес'. Судя по голосу певицы, она самая старшая из всех в этом собрании исполнителей и могла быть настоящим носителем этой традиции, участницей этой игры.

*Икекәй дә күке дә тиң кычкырай,
икей әрәмәй...
икей әрәмәләрне бер итеп.*

*Безләр уйнайыккай да без көләйек,
урман буйлары...
урман буйы торсын да гөр итеп!*

Две да кукушки кукуют одинаково,
две ивы...
две ивы объединяя в одну.

Давайте будем играть да будем смеяться,
опушка леса...
опушка леса да пусть гудит!

Напев архаичный. Мелодия не имеет распевов, что может показаться странным для протяжных календарно-приуроченных хороводных песен кришён. Но совершенно очевидно, что исполнение ускоренное, как минимум вдвое, даже «скомканное», как могло быть при записи протяжных песен вне обряда – в условиях, когда обрядовая традиция уже угасла. Поэтому ускоренность исполнения крайне обнажает формульность напева – чередование трихордовых интоном на квинтовом пространстве малотерцовой гемитоники с притяжением единственного ладового устоя.

№ 6 (19). Голос собирателя, не называя жанра, просто представляет поющего человека: Иван Егорович Рыцев. Редчайший на сегодня пример мужского исполнительства с воспроизведением специфических способов дробления протяженных звуков: внутрислоговыми форшлагами в объеме малой терции (они прослушиваются на первых слогах четвертой и седьмой строк)

и внутрислоговым синкопированием при помощи вставных слогов *йа, йы, йө*. Типичное для застольных гостевых напевов ритмическое клише полустрофы. Череда повторенных нисходящих мелодических формул с интонированием по звукоряду минорного пентакорда с малой субмедиантой (*h*)-*D-e-f-g-a* в направлении единственного ладового устоя. Кадансирование на ангемитонных интонациях звуками, которые не участвуют в напеве и находятся на месте традиционного интонационного «сброса» в конце предложения (чаще – на неопределенной высоте).

Аналогичный мелодический тип на три голоса с параллельно-терцовой фактурой автору довелось записывать у мензелинских крышен. Судя по тексту, это напев семейно-родовых гостеваний.

<i>Уйнасаккай, утәр, дә лә, ай, бу гумер,</i>	Если будем играть-веселиться, да ля, ай,
<i>уйнамасак, утәр, ләй...</i>	пройдет эта жизнь,
<i>уйнамасак, утәр, дә лә, бу гумер.</i>	и если не будем, пройдет, ляй...
	и если не будем играть-веселиться, да ля,
	пройдет эта жизнь.
<i>Йакшылар да уйнап, та ла, йакшы</i>	Если будем по-хорошему веселиться, та ла,
<i>йөрсәк,</i>	и по-хорошему вести себя,
<i>сайраныктай утәр, ләй...</i>	то в блаженстве пройдет...
<i>сайраныктай утәр, дә лә, бу гумер.</i>	то в блаженстве пройдет, да ля,
	пройдет эта жизнь.
<i>Йакшылар да уйнап, та ла, йакшы</i>	Если будем по-хорошему веселиться, та ла,
<i>йөрсәк,</i>	и по-хорошему вести себя,
<i>сайраныктай утәр ләй...</i>	то в блаженстве пройдет...
<i>сайраныктай утәр, дә лә, бу гумер.</i>	то в блаженстве пройдет, да ля,
	пройдет эта жизнь.

№ 7 (20). На записи объявлено верно, что это «напев проводов в солдаты». Следует назвать его еще точнее – рекрутский протяжный напев, чтобы отличать от скорого уличного квадратной структуры, поющего под гармонь во время обхода деревни на проводах призывников (часто это татарский такмак или русский наигрыш «Сормача» – «*Сармаскай*»). В мелодии чередуются ангемитонные и гемитонные интонационные блоки. Квинтовое соотношение основного и срединного устоев в мелодическом периоде из двух предложений. В конце каждой строки есть интонационный сброс от устоев на малую терцию: в первом предложении периода от срединного, во втором – от основного. Здесь, как и в № 6, исполнитель выпевает «сброшенные» звуки очень определенно, не вуалируя.

<i>Салдатлар да китәр лә, эй, сайланьп,</i>	Солдаты да уйдут, эй, по призыву,
<i>билләренә кайышлар, эй, бәйләнеп. (2)</i>	поясницы ремнями, эй, подпоясав. (2)
<i>Исәннәр дә жөрсәләр, бер кайтырлар,</i>	Если будут живы, да, то однажды вернутся
<i>тыгып үскән илләргә, эй, әйләнеп. (2)</i>	на землю, где родились-выросли, эй, обратно. (2)
<i>Исәннәр дә жөрсәләр, бер кайтырлар,</i>	Если будут живы, да, то однажды вернутся
<i>тыгып үскән илгә лә, эй, әйләнеп. (2)</i>	на землю, где родились-выросли, эй, обратно. (2)

№ 8 (24). Песня о переселении в Сибирь. Спела Прасковья Николаева. Собиратель объявил просто, что это старинный напев. Относится к застольным гостевым песням с размашистыми интонациями в широком (больше октавы) диапазоне, с характерным для них ритмическим клише полустрофы в условиях ангемитонной пентатоники. Мог исполняться в семейно-родовом застолье и на досуге. В татарском языке отсутствует категория рода, поэтому героем песни, как и ее исполнителем от первого лица, может быть и мужчина, и женщина. В мелодическом периоде из двух предложений в целом, с широким шагом интонационных формул, при отсутствии ясно выраженной цезуры, идет нисходящее развертывание из самой высокой точки к единственному устою.

*Атландым, да ла, атларнын мин биленә, лә,
жазылдым дай Себерләр, ай, жиренәй. (2)
Себер жиркәйләре ләй, ай, жирләр түгел, лә,
кайтырыйдым туганай, ай, илемәй. (2)*

Сел(а) я, да ла, верхом на лошадь,
записался(лась), да, я на землю Сибири. (2)
Сибирская земляца, ай, не земля, ла,
вернулся(лась) бы, ай, на мою родину. (2)

№ 9 (27). Собираный на записи объявил: «еще один старинный напев». Спели Ирина Ермолаева и Прасковья Николаева. Текст обращен к родственникам, следовательно, это напев семейно-родовых гостеваний с лирическими распевами. В напеве проявлена сложносоставная картина ладоинтонационного мышления. Редкий факт дорийского колорита в песенном мелосе крышен, но не случайный: мы находим его также в фольклоре генетически родственных крышен мензелинского ареала¹⁸. Интонационное движение разворачивается в верхнем пентакорде дорийского лада манифестирующими распевными («сигнальными») интонациями на протяжении всего первого двуступиши, то есть утверждает этот колорит довольно долго. В результате в контексте напева в целом он воспринимается как явный. В третьей и четвертой строках этого двуступиши (представляющих собой соответственно рефрен и повтор второй строки) голоса находятся в нижней половине диапазона, демонстрируя сосуществование ангемитонного и гемитонного планов интонационного мышления. Появляется секундовый тон (сначала в нижнем голосе, затем «узаконивается» и в верхнем), который нивелирует ангемитонный колорит напева. Тот же план интонирования находим в четвертой строке, но в сжатом виде. Далее вся ладоинтонационная конструкция переносится на второе двуступишие. Квинтовое соотношение основного и срединного устоев в мелодическом периоде из двух предложений.

*Тургайлар очты ла – күрдегезмей? –
аваларга менеп житкәнчей.*

Р Эйляр, эйляр, эй, родимые мои,
аваларга менеп житкәнчей.

*Бер Кодай эшләрен без белмибез,
алдыбызга килеп житкәнчей*¹⁹.

Р Эйляр, эйляр, эй, родимые мои,
алдыбызга килеп житкәнчей.

*Бер Кодай эшләрен без белмибез,
алдыбызга килеп житкәнчей.*

Р Эйляр, эйляр, эй, родимые мои,
алдыбызга килеп житкәнчей.

Жаворонки взлетели – вы видели? –
достигнув самого неба.

Р Эйляр, эйляр, эй, родимые мои,
достигнув самого неба.
Что нам судил Единственный Бог, мы не знаем,
пока оно не постигнет нас.

Р Эйляр, эйляр, эй, родимые мои,
пока оно не постигнет нас.
Что нам судил Единственный Бог, мы не знаем,
пока оно не постигнет нас.

Р Эйляр, эйляр, эй, родимые мои,
пока оно не постигнет нас.

№ 10 (6). Собираный объявляет, что спела Григорьева Акси́нья Васи́льевна. Аудиозапись сохранила комментарий исполнительницы: это свадебная песня. Единственный песенный образец из с. Бохан, который представлен в настоящей статье, свидетельствует, что там имела прекрасную сохранившаяся песенная традиция крышен. Свойственный свадебным напевам кружевной рисунок мелодической линии и мелизматика маскируют формульность напева. Она вписана в гладкое поступенное интонационное движение и мягкое исполнительское интонирование на основе октавной ангемитонной пентатоники *a-h-d-e-fis-a*, которую при повторе нарушает звук *cis*, возникший для опева тона *a*²⁰. Прощальный текст этого четверостишия весьма распространен среди крышен всех территориальных групп в гостевых, свадебных, рекрутских песнях.

¹⁸ Конкретно – в д. Нижние Юшады Мензелинского р-на Республики Татарстан. Материалы экспедиции Н. Ю. Альмеевой 1980 г.

¹⁹ Женщины спели здесь слово *житмичә*, которое подходит по смыслу, но нарушает традиционную идеальную рифму этого текста. Поэтому мы восстанавливаем здесь слово *житкәнчей*: оно необходимо еще и потому, что, дважды встречаясь в этом четверостишии, играет оттенками смысла в контексте окружающих слов – *достигнуть* / *постигнуть*.

²⁰ Такое явление в условиях ангемитоники нередко возникало в песнях крышен старшего поколения.

*Әле генә күрдем, дә ла, ай лар, мин сезне,
тагы да кайчан күрермен, дә, ай, мин
сезней? (2)*

*Итләрем дә бетәр, дә ла, сөйгем калыр,
шул чакларда онытмамын, ай, мин сезней. (2)*

*Итләрем дә бетәр, дә ла, сөйгем калыр,
шул чакларда онытмамын, ай, мин сезней. (2)*

Вот только что видела, да ла, ай лар, я вас,
когда же еще увижу, да, ай, я вас? (2)

Моя плоть истлеет, да ла, кости останутся,
и тогда не забуду, ай, я вас. (2)

Моя плоть истлеет, да ла, кости останутся,
и тогда не забуду, ай, я вас. (2)

№ 11 (12). На записи объявлено, что поет Ирина Георгиевна Антонова. Образец очередного переинтонирования популярной в России 1920–1930-х гг. авторской мелодии «Кирпичики» [Неклюдов 2005], перешедшей к крышанам из русского бытового репертуара. Вальсовость этой широко известной песенки трансформируется в первом двустиишии в сторону традиционных для фольклора крышен квантитативных ячеек и проявляется только в четвертой строке. Во втором такте использована ангемитонная интонация, остальные мелодические фразы воспроизводятся согласно оригиналу. Текст песни – широко распространившееся у крышен Поволжья и Приуралья стихотворение крышенского поэта Тимофея Владимировича о том, как два брата оказались по разные стороны на фронтах гражданской войны²¹. Текст построен по законам татарского байта: его трагический сюжет, основанный на реальных событиях и рассказанный от первого лица, заканчивается смертью одного из главных героев, когда брат убивает брата. Впрочем, текст в плане трагичности сюжета перекликается и с русским оригиналом²².

*Авыл читендә, бабай йортында
эшче гаиләдә²³ мин тудым.
Дәдәйләр белән, түтиләр белән
туғыз йәштән эшкә тотыным.
Дәдәйләр белән, түтиләр белән
туғыз йәштән эшкә тотыным.*

На краю деревни, в доме деда
в рабочей семье я родился.
С дядями, с тетями вместе
с девяти лет начал работать.
С дядями, с тетями вместе
с девяти лет начал работать.

Заключение

За всеми представленными образцами стоят большие ладоинтонационные пласты песенной культуры татар-крышен в целом, проявленные в локальных территориальных группах и, в частности, у сибирских крышен. Эти пласты заслуживают специального рассмотрения. Несмотря на малочисленность имеющихся артефактов, коллекция Л. Ш. Замалетдинова представляет собой несомненную историческую ценность и очень значима для изучения этой песенной культуры как относительно ранняя²⁴ запись аутентичного пения. Певицы, записанные Л. Ш. Замалетдиновым, могли быть 1900-х гг. рождения, то есть несли в себе традицию пения XIX в. Судя по владению традиционным интонированием и по характерности тембра голосов, средний возраст поющих мог быть 60–70 лет и даже более 80-ти. Все вышеизложенное дает возможность утверждать, что мы имеем дело с пением людей, хранивших в активной памяти живую непрерывную традицию поколения своих родителей, пребывавших в ней, а также что музыкальный слух носителей этого репертуара не подвергался воздействию СМИ. Пение

²¹ Стихотворение Тимофея Владимировича «Авыр елларда» («В тяжелые годы») было опубликовано в 1928 г. в крышенской газете «Киңәш» («Совет») и, как и в данном случае, стало бытовать в фольклорной традиции с рядом изменений. Во вступительной статье, посвященной поэту, сказано, что этот текст на мелодию «Кирпичиков» дети в школах пели хором. Видимо, поэтому байт получил широкое распространение.

²² «По количеству подражаний, перепевов и переделок она не знает себе равных в советском городском фольклоре» [Неклюдов 2005: 1].

²³ В этом тексте есть противоречие: герой родился в деревне в семье рабочего. В традиции поволжских крышен эта строка имеет такой вид: *ишле җәмәгатта мин тудым* ‘родился я в многочисленной общине’ (как написано у Т. Владимировича). Сыграла роль созвучность слов *ишле* ‘многочисленной / эшче ‘рабочей’.

²⁴ Ранняя в том смысле, что 1971 г. – это время весьма активной жизни песенной традиции крышен.

с полным комплектом описанных выше свойств автор застала в своих экспедициях начиная с 1978 г. и в течение 1980-х гг., работая в Поволжье и Приуралье.

Список литературы

Альмеева Н. Ю. Песенная культура татар-кряшен: жанровая система и многоголосие: Дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1986. 152 с. + 75 с. нот. прил.

Альмеева Н. Ю. Песни татар-кряшен. Вып. 1: Пестречинская (примёшинская) группа / полные звукозаписи, нотировки, вступ. ст., коммент., переводы текстов песен и рассказов этнофоров Н. Ю. Альмеевой; под общ. ред. И. И. Земцовского. СПб.; Казань, 2007. 316 с. + CD.

Альмеева Н. Ю. Ритмические клише и мелодическая заменяемость в песнях татар-кряшен // Народная музыка: история и типология. Л., 1989. 186 с.: нот.

Альмеева Н. Ю. Трехчастная ритмоинтонационная матрица песенной строки в фольклоре тюрков и финно-угров // V Всероссийский конгресс фольклористов: Современная научная мысль о традиционной народной культуре: сб. науч. ст. / ред.-сост. Е. А. Дорохова, Д. В. Морозов. М.: Гос. Российский Дом народного творчества им. В. Д. Поленова, 2022. С. 152–170.: ил., нот.

Баязитова Ф. С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. М.: Наука, 1986. 248 с.

Глухов М. С. Кряшены // Tatarica: энциклопедия. Казань: Ватан, 1997. С. 327–333.

Земцовский И. И. Мелодика календарных песен. Л.: Музыка, 1975. 224 с.

Земцовский И. И. Б. В. Асафьев и методологические основы интонационного анализа народной музыки // Критика и музыкознание: сб. ст. Вып. 2 / ред.-сост. О. П. Коловский. Л.: Музыка, 1980. С. 184–198.

История и культура татар-кряшен (XVI–XX вв.): коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 960 с.

Исхаков Д. М. Этнотерриториальные группы волго-уральских татар: опыт системного анализа // Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. Казань: Дом печати, 2002. С. 75–166.

Исхакова-Вамба Р. А. Татарские народные песни: нотный сборник. М.: Сов. композитор, 1981. 185 с.

Макаров Г. М. Судьба культуры кряшен и татарское национальное сообщество // Единство татарской нации: материалы науч. конф. АН РТ «Цивилизационные, этнокультурные и политические аспекты единства татарской нации» (Казань, 7–8 июня 2002 г.). Казань: Фэн, 2002. С. 173–189.

Малов Е. А. Статистические сведения о крещеных татарах Казанской и некоторых других епархий в Волжском бассейне. Казань: Казанский ун-т, 1866. 79 с.

Мухаметшин Ю. Г. Татары-кряшены. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (сер. XIX – нач. XX вв.). М.: Наука, 1977. 184 с.: ил.

Народные песни кряшен Башкортостана: (Бакалинский район) / под общ. ред. З. Н. Сайдашевой; Казанская гос. консерватория. Казань, 2008. 200 с. (Памятники татарского народного музыкально-поэтического творчества; вып. 3).

Неклюдов С. Ю. «Всё кирпичики, да кирпичики...» // Шиповник: историко-филологический сборник к 60-летию Р. Д. Тименчика. М., 2005. С. 271–303.

Нигмедзянов М. Н. Татарские народные песни: нотный сборник. М.: Сов. композитор, 1970. 184 с.

Нигмедзянов М. Н. Татарские народные песни: нотный сборник. Казань: Татар. кн. изд-во, 1984. 240 с.

Нигмедзянов М. Н. Народные песни волжских татар: исследование. М.: Сов. композитор, 1982. Гл. II: Особенности традиционной музыки крещеных татар. С. 54–85.

Нигмедзянов М. Н. Стилиевые особенности музыкального фольклора татар-кряшен: [материалы] VII Междунар. конгресс антрополог. и этногр. наук (Москва, авг. 1964 г.). М.: Наука, 1964. 11 с.: нот.

Одигитриевский Н. Н. Крещеные татары Казанской губернии: Этнографический очерк. 2-е изд. М.: печ. А. И. Снегиревой, 1895. 66 с. Отг. из № 4 1894 г. и № 4 1895 г. (Православный благовестник).

Становление и генезис кряшенской идентичности: колл. монография / под. ред.

Р. Р. Исхакова. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. 239 с.

Татары / отв. ред. Р. К. Уразманова, С. В. Чешко. М.: Наука, 2001. 583 с.: ил. (Народы и культуры).

Татары / под ред. Г. Ф. Файзрахмановой, В. В. Трепавлова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 2017. 796 с.: ил. (Народы и культуры).

References

Al'meeva N. Yu. *Pesennaya kul'tura tatar-kryashen: zhanrovaya sistema i mnogogolosie* [Song culture of the Tatar-Kryashens: genre system and polyphony]. Cand. of Art history diss. Leningrad, 1986, 152 p. + 75 p. of musical appendix. (In Russian)

Al'meeva N. Yu. *Pesni tatar-kryashen. Vyp. 1: Pestrecinskaya (primyoshinskaya) gruppa* [Songs of the Tatar-Kryashens. Iss. 1: Pestretsinskaya (Primyoshinskaya) group]. I. I. Zemtovskiy (Ed.). St. Petersburg, Kazan, 2007, 316 p. + CD. (In Russian)

Al'meeva N. Yu. Ritmicheskie klishe i melodicheskaya zamenyaemost' v pesnyakh tatar-kryashen [Rhythmic clichés and melodic interchangeability in the songs of the Tatar-Kryashens]. In *Narodnaya muzyka: istoriya i tipologiya* [Folk music: history and typology]. Leningrad, 1989, pp. 157–165. (In Russian)

Al'meeva N. Yu. Trekhchastnaya ritmointonatsionnaya matritsa pesennoy stroki v fol'klore tyurkov i finno-ugrov [The three-part rhythm-intonation matrix of the song line in the folklore of the Turks and Finno-Ugric peoples]. In *V Vserossiyskiy kongress folkloristov: Sovremennaya nauchnaya mysl' o traditsionnoy narodnoy kul'ture* [The 5th All-Russian Congress of Folklorists: Modern scientific thought about traditional folk culture]. E. A. Dorokhova, D. V. Morozov (Eds.). Moscow, Gosudarstvennyy Rossiyskiy Dom narodnogo tvorchestva, 2022, pp. 152–170. (In Russian)

Bayazitova F. S. *Govory tatar-kryashen v sravnitel'nom osveshchenii* [Dialects of the Tatar-Kryashens: a comparative analysis]. Moscow, Nauka, 1986, 248 p. (In Russian)

Glukhov M. S. Kryasheny. In *Tatarica: entsiklopediya* [Tatarica: encyclopedia]. Kazan, Vatan, 1997, pp. 327–333. (In Russian)

Iskhakova-Vamba R. A. *Tatarskie narodnye pesni: notnyy sbornik* [Tatar folk songs: sheet music collection]. Moscow, Sov. kompozitor, 1981, 185 p. (In Russian and Tatar)

Iskhakov D. M. Etnoterritorial'nye gruppy volgo-ural'skikh tatar: opyt sistemnogo analiza [Ethno-territorial groups of the Volga-Ural Tatars: a system analysis experience]. In *Etnoterritorial'nye gruppy tatar Povolzh'ya i Urala i voprosy ikh formirovaniya* [Ethno-territorial groups of the Tatars of the Volga and Urals and issues of their formation]. Kazan, Dom pečati, 2002, pp. 75–166. (In Russian)

Istoriya i kul'tura tatar-kryashen (16–20 vv.): kollektivnaya monografiya [History and culture of the Tatar-Kryashens (16th–20th centuries): collective monograph]. Kazan, Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2017, 960 p. (In Russian)

Makarov G. M. Sud'ba kul'tury kryashen i tatarskoe natsional'noe soobshchestvo [The fate of the Kryashen culture and the Tatar national community]. In *Edinstvo tatarskoy natsii: materialy nauch. konf. AN RT "Tsivilizatsionnye, etnokul'turnye i politicheskie aspekty edinstva tatarskoy natsii" (Kazan', 7–8 iyunya 2002 g.)* [The unity of the Tatar nation: proceedings of the sci. conf. of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan "Civilizational, ethnocultural and political aspects of the unity of the Tatar nation" (Kazan, June 7–8, 2002)]. Kazan, Fen, 2002, pp. 173–189. (In Russian)

Malov E. A. *Statisticheskie svedeniya o kreshchenykh tatarakh Kazanskoy i nekotorykh drugikh eparkhiy v Volzhskom bassejne* [Statistical information about the baptized Tatars of the Kazan and some other dioceses in the Volga basin]. Kazan, Kazan Univ., 1866, 79 p. (In Russian)

Mukhametshin Yu. G. *Tatary-kryasheny. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie material'noy kul'tury (seredina 19 – nachalo 20 v.)* [Tatar-Kryashens. Historical and ethnographic study of material culture (mid-19th – early 20th centuries)]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 184 p. (In Russian)

Narodnye pesni Kryashen Bashkortostana: (Bakalinskiy rayon) [Folk songs of the Kryashens of Bashkortostan: (Bakalinsky district)]. Z. N. Saydasheva (Ed.). Kazan, Kazan Conservatory, 2008, 200 p. (Pamyatniki tatarskogo narodnogo muzykal'no-poeticheskogo tvorchestva [Monuments of Tatar folk music and poetry]; Iss. 3). (In Russian)

Neklyudov S. Yu. "Vso kirpichiki, da kirpichiki..." ["All bricks, and bricks..."]. In *Shipovnik: istoriko-filologicheskiiy sbornik k 60-letiyu R. D. Timenchika* [Dogrose: historical and philological

collection for the 60th anniversary of R. D. Timenchik]. Moscow, 2005, pp. 271–303. (In Russian)

Nigmedzyanov M. N. *Narodnye pesni volzhskikh tatar: issledovanie* [Folk songs of the Volga Tatars: a study]. Moscow, Sov. kompozitor, 1982, ch. II: Osobennosti traditsionnoy muzyki kreshchenykh tatar [Features of the traditional music of the baptized Tatars], pp. 54–85. (In Russian)

Nigmedzyanov M. N. *Stilevye osobennosti muzykal'nogo fol'klora tatar-kryashen: materialy VII Mezhdunar. kongress antropolog. i etnogr. nauk* (Moskva, avg. 1964 g.) [Stylistic features of the musical folklore of the Kryashen Tatars: materials of the 7th International Congress of Anthropological and Ethnographical Sciences (Moscow, August 1964)]. Moscow, Nauka, 1964, 11 p.

Nigmedzyanov M. N. *Tatarskie narodnye pesni: notnyy sbornik* [Tatar folk songs: sheet music collection]. Moscow, Sov. kompozitor, 1970, 184 p. (In Russian)

Nigmedzyanov M. N. *Tatarskie narodnye pesni: notnyy sbornik* [Tatar folk songs: sheet music collection]. Kazan, Tatar. kn. izd., 1984, 240 p. (In Russian and Tatar)

Odigitrievskiy N. N. *Kreshchenye tatary Kazanskoy gubernii: Etnograficheskiy ocherk* [Baptized Tatars of the Kazan province: An ethnographic essay]. 2nd ed. Moscow, pech. A. I. Snegirevoy, 1895, 66 p. Print from No. 4, 1894 and No. 4, 1895, Pravoslavnyy blagovestnik [The Orthodox Evangelist]. (In Russian)

Stanovlenie i genesis kryashenskoj identichnosti [Formation and genesis of the Kryashen identity: collective monography]. R. R. Iskhakov (Ed.). Kazan, Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2022, 239 p. (In Russian)

Tatary [The Tatars]. G. F. Fayzrakhmanova, V. V. Trepavlov (Eds.). 2nd ed. Moscow, Nauka, 2017, 796 p. (Narody i kul'tury [Peoples and cultures]). (In Russian)

Tatary [The Tatars]. R. K. Urazmanova, S. V. Cheshko (Eds.). Moscow, Nauka, 2001, 583 p. (Narody i kul'tury [Peoples and cultures]). (In Russian)

Zemtsovskiy I. I. B. V. Asaf'ev i metodologicheskie osnovy intonatsionnogo analiza narodnoy muzyki [B. V. Asafiev and the methodological foundations of the intonational analysis of folk music]. In *Kritika i muzykoznanie: sb. st.* [Criticism and musicology: collected articles]. O. P. Kolovsky (Comp., Ed.). Leningrad, Muzyka, 1980, iss. 2, pp. 184–198. (In Russian)

Zemtsovskiy I. I. *Melodika kalendarnykh pesen* [The melodic system of calendar songs]. Leningrad, Muzyka, 1975, 224p. (In Russian)

Рукопись поступила в редакцию

The manuscript was submitted on

08.09.2025

Сведения об авторе – Information about the Author

Альмеева Наиля Юнисовна – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник, Российский институт истории искусств (Санкт-Петербург, Россия)

Nailia Yu. Al'meeva – Candidate of Arts, Senior Researcher, Russian Institute of Art History (St. Petersburg, Russia)

almeeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-6565-6936>

Нотное приложение

Транскрибирование текстов, перевод на русский язык, нотная расшифровка Н. Ю. Альмеевой. Комментарии к примерам см. в разделе «Жанровая атрибуция нотных образцов».

№ 1 (22)

$\text{♩} = 64$

The musical score is written for two voices on staves with a key signature of two flats (B-flat and E-flat). The tempo is marked as quarter note = 64. The time signature changes from 4/4 to 2/4 and back to 4/4. The lyrics are in Cyrillic script with phonetic annotations in parentheses. The score consists of three systems of two staves each. The first system has lyrics: (и) Ка - зан - нар - дэ-(и.э)н кил - гэн дэ лэ э - шлэ - (йэ) - йэ - не. The second system has lyrics: -н - нар - да(н - э)н кил - гэн дэ лэ э - шлэ - йэ - не. The third system has lyrics: би - ге - рэк... (и) би - ге - рэк... би - ге - рэ - (йэ)к эй - бэ (йэ.э)т бу - лыр да ла жиз - лэ(йэ) - сэ(йэ -)к. би - ге - рэк эй - бэ - т бу - лыр да ла жиз - лэ - сэ - к.

(и) Ка - зан - нар - дэ-(и.э)н кил - гэн дэ лэ э - шлэ - (йэ) - йэ - не

-н - нар - да(н - э)н кил - гэн дэ лэ э - шлэ - йэ - не

би - ге - рэк... (и)

би - ге - рэк...

би - ге - рэ - (йэ)к эй - бэ (йэ.э)т бу - лыр да ла жиз - лэ(йэ) - сэ(йэ -)к.

би - ге - рэк эй - бэ - т бу - лыр да ла жиз - лэ - сэ - к.

f

(н) Жа - ш_ле - (йе_)к — гу - ме - (йе)р - лэр - не дә лә таб' - а - (йа)л - ма - (йа) - бы - з,

аш_ ле - к - гу_ ме(йе_)р_ лэр - не дә лә таб' - а_ л_ ма_ бы_ з,

ми - ли - йон... (н)

ми - ли - йон...

ми - ли - йо - (йо)н мал - ла - (йа)р би - реп тө лэй эз - лә (йә) - сә (йә -)к.

ми - ли - йон мал - лар би - реп тө лэй эз - лә - сә - к.

№ 2 (32)

♩ = 75

mf

(м) Жау - сый - дыр да жан - гыр - лар, эй, жау - сый - дыр,

ур - ман буй - ла - рый...

(э) с(а)у_лык - лар ди сын - са ла сын - сый - ды - р.

(и) йӨ - ле - кэй дә бер - гә лә без жө - рий - без,

ур - ман буй - ла - рый...

та - гы жө - рө - шер - ләр - гә жаз - сый - ды - й.

№ 3 (28)

$\text{♩} = 120$

f

(и) Ак ко - (йо)ш. лар - дый о - чар - лар күл - лә(и - ә)р кү - реп,

- лар - дый о - чар - лар күл - лә(и - ә)р кү - реп,

кү - бә - (йә - ә) - ләк - лә(и -)р о - чар...

кү - бә - (йә - ә) - ләк - лә(и -)р о - чар...

кү - бә(йә - ә) - ләк - ләр оч - ка(и - а)н, ой, гөл кү - ре - (йе -)п. *mf < f*

кү - бә(йә - ә) - ләк - ләр оч - ка(и - а)н, ой, гөл кү - ре - (йе -)п. *mf < f*

(м) Гөл - лә - (и - ә)р кү - реп оч - кан на кү - бә - (и - ә) - ләк күк

-әр кү - реп оч - кан на кү - бә - ләк күк

сай - ра - (йа) - шыр - быз ми - кән...

сай - ра - шыр - бы(йы -)з ми - кән...

(ә) сай - ра - шыр - быз ми - кән, ай, бер кү - ре.(йе -)п?

сай - ра - шыр - быз ми - кән, ай, бер кү - ре.(йе -)п?

(и) Гөл - лә - (и - э)р кү - реп оч - кан на кү - бә - ләк күк
эр - кү - реп оч - кан на кү - бә - ләк күк

сай - ра - (а.) - шыр - быз ми - кән...
сай - ра - шыр - быз ми - кән...

(э) сай - ра - шыр - быз ми - кән, ай, бер кү - ре - (йе -)п?
сай - ра - шыр - быз ми - кән, ай, бер кү - ре - (йе -)п?

mf

№ 4 (29)

f $\text{♩} = 66$

Эс - тэл өст - кай - лэ - рен, ай, кү - рэ - гә,
лэ - рен, ай, кү - рэ - гә,
кү - рэ - гә (йә) - лэр тү - гел лә, эй, бал - дыр ул.
Кү - рэ - гә - лэр тү - гел лә, эй, бал - дыр у - л.
Кү - рэ - гә - лэр тү - гел лә, эй, бал - дыр у - л.

Эч - кэн ку - нак - лар - га, эй, бал - дыр ул,
лар - га, эй, бал - дыр ул,
бир - гэн ку - жа - (и)йын - нар - га, эй, дан - дыр ул.
бир - гэн ку - жа - йын - нар - га, эй, дан - дыр ул.
(э) Бир - гэн ку - жа - йы - н - нар - га, эй, дан - дыр у - л!
ир - гэн ку - жа - йын - нар - га, эй, дан - дыр у - л!

№ 5 (31)

≈ 133
f

И - ке - кәй дә кү - ке лә тиң кы - ч - кы - ра - й,

и - кей ә - рә - мә - й...

mf *f*

и - ке - й ә - рә - мә - ләр - не бер и - те - п.

(м) Без - лә - р уй - на - (и -) - йык - кай да без кө - лә - йс - к,

ур - ма - (йа)н буй - ла - ры - й...

mf *f*

(ый) ур - ман бу - йы тор - сын да гөр и - те - п!

$\mathcal{O} = 60$

f

У - йи - на - (йа) - са - (йа)к - кай ү - тәр дә лә, а - й, б(а-)у г(о)у - мер,
уй - на - ма - сак, ү - тәр лә - й...
у - й - на - ма (йа -) - сак ү - тәр дә лә бу гу - ме - р. (и)
Йок - шы(йы) - лар да³ - (йа) уй - нап та ла йок - шы йө - р - сәк,
сай - ра - нык - тай ү - тәр лә - й... (и)
сай - ра - (о) - ны - к - та.(йа)й ү - тәр дә лә бу гу - ме - р. (и)

Йак - шы_(йы) - ла_(йа)р да_(йа) уй - нап та ла жак - шы (и) йа_(йө)р - сәк,

сай - ра - нык - тай ү - тәр лә - й...

сай - ра_(о) - ны - (йы)к - та - (йа)й ү - тәр дә лә бу гу - ме - р.

№ 7 (20)

$\text{♩} = 100$
mf

Сал - дат - лар да ки - тэр лэ, эй, сай - лы (йы) - ны - п,

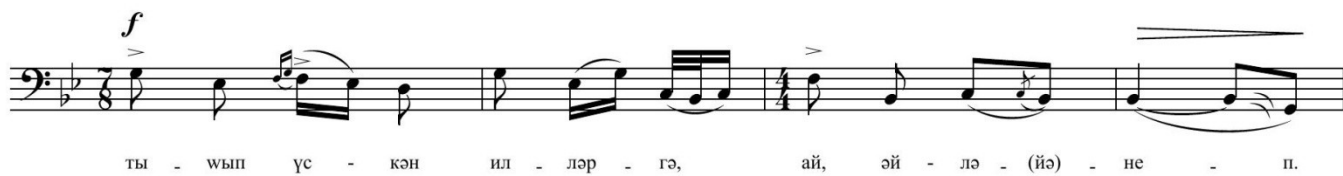
бил - лэ - ре - нэ ко - йыш - лар, эй, бэй - лэ - (йэ) - не - п.

Бил - лэ - ре - нэ ко - йыш - лар, эй, бэй - лэ - (йэ) - не - п.

И - сэн - нэр дэ йөр - сә - лэр, бер кай - ты - (йы)р - ла - р,

ты - вып үс - кән ил - лэр - гә, эй, әй - лә - (йә) - не - п.

Ты - вып үс - кән ил - гә лә, ай, әй - лә - (йә) - не - п.

№ 8 (24)

$\text{♩} = 100$

f

Ат - ла - (йа)н - дым да ла ат - лар - ны - (йы - ы -)н (м) мин би - ле - нэ, лэ,

жа - зы - (йы)л - ды - (йы)м дай Се - бер - лэр, ай, жи - ре - нэй.

mp *mf*

Жа - зыл - ды - (йы)м да - йа Се - бер - лэр, ай, жи - ре - нэ - (йү - ө - э) - й.

f

Се - бер жир - кэй - лэ - ре лэ(йэ - й) (йэ) жир - лэ(йе)р тү - гел лэ,

кай - тыр ый - дым т(ы) - у - ган - най, ай, и - ле - мэй.

mp *mf*

Кай - тыр ый - (йы) - ды(йы)м т(ы) - у - ган - най, ай, и - ле - ма - (ү - э)й.

№ 9 (27)

$\text{♩} = 120$

f

Тур - гай - лар оч - ты ла, — күр - де - ге - (ү - е)з - ме - й, —

а - ва - лар - га ме - неп жит - кән - че — й?

mf

Эй - ләр, эй - лә - ре - м, ту - га - най - ла - ры - м.

А - ва - лар - га ме - неп жит - кән - че - (ү - е)й.

f — дай - ның —

Бер Ко - дай эш - лә - рен без бел - ми - й - без,

ал - ды - быз - га ки - леп мий - чо - й.

Р Эй - лэр, эй - лэ - ре - м, ту - га - най - ла - ры - (у - ы -)м.

mf — *f* *mf* *mf* Ал - ды - быз - га ки - леп жит - мий - чо - й.

f Бер Ко - дай эш - лэ - рен без бел - ми - без,

ал - ды - быз - га ки - леп жит - мий - чо - й.

R

Әй - ләр, әй - лә - ре - м, ту - га - най - ла - ры - (у - ы)м.

ал - ды - быз - га ки - леп жит - мий - чә - й.

№ 10 (6)

$\text{♩} = 62$

Ә - ле ге - нә күр - дем дә лә, ай лар, мин сез - не - (е),

та - ғы да - (йа) кай - чан кү - рер - мен дә, ай, мин се - з - не - й? (э)

Та - ғы да - (йа) кай - чан кү - рер - мен дә, ай, мин се - з - не - й?

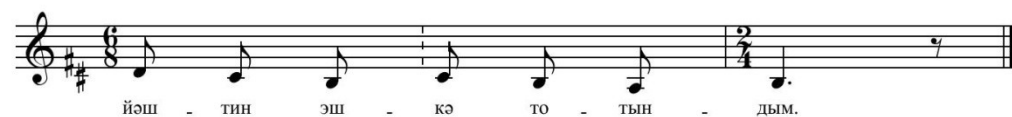
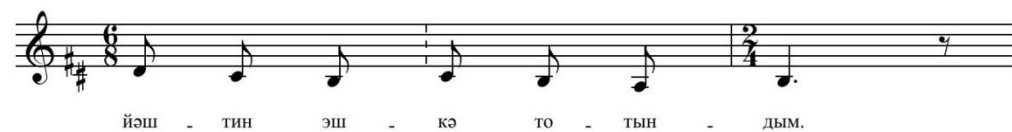
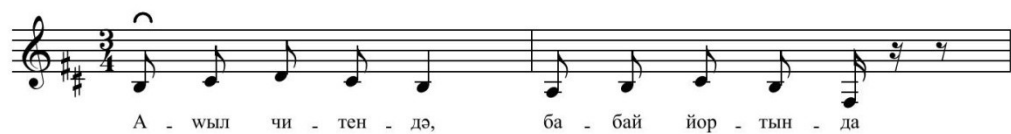
Ит - лә - (йә) - рем дә бет - сә дә лә, сә - йә - ге - м ка - лыр (э)

шул ча - (йа)к - лар - да о - ныт - ма - мын, ай, мин се - з - не - й. (э)

Шул ча - (йа)к - лар - да о - ныт - ма - мын, ай, мин се - з - не - й.

№ 11 (12)

♩ = 168

ЛИНГВИСТИКА

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

УДК 811.512.1

DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-97-111

Функционально-семантическое поле цветообозначений «желтый» и «коричневый» в казахском языке в сравнении с алтайским и тувинским языками

М. Д. Абжапарова

*Товарищество с ограниченной ответственностью «Astana IT University»,
Астана, Казахстан*

Аннотация

Исследуется семантика тюркских цветообозначений «желтый» и «коричневый» в казахском, алтайском и тувинском языках. Выявлены общие и уникальные черты. Научная новизна состоит в сравнительном анализе колоративных лексем с учетом национальной специфики. Использован метод компонентного анализа, группирующий лексемы по признаку цвета и формирующий семантические поля. Различия проявляются во фразеологизмах, отражающих культурные особенности, а сходства объясняются родством языков. Различия связаны также с ареальными контактами: казахский язык испытал влияние арабского, алтайский и тувинский – монгольского языков.

Ключевые слова

лингвистика цвета, цветообозначения, семантический анализ, функционально-семантическое поле, лексема

Для цитирования

Абжапарова М. Д. Функционально-семантическое поле цветообозначений «желтый» и «коричневый» в казахском языке в сравнении с алтайским и тувинским языками // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55). С. 97–111. DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-97-111

The functional-semantic field of “yellow” and “brown” color-designations in the Kazakh language in comparison with the Altai and Tuvan languages

M. D. Abzhaparova

*Limited Liability Partnership “Astana IT University”,
Astana, Kazakhstan*

Abstract

This study offers a comprehensive semantic analysis of the color terms “yellow” and “brown” across the Kazakh, Altai, and Tuvan languages. By examining their cultural and linguistic contexts, the analysis reveals both shared and unique features in how these colors are perceived and symbolized. The research demonstrates that, despite differences, these languages exhibit a universalism rooted in their common Turkic heritage, particularly in their perception of natural phenomena associated with warmth and the sun. For instance, “yellow” in all three languages extends beyond its basic color meaning to encompass notions of age, wisdom, and vitality, often linked to the sun, light, and life-giving forces. Conversely, “brown” functions as a symbol of stability, reliability, and natural earthiness, frequently associated with land, trees, and autumnal landscapes. However, notable distinctions emerge in the metaphorical and emotional connotations of these terms. In Kazakh, the colors “yellow” and “brown” are rich in metaphorical meanings: “yellow” often implies aging or sickness,

© М. Д. Абжапарова, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 3 (iss. 55)

while “brown” represents comfort and safety, both linked to feelings of tenderness and nostalgia. However, speakers of Altai and Tuvan primarily use these words in a literal sense, highlighting colors and the environment rather than using them figuratively. The findings demonstrate that although common cultural influences shape our perception of these colors, each language conveys its distinct perspective through distinct semantic variations and metaphorical implications.

Keywords

color linguistics, color designations, semantic analysis, functional-semantic field, lexeme

For citation

Abzhaparova M. D. Funktsional'no-semanticheskoe pole tsvetooboznacheniy “zheltyy” i “korichnevyy” v kazakhskom yazyke v sravnenii s altayskim i tuvinskim yazykami [The functional-semantic field of “yellow” and “brown” color designations in the Kazakh language in comparison with the Altai and Tuvan languages]. *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 3 (iss. 55), pp. 97–111. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-97-111

Введение

Тюркские цветообозначения достаточно подробно исследованы в сравнительно-историческом, сопоставительном и культурологическом аспектах. Однако полное описание семантического поля цветообозначений выполнено лишь для ограниченного числа языков, прежде всего для алтайского [Майзина 2008]. «Цветообозначение – это процесс обозначения цвета в языке, т. е. различные способы номинации цветовых оттенков» [Борисова 2008: 33]. Исследование происхождения и различия цветообозначений у разных народов позволяет лучше понять и интерпретировать их самобытную культуру, связывать через цветообозначения концепции мировидения, фольклорную символику, исторические процессы развития этносов.

Большое внимание цветовым коннотациям традиционно уделяется в лингвистике: изучаются цветовые феномены в культуре, выделяются этноприоритетные и этнорелевантные цвета для отдельных наров. Анализ научных подходов к исследованию цветообозначений показывает формирование самостоятельного направления – лингвистики цвета. Эта теория охватывает не только различные методы исследования, но и в комплексе объединяет лингвистические, функциональные, когнитивные и лингвокультурологические аспекты, позволяя рассматривать цветообозначения с разных точек зрения.

Функционально-семантический подход считается самым актуальным методом исследования семантики в современных условиях. Его применение способствует упорядочению лексических групп на основе совокупности признаков. Такой подход учитывает не только системные связи между словами, которые можно выявить через пересечение их семантических свойств, но и аспекты их функционирования в речи. Например, для казахского языка характерно возникновение дополнительных оттенков смысла или активизация определенных сем в зависимости от контекста и условий употребления. При изучении лексико-семантической группы цветообозначений ключевым инструментом является метод компонентного анализа, позволяющий группировать выделенные лексемы в микрополя, объединенные общим признаком цвета, которые затем формируют более широкое функционально-семантическое поле. Устроенная иерархически, эта система включает ядро с основными элементами и периферию, включающую менее значимые компоненты.

У каждого народа формируются специфические ассоциации с цветами, что делает изучение происхождения и развития базовых цветовых названий особенно важным.

1. Структура микрополя «желтый» в казахском, алтайском и тувинском языках

Ядро микрополя желтого цвета в казахском, алтайском и тувинском языках представлено лексемами *сары* – *сары* – *сарыг* ‘желтый’, являющимися основным названием желтого цвета.

Лексема *сары* имеет древнетюркское происхождение и обладает богатой семантикой. Согласно Древнетюркскому словарю, ей приписываются такие значения, как ‘желтый’, ‘бледный’, ‘солдовый’ (в контексте масти лошадей) и ‘желчь’ [ДТС 1969: 548]. Этот термин широко употребляется в различных тюркских языках, однако отсутствует в якутском языке в основном значении, где он используется для обозначения масла. В алтайском языке лексема *сары* применяется для описания светлого цвета волос и означает ‘блондин’, а в тувинском языке она обозначает ‘светлый’. Кроме того, в алтайском и тувинском языках ее часто используют для

описания масти лошадей или животных (соловый). В разговорной речи тувинского языка данное слово иногда встречается также в значении 'белый' [Дыбо 2013: 220].

Слова, обозначающие названия цвета, можно отнести «не только к праязыку, но и к более глубокому, протоязыковому состоянию общетюркского праязыка, когда происходило формирование многих семантических и формальных категорий» [Кожемякова и др. 2023: 592]. Поэтому базовые цветообозначения в тюркских языках имеют пратюркскую основу, большинство которых, судя по реконструкциям, восходят к алтайской эпохе¹. Прототюркскую и протоалтайскую основу цветообозначения 'желтый' можно наглядно отобразить в следующем виде: *һары* 'желтый' < ПТю. **siāriḡ* 'желтый' < ПА **siājri* 'белый, желтый' [ДТС 1969: 549].

1.1. Ядро микрополя «желтый»

В ядро микрополя желтого цвета входят прилагательные, образованные частичной редупликацией, со значением высокой степени проявления интенсивности желтого цвета: *сар-сары* / *сарыг мурнунда сарыг* 'желтый-желтый'.

В казахском языке лексема *сары*, означающая 'желтый' в своем номинативном значении, используется для обозначения цвета различных объектов. Она сочетается со словами, относящимися как к одушевленному, так и к неодушевленному миру, включая человека, растительность, металлы и другие явления, например: *сары күз* 'желтая осень', *сары самауыр* 'желтый / медный самовар', *сары мойын* 'желтая шея'; *Күміс күлкіңді сағынып бүгін, сары қыз, Алладан сізге амандық қана тіледім* 'Скучая сейчас по твоей серебряной улыбке, рыжеволосая девушка, Желаю Вам благополучия от Аллаха' (С. Хасан. Сары қыз. С. 19).

Прилагательные, передающую высокую или низкую степень проявления интенсивности цвета, составляют в казахском языке околядерную зону микрополя «Сары». Они формируются с помощью частичной редупликации, например: *сар-сары* 'желтый-прежелтый'; *Сарғайды тоғай, Сар-сары маңай* 'Пожелтевшая роща, в округе все пожелтело' (М. Әлімбаев. Күз келді. С. 4).

Для выражения низкой степени оттенка желтого используются аффиксы *-ғылт* / *-ғылтым*, *-ыңқы*, *-лау*, *-ша*. Они обозначают неполноту проявления признака, а также создают эффект смягчения и ослабления его яркости: *сарғылт* 'желтоватый', *сарғылтым* 'слегка желтый', *сарғылттау* 'немного желтоватый', *сарғыш* 'бледно-желтый', *сарылау* 'желтоватый'.

В казахском языке во внешнем слое ядра микрополя «Сары» представлены лексические единицы, описывающие различные оттенки желтого. Яркий желтый цвет передается прилагательным *ашық* 'ясный', например, в словосочетании *ашық сары* 'ярко-желтый'. Для насыщенного желтого цвета применяется слово *қанық* 'насыщенный', как в выражении *қанық сары* 'насыщенно-желтый'. Ослабленные, блеклые оттенки обозначаются лексемой *солғын* 'блеклый, бледный', например: *солғын сары* 'бледно-желтый'.

В алтайском и тувинском языках слово *сары* / *сарыг*, означающее 'желтый', используется в его основном номинативном значении для обозначения цвета конкретных объектов, воспринимаемых человеческим зрением: *сары күн* / *сарыг хүн* 'желтое солнце', *сары чечектер* / *сарыг чечектер* 'желтые цветы' и др.

В алтайском и тувинском языках усиление и ослабление качества цветового тона, так же как и в казахском, передаются аффиксальными производными и словосочетаниями. В алтайском языке к ядру относятся также прилагательные со значением низкой степени проявления интенсивности желтого цвета с аффиксами *-ымак*, *-арык*, *-ғылтырым*: *сарысымак* 'желтоватый'. В тувинском языке значение 'желтоватый' образуется с помощью полиаффикса *-зымаар*: *сарыгзымаар*; в литературном языке форма ослабления желтого цвета формируется при помощи аффикса *-ыл*: *сарғыл* 'желтоватый'. Следует отметить, что в тувинском языке словообразование отличается рядом грамматических инноваций в сравнении с другими тюркскими языками [Куулар 2020: 447].

¹ https://linguistics-online.narod.ru/index/golikova_cvet/0-816

1.2. Околоядерная зона микрополя «желтый»

В казахском языке от слова *сары* образован глагол *сарғайту*, означающий ‘желтеть’. Он используется для описания пожелтевшей травы или предметов с желтизной, что подчеркивает прямую связь с цветовой характеристикой, например: *тері сарғайған* ‘кожа пожелтела’, *шөп сарғайып кетеді* ‘трава желтеет’; *Шілде туып күн төбеден қадала түскелі Балықсу жазығы сарғылтым тарта бастаған* ‘С заходом солнца в июле равнина Балыксу начинает желтеть’ (Қ. Қасымжанұлы. «Киіз құйрық қара айғыр» әңгімесі. С. 32); *Өттей сарғайып, ысырап ете берді* ‘Пожелтев как желчь, продолжал чахнуть’ (Нысанбай. Семь веков воспевают. Т. 1. С. 293).

В алтайском языке от слова *сары* формируются различные существительные: *сарызы* ‘желтизна’, ‘желток’, *сарысымак он* ‘желтинка’ (разг.) и глагол *саргарар* ‘желтеть’: *сарысымак онду платье* ‘платье с желтинкой’, *жымыртканың сарызы* ‘желток яйца’, *сарылу* ‘с желтизной’; *тере саргарып жат* ‘кожа желтеет’, *ыраакта араш саргарып көрүңди* ‘вдали желтела рожь’.

В тувинском языке *сарыг* используется и как существительное ‘желток’, от лексемы *сарыг* образован глагол *сарыг анаар* ‘желтеть’: *Улуг-Хем күзүн, чыжыр дег, алдын сарыг анаар* ‘Осенью луга желтеют’ (Даржай. Щедрый очаг. С. 19).

1.3. Периферия микрополя «желтый»

В казахском языке при описании внешности человека чаще всего используются такие цветообозначения, как *ақ* ‘белый’, *қара* ‘черный’, *қызыл* ‘красный’. Желтый цвет упоминается значительно реже и чаще всего сопровождается нейтральным либо отрицательным оттенком значения, например: *Аурудан кейін тері сары реңкке ие болды* ‘После болезни кожа приобрела желтый оттенок’ (М. Жұмабаев. Шығармалары. С. 38).

В казахском языке происходит перенос значения ‘желтый’ → ‘рыжий, светлый’. Для передачи светлого цвета лица в казахской культуре используется выражение *сары қыз* ‘светленькая девушка’, оценочного значения данное сочетание не содержит, передавая собственно представление о светлом цвете: *Күміскүлкіңді сағынып бүгін, сары қыз келді* ‘Соскучившись сегодня по твоему серебристому смеху, рыжеволосая пришла’ (С. Хасан. Светленькая девушка. С. 18).

В алтайском и тувинском языках аналогичный перенос ‘желтый’ → ‘светлый’ сохраняет непосредственную связь с понятием цвета, но относится к периферии поля. Лексема *сары* ‘желтый’ в алтайском употребляется для описания человека со светлым лицом, волосами: *сары чырайлу* ‘со светлым лицом’, *сары чачту* ‘светло-русый, белокурый’; *Николай Күндүевич бышпак сары чырайлу, коркок, тыртык тумчукту, чала ичи жаанап, семирип жүрген кижжи болгон* (АА, УБТ, 113) ‘Николай Кюндюевич был со светлым лицом, с горбатым кривым носом, слегка увеличивающимся животом, толстеющим человеком’ [Майзина 2008: 96]. Аналогичное употребление данного примера отмечается в казахском языке. В тувинском языке при описании человека со светлыми волосами также встречается словосочетание *сарыг чаштыг*.

1.4. Интерпретационная зона микрополя «желтый»

Вторичные значения лексемы *сары* в казахском языке сформировались благодаря процессу метафорического переноса. Символика желтого цвета, ассоциируемая с понятиями увядания, старости и простора, сыграла ключевую роль в формировании этих значений:

– ‘желтый’ → ‘старый’: первое наблюдение касается значения «желтый» как ассоциации со старостью. Когда лексема *сары* используется вместе с соматизмами «зубы», «живот», она приобретает переносное значение ‘старый’, ‘немолодой’. Желтый цвет может символизировать увядшую растительность, что отражается в таких выражениях, как *сары әйел* ‘пожилая женщина’, *сары кәрілік* ‘преклонный возраст’, *сары тісті ақ сақал* ‘пожилой старик’;

– ‘желтый’ → ‘молодой, неопытный’: значение «желтый» может также символизировать ‘молодость’ или ‘неопытность’. В описании человека термин иногда приобретает значение ‘юный’ или ‘незрелый’, например: *сары жастар* ‘неопытный юнец’;

– ‘желтый’ → ‘древний, великий’: особый интерес вызывает древнее и символическое значение слова. Например, название самой большой степи Казахстана *Сарыарка* (букв.: желтая спина) до сих пор является предметом споров среди исследователей. Некоторые связывают его с желтым как символом древности и старинной местности, тогда как другие трактуют его как символ

величия и значимости. Лексема *сары* широко встречается в именах собственных (*Сарыбай, Сарсынбек, Сартай* и др.) и топонимах (*Сарысу, Сарытау*), где она выражает элементы величия и важности;

– ‘желтый’ → ‘грустный, печальный’: желтый цвет ассоциируется также с грустью и печалью в казахских культурных представлениях. Например, фраза *сары уайым* передает глубокую печаль и тревожные мысли. Сходные выражения обнаруживаются и в киргизском языке: *сары убайым* ‘большая забота, печаль’, *сары санаа* ‘сильное беспокойство’ [Лауде-Циртаутас 1976: 80];

– ‘желтый’ → ‘болезненный’: еще одно значение связано с болезненностью. Желтый цвет часто обозначает симптомы заболеваний, связанных с пожелтением кожи. Это отражается в таких выражениях, как *сары ауру* ‘желтуха’ (букв.: желтая болезнь), *сарбуын* ‘отложение солей’; *сары жамбас болу* ‘хворать, быть прикованным к постели’ (букв.: быть желтым тазом), *сары төсек болу* ‘быть прикованным к постели’ (букв.: быть желтой кроватью);

– ‘желтый’ → ‘интенсивный’. В сочетании с существительными, обозначающими природные явления, данное слово выражает их крайнюю степень проявления: *сары аяз* ‘трескучий мороз’, *сары жел* ‘постоянно дующий ветер’, *сары таң* ‘долгое летнее время суток’.

Семантическая структура слова *сары* организована радиально: центральное значение служит основой для всех производных значений. В алтайском и тувинском языках можно выделить близкие интерпретационные зоны:

– ‘желтый’ → ‘соловый (масть лошади)’: значение «желтый» как масть животных – *сары / сарыг* обозначает соловую (светло-желтую) масть лошади, хотя в казахском языке для такого обозначения чаще применяют специальный термин *аққұла* ‘бело-светлый’;

– ‘желтый’ → ‘болезненный’: второе значение связано с болезненностью. В алтайском и тувинском языках, как и в казахском, эта лексема используется для описания болезненных состояний, проявляющихся через пожелтение кожи, например: алт. *сары оору* ‘желтуха’ (букв.: старая болезнь), алт. *сары чырай* ‘желтый цвет лица при болезни’ / тув. *сарыг арын* ‘болезненный’ (букв.: желтое лицо). Однако во фразеологии этих языков такие значения фиксируются реже по сравнению с казахским языком;

– ‘желтый’ → ‘связь души человека с каким-либо священным предметом’ (из мифологии): душа мужчины в традиционном мировоззрении тувинцев связана с предметами мужского обихода – ножом с желтой рукояткой, плетью с рукояткой из таволги, огнивом: алт. *сары кынду бычак*, тув. *сарыг сыптыг бижек* (букв.: нож с желтой рукояткой).

Таким образом, слово *сары* обладает богатым спектром символических и переносных значений, отражающих культурные представления через ассоциации с цветом и его метафорическими коннотациями.

1.5. Ассоциативная зона микрополя «желтый»

В художественных текстах на казахском языке прилагательные-цветообозначения сочетаются с существительными, называющими части растений, листья, например: *сары жапырақтай* ‘как желтый лист’: *Ақша жүзі күзгі сары жапырақтай сарғыш тартты* ‘Беловатое лицо пожелтело, как осенний желтый лист’ (<https://qazdauiri.kz/archives/14499>).

Ассоциации желтого цвета с пожелтевшими листьями являются в казахском языке общеязыковыми. Об этом свидетельствуют устойчивые выражения, в частности компаративные сочетания *сары жапырақтай* ‘как желтый лист’. При этом наиболее многочисленным ассоциативным полем желтого оказалось не предметное, а понятийное, связанное с представлениями о радости, веселье и другими положительными эмоциями человека.

Переносные значения, выявленные в результате проведения ассоциативного эксперимента, отличаются от фразеологических и этимологических значений лексемы *сары* ‘желтый’ в казахском языке. Так, в ассоциативном эксперименте получено 64 реакции на стимул ‘желтый’ в казахском языке. Самой частой реакцией стала реакция *куаныш* ‘радость’, в эталонную тройку также вошли также ассоциации *күн* ‘солнце’ и *жаз* ‘лето’ [Абжапарова 2021: 138].

В алтайском языке набор реакций в ассоциативном эксперименте оказался другим: основными реакциями на стимул ‘желтый’ стали слова *күн* ‘солнце’, *чечектер* ‘цветы’, *чөл* ‘степь’.

У тувинцев желтый цвет ассоциируется чаще всего с такими словами, как *хун* ‘солнце’, *сарыг* ‘желток’, *кус* ‘осень’ и *чай* ‘лето’. Наиболее частотной реакцией является ‘солнце’. Данная ассоциация обусловлена сложившимися традициями, укладом жизни тувинцев.

В таблице 1 представлены все отмеченные выше примеры значений цветообозначений *сары* ~ *сарыг* в исследуемых языках.

Таблица 1

Table 1

Структура микрополя «желтый» в казахском, алтайском и тувинском языках
Structure of the microfield “yellow” in Kazakh, Altaic and Tuvan languages

Зоны	Казахский	Алтайский	Тувинский
1. Ядро	– <i>сары</i> ‘желтый’; – производные от <i>сары</i> слова, обозначающие высокую или низкую степень проявления желтизны: <i>сап-сары</i> ‘желтый-прежелтый’, <i>ашық сары</i> ‘ярко-желтый’, <i>қанық сары</i> ‘насыщенно-желтый’, <i>солгын сары</i> ‘бледно-желтый’, <i>сарғылт</i> ‘желтоватый’, <i>сарғылтым</i> ‘слегка желтый’, <i>сарғылттау</i> ‘немного желтоватый’, <i>сарғыш</i> ‘бледно-желтый’ и др.	– <i>сары</i> ‘желтый’; – производные от <i>сары</i> слова, обозначающие высокую или низкую степень проявления желтизны: <i>сап-сары</i> ‘желтый-прежелтый’, <i>сарысымак</i> ‘желтоватый’ и др.; – усиление и ослабление качества цветового тона передается аффиксальными производными и словосочетаниями	– <i>сарыг</i> ‘желтый’; – производные от <i>сарыг</i> слова, обозначающие высокую или низкую степень проявления желтизны: <i>сарыг-мурнунда сарыг</i> ‘желтый-прежелтый’, <i>сарыгзымаар</i> ‘желтоватый’, <i>чырык сарыг</i> ‘ярко-жёлтый’, <i>өңнүг сарыг</i> ‘бледно-желтый’ и др.; – форма ослабления желтого цвета образуется также при помощи аффикса <i>-ыл</i> : <i>сарғыл</i> ‘желтоватый’
2. Околядерная зона	– производный глагол: <i>саргайту</i> ‘желтеть’, который сохраняет непосредственную связь с цветовым признаком	– производные существительные: <i>сарызы</i> ‘желток’, <i>жымыртканын сарызы</i> ‘желток яйца’; – производный глагол: <i>саргар</i> , <i>саргарар</i> ‘желтеть’	– производный глагол: <i>сарыг апаар</i> ‘желтеть’, который сохраняет непосредственную связь с цветовым признаком; – производное существительное: <i>сарыг (чуурга)</i> ‘желток (яйца)’
3. Периферийная зона	– имеет нейтральную или отрицательную коннотацию: <i>Жүзі сары соғылган</i> ‘Цвет лица желтый, увядший’; – ‘желтый’ → ‘светлый, рыжий’: <i>сары қыз</i> ‘рыже-волосая девушка’	– ‘желтый’ → ‘светлый’: <i>сары чырайлу</i> ‘со светлым лицом’, <i>сары чачту</i> ‘светло-русый, белокурый’	– ‘желтый’ → ‘светлый’: <i>сарыг чаитыг</i> ‘светло-волосый’ (при описании человека со светлыми волосами)
4. Интерпретационная зона	– ‘желтый’ → ‘немолодой, старый’: <i>сары қарын</i> ‘женщина преклонного возраста’, <i>сары тіс</i> ‘немолодой’, <i>сары шал</i> ‘дряхлый старик’; – ‘желтый’ → ‘молодой, неопытный’: <i>сары ауыз балапан</i> ‘неопытный птенец’; – ‘желтый’ → ‘древний, великий’: <i>Сарыарқа</i> ‘великая степь’; – ‘желтый’ → ‘грустный, печальный’: <i>сары уайым</i>	– ‘желтый’ → ‘соловый, светло-желтый’ (масть лошади): <i>сары бее</i> ‘соловая кобыла’; – ‘желтый’ → ‘болезненный’: <i>сары оору</i> ‘желтуха’ (букв.: старая болезнь), <i>сары чырай</i> ‘желтый цвет лица при болезни’ (букв.: желтое лицо)	– ‘желтый’ → ‘соловый, светло-желтый’ (масть лошади): <i>сарыг кызырак</i> ‘соловая кобыла’; – ‘желтый’ → ‘болезненный’: <i>сарыг арын</i> ‘желтый цвет лица при болезни’ (букв.: желтое лицо); – ‘желтый’ → ‘душа мужчины’ (мифол.): <i>сарыг сылтыг бижек</i> (букв.: нож с желтой рукояткой)

	‘глубокая печаль’, <i>сары уайымшыл кісі</i> ‘пессимист’; – ‘желтый’ → ‘болезненный’: <i>сары ауру</i> ‘желтуха’, <i>сары төсек болу</i> ‘быть прикованным к постели’; – ‘желтый’ → ‘интенсивный’: <i>сары аяз</i> ‘трескучий мороз’, <i>сары жел</i> ‘постоянно дующий ветер’ и др.		
5. Ассоциативная зона	худож. образ: <i>сары жапырақтай</i> ‘как желтый лист’. Ассоциативный эксперимент (1-я тройка): <i>куаныш</i> ‘радость’, <i>күн</i> ‘солнце’, <i>жаз</i> ‘лето’	Самые частотные ассоциации: <i>күн</i> ‘солнце’, <i>чечектер</i> ‘цветы’, <i>чөл</i> ‘степь’	Самые частотные ассоциации: <i>хүн</i> ‘солнце’, <i>сарыг</i> ‘желток’, <i>күс</i> ‘осень’, <i>чай</i> ‘лето’

В структуре микрополя «желтый» в казахском, алтайском и тувинском языках обнаруживается значительное сходство в отношении ядра и околоядерной зоны, обусловленное исторической общностью тюркских языков с древних времен, менталитетом, пересекающимся культурным пространством. Различие цветовосприятия периферийной и интерпретационной зон обуславливает национальная специфика народов: в казахском языке используется больше метафор и ассоциаций, связанных с природой и теплом, алтайский и тувинский языки в большей степени фокусируются на характеристиках, связанных с внешним обликом и природными явлениями.

Анализ по трем языкам выявляет как сходства, так и различия в восприятии и использовании слова, обозначающего желтый цвет. В ядре находится слово *сары* ~ *сары* ~ *сарыг*, которое выступает как универсальное обозначение желтого цвета и его оттенков. В каждом языке имеются производные формы, указывающие на степень проявления желтизны: например, *сап-сары* ‘ярко-желтый’, *солгын сары* ‘бледно-желтый’. Также присутствуют глаголы и существительные, связанные с этим цветом, такие как *саргайту* ‘желтеть’, *сарызы* ‘желток яйца’, что свидетельствует о богатом семантическом поле, охватывающем как описание цвета, так и метафорические, символические значения.

Общее у всех трех языков – это восприятие «желтого» как символа природных явлений: солнца, земли, осени. В казахском языке слово *сары* активно используется в метафорическом контексте – для обозначения старости, болезней, грусти и нежности. В алтайском и тувинском языках оно связано в основном с описанием природных явлений и масти животных, а метафорические оттенки проявляются слабее или менее разнообразны. В целом, несмотря на общие корни, каждая культура формирует свои уникальные смысловые ассоциации, что отражается в использовании и восприятии лексем, называющих желтый цвет.

2. Структура микрополя «коричневый» в казахском, алтайском и тувинском языках

Ядро микрополя коричневого цвета в казахском языке представлено лексемой *қоңыр* ‘коричневый’, в алтайском языке ему соответствует базовое цветообозначение *күрен*, в тувинском – *хүрең*.

В древнетюркском языке слово *qoŋır* ‘коричневый’ имело несколько значений, таких как: 1) сдавленный, хриплый или сиплый голос; 2) рыжеватый, каштановый, коричневый или каурый оттенок [ДТС 1969: 456]. Исследования Дж. Клоусона показывают, что первоначально термин *koŋır* обозначал масть темно-каштановой лошади, а позднее стал применяться для более широкой гаммы предметов [Clauson 1972: 639].

Прототюркская и праалтайская основа для обозначения коричневого цвета может быть представлена следующим образом: *көрән* ‘коричневый, бурый’, диал. ‘фиолетовый’ < ПТю. **k'üreŋ* ‘коричневый’ < ПА **k'iyü* ‘красный; коричневый, темный’.

В казахском языке лексема *қоңыр* охватывает значения: 1) коричневый с желтоватым оттенком; 2) умеренный (не жаркий и не холодный); 3) грудной голос [Севортян Т. 5 1997: 62]. Также отмечена ее переносная семантика, отражающая такие качества, как «мягкость», «нежность», «ласковость» и «щедрость». По данным И. Лауде-Циртаутас, это слово символизирует мягкость характера, приятные ощущения от ветра, а также богатство земли [Лауде-Циртаутас 1976: 95].

Этот цвет с особой теплотой воспринимается в казахской культуре, ассоциируясь с гармонией и спокойствием. Например, выражения *қоныр күз* ‘теплая осень’ и *қоныр ән* ‘приятная, нежная песня’ демонстрируют благоприятные ассоциации с коричневым цветом. Казахский исследователь А. Т. Коныров отмечает, что оттенок используется для описания мягкости и теплоты, будь то ветреный вечер или мелодичный звук домбры. Он подчеркивает отсутствие ярких или кричащих тонов, характеризуя коричневый оттенок как символ комфорта и внутреннего мира [Куренкова 2023: 126]. Согласно А. Т. Кайдарову, лексемы *қоңыр* ‘коричневый’, *қуба* ‘бурый’, *хүрең* ‘темно-гнедой’ предназначены для описания масти животных [Кайдаров и др. 1992: 57].

В алтайском языке коричневый цвет описывается тремя лексемами. Прилагательное *күрен* используется для обозначения самого цвета, а также масти животных, преимущественно лошадей. В сочетании с существительным ‘осень’ оно приобретает переносный смысл, отражая понятие «золотая осень» или период бабьего лета: *күрен күс* (букв.: коричневая осень) [Майзина 2008: 94]. Лексема *күргүл* имеет более узкую сферу употребления и применяется исключительно для описания цвета глаз или волос человека, например: *күргүл көс* ‘карие глаза’, *күргүл чач* ‘светло-каштановые волосы’ [Там же: 93]. Лексема *қоңыр* в алтайском языке обозначает масть животных – ‘каурий’ [Севортян Т. 5 1997: 63].

В тувинском языке коричневый цвет обозначается прилагательным *хүрең*, которое передает прямое название цвета: *Ооң хүрең карактары улам онза, чараи кылдыр көзүлдүлөр* ‘Его коричневые глаза показались еще прекраснее’ [Хомушку 2023: 162].

Эти языковые особенности подчеркивают богатую семантическую и культурную нагрузку термина «коричневый» в разных тюркских языках и позволяют увидеть его многогранность в историческом и лингвистическом контексте.

2.1. Ядро микрополя «коричневый»

В казахском языке лексема *қоңыр* в основном используется для обозначения коричневого цвета. С ее помощью описываются различные предметы, а также внешний вид человека, включая цвет волос, бороды и кожи лица, например: *Бояулар: қара, қызыл, қоңыр, сары, / Қолында суретшінің соның бәрі* ‘Цвета: черный, красный, коричневый, желтый, / У художника есть все’ (Э. Ибрагим, С. Абдрахманов. Воспевая XX век. Т. 1. С. 490); *Сұйықтау қоңыр шашының арасынан бас құйқасы да қылаңданып көрінеді* ‘Сквозь редящие коричневые волосы проглядывалась лысина’ (М. Ауэзов. Путь Абая. Т. 1. С. 51).

В ядро микрополя «коричневый» в казахском языке входят прилагательные, передающие низкую степень проявления интенсивности цвета. На ослабленную степень цветового тона указывают аффиксы *-лау / -леу, -ша, -қай / -кей, -деу*, которые характеризуют ослабленность, неполноту качества, вносят оттенок смягчения и уменьшения: *қоңырлау келген* ‘темные, коричневые косы’, *қоңырша қойдың* ‘коричневенькой овцы’, *қоңырқай қайың* ‘казахская береза со слегка коричневым оттенком’.

К ядру лексем, обозначающих коричневый цвет в казахском языке, относятся выражения *как қошқыл* ‘темно-коричневый с фиолетовым оттенком’, *талиын* ‘каштановый’ (заимствование из персидского языка).

Лексема *күрең*, означающая ‘бурый’ или ‘темно-гнедой’, чаще всего употребляется в казахском языке для описания масти лошадей и других животных, например: *Кейде күрең аттың қатқан қабағы, терең күрсініп қойғаны мені қамықтыратын болды...* ‘Иногда меня печалили застывшие брови и глубокие вздохи темно-гнедого коня’ (<https://argymaq.kz/archives/2999>).

Также выявлено переносное значение данной лексемы, которое используется для описания настроения человека. Выражение *күрең қабақ адам* переводится как ‘мрачно настроенный человек’ и встречается, например, в художественных текстах: *Күрең қабақ адамның жанынан өтіп бара жатып, сәл кідіріп біраз тұрды* ‘Мрачно настроенный человек проходил мимо и остановился’ (А. Аскаров. Ангелы не спят. С. 23).

В алтайском и тувинском языках лексемы *күрен* / *хүрең* в своем номинативном значении обозначают коричневый, бурый цвет реальных и предметов окружающей действительности: алт. *күрен чөйгөн* ‘коричневый чайник’, тув. *хүрең ширээ* ‘коричневый стол’, *хүрең адыг* ‘бурый медведь’, *хүрең хөмүр* ‘бурый уголь’.

В алтайском языке для характеристики низкой степени проявления интенсивности коричневого цвета употребляются аффиксы *-мтик* / *-тимек*: *күремтик* ‘коричневатый’, *күрентимек* ‘коричневатый’.

В тувинском языке слабая интенсивность передается с помощью прилагательного *чырык* ‘светлый’: *чырык хүрең* ‘светло-коричневый’.

2.2. Периферия микрополя «коричневый»

В казахском языке периферийные значения цвета включают номинации, производные от основного значения «коричневый», которые часто используются для описания оттенков кожи лица, например:

– коричневый → ‘смуглый’: основная лексема *қоңыр* ‘коричневый’ при характеристике цвета лица приобретает значение ‘смуглый’ и применяется для описания смуглой кожи, например: *Жазғы тоң оның қоңыр терісін одан сайын күңгірттендірді* ‘Летний загар сделал его смуглую кожу еще темнее’ (Б. Бексары. Өлендері).

В алтайском языке лексема *күрен* также выступает в производно-номинативном значении ‘смуглый’. Она используется для характеристики загорелой, смуглой кожи человека.

И в алтайском, и тувинском языках встречаются словосочетания, обозначающие цвет лица: алт. *күрен чырайлы* ‘смуглолицый’ (букв.: с коричневым лицом), тув. *хүрең арны-биле* (букв.: с коричневым лицом): *Ооң хүрең арны хөй улус аразындан онзаланып турган* ‘Его смуглое лицо выделялось в толпе’ (А. Кожемякова. Языковые универсалии).

2.3. Интерпретационная зона микрополя «коричневый»

В казахском языке вторичное значение лексемы *қоңыр* ‘коричневый’ активно используется для выражения переносных и метафорических смыслов, которые реализуются в составе фразеологических оборотов. Это значение охватывает различные аспекты, фразеологические сочетания, связанные с приятными, ласковыми или эмоциональными характеристиками:

– ‘коричневый’ → ‘ласковый (о голосе)’: в сочетании с существительными ‘голос’ и ‘песня’ прилагательное получает переносное значение ‘нежный’, например: *қоңыр ән* ‘приятная, нежная песня’ (букв.: коричневая песня), *қоңыр дауыс* ‘ласковый голос’ (букв.: коричневый голос);

– ‘коричневый’ → ‘прохладный, ласковый (о ветре)’: в сочетаниях с существительными ‘ветер’ и ‘прохлада’ слово приобретает значение ‘нежный, приятный’, например: *қоңыр салқын* ‘легкая и приятная прохлада’ (букв.: коричневая прохлада), *қоңыр самал* ‘слабый нежный ветерок’ (букв.: коричневый ветер);

– ‘коричневый’ → ‘дорогой, милый’ (ласковое обращение к близким): при использовании в контексте обращения к близким людям слово обретает оттенок нежности и теплоты, как в примере из произведения М. Ауэзова: *Қарашығым, қоңыр қозым... Абайжаным... – деп кемсеңдеп, жылауға айналып кетті* ‘Мой ученик, мой дорогой (букв.: коричневый ягненок)... Абайжаным... – смиренно сказал он и заплакал’ (М. Ауэзов. Путь Абая. С. 11);

– ‘коричневый’ → ‘нежные, родственные узы’: значение слова расширяется до характеристики близких родственников как неразлучных друзей: *ағайынды қоңыр қаз* ‘близкие родственники; неразлучные друзья’;

– ‘коричневый’ → ‘нерадостные мысли’: в метафорическом смысле это слово может обозначать задумчивое состояние или тягостные мысли, как в строках Ж. Нажимеденова: *Қоңыр жолға түсіп едім мен өстіп – қоңырқай ой маза берер емес түк* ‘Как ступил я на дорогу темнее – Нерадостные мысли не дают покоя мне’ (стихотворение «Коричневый цвет» <https://on.kz/akyn/zumeken-nazimedenov-qonyr-zolga-tusip-edim-men-ostip-142798/>).

Семантическая структура лексемы *қоңыр* организована по радиальному типу полисемии, где каждое переносное значение вытекает из центрального.

Аналогичная картина наблюдается в алтайском языке, где лексема *күрен* ‘коричневый’ также обретает метафорические значения:

– ‘коричневый’ → ‘спелый, созревший’: это значение особенно актуально при описании спелости травы или злаков, например: *Өлөн күрен баш једе берген – чапкан бойынча, оболоозо до кемжок* (ЖК, ОЖ, 216) ‘Трава поспела (букв.: коричневой головы достигла), теперь можно косить и сразу метать стога’ [Майзина 2008: 41];

– ‘коричневый’ → ‘молодой; здоровый, крепкий’: это значение связано с выражением *кара-күрен*, объединяющим два прилагательных, обозначающих «черный» и «коричневый» цвета, например: *Жакшы жүрүм. Озогы ла кара-күрен юойым* (АА, УБТ, 399) ‘Хорошо живу. По-прежнему такой же крепкий’ [Майзина 2008: 41].

Алтайская лексема *конгыр* ‘темно-каштановый’ часто выступает эпитетом осени, она активно используется в выражении *конгыр күс* ‘золотая осень’ (букв.: коричневая осень): *Озогыда Алтайды эки катап көдүр жат: 1) кызу жайгында, өлөңдөзүп, агаштын бүри жайылган кийинде; 2) конгыр күсте, агаштын, чечектин бүри саргарган кийинде* (АА, 49) ‘Раньше моления в честь восхваления Алтая проводили два раза: 1) в середине лета, после того как взойдет трава, распустится листва деревьев; 2) осенью, после того как пожелтеют листья деревьев, цветов’ [Там же: 95].

Цвет волос и глаз человека описывается лексемой *күргүл*: *Ол ло сүүри узун тумчук. Ол ло күргүл көс* (АА, ОЧК, 373) ‘Те же карие глаза’ [Там же: 93].

Периферия микрополя коричневого цвета оказалась наиболее разнообразной среди всех лексем в казахском и алтайском языках. Большое количество синонимов, возможно, связано с тем, что изначально в этимологическом словаре были даны два названия коричневого цвета. В тувинском языке такого разнообразия не отмечается, из интерпретационных зон можно выделить две:

– ‘коричневый’ → ‘бурый’: по отношению к животным лексема *хүрең* обозначает оттенок окраса, о чем уже говорилось выше;

– ‘коричневый’ → ‘нездоровый’: *хүрең аары* ‘изжога’.

2.4. Ассоциативная зона микрополя «коричневый»

Ассоциативный эксперимент позволил выявить 58 реакций на стимул ‘коричневый’ в казахском языке. Самыми частотными (27 ответов / 9 %) от общего числа оказались реакции *орман* ‘лес’, *агаш* ‘дерево’ и *сабыр* ‘сдержанность’. Данные эксперимента подтверждают перенос значения ‘цвет’ → ‘состояние’, так как коричневый цвет ассоциируется не только с объектами окружающей среды, но несет также переносное значение ‘спокойный, тихий, мягкий’.

В современном языковом сознании алтайцев коричневый цвет, наряду с серым, не является доминирующим, поэтому ассоциаций с этим цветом немного и связаны они, прежде всего, с землей и осенью.

В тувинском языке коричневый цвет ассоциируется чаще всего с землей, почвой, ощущением родовой устойчивости и надежностью. В эталонную тройку вошли ассоциации с такими словами, как *чер* ‘земля’, *шоколад*, *ыяш* ‘дерево’. У тувинцев коричневый цвет, с одной стороны, воспринимается как близкий к желтому, а с другой, к черному, темному и, соответственно, вызывает ассоциации, аналогичные ассоциациям на черный цвет.

В сопоставляемых языках обнаружено только ослабление качества цветового тона, которое передается аффиксальными производными.

В таблице 2 отражены все отмеченные выше примеры значений цветообозначений *қоңыр* ~ *күрен* ~ *хүрең* в исследуемых языках. Цветолексемы с семантикой ‘коричневый’ трех языков активно употребляются для характеристики объектов окружающего мира.

В структуре микрополя «коричневый» казахского, алтайского и тувинского языков прослеживается универсализм, связанный с символами теплоты, спокойствия и надежности. Структура ядра во всех трех языках обладает сходством, производные и метафорические значения связаны с эмоциями ‘ласка’, оценочной семантикой ‘дороговизна’, природными объектами ‘земля’, ‘дерево’ и состояниями человека ‘здоровье’, ‘молодость’. В отличие от «желтого», «коричневый» цвет в казахском языке имеет более богатую метафорическую и эмоционально насыщенную семантику, в то время как для алтайского и тувинского языков в большей степени характерно описание природных характеристик и масти животных.

Таблица 2
Table 2Структура микрополя «коричневый» в казахском, алтайском и тувинском языках
Structure of the microfield “brown” in Kazakh, Altaic and Tuvan languages

Зона	Казахский	Алтайский	Тувинский
1. Ядро	– <i>қоңыр</i> ‘коричневый’; – производные от <i>қоңыр</i> слова, обозначающие низкую степень проявления признака: <i>қоңырлау</i> ‘темно-коричневый’, <i>қоңырша</i> ‘коричневатенький’ и др.; – <i>қошқыл</i> ‘темно-коричневый с фиолетовым оттенком’, <i>талшын</i> ‘каштановый’	– <i>күрен</i> ‘коричневый’; – для обозначения низкой степени проявления интенсивности коричневого цвета употребляются аффиксы -<i>мтик</i> / -<i>тимек</i>: <i>күремтик</i> ‘коричневатый’, <i>күрентимек</i> ‘коричневатый’	– <i>хүрең</i> ‘коричневый’: <i>хүрең ширээ</i> ‘коричневый стол’, <i>хүрең хөмүр</i> ‘бурый уголь’; – слабая интенсивность передается с помощью прилагательного <i>чырык</i> ‘светлый’: <i>чырык хүрең</i> ‘светло-коричневый’
2. Околоядерная зона	<i>күрең</i> ‘бурый, темно-гнедой’ (о масти лошадей); <i>күрең қабақ адам</i> ‘мрачно настроенный человек’	–	–
3. Периферийная зона	устойчиво воспроизводимые сочетания: ‘коричневый’ → ‘смуглый’: <i>қоңыр</i> ‘смуглый’ (о цвете лица)	– <i>коныр күс</i> ‘золотая осень’; – ‘коричневый’ → ‘смуглый’: <i>күрен чырайлы</i> ‘смуглолицый’ (букв.: с коричневым лицом)	‘коричневый’ → ‘смуглый’: <i>хүрең арны-биле</i> (букв.: с коричневым лицом)
4. Интерпретационная зона	метафорические и символические значения: – ‘коричневый’ → ‘ласковый’ (о голосе): <i>қоңыр ән</i> ‘приятная, нежная песня’, <i>қоңыр даус</i> ‘ласковый голос’; – ‘коричневый’ → ‘дорогой’ (ласковое обращение к близким): <i>қоңыр қозым</i> ‘мой дорогой’; – ‘коричневый’ → ‘прохладный, ласковый’ (о ветре): <i>қоңыр салқын</i> ‘легкая и приятная прохлада’, <i>қоңыр самал</i> ‘слабый нежный ветерок’ и др.	– ‘коричневый’ → ‘спелый, созревший’: <i>Өлән күрен баш једе берген</i> ‘Трава поспела’; – ‘коричневый’ → ‘молодой, здоровый, крепкий’: <i>кара-күрен</i> ‘молодой; здоровый, крепкий’	– ‘коричневый’ → ‘бурый’: <i>хүрең адыг</i> ‘бурый медведь’; – ‘коричневый’ → ‘нездоровый’: <i>хүрең аарыы</i> ‘изжога’
5. Ассоциативная зона	частотные ассоциации: <i>орман</i> ‘лес’, <i>ағаш</i> ‘дерево’, <i>сабыр</i> ‘сдержанность’	ассоциаций немного, они связаны с землей и осенью	чаще всего ассоциируется с землей, почвой, ощущением родовой устойчивости и надежностью; наиболее частотные ассоциации: <i>чер</i> ‘земля’, <i>шоколад</i> , <i>ыяш</i> ‘дерево’

Анализ таблицы показывает, что в казахском, алтайском и тувинском языках существует как сходство, так и различия в восприятии и использовании слов, обозначающих цвет «коричневый». Во всех трех языках ядро – слово каз. *қоңыр*, алт. *күрен* и тув. *хүрең* – выступает как основное обозначение этого цвета и его оттенков. В каждой из языковых систем присутствуют производные формы, указывающие на степень проявления цвета, например, каз. *қоңырлау* ‘темно-коричневый’, *қоңыриа* ‘коричневатый’, алт. *күремтик*, *күрентимек*.

Общим для всех является метафорическое и символическое использование цвета: в казахском языке лексема *қоңыр* не только описывает цвет, но и выступает как символ ласки, теплоты и спокойствия, а также ассоциируется с землей и осенью. В тувинском языке также присутствует символика земли, однако основной упор делается на описание природных явлений и масти животных.

Отличительной чертой является то, что в казахском языке цвет *қоңыр* широко используется в метафорическом смысле, как, например, *қоңыр ән* ‘приятная, нежная песня’, в то время как в алтайском и тувинском языках основное значение – это описание цвета и природных характеристик. Таким образом, несмотря на общие корни, культурные особенности народов влияют на семантическое расширение слова и его функции в языке.

Заключение

Анализ структур микрополей «желтый» и «коричневый» в казахском, алтайском и тувинском языках выявил наличие как общих, так и национальных особенностей в их сочетаемости и семантическом наполнении:

Общим является универсализм восприятия данных цветов как символов тепла, надежности, спокойствия и природных явлений, связанных с солнцем и землей. Эти цвета выполняют в языках функцию универсальных символов, отражающих важные аспекты природного и культурного восприятия. В то же время различия проявляются в нюансах смысловых оттенков и ассоциаций, обусловленных культурной спецификой народов. Например, в казахском языке цвета часто используются в метафорическом и эмоциональном контексте, выражая такие понятия, как тишина, ласковость, грусть или болезнь. В алтайском и тувинском языках акцент делается преимущественно на описании природных характеристик, масти животных и описательных значениях.

В структуре микрополя «желтый» в казахском, алтайском и тувинском языках обнаруживается значительное сходство в ядре: все три языка используют базовое слово, производные и аффиксальные формы для обозначения желтого цвета и его оттенков. Общие черты включают использование производных для выражения степени проявления желтизны и расширения значения «желтого» в периферийных и интерпретационных зонах, например, в значениях «старый», «грустный» или «светлый». Различия проявляются в специфике ассоциаций: у казахов – солнце, цветы, лето; у алтайцев и тувинцев акцент смещен на описание природных явлений и характеристик человека. Во всех трех языках используются производные и аффиксальные формы для выражения различных оттенков и значений «желтого», что свидетельствует об общем культурно-языковом пространстве. Отличительными особенностями употребления наименования желтого цвета является то, что в казахском выявляется больше метафор и ассоциаций, связанных с природой и теплом, а в алтайском и тувинском – в внешнем обликом и природными явлениями.

В структуре микрополя «коричневый» также прослеживается универсализм, связанный с символами теплоты, спокойствия и надежности. Все три языка используют ядро *қоңыр*, производные и метафорические значения, связанные с положительными эмоциями и состояниями человека (ласка, дороговизна, здоровье, молодость), с природным ландшафтом. Во всех трех языках ассоциации обладают высокой степенью сходства, что свидетельствует о сохранении общего культурного наследия и восприятия цвета «коричневый» как символа тепла, надежности и спокойствия. В отличие от «желтого», «коричневый» в казахском языке имеет более богатую метафорическую и экспрессивно окрашенную семантику, в то время как алтайский и тувинский языки больше фокусируются на описании природных характеристик и масти животных. Отличительным признаком наименования коричневого цвета в казахском языке является употребление в метафорах, связанных с нежностью и теплом, а в алтайском и тувинском соответствующие лексические единицы чаще используются для буквального описания цвета и природных характеристик.

Семантическое, структурное и функциональное сходство описываемых лексических единиц свидетельствует о едином культурно-языковом пространстве, уходящем корнями в древние традиции, а различия – о национальной специфике, отражающей особенность восприятия и символики каждого народа. Эти результаты подтверждают важность учета культурных контекстов при изучении лексических систем и смысловых компонентов цвета в родственных языках.

Список литературы

- Абжапарова М. Д. Цветовые обозначения в казахском языке в сопоставлении с алтайским языком: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2021. 260 с.
- Борисова Д. Н. К проблеме выбора термина для названия форм цветовых обозначений в языке // Вестник Челябинского государственного ун-та. Филология. Искусствоведение. Вып. 23. № 21 (122). 2008. С. 32–37.
- Голикова Т. А. Цвет в алтайском языковом сознании // https://linguistics-online.narod.ru/index/golikova_cvet/0-816 (Дата обращения: 11.01.2025).
- ДТС – Древнетюркский словарь / Под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Дыбо А. В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 9: Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. Астана: Prosper Print, 2013. 616 с.
- Кожемякова Е. А., Исаев Ю. Н., Губанов А. Р., Петухова М. Е. Семантические универсалии в эволюции цветовых обозначений общеславянского и пратюркского языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Philology. 2023. Т. 16. Вып. 8. С. 2432–2436.
- Кононов А. Н. Семантика цветовых обозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. 1975. М.: Наука, 1978. С. 159–179.
- Куренкова Т. Н. Ассоциативное поле «Коричневый цвет» // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 2. С. 50–53.
- Куулар Е. М. Особенности образования форм сравнительной степени прилагательных в тувинских диалектах // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 446–448.
- Лауде-Циртаутас И. О табу и эвфемизмах в казахском, киргизском и узбекском языках // Советская тюркология. 1976. № 4. С. 79–98.
- Майзина А. Н. Семантическое поле цветовых обозначений в алтайском языке (в сопоставлении с монгольским языком). Горно-Алтайск, 2008. 263 с.
- Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. В 7 тт. Т. 5. М.: Языки русской культуры, 1997. 368 с.
- Таныгина Е. А. Образ желтого цвета в сознании представителей современной русской и кыргызской культуры // Вестник ТувГУ. Серия «Филология». 2024. № 2 (81). С. 74–83.
- Хомушук С. О. Прилагательные в тувинском языке (характеристика глаз человека) // Сборник статей III Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2023. С. 160–167.
- Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. London, 1972. 639 p.
- Қайдаров А. Т., Ахтамбердиева З. Т., Омирбеков Б. Түр-түстердің тілдегі көрінісі [Лингвистическое представление цветов]. Алматы: Ана тілі, 1992. 158 б.

Список источников

- АА, ÖÇK – Адаров А. Öлүмнинг чанкыр кужы. Горно-Алтайск, 1993.
- АА, УБТ – Адаров А. Уча берген турналар. Горно-Алтайск: Горно-Алтайск. отд-ние книж. изд-ва, 1980.
- Аскарров А. А. Ангелы не спят. URL: <https://www.kray.shqolibrary.kz> (Дата обращения: 19.01.2025).
- Ауэзов А. О. Путь Абая. Т. I. Алматы: «Жазушы», 2009. 782 с.
- Ауэзов А. О. Путь Абая. Т. III–IV. Алматы: «Жазушы», 2009. 898 с.
- Даржай А. А. Щедрый очаг. М.: Современник, 1985. 63 с.
- Нажимеденов Ж. Коричневый цвет [стихи]. URL: <https://on.kz/akyn/zumeken-nazimedenov-gonyr-zolga-tusip-edim-men-ostip-142798/> (Дата обращения: 15.01.2025).

Әлімбаев М. Күз келді [өлеңі]. URL: <https://bilim-all.kz/tag/olen?tag> (Дата обращения: 19.01.2025).

Бексары Б. Өлеңдері. URL: <https://adebiportal.kz/kz/news/view/botakoz-beksary-ozinsiz-myna-omirdin-quny-zalghan> (Дата обращения: 15.01.2025)

Жұмбаев М. Шығармалары. Алматы: Жазушы, 2003. 208 б.

Қасымжанұлы Қ. Киіз құйрық қара айғыр [әңгімесі]. Алматы: Ақотау, 2010. 124 б.

Хасан С. Сары қыз [өлеңі]. URL: <https://www.zharar.com/index.php?do> (Дата обращения: 19.01.2025)

References

Abzhaparova M. D. *Tsvetooboznacheniya v kazakhskom yazyke v sopostavlenii s altayskim yazykom* [Color designations in the Kazakh language in comparison with the Altai language]. Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2021, 260 p. (In Russian)

Borisova D. N. K probleme vybora termina dlya nazvaniya form tsvetooboznacheniya v yazyke [To the problem of choosing a term for the name of the forms of color-definition in the language]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo un-ta. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art history]. 2008, iss. 23, no. 21 (122), pp. 32–37. (In Russian)

Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. London, 1972, 639 p.

Golikova T. A. *Tsvet v altayskom yazykovom soznanii* [Color in the Altai language consciousness]. https://linguistics-online.narod.ru/index/golikova_cvet/0-816 (accessed 11.01.2025) (In Russian)

Drevnyetyurkskiy slovar' [Ancient Turkic dictionary]. V. M. Nadelyayev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak (Eds.). Leningrad, Nauka, 1969, 676 p. (In Russian)

Dybo A. V. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov* [Etymological dictionary of basic vocabulary of Turkic languages]. Astana, Prosper Print, 2013, vol. 9: *Etimologicheskiy slovar' bazisnoy leksiki tyurkskikh yazykov* [Etymological dictionary of the basic lexicon of the Turkic languages], 616 p. (In Russian)

Kaydarov A. T., Akhtamberdieva Z. T., Omirbekov B., Kaydarov A. T., Akhtamberdieva Z. T., Omirbekov B. *Tyr-tysterdiñ tildegi көринisi* [Linguistic representation of colors]. Almaty, Ana tili, 1992, 158 p. (In Kazakh)

Khomushku S. O. Prilagatel'nyye v tuvinskom yazyke (kharakteristika glaz cheloveka) [Adjectives in the Tuvan language (characterization of human eyes)]. In *Sbornik statey III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Collection of articles from the III International scientific and practical conference]. Petrozavodsk, 2023, pp. 160–167. (In Russian)

Kononov A. N. Semantika tsvetooboznacheniy v tyurkskikh yazykakh [Semantics of color designations in Turkic languages]. In *Tyurkologicheskiy sbornik. 1975* [Turkological collection. 1975]. Moscow, Nauka, 1978, pp. 159–179. (In Russian)

Kozhemyakova Ye. A., Isayev Yu. N., Gubanov A. R., Petukhova M. Ye. Semanticheskiye universalii v evolyutsii tsvetooboznacheniy obshcheslavianskogo i pratyurkskogo yazykov [Semantic universals in the evolution of color designations of the common Slavic and Proto-Turkic languages]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. 2023, vol. 16, iss. 8, pp. 2432–2436. (In Russian)

Kurenkova T. N. Assotsiativnoye pole “Korichnevyy tsvet” [Associative field “Brown color”]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 2023, no. 2, pp. 50–53. (In Russian)

Kuular E. M. Osobennosti obrazovaniya form sravnitel'noy stepeni prilagatel'nykh v tuvinskikh dialektakh [Features of formation of forms of comparative degree of adjectives in Tuvan dialects]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, and education]. 2020, no. 6 (85), pp. 446–448. (In Russian)

Laude-Cirtautas I. O tabu i evfemizmakh v kazakhskom, kirgizskom i uzbekskom yazykakh [On taboo and euphemisms in Kazakh, Kyrgyz, and Uzbek languages]. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1976, no. 4, pp. 79–98. (In Russian)

Maisina A. N. *Semanticheskoye pole tsvetooboznacheniy v altayskom yazyke (v sopostavlenii s mongol'skim yazykom)* [Semantic field of color denotations in the Altai language (in comparison with the Mongolian language)]. Gorno-Altaysk, 2008, 263 p. (In Russian)

Sevortyan E. V. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov: V 7 t.* [Etymological Dictionary of Turkic Languages: In 7 vols.]. Moscow, 1997, vol. 5, 368 p. (In Russian)

Tanygina E. A. *Obraz zheltogo tsвета v soznanii predstaviteley sovremennoy russkoy i kyrgyzskoy kul'tury* [Image of yellow color in consciousness of representatives of modern Russian and Kyrgyz culture]. *Vestnik TvGU. Seriya "Filologiya"* [Herald of Tver State University Series: Philology]. 2024, no. 2 (81), pp. 74–83. (In Russian)

List of sources

AA, ÖÇK – Adarov A. *Ölümniñ çaṅkır kuži* [The bell of death is long]. Gorno-Altaysk, 1993. (In Altai)

AA, UBT – Adarov A. *Uča bergen turnalar* [The cranes that flew away]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk Publ., 1980. (In Altai)

Askarov A. A. *Angely ne spyat* [Angels do not sleep]. <https://www.kray.shqolibrary.kz> (accessed: 19.01.2025) (In Kazakh)

Auezov A. O. *Put' Abaya* [The Path of Abai]. Almaty, Zhazushy, 2009, vol. I, 782 p. (In Kazakh)

Auezov A. O. *Put' Abaya* [The Path of Abai]. Almaty, Zhazushy, 2009, vol. III–IV, 898 p. (In Kazakh)

Älimbaev M. *Küz keldi* [Autumn has come]. URL: <https://bilim-all.kz/tag/olen?tag> (accessed: 19.08.2025) (In Kazakh)

Beksary B. *Öleñderi* [Poems] URL: <https://adebiportal.kz/kz/news/view/botakoz-beksary-ozinsiz-myna-omirdin-quny-zalga> (accessed: 15.01.2025) (In Kazakh)

Darzhay A. A. *Shchedryy ochag* [Generous Hearth]. Moscow, Sovremennik, 1985, 63 p. (In Tuvan)

Jumabaev M. *Şığarmaları* [Works]. Almaty, Jazwşı, 2003, 208 p. (In Kazakh)

Nazhimedenov ZH. *Korichnevyy tsvet* [Brown color]. URL: <https://on.kz/akyn/zumeken-nazime-denov-qonys-zolga-tusip-edim-men-ostip-142798/> (accessed: 15.01.2025).

Qasımjanulı Q. *Küiz quyırq qara ayğır* [The black stallion with a felt tail]. Almaty, Aqotaw, 2010, 124 p. (In Kazakh)

Xasan S. *Sarı qız* [Sary kyz]. URL: <https://www.zharar.com/index.php?do> (accessed: 19.01.2025) (In Kazakh)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
04.02.2025*

Сведения об авторе – Information about the Author

Майя Даулетовна Абжанарова – кандидат филологических наук, ассоциированный профессор, ТОО «Astana IT University» (Астана, Казахстан)

Maiya D. Abzhaparova – Candidate of Philology, Associate Professor, Limited Liability Partnership “Astana IT University” (Astana, Kazakhstan)

abzhaparovamd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4828-3110>

Наименования человека по отношению к браку в якутском языке

А. А. Скрябина

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Якутск, Россия*

Аннотация

В статье впервые подвергаются описанию и классификации наименования человека на основании его брачного статуса в якутском языке. На основе лексикографических, сравнительно-исторических работ проведена систематизация наименований человека по отношению к браку по четырем основным группам: добрачный, брачный, послебрачный и внебрачный периоды. В результате исследования выявлено 35 лексических единиц, относящихся к тематической группе «Наименования человека по отношению к браку». Обнаружено, что рассмотренные единицы входят в довольно распространенные синонимические ряды и носят полисемичный характер. Проанализированная лексика представлена как исконно тюркскими, так и монгольскими и русскими заимствованиями.

Ключевые слова

якутский язык, лексика, семантика, брак, женщина, мужчина, лексико-семантическая группа

Для цитирования

Скрябина А. А. Наименования человека по отношению к браку в якутском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55). С. 112–122. DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-112-122

Names of a person in relation to marriage in the Yakut language

A. A. Skryabina

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia*

Abstract

This study represents the first attempt to analyze and categorize human names within the Yakut language, specifically in relation to the marital status of a person. The objectives were to identify and systematize the names in terms of their connection to marriage and marital obligations, as well as to provide their classification by lexical and semantic groups. Multiple analytical methodologies were employed, encompassing continuous sampling, descriptive, comparative, historical, and lexicographic approaches. The study findings allowed four main name categories to be identified: premarital, marital, postmarital, and extramarital. In total, thirty-five lexical units related to the thematic group under study were analyzed and characterized. The lexical units were found to be expressed mainly by gender-marked nouns and substantiated adjectives. Some words in the Yakut language proved to lack gender marking: depending on the context, they can convey the meanings of “man” or “woman.” Human status is denoted by specialized monosemantic terms, polysemantic words, and specific expressions. The vocabulary analyzed here includes native Yakut and Mongolian loanwords, as well as Russian borrowings. These lexical and paremiological units reflect the views of the Yakut people on marriage. The marital status of a person has a high positive value, while the names for an unmarried status carry a negative connotation. Future research on vocabulary related to marriage and family could involve sociolinguistic, linguistic, cultural, and comparative studies of other Turkic and Mongolic languages.

Keywords

Yakut language, lexicon, semantics, marriage, woman, man, lexical-semantic group

© А. А. Скрябина, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 3 (iss. 55)

For citation

Skryabina A. A. Naimenovaniya cheloveka po otnosheniyu k braku v yakutskom yazyke [Names of a person in relation to marriage in Yakut language]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2025, no. 3 (iss. 55), pp. 112–122. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-112-122

Введение

Брак является институционализированной формой устойчивых супружеских отношений, законно оформленной в соответствии с нормами и правилами, присущими определенной культуре. Он играет важную роль в жизненном цикле и воспроизводстве этнической группы, обеспечивая передачу культурных традиций и ценностей от одного поколения к другому. В рамках брака сохраняются реликты древних обычаев и ритуалов, которые находят отражение в языковом окружении, включая лексические единицы и фразеологические выражения. Так, существенной задачей в лингвистике является изучение лексико-семантических групп, связанных с представлениями о браке. Это позволяет восстановить ранние формы семейной и общественной жизни, социально-этические нормы поведения мужчин и женщин, а также их статус в контексте института брака.

Брачные и семейные традиции якутов достаточно полно освещены в источниках по этнографии [Троцанский 1909; Виташевский 1910; Алексеев 1975; Гурвич 1980; Линденау 1983; Гоголев 1988; Слепцов 1989; Серошевский 1993; Бравина 2005; и др.]. Лексика, отражающая реалии семейно-брачных отношений якутов, неоднократно становилась предметом рассмотрения в сравнительно-историческом [Покровская 1961], синхронном и ареальном [Бурыкин 2000], структурно-семантическом [Федорова 2012], функциональном [Афанасьева 2019], сравнительно-сопоставительном [Сорова, Лукина 2022], этнолингвистическом [Варламова 2019] аспектах.

В данной статье представлена систематизация наименований человека по отношению к браку по четырем основным группам: добрачный, брачный, послебрачный и внебрачный периоды.

Материал извлечен из словарей (см. Список словарей), художественных произведений якутских писателей (см. Список источников), использованы также данные «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» [СИГТЯ 2001]. В ходе исследования применялась сплошная выборка примеров, методы и приемы описательного, сравнительно-исторического, лексикографического анализа.

1. Слова, обозначающие человека в добрачном периоде

У якутов женатый человек издавна пользовался почетом и уважением. Жениться означало «стать человеком или в люди выйти», и поэтому каждый должен был вступить в брак для продолжения рода [Худяков 1969: 178]. Брак, по традиционным представлениям якутов, – это не просто союз мужчины и женщины, союз двух родов, а «святой долг в первую очередь перед богами-творцами с их твердой установкой поддерживать непрерывность жизни на Земле» [Бравина 2005: 70]. Человека, не состоящего в браке, называли *агаардас* ‘холостой, одинокий человек’ (от гл. *агаардаа* ‘делить пополам что-л., разделять на две части’) [БТСЯЯ 2004: 490]. Человек, вступивший в брак, приобретает счастье и именуется *толору дьоллоох* ‘счастливый во всем, полный жизни’ [БТСЯЯ 2013: 437]. Паремиологические единицы подтверждают значимость брака у якутов: *Ойоҕо суох ообуй мунна, эрэ суох эрэй* ‘Не иметь жены – паучья мука, не иметь мужа – горькая мука’; *Төрөөбүтүгэр олорор кыыс дьоло суох буолар* ‘Девушка, живущая у родных, не бывает счастлива’; *Ойоҕо суох киһи оронуттан ордуохулар, тэллэбиттэн тэбиэриһэр* ‘Человек без жены, вставая с кровати, разгневается, поднимаясь с постели, вспылит’.

Для обозначения лиц женского пола в добрачном периоде используется лексема *кыыс*, которая имеет следующие лексико-семантические варианты: 1. Дьахтар оҕо уонна эдэр (кэргэн тахсыан иннинээҕи) сааһыгар. Девочка, девушка (до замужества). 2. Ким эмэ оҕото буолар дьахтар киһи (төрөппүттэригэр сыһыаннаан этэргэ). Дочь. 3. Дьахтар кэргэн тахсыан иннинээҕи кэмэ, туруга. Состояние до замужества, до вступления в брачные отношения, девичество [БТСЯЯ 2008: 433]. Это общетюркская лексема со значением ‘дочь, девушка, девочка’ [СИГТЯ 2001: 295]. Только в тувинском языке лексема *кыс* обозначает также особь женского пола у животных и женские цветки у растения: *кыс анай* ‘козлёнок-самка, козочка’; *кыс хой* ‘овца, овцематка’;

унуштерниң кыс чечектери ‘женские цветки у растений’ [ТРС 1968: 280]. В сочетании со словом *оҕо* ‘ребенок’, которое не имеет четкой гендерной ориентированности, лексема *кыыс* образует сочетание *кыыс оҕо* ‘ребенок женского пола, девочка, девушка, девчонка, дочка’ [ПЕК 1959: 1779].

Для обозначения лица мужского пола в добрачном периоде используются слова *уол* ‘мальчик, юноша, парень’, *оҕо киһи* ‘юноша’, *олдьот* ‘юноша’, *уолан* ‘неженатый молодой человек’, *ыччат* ‘молодой человек’, *хордьол* ‘юноша’. *Уол* – эр киһи оҕо уонна эдэр (кэргэн ылыан иннинээҕи) сааһыгар. Мальчик, юноша, парень [БТСЯЯ 2015: 192]. В более ранних словарях якутского языка зафиксировано значение ‘сын’ [ПЕК 1959: 3030; ЯРС 1972: 437], а также утратившееся в современном якутском языке значение ‘слуга, работник, батрак’ [ПЕК 1959: 3030]. Якутское *уол* сравнивается в источниках с древнетюркским словом *ovul* ‘мальчик’ [ДТС 1969: 364], образованным от глагольного корня *-ov / -og* ‘рождать’ [ЭСТЯ 1974: 416]. В различных фонетических вариантах это слово зафиксировано в современных тюркских языках: алт. *уул* ‘сын; парень’ [АРС 2018: 749], хак. *оол* ‘парень’ [ХРС 2006: 306], тув. *оол* ‘сын, мальчик; парень’ [ТРС 1968: 322], кирг. *уул* ‘сын; ребенок, дитя; молодец’ [КиргРС 1985: 311], каз. *ұл* ‘сын’ [КазРС 1995: 460]. От слова *уол* образована лексема *уолан* ‘неженатый молодой человек’ [БТСЯЯ 2015: 194], которая соответствует древнетюркскому *ovlan* ‘ребенок, мальчик’ [ДТС 1969: 363]. В алтайском языке с пометой «устаревшее» зафиксирована лексема *уулан* ‘юноша’ [АРС 2018: 750].

Для наименования юноши используется выражение *оҕо киһи*, включающее два общеупотребительных слова – *оҕо* ‘ребенок’ и *киһи* ‘человек’: *Кыра Хабырыыс сүүрбэттэтин эрэ тахсан ээрэр оҕо киһи этэ* [БТСЯЯ 2010: 203] ‘Маленький Гаврил – парень всего лишь около двадцати лет’¹.

Лексема *олдьот* употребляется для обозначения лица мужского пола в возрасте, переходном от отрочества к возмужанию: *Олдьот уоллаах кыыс киирбиттэригэр, ыалдьыкка ас тардарга соруубута* [Далан 1993: 100] ‘Как только молодой парень зашел, сразу повелели накрыть стол’.

В разговорном языке для обозначения молодого человека используется лексема *ыччат*: 1. Эдэр көлүөнэ. Молодое поколение, молодёжь. 2. *кэпс*. Эдэр киһи, эдэр дьон. Молодой человек, парень, юноша [БТСЯЯ 2017: 574]. Ранее данное слово употреблялось в более широком значении – ‘генерация, род, колено, племя, потомство, нисходящее поколение, роды родов; молодёжь’, ‘предок, корень (начало поколения)’ [ПЕК 1959: 3856–3857].

В якутском языке встречается заимствованное из русского языка слово *баарыһына* ‘незамужняя молодая девушка’ > *барышня* [БТСЯЯ 2005: 83]: *Бүгүн баарыһыналар бөбө сырыттылар, – ийэтэ ону-маны саныы олороруттан аралдьытта* [Болот 1971: 207] ‘«Сегодня было очень много барышень», – сказала мать витающему в облаках [сыну]’.

Якутское существительное *кийиит* обозначает девушку, которая собирается выйти замуж, невесту. В «Большом толковом словаре якутского языка» данное слово сравнивается с тюркским *келин* ‘невестка, сноха’, ног. *кийиит* ‘подарки невесты’ [БТСЯЯ 2007: 87]. Тюркологи отмечают наличие слова *kelin* в древнетюркских памятниках в значении ‘невеста, невестка’ (*jüvüşlüg kelin kübägü javaş bulur* ‘невеста с приданым найдет кроткого жениха’ [ДТС 1969: 296]) и считают его производным от глагола *kel* ‘приходить’ + аффикс глагольного имени *-in* [СИГТЯ 2001: 302].

Якутское выражение *сүктэр кыыс* ‘невеста’ состоит из двух общеупотребительных слов: второй компонент выражен глаголом *сүк* ‘класть, взваливать, сажать кого-что-л. на спину’. Так называют девушку, выезжающую из родительского дома. В старину якутская девушка выезжала к жениху вместе со своим приданым *эһнээ*, буквально взвалив его на спину. Возможно, образное представление девушки со своим *эһнээ* побудило якутов назвать невесту *сүктэр кыыс* ‘девушка с приданым на спине’.

Для обозначения девушки шестнадцатилетнего возраста используется специфическое якутское выражение *сырбан татай* (букв.: чрезмерно шустрая), образованное от глагола *сырбай* ‘бегать, ходить, двигаться быстро, проворно; упруго извиваться, вертеться (обычно о стройных людях с гибким станом)’ (ср. прилагательное *сырбай* ‘шустрый, быстроногий, очень подвижный’ [БТСЯЯ 2012: 455–456]) и усилительной частицы *татай*. Выражение *сырбан татай* подразумевает, что девушка достигла возраста, подходящего для вступления в брак. Данное устойчивое

¹ Здесь и далее перевод примеров с якутского языка на русский автора статьи.

словосочетание функционирует как социально-возрастное обозначение новобрачной в якутском обществе.

2. Слова, обозначающие человека в брачном периоде

В якутском языке общее понятие ‘муж, жена’ выражается составным термином *эр-ойох*: холбоспут кэргэнни дьон. Супруги, муж и жена [БТСЯЯ 2018: 332]. В якутском языке, как и во всех тюркских языках, лексемы, обозначающие человека, приобретают значение родства благодаря показателю притяжательной формы: *кэргэним* ‘моя жена, мой муж’, слово *эр* ‘мужчина’ приобретает значение «муж» только при присоединении аффикса принадлежности *-и(м)*: *эрим* ‘мой муж’, *эрэ* ‘ее муж’.

Наиболее употребительным словом для понятий ‘жена’ и ‘муж’ является многозначная лексема *кэргэн*, не имеющая гендерной маркировки, в зависимости от контекста она используется в значениях ‘замужняя женщина, жена’ и ‘муж, супруг’: 1. Холбоһон, бииргэ ыал буолан олорор дьон. Семья. 2. Эр киһи ойоҕо. Замужняя женщина, жена. 3. Дьахтар эрэ. Муж, супруг. 4. бэй. туһ. Быстах кэмнэ баай ыалга бэйэлэрин кытта олорор хамначчыт. Наемный работник у бая, живущий с ним в одном доме (обычно временный), батрак. 5. биол. Харамайдары, үүнээйилэри наардааһынна уруулуу уустары холбуур улахан бөлөх. Семейство (в систематике растений и животных) [БТСЯЯ 2008: 523–524]. Якутское слово *кэргэн* является монголизмом, ср. монг. *gergen*, халх., бур. *гэргэн*, калм. *гергн* ‘замужняя женщина, супруга’ [ЭСМЯ 2016: 43].

В значении ‘супруг, супруга’ в отдельных случаях, чаще всего в художественных текстах, может использоваться лексема *добор* ‘друг’, например: *Элэккэй, сайаҕас, Эрэллээх доборум, Күөх унаар хонууга Күүлэйдии барыахха. Күннүк Уурастыырап* [БТСЯЯ 2006: 139] ‘Добрый, умный, надежный друг мой, давай погуляем по полю’.

Значение ‘муж, супруг’ передается однословной единицей *эр*. В зависимости от контекста оно может употребляться в значении ‘мужественный, смелый человек, мужчина, храбрец’ [БТСЯЯ 2018: 271]. Якутское *эр* соответствует др.-тюрк. *er* ‘муж, мужчина’, ‘муж, супруг’, ‘мужской’, ср. также древнетюркские производные слова *erān* ‘муж, мужчина, воин’, *erdām* ‘достоинство, доблесть, добродетель; доблестный’, *erkäk* ‘муж, мужчина; самец’, [ДТС 1969: 175, 176, 179]. В большинстве тюркских языков представлен вариант *er* в значениях ‘муж, супруг, мужчина’, ‘герой’, ‘храбрец’, ‘богатырь’, ‘витязь, воин’, ‘молодец’, ‘господин’, ‘мужественный, храбрый (человек)’, ‘человек’, ‘мужество’, ‘сила, энергия’. Вариант с начальным *j* представлен в некоторых языках: каз., сюг. *jer*, узб. диал. *jär*. В некоторых языках представлены иные формы: чув. *ar*, уйг. диал., лобн. *ej*, уйг. диал. *e*: ~ *ä*, который, возможно, восходит к другому источнику *ege-jege* ‘хозяин’ [СИГТЯ 2001: 303].

В значении ‘супруг, муж’ в разговорной речи функционирует лексема *обонньор* ‘старик’, обычно употребляется в притяжательной форме *обонньорум*: *Эмээхсинэ обонньорун, бачча тухары бииргэ эн-мин дэсикэн, эр-ойох буолан олорон баран, билбэт буолуо дуо?! П. Ойуунускай* [БТСЯЯ 2010: 207] ‘Неужели жена может не узнать своего мужа, с которым жила все это время и которого называла мужем?!’ В значении ‘супруг, муж’ данное слово не имеет возрастной маркировки и может употребляться в речи молодой супруги по отношению к своему мужу.

Значение ‘жена’ передается в якутском языке термином *ойох*: *эр киһи кэргэнэ* (сокуонунан бииргэ олорор дьахтара). Жена, супруга (законная) [БТСЯЯ 2010: 238]. Э. К. Пекарский сравнивает лексему *ойох* с тюркским *ојык* ‘проколотый, продырявленный, дыра’ и отмечает, что данное слово используется как бранное выражение по отношению к женщине [ПЕК 1959: 1804]. В современном якутском языке исследуемое слово имеет нейтральный оттенок и употребляется с аффиксом принадлежности: *ойобум* ‘моя жена’, *ойобун* ‘твоя жена’.

Стилистически нейтральное слово *дьахтар* ‘жена; женщина’ в разговорной речи в значении ‘жена, супруга; домашняя хозяйка’ приобретает негативную, пренебрежительную окраску, аналогичную слову *баба* в русском языке. Такую же коннотацию имеет глагол *дьахтардаа* ‘ходить по женщинам, быть бабником’ и прилагательное *дьахтарымсах* ‘женолюбивый, бабник’ [БТСЯЯ 2006: 328, 329].

Брачный статус женщины обозначается также словом *хотун*, которое в якутском языке используется и в других значениях: 1. Дьахтарга эрин ийэтэ. Мать мужа, свекровь. 2. Дьиллээх дьахтар, ыал ийэтэ. Хозяйка дома, супруга, жена хозяина. 3. *эргэр*. Былыргы саха үнэр-сүктэр

үрдүк айыыта, танарата. Высшее божество, дух, которому поклонялся древний якут, богиня. 4. *эргэр*. Былыргы баай тойон ойоҕо, баай дьахтар. Жена богача, властителя, господина, госпожа. 5. кэпс. Хаарты оонньуутугар танаастаах дьахтар. Дама в игральные карты. 6. кэпс., харыс т. Өрүһү, күөлү, сири-дойдуну ытыктаан этэргэ туттуллар. Почтительное название рек, озер, местностей, госпожа [БТСЯЯ 2016: 628]. В древнетюркских памятниках это слово зафиксировано в форме *qatun* ‘госпожа, вельможная дама, женщина знатного происхождения; жена правителя, знатного человека’ [ДТС 1969: 436]. Образовано от глагола *qat* ‘присоединять, прибавлять’ посредством аффикса *-un*. В современных тюркских языках зафиксирован вариант с гласным *-ы* во втором слоге: *qatyn, xatyn, kadyñ, gadyn, xat, qat, kadyt, kadaj*, лишь уйгуры и якуты используют вариант с огубленным гласным во втором слоге: уйг. *hotun*, як. *hotun* [СИГТЯ 2001: 296–297].

Якутское общеупотребительное слово *эмээхсин* ‘старуха’ в разговорной речи приобретает значение ‘жена, супруга’: *Ээ, мин эмиэ ити эмээхсиним өлүүтүн [сүөһүтүн] арааран туспа суруттаран биэрбитим*. Күндэ [БТСЯЯ 2018: 232] ‘А я уже успел перезаписать долю [скот] своей старухи’. Чаще всего используется в форме *эмээхсиним*: *эмээхсин* + лично-притяжательный аффикс 1-го л. ед. ч. *-ы(м)*. Э. К. Пекарский считает его монгольским заимствованием [ПЕК 1959: 254–255]. Ср. монг. *emegeñ*, халх., бур. *эмгэн*, калм. *эмгн* ‘старуха; (часто) бабушка’ [ЭСМЯ 2015: 214].

В говорах якутского языка в значении ‘жена’ зафиксирована лексема *көс*. Данное слово может быть производным от глагола *көс* ‘переезжать с одного места на другое’. В старину якутская девушка после свадьбы переезжала жить к семье мужа и потому ее называли *көс* (букв.: переехавшая). В значении ‘жениться’ в говорах якутского языка используется слово *көстөн*: *Уолбут көстөннөбүнэ, дьибитин хостуохпут* ‘Когда сын у нас женится, перегородим дом’ [ДСЯЯ 1976: 118]. Ср. др.-тюрк. *köç* ‘переходить, передвигаться, кочевать’ [ДТС 1969: 311].

3. Слова, обозначающие человека в послебрачном периоде

Понятия ‘вдова’, ‘вдовец’ передаются одним термином *огдообо* [БТСЯЯ 2010: 199], русизм (ср. рус. *вдова, вдовец*), указание на пол осуществляется добавлением слов *дьахтар* ‘женщина’ или *эр киһи* ‘мужчина’, например: *Дьахтар икки кыра оҕотунаан огдообо буолбута, ытыы-соннуу олоҕубута* [Якутской 1995: 7] ‘Овдовев, женщина с двумя маленькими детьми сидела и плакала’.

Имеется также гендерно не маркированная лексема *анаардас*, также передающая значение ‘вдова, вдовец’: *Анаардас* – кэргэнэ өлөн эбэтэр арахсан соҕотох хаалбыт. Одинокий (одинокая), оставшийся один (оставшаяся одна) в результате смерти или ухода жены (мужа). Например: *Анаардас, тулаайах дьахтар [Мотуоһа] тойонун аабы кытта сыл кэринэ сылдьан баран, аҕатыгар көһөн кэлбитэ*. Болот Боотур [БТСЯЯ 2004: 490–491] ‘Оставшаяся без мужа женщина [Матрена], примерно год пожила у своего свекра, а затем возвратилась к своему отцу’. Прилагательное *анаардас* восходит к глаголу *анаардаа* ‘делить пополам что-л., разделять на две части’. Соответственно, в якутской культуре вдовство рассматривалось как разрушение целого, разделенного на части.

Статус вдовы или вдовца обозначается также словом *тулаайах*: 1. *даҕ*. 1. Төрөппүттэрэ эбэтэр кинилэртэн биирдэстэрэ өлөн, көрүүтэ-истиитэ суох хаалбыт (оҕо). Ставший сиротой, сырый (о ребенке). 2. Иитэр, көрөр-истэр дьоно суох, соҕотох (дьахтар, кырдыаҕас киһи), огдообо. Одинокий, оставшийся без кормильца, попечения, вдовый (о женщинах, стариках). 3. көсп. Соҕотох, туспа, ойдом сылдьар, турар. Отделённый от других, сиротливый, одинокий (о чём-л.) 4. көсп. Соҕотох курдук сананар, соҕотохсуйар. Тоскливо-одинокий, унылый, сиротливый (напр., о мысли, душе). 2. *аат суолт*. Дьибэ кэргэнэ суох хаалбыт киһи (оҕо, огдообо, кырдыаҕас). Сирота, одинокий человек [БТСЯЯ 2014: 82–83]. В значении ‘вдовец, вдова’ данное слово встречается и в других тюркских языках: крх-уйг. *tul*, тур., гаг., аз., турк. *dul*, тат., башк. *tol*, каз., ккалп. *tul*, кирг., алт. *tul*, узб., уйг. *tul*, чув. *talax*. Как отмечают исследователи, первоначально это слово относилось к женщине. Одно из древних значений зафиксировано в киргизском языке: ‘изображение умершего мужа, которое ставилось над местом супружеского ложа (сидя под этим изображением, жена оплакивала мужа)’, ‘траур по мужу’. Предполагается, что слово *тулаайах* образовано от *tu-* ‘закрывать, преграждать, заваливать’ [СИГТЯ 2001: 293].

Разведенного человека в якутском языке называют *кэргэниттэн арахсыбыт*, где субстантивированное причастие *арахсыбыт* словообразовательно связано с первичным

значением глагола *арабыс* ‘отходить, удаляться от кого-чего-л., отступать’. Именно в этой прямой семантике глагола, связанной с идеей отхождения и удаления, лежит основа значения ‘разводиться’. Так, *кэргэниттэн арахсыбыт* буквально означает ‘отделенный от жены (мужа)’.

4. Слова, обозначающие человека, находящегося вне брака

В якутском языке одинокий человек, не имеющий жены (мужа), обозначается такими гендерно немаркированными единицами, как *сулумах* ‘неженатый, незамужняя’, *соботох* ‘не имеющий семьи, близких; одинокий’, *холостуой* ‘неженатый, незамужняя’, *ангаардам* ‘холостой, одинокий человек’, *уһурбах* ‘одинокий, без семьи и детей’, *бэйэгдэ* ‘одинокий, холостой’. Лексема *сулумах* кроме лексико-семантического варианта ‘неженатый, незамужняя’ содержит значения, обозначающие пустоту, легкость бедность, скудность. *Сулумах* – туга да суох анаардас бэйэтинэн эрэ; кураанах; сыгыннах. Пустой (без ничего); голый (лишенный чего-л.). 2. Туох да таһаһаа эбэтэр боһуута суох. Передвигающийся, идущий без поклажи, без груза, налегке. 3. Дьиэтэ-уота, оһото-уруута суох соботох. Неженатый (незамужняя), холостой, холостая. 4. көсп. Эбиитэ, кизгэтиитэ суох бэйэтинэн эрэ бэриллэр. Бедный, скудный (напр., о литературе); голый (напр., о схеме) [БТСЯЯ 2012: 125, 126]. Образовано от глагола *сулуй* ‘срезать, сдирать, отделять, что-л. мягкое от чего-л.’. Восходит к древнетюркскому *jul* ‘отнимать, захватывать’ [ДТС 1969: 277].

Для именованья неженатого человека используется лексема *соботох* – единый, один только, единственный, одинокий; одиночество, единица по существу [ПЕК 1959: 2258]. В «Большом толковом словаре якутского языка» данное слово сравнивается с древнетюркским *jahuz* ‘один, единственный, одинокий’ [БТСЯЯ 2011: 493]. Ср. алт. *janгыскан* ‘один; одинокий (несемейный, без семьи)’ [АРС 2018: 187], хак. *чалгыс* ‘единственный, один; одинокий; сирота, сиротливый’ [ХРС 2006: 934], тув. *чаңгыс* ‘один, одинокий’ [ТРС 1968: 516], кирг. *жалгыз* ‘единственный, одинокий’ [КиргРС 1985: 221], каз. *жалгыз* ‘без роду, без племени; единственный; одинокий; один-одинешенек’ [КазРС 1995: 175].

Внебрачный статус человека обозначается заимствованным словом *холостуой* (ср. рус. *холостой*), например: *Хос иһигэр холостуой киһи ороно, кинигэлээх улахан ыскаап турар*. Суорун Омоллоон [БТСЯЯ 2016: 546] ‘В комнате холостого человека стояла кровать, большой шкаф с книгами’. Помимо значения ‘неженатый, холостой; незамужняя’, данное слово в якутском языке передает понятие ‘безрезультатный, пустой, не приносящий пользы’. Например: *Ханнык баһарар үлэбэ тиэһиникэ холостуой сырыытын аччаттахха үлэ онорумтуота урдүүр* ‘В любой работе, если уменьшить работу техники вхолостую, эффективность станет намного выше’.

В якутском языке имеется также лексема *уһурбах* со значением ‘одинокий, без семьи и детей’: *Дьинэр, хайа абыс оһолоох киһи ханнык эрэ уһурбах уолаттар уруоктарын билбэтэхтэригэр көмөлөһөн кунун-дьылын ытыай*. С. Федотов [БТСЯЯ 2016: 320] ‘На самом деле, какой семейный человек с восемью детьми станет тратить свое время и силы на помощь одиноким людям?’. Данное слово образовано от глагола *уһур* ‘печалиться, беспокоиться’ [ПЕК 1959: 3091]. Слово *уһурбах* буквально переводится как ‘опечаленный человек’, а в разговорной речи используется в значении ‘молодая, ни разу не телившаяся (корова)’ [БТСЯЯ 2015: 320].

Лексема *бэйэгдэ* обозначает человека, находящегося вне брака, она образована от местоимения *бэйэ* ‘сам, сама’, которое подчеркивает индивидуальность и единоличность человека. В «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского дается следующее определение: *бэйэгдэ* – одинокий, холостой [ПЕК 1959: 423].

Лица, не состоящие в браке, часто обозначаются словами, означающими мужчину и женщину, к которым прибавляется отрицательная частица *суох*: *ойоһо суох* ‘неженатый’, *эрэ суох* ‘незамужняя’, *кэргэнэ суох* ‘неженатый, незамужняя’.

Женщину, достигшую брачного возраста, но не находящуюся в браке, называют *кыыс дьахтар* [БТСЯЯ 2008: 534]. Данное выражение зафиксировано в паремиологических единицах якутского языка: *Кыыс дьахтар кытыйаны-хамыйабы кытта кырбаһар, ойоһо суох уол үтүлүгүн-бэргэһэтин кытта охсуһар* ‘Девушка с мисками-ложками дерется, неженатый юноша с шапкой-рукавицами дерется’.

В говорах якутского языка представление об одином, холостом человеке находит отражение в таких языковых единицах, как *куралай* ‘холостой, одинокий’ [ДСЯЯ 1976: 126],

быыра киһи ‘одинокый, холостой человек’, *тураҕас* ‘одинокый человек’ [ДСЯС 1995: 59, 195]. Бездетную женщину, не вышедшую замуж, в говорах якутского языка называют *эримэх*: *эргэ барбатах эримэх кыыс* ‘невышедшая замуж вечная девка’ [ПЕК 1959: 302].

Заключение

Семья как социальный институт играет ключевую роль в жизни общества. Традиционно этические нормы у якутского народа формировали модели поведения, поддерживающие демографические аспекты жизни мужчин и женщин, что способствовало выживанию и сохранению этноса. В этом контексте безбрачие считалось нарушением этих норм. Женщина, достигшая брачного возраста, но не состоящая в браке, воспринималась как неполноценная и ущербная. Якутская пословица гласит: *Эрэ суох дьахтар иччитэ суох ынах кэриэтэ* ‘Женщина, не имеющая мужа, то же, что корова без хозяина’. Безбрачие у мужчин часто ассоциировалось с неспособностью выполнять свои социальные роли, что также могло привести к осуждению со стороны окружающих.

Нами выделены четыре значимых брачных статуса: добрачный, брачный, послебрачный и внебрачный. Рассмотренные лексические и паремиологические единицы, относящиеся к брачно-семейным отношениям, отражают представление носителей якутского языка о браке, а именно: положительно оценивается брачный статус человека, и, наоборот, отрицательную коннотацию имеют наименования человека, обозначающие внебрачное положение.

Большинство лексем обладает нейтральным значением, однако некоторые из них содержат оценочный компонент, что обусловлено значимостью, придаваемой продолжению рода у якутов. Многие лексемы мотивированы определенными культурными и социальными представлениями. Неженатый человек ассоциируется с пустотой, одиночеством и печалью (например, прилагательное *уһурбах* ‘неженатый’ образовано от глагола *уһур* ‘печалиться’).

Для обозначения семейного статуса человека используются в основном гендерно маркированные существительные и субстантивированные прилагательные. Часть проанализированных лексических единиц не имеет гендерной маркировки и в зависимости от контекста передает значения ‘мужчина’ и ‘женщина’. Не имеют гендерной маркировки слова, обозначающие одинокого, неженатого / незамужнего человека. Языковые единицы, характеризующие человека с точки зрения наличия / отсутствия брачных уз, входят в довольно распространенные синонимические ряды. Некоторые из этих случаев объясняются диалектными различиями. Например, понятие ‘жена’ передается 7 языковыми единицами, понятие ‘муж’ – 5. Большинство рассмотренных слов являются общеупотребительными, однако есть небольшой процент лексем, передающих значение ‘муж, жена’ только в разговорной речи или только в художественных текстах (*оһонньор, эмээхсин, доһор*). Слова, обозначающие лиц, состоящих в браке, используются в притяжательной форме, которая служит средством выражения принадлежности и родственной связи: *эрим* ‘мой муж’, *ойоһум* ‘моя жена’. Данное явление является характерным для всех тюркских языков. Часть слов, входящих в тематическую группу «наименования человека по отношению к браку», носит полисемичный характер. Из выявленных в процессе исследования 35 языковых единиц 9 являются лексико-семантическими вариантами многозначных слов.

Проанализированная лексика представлена как исконно тюркскими, так и монгольскими и русскими заимствованиями, что, несомненно, связано с длительными историческими контактами с данными народами.

Список литературы

Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. Новосибирск: Наука, 1975. 210 с.

Афанасьева Е. Н. Этнокультурная специфика терминов родства в тексте якутского эпоса-олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 6. С. 348–351.

Бравина Р. И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса: на материале традиций Саха. Новосибирск: Наука, 2005. 307 с.

Бурыкин А. А. Система родства якутов в синхронном, сравнительно-историческом и ареальном аспектах // Алгебра родства. Вып. 5. СПб., 2000. С. 213–342.

Варламова А.-С. В. Терминологическая лексика свадебного обряда якутов: этнолингвистический аспект // Успехи гуманитарных наук. 2019. № 9. С. 137–147.

Виташевский Н. А. Брак и родство у якутов. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1910. 17 с.

Гоголев А. И. Социальная организация и традиционная семья якутов в XVII в. // Семья у народов Северо-Востока СССР. Якутск, 1988. С. 89–98.

Гурвич И. С. Якуты // Семейная обрядность народов Сибири: опыт сравнительного изучения. М.: Наука, 1980. С. 15–19.

Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Книж. изд-во, 1983. 176 с.

Покровская Л. А. Термины родства в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 11–81.

Серошевский В. Якуты: Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: Московская типография № 2 Министерства информации и печати Российской Федерации, 1993. 736 с.

Слепцов П. А. Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX – начало XX в.) Якутск: Якут. книж. изд-во, 1989. 162 с.

Сорова И. Н., Лукина Ю. С. Слова, обозначающие родство по крови и браку в якутском и татарском языках // Алтаистика. Altaistics. 2022. № 4. С. 5–20. URL: <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2022.95.65.001> (дата обращения: 02.12.2024).

Троцанский В. Ф. Любовь и брак у якутов // Живая старина. 1904. Вып. 2–3. С. 17–34.

Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1969. 473 с.

Список словарей

АРС 2018 – Алтайско-русский словарь = Алтай-орус сөзлик / Отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2018. 935 с.

БТСЯЯ 2004 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 1. Буква А. Новосибирск: Наука, 2004. 688 с.

БТСЯЯ 2005 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 2. Буква Б. Новосибирск: Наука, 2005. 912 с.

БТСЯЯ 2006 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 3. Буквы Г, Д, Дь, И. Новосибирск: Наука, 2006. 844 с.

БТСЯЯ 2007 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 4. Буква К. Новосибирск: Наука, 2007. 672 с.

БТСЯЯ 2008 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 5. Буква К (күөлэһис гын – кээчэрэ). Новосибирск: Наука, 2008. 616 с.

БТСЯЯ 2010 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 7. Буквы Нь, О, Ө, П. Новосибирск: Наука, 2010. 519 с.

БТСЯЯ 2011 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 8. Буква С. Новосибирск: Наука, 2011. 572 с.

БТСЯЯ 2012 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 9. Буква С (сөллөй-сээн), буква Ы. Новосибирск: Наука, 2012. 640 с.

БТСЯЯ 2013 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 10. Буква Т. Новосибирск: Наука, 2013. 584 с.

БТСЯЯ 2014 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 11. Буква Т: төтөллөөх – тээтэннээ. Новосибирск: Наука, 2014. 528 с.

БТСЯЯ 2015 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 12. Буквы У, Ү. Новосибирск: Наука, 2015. 598 с.

БТСЯЯ 2016 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 13. Буква Х. Новосибирск: Наука, 2016. 648 с.

БТСЯЯ 2017 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 14. Буквы Ч, Ы. Новосибирск: Наука, 2017. 592 с.

БТСЯЯ 2018 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 15. Буква Э. Новосибирск: Наука, 2018. 576 с.

ДСЯС 1995 – Воронкин М. С., Алексеев М. П., Васильев Ю. И. Диалектологический словарь языка саха (дополнительный том) // Саха ттүөлбэ тылын тылдыта (эбии том). Новосибирск: ВО «Наука», 1995. 294 с.

ДСЯЯ 1976 – Афанасьев П. С., Воронкин М. С., Алексеев М. П. Диалектологический словарь якутского языка. М.: Наука, 1976. 392 с.

КазРС 1995 – Бектаев К. Казахско-русский словарь и русско-казахский словоуказатель. Шымкент: Туркистан, 1995. 416 с.

КиргРС – Киргизско-русский словарь. В 2-х кн. Около 40 000 слов. / Сост. К. К. Юдахин. Фрунзе: Главная редакция Киргизской Советской энциклопедии, 1985. Кн. 1. А – К. 504 с. Кн. 2. Л – Я. 480 с.

ПЕК 1958-1959 – Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. 2-е изд. М., 1959. 3858 стлб.

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.

ТРС – Тувинско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 465 с.

ЭСМЯ 2015 – Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2015. Том I. А–Е. 2015. 224 с.

ЭСМЯ 2016 – Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2015. Том II. G–P. 2016. 232 с.

ЭСТЯ 1974 – Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.

ХРС 2006 – Хакасско-русский словарь = Хакас-орыссөстүк: (ок. 22 тыс. слов) / Под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1111 с.

ЯРС – Якутско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1972. 608 с.

Список источников

Болот Боотур. Сааскы дьыбардар: роман. Якутскай: Саха сиринээби кинигэ изд-вота, 1971. 470 с.

Далан. Тыгын Дархан: Историческай роман. Дьокуускай: «Бичик» нац. кинигэ кыһата, 1993. 512 с.

Якутскай Н. Сэмэн Чакыырап: роман. Дьокуускай: Бичик, 1995. 346 с.

References

Afanas'eva E. N. Etnokul'turnaya spetsifika terminov rodstva v tekste yakutskogo eposa-olonkho "D'uluruyar N'urgun Bootur" [Ethnocultural specificity of kinship terms in the text of the Yakut epic-olonkho "Diuluruiyar Nyurgun Bootur"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. 2019, vol. 12, no. 6, pp. 348–351. (In Russian)

Alekseev N. A. *Traditsionnye religioznye verovaniya yakutov v 19 – nachale 20 v.* [Traditional religious beliefs of Yakuts in the 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk, Nauka, 1975, 210 p. (In Russian)

Bravina R. I. *Kontseptsiya zhizni i smerti v kul'ture etnosa: na materiale traditsiy Sakha* [The concept of life and death in ethnic culture: on the material of Sakha traditions]. Novosibirsk, Nauka, 2005, 307 p. (In Russian)

Burykin A. A. Sistema rodstva yakutov v sinkhronnom, sravnitel'no-istoricheskom i areal'nom aspektakh [Yakut kinship system in synchronic, comparative-historical and areal aspects]. In *Algebra rodstva* [The algebra of kinship]. St. Petersburg, 2000, iss. 5, pp. 213–342. (In Russian)

Gogolev A. I. Sotsial'naya organizatsiya i traditsionnaya sem'ya yakutov v 17 v. [Social organization and traditional family of Yakuts in the 17th century]. In *Sem'ya u narodov Severo-Vostoka SSSR* [Family among the peoples of the North-East of the USSR]. Yakutsk, 1988, pp. 89–98. (In Russian)

Gurvich I. S. Yakuty [Yakuts]. In *Semeynaya obryadnost' narodov Sibiri: opyt sravnitel'nogo izucheniya* [Family rituals of the peoples of Siberia: experience of comparative study]. Moscow, Nauka, 1980, pp. 15–19. (In Russian)

Khudyakov I. A. *Kratkoe opisanie Verkhoyanskogo okruga* [Brief description of Verkhoyansk District]. Leningrad, Nauka, Leningr. otd., 1969, 473 p. (In Russian)

Lindenau Ya. I. *Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina 18 veka): istoriko-etnograficheskie materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka* [Description of the Peoples of Siberia (first half of the 18th century): historical and ethnographic materials on the peoples of Siberia and the North-East]. Magadan, Knizh. izd., 1983, 176 p. (In Russian)

Pokrovskaya L. A. Terminy rodstva v tyurkskikh yazykakh [Kinship terms in Turkic languages]. In *Istoricheskoe razvitiye leksiki tyurkskikh yazykov* [Historical development of the lexicon of the Turkic languages]. Moscow, 1961, pp. 11–81. (In Russian)

Seroshevskiy V. *Yakuty: Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Yakuts: experience of ethnographic research]. 2nd ed. Moscow, Moskovskaya tip. № 2 Ministerstva informatsii i pechati Rossiyskoy Federatsii, 1993, 736 p. (In Russian)

Sleptsov P. A. *Traditsionnaya sem'ya i obryadnost' u yakutov (19 – nachalo 20 v.)* [Traditional family and rituals among Yakuts (19th – early 20 century)]. Yakutsk, Yakut. knizh. Izd., 1989, 162 p. (In Russian)

Sorova I. N., Lukina Yu. S. Slova, oboznachayushchie rodstvo po krovi i braku v yakutskom i tatarskom yazykakh [Words denoting kinship by blood and marriage in Yakut and Tatar languages]. *Altaistika. Altaistics*. 2022, no. 4, pp. 5–20. URL: <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2022.95.65.001> 1 (accessed: 02.12.2024) (In Russian)

Troshchanskiy V. F. Lyubov' i brak u yakutov [Love and marriage among Yakuts]. *Zhivaya starina*. 1904, iss. 2–3, pp. 17–34. (In Russian)

Varlamova A-S. V. Terminologicheskaya leksika svadebnogo obryada yakutov: etnolingvisti-cheskij aspekt [Terminological lexicon of Yakut wedding rites: ethnolinguistic aspect]. *Uspekhi gumanitarnykh nauk* [Modern Humanities Success]. 2019, no. 9, pp. 137–147. (In Russian)

Vitashevskiy N. A. *Brak i rodstvo u yakutov* [Marriage and kinship among Yakuts]. St. Petersburg, Tip. Ministerstva putey soobshcheniya, 1910, 17 p. (In Russian).

List of dictionaries

Altaysko-russkiy slovar' [Altai-Russian dictionary]. A. E. Chumakaev (Ed.). Gorno-Altaysk, Research Institute of Altaic Studies named after S. S. Surazakov, 2018, 935 p. (In Altai)

Afanas'ev P. S., Voronkin M. S., Alekseev M. P. *Dialektologicheskij slovar' yakutskogo yazyka* [Dialectological dictionary of the Yakut language]. Moscow, Nauka, 1976, 392 p. (In Yakut)

Bektaev K. *Kazakhsko-russkiy slovar' i russko-kazakhskiy slovoukazatel'* [Kazakh-Russian dictionary and Russian-Kazakh word index]. Shymkent, Turkistan, 1995, 416 p.

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2004, vol. 1: Letter A, 688 p. (In Yakut)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2005, vol. 2: Letter B, 912 p. (In Yakut)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2006, vol. 3: Letters G, D, D', I, 844 p. (In Yakut)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2007, vol. 4: Letter K, 672 p. (In Yakut)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2008, vol. 5: Letter K: (kyölehis gyn – keechere), 616 p. (In Yakut)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2010, vol. 7: Letters N, O, Ø, P, 519 p. (In Yakut)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2011, vol. 8: Letter S, 640 p. (In Yakut)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2012, vol. 9: Letters S (sölley-seen), H, 640 p. (In Yakut)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2013, vol. 10: Letter T, 584 p. (In Yakut)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2014, vol. 11: Letter T: (tetellöekh – teetenee), 524 p. (In Yakut)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2015, vol. 12: Letters U, Y, 598 p. (In Yakut)

- Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka* [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2016, vol. 13: Letter Kh, 648 p. (In Yakut)
- Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka* [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2017, vol. 14: Letters Ch, Y, 592 p. (In Yakut)
- Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka* [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2018, vol. 15: Letter E, 576 p. (In Yakut)
- Bektaev K. *Kazakhsko-russkiy slovar' i russko-kazakhskiy slovoukazatel'* [Kazakh-Russian dictionary and Russian-Kazakh word index]. Shymkent, Turkistan, 1995, 416 p.
- Khakassko-russkiy slovar'* [Khakass-Russian dictionary]. O. V. Subrakova (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2006, 1111 p. (In Khakass, In Russian)
- Kirgizsko-russkiy slovar'. V 2-kh kn. Okolo 40 000 slov* [Kyrgyz-Russian dictionary. In 2 bks. About 40,000 words]. K. K. Yudakhin (Comp.). Frunze, Glavnaya redaktsiya Kirgizskoy Sov. entsikl., 1985, bk. 1: A–K, 504 p.; bk. 2: L–Ya, 480 p. (In Russian)
- Pekarskiy E. K. *Slovar' yakutskogo yazyka: v 3 t.* [Dictionary of the Yakut language: In 3 vols.]. 2nd ed. Moscow, 1959, 3858 columns. (In Yakut)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. *Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov: v 3 t.* [Etymological dictionary of Mongolian languages: in 3 vols.]. Moscow, Institute of Oriental Studies RAS, 2015, vol. I: A–E, 2015, 224 p. (In Russian)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. *Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov: v 3 t.* [Etymological dictionary of Mongolian languages: in 3 vols.]. Moscow, Institute of Oriental Studies RAS, 2015, vol. II: G–P, 2016, 232 p. (In Russian)
- Sevortyan E. V. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye* [Etymological dictionary of Turkic language. Common Turkic and Inter-Turkic stems which end on vowels]. Moscow, Nauka, 1974, 768 p. (In Russian)
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika* [Comparative historical grammar of Turkic languages. Vocabulary]. 2nd ed. Moscow, Nauka, 2001, 822 p. (In Russian)
- Tuvinsko-russkiy slovar'* [Tuvan-Russian dictionary]. E. R. Tenishev (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1968, 465 p. (In Tuvan)
- Voronkin M. S., Alekseev M. P., Vasil'ev Yu. I. *Dialektologicheskii slovar' yazyka sakha (dopolnitel'nyy tom)* [Dialectological dictionary of the Sakha language (additional volume)]. Novosibirsk, Nauka, 1995, 294 p. (In Yakut)
- Yakutsko-russkiy slovar'* [Yakut-Russian dictionary]. Moscow, Sov. entsikl., 1972, 608 p. (In Yakut and Russian)

List of sources

- Bolot Bootur. *Saasky d'ybardar: roman* [Spring frosts: a novel]. Yakutsk, Sakha kn. izd., 1971, 470 p. (In Yakut)
- Dalan. *Tygyin Darkhan: Istoricheskay roman* [Tygyin Darkhan: a historical novel]. Yakutsk, Bichik, 1993, 512 p. (In Yakut)
- Jakutskaj N. *Semen Chakyyrap: roman* [Semyon Chakryrov: a novel]. Yakutsk, Bichik, 1995, 346 p. (In Yakut)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
17.12.2024

Сведения об авторе – Information about the Author

Алевтина Афанасьевна Скрябина – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела якутского языка, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия)

Alevtina A. Skryabina – Candidate of Philology, Researcher, Yakut Language Department, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk, Russian Federation

alevtinaskr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8677-9320>

МОРФОЛОГИЯ

УДК 811.512.153

DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-123-146

Формы дательного падежа личных местоимений в хакасских диалектах: ареальное распределение и эволюция

А. В. Шеймович

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Аннотация

Рассматривается многообразие форм дательного падежа хакасских личных местоимений, уточняются ареалы их распространения и прослеживается эволюция их фонетического облика. С этой точки зрения сопоставляются данные по хакасским диалектам и говорам за последние 100 с небольшим лет: это экспедиционные записи Н. Ф. Катанова, собранные в конце XIX – начале XX вв. от носителей сагайского, бельгирского и качинского идиомов; данные, опубликованные в работах хакасских диалектологов середины XX в.; полевые материалы по более чем 100 населенным пунктам Хакасии, собранные в 2015–2021 гг. экспедициями Института языкознания РАН. Итогом работы является построение четырех карт распространения форм дательного падежа личных местоимений 1–3-го л. ед. ч. для хакасских диалектов.

Ключевые слова

хакасская диалектология, история языка, лингвогеография, морфология, личные местоимения

Для цитирования

Шеймович А. В. Формы дательного падежа личных местоимений в хакасских диалектах: ареальное распределение и эволюция // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55). С. 123–146. DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-123-146

Forms of the dative case of personal pronouns in Khakas dialects: areal distribution and evolution

A. V. Sheymovich

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The current study examines a specific aspect of Khakas dialectal morphology, thus contributing to the larger project of producing an atlas of Khakas and, more broadly, Turkic dialects in Southern Siberia. The focus is on the dative forms of the 1–3 sg personal pronouns (*тава* ‘me-Dat’, *сава* ‘you-Dat’, *ава* ‘he-Dat’) and their phonetic variants, which were selected for their high variability across dialects. Examining the forms is assessing their variability, identifying distribution areas, and tracing phonetic evolution. The study material encompasses Khakas dialectal data collected over approximately 100 years. The data include N. F. Katanov’s expedition notes from Khakasia (from late 19th to early 20th centuries), publications from mid-20th century Khakas dialectologists, and audio recordings and transcriptions from over a hundred settlements, compiled by the Institute of Linguistics, RAS, between 2015 and 2022. The data analysis has identified significant phonetic features, which can be used to classify a specific word form in a particular Khakas dialect or subdialect. Four maps were created based on the correlation of feature sets and settlement locations. The first is a map of front versus back vowel variants in 1–2 sg pronominal datives. The second is a map showing vowel lengthening or monosyllabic contraction in 1–2 sg dative forms. The third represents a map of 3 sg dative forms. The fourth,

© А. В. Шеймович, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55)

Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 3 (iss. 55)

for the first time, maps N. F. Katanov's data concerning pronominal dative forms of 1–3 sg for sixteen Sagay, Beltir, and Kachin settlements.

Keywords

Khakas dialectology, language history, linguistic geography, morphology, personal pronouns

For citation

Sheymovich A. V. Formy datel'nogo padezha lichnykh mestoimeniy v khakasskikh dialektakh: areal'noe raspredelenie i evolyutsiya [Forms of the dative case of personal pronouns in Khakas dialects: areal distribution and evolution]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 3 (iss. 55), pp. 123–146. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-123-146

Введение

Настоящая работа, посвященная частной проблеме хакасской диалектной морфологии, подчинена целям создания атласа хакасских диалектов и шире – диалектов тюркских языков Южной Сибири. Предметом анализа послужили диалектные формы дательного падежа личных местоимений 1–3-го л. ед. ч. (*тава* ‘мне’, *сава* ‘тебе’, *ава* ‘ему’ с фонетическими вариантами). Выбор именно этих форм обусловлен тем, что они дают максимальное разнообразие вариантов по диалектам и говорам. В статье мы пытаемся дать их классификацию, проследить эволюцию фонетического облика и уточнить ареалы распространения.

Хакасский язык представлен следующими диалектами: кызыльским, сагайским, качинским, шорским (см. рис. 1, 2 на с. 125, 126). В XIX – начале XX вв. нынешние диалекты существовали и воспринимались исследователями скорее как самостоятельные языки.

Кызыльский диалект (Ширинский и Орджоникидзевский р-ны Хакасии (бассейн р. Июс), частично – в Ужурском и Шарыповском р-нах Красноярского края) лингвистически однороден и сильнее прочих отличается от литературной хакасской нормы.

Сагайский диалект распространен в бассейнах верхнего течения р. Абакан и ее притоков Аскиза и Таштыпа (Аскизский, Таштыпский и Бейский р-ны). Сагайский диалект наряду с качинским явился основой для создания хакаского литературного языка. Бельтирский говор сагайского диалекта известен по трудам тюркологов XIX в., тогда он рассматривался как самостоятельный идиом («бельтирское наречие»).

Качинский диалект распространен на юге Хакасии от улуса Чаптыкова по бассейну нижнего течения Абакана до его впадения в Енисей, далее – по левобережью Енисея. Также качинский диалект распространен к северо-западу от Чаптыкова улуса по р. Камыште до р. Бея, затем – по верхнему Уйбату до бассейна Белого Июса, по правому берегу Белого Июса до его впадения в Черный Июс (сливаясь, Черный и Белый Июс дают Старый Июс, за пределами Хакасии – р. Чулым). Северная граница диалекта совпадает с административной границей Хакасии (Усть-Абаканский, Алтайский, Богградский, Бейский, Орджоникидзевский и Ширинский р-ны). В качинском обычно выделяются четыре говора: усть-абаканский, уйбатский, белоиюсский и староиюсский [ДХЯ 1973: 7, 28]. Тюркологами XIX в. выделялось также «койбальское наречие» [Castren 1857: V] (качинский говор, на который перешло племя самодийцев-койбалов); сейчас соответствующие ему подговоры включаются в усть-абаканский говор.

Шорский диалект распространен по верхнему течению р. Абакан, в бассейне р. Таштып в Таштыпском р-не Хакасии. В ходе хакасских экспедиций Института языкознания РАН в 2015–2020 гг. на территории ареала шорского диалекта был выделен идиом, имеющий некоторые признаки, сближающие его с бельтирским говором; он получил рабочее название «таштыпский говор» (населенные пункты Малая Сея, Верх. и Ниж. Сиры, Сигиртуп, Шепчул).

Краткие социолингвистические данные о хакасском языке, об ареалах распространения его диалектов и говоров см. на сайте проекта Института языкознания РАН «Малые языки России»¹.

¹ <https://minlang.iling-ran.ru/lang/khakasskiy-yazyk>

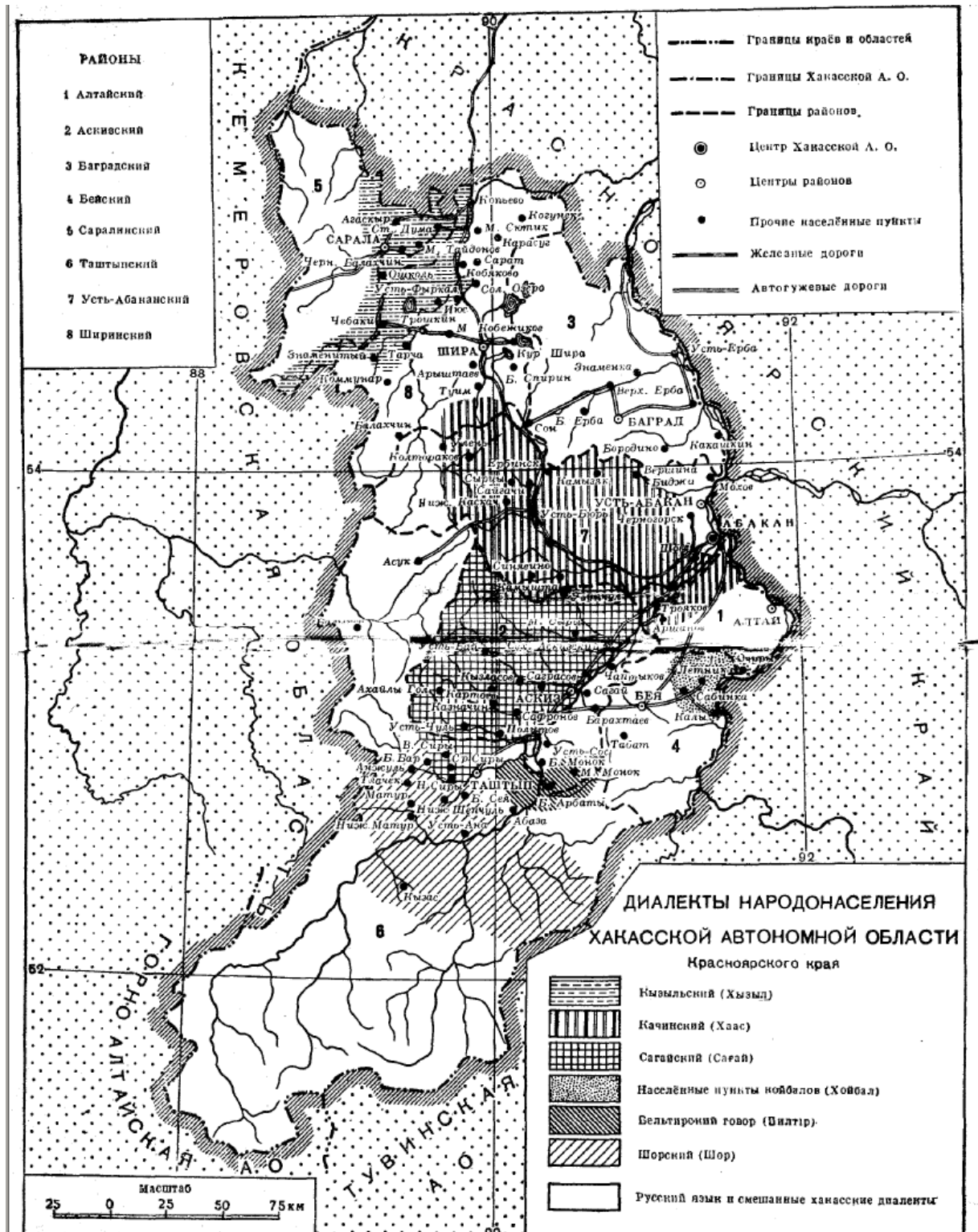

Рис. 1. Карта хакасских диалектов [Баскаков 1953]

Fig. 1. Map of Khakas dialects [Baskakov 1953]

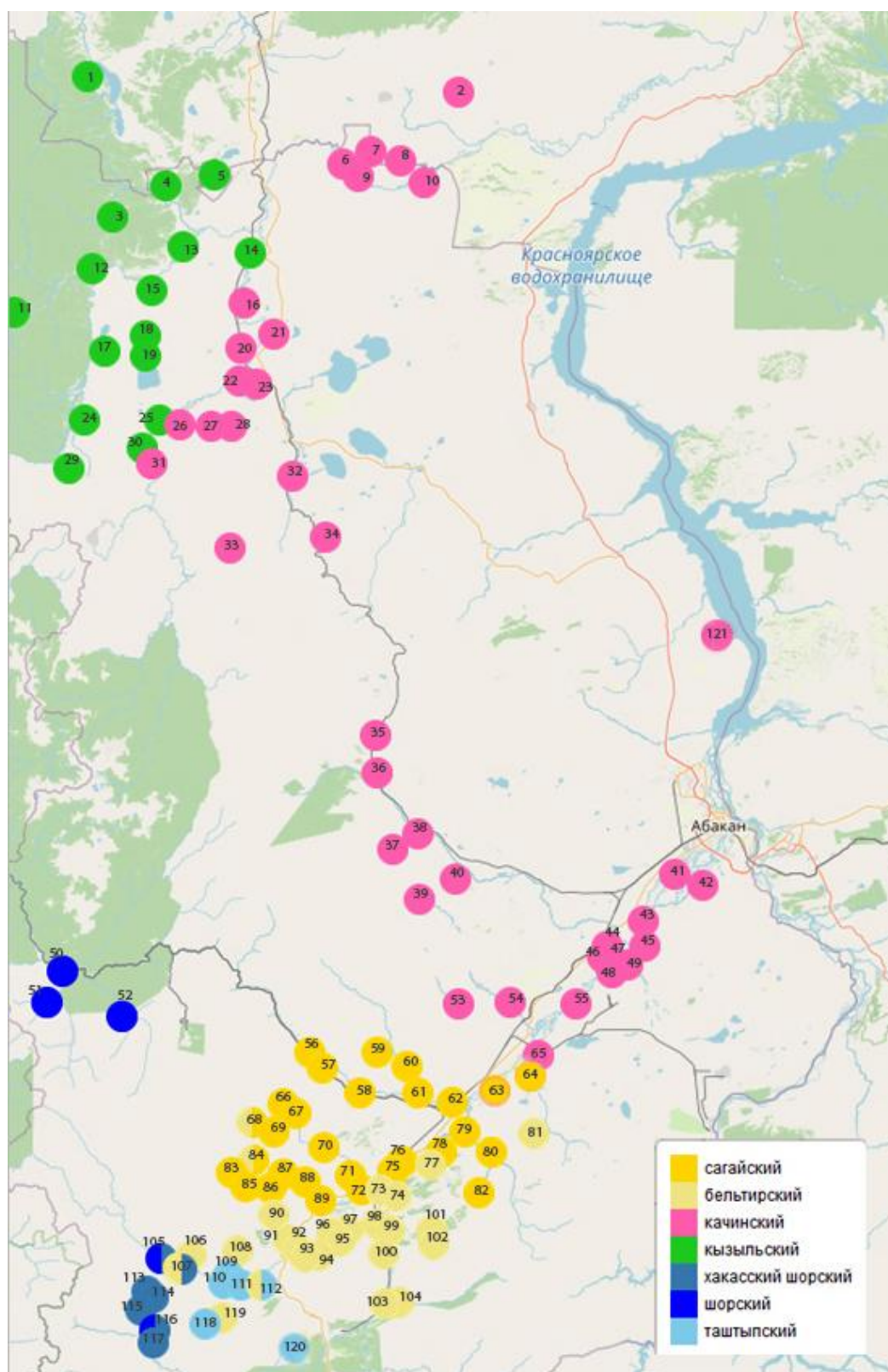

Рис. 2. Карта хакасских диалектов ², построенная по данным диалектных экспедиций Института языкознания РАН в 2015–2022 гг. ³

Fig. 2. Map of Khakas dialects based on data from dialectological expeditions of the Institute of Linguistics, RAS, 2015–2022

² <https://turkmaps.org/khakdat/dialecty.html>

³ Список населенных пунктов к картам 2, 4, 5, 6 см. в конце статьи на с. 144.

1. Материалы, привлеченные для сравнительного анализа

В данной статье сопоставляются формы местоименных дативов, отраженные в материалах по хакасским диалектам и говорам за последние сто с небольшим лет. Массив материалов, привлеченных для сравнительного анализа, делится на три части:

- сагайские и качинские тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым в конце XIX – начале XX вв. [Катанов 1907]; эти данные включены в диалектный подкорпус Корпуса хакасского языка ⁴ (см. табл. 1, 2 на с. 127, 128);
- данные хакасских диалектологов середины XX в. [ДХЯ 1973; Патачакова 1995; Боргояков 1976; ГХЯ 1975] (см. табл. 3 на с. 129);
- звуковые материалы и их расшифровки из более чем 100 населенных пунктов Хакасии, собранные в 2015–2022 гг. экспедициями Института языкознания РАН; материал хранится на сервере Института языкознания РАН (см. табл. 4 на с. 130–134).

Набор различительных признаков для форм дательного падежа личных местоимений в материалах Н. Ф. Катанова (см. рис. 3 на с. 128):

- 1) вариант основы с заднерядным *a* (*маба, саба*);
- 2) вариант основы с переднерядным *ä* (без учета форм 3 sg, всегда выступающих с непременным гласным) (*мăă, сăă*);
- 3) наличие односложной стяженной формы в заднерядном варианте (*мă, ä*) ⁵;
- 4) наличие односложной стяженной формы в переднерядном варианте (*мă, сă*).

Таблица 1

Table 1

Варианты форм личных местоимений в дательном падеже согласно данным Н. Ф. Катанова Variants of personal pronouns forms in the dative case according to N. F. Katanov

№	Населенный пункт ⁶	Род по Катанову	Формы и признаки
1	Аскиз	саг.	<i>маба́, ма́, аба́, аба́, ä</i>
2	Бондарево, Бейский р-н (= Сосы)	бельт.	<i>мắ, ä</i>
3	Кызлас	саг.	<i>аба</i>
4	Полтаков (= Аппаков)	бельт.	<i>ä</i>
5	Печень (= Петров)	бельт.	<i>аба</i>
6	Усть-Есь	саг.	<i>мắ, аба́, ä</i>
7	Усть-Таштып	бельт.; саг.	<i>аба</i>
8	Табат	бельт.	<i>мăắ, мắ, сăắ, сắ, аба́, ä</i>
9	Пуланколь (= Архипов)	кач.	<i>маба́, саба́, аба́</i>
10	Усть-Камышта	кач.; саг.	<i>маба́, аба́</i>
11	Камышта (25 верст вверх от Усть-Камышты)	кач.; саг. (работник у качинца)	<i>маба́, аба́</i>
12	Сыры (= Архип Чертыков)	саг.	<i>маба́, мăắ, мắ, саба́, сăắ, аба́, аба́, ä</i>
13	Весеннее/Капчалы (на 15 верст выше устья Уйбата)	кач.	<i>аба</i>
14	Верх-Аскиз (= Олтоков)	саг.	<i>мăắ, мắ, сăắ, аба́</i>
15	Усть-Абакан = при устье Абакана	кач.	<i>саба́, аба́</i>
16	Катанов (= Тураков)	кач.	<i>саба́</i>

Соответствия между формами в записи Н. Ф. Катанова, формами в записи современных хакасских диалектологов и в нашей транскрипции, по-видимому, должны рассматриваться следующим образом (см. табл. 2 на с. 128).

⁴ <https://khakas.altai.ru/corpus/>

⁵ Форма *сă* в записях Н. Ф. Катанова не встретилась ни разу.

⁶ Соответствия наименований населенных пунктов в записях Н. Ф. Катанова их современным наименованиям установлены в работе [Дыбо, Мальцева 2021: 1353–1367].

**Соответствие форм по данным Н. Ф. Катанова современной хакасской орфографии
и фонологической транскрипции**
**Correspondence of N. F. Katanov's forms with modern Khakas spelling
and phonological transcription**

Транскрипция Н. Ф. Катанова	Запись в современной хакасской орфографии	Фонологическая транскрипция
маѓа, маѓá (кач., саг.)	магаа	тава
мā	маа	та:
саѓа	сагаа	сава
аѓа, аѓá	агаа	ава
ā	аа	а:
мāгā (саг., белът.)	мегее	меге
мā	мее	те:
сāгā	сегее	сеге
сā (встретилось только в белът.)	сее	се:

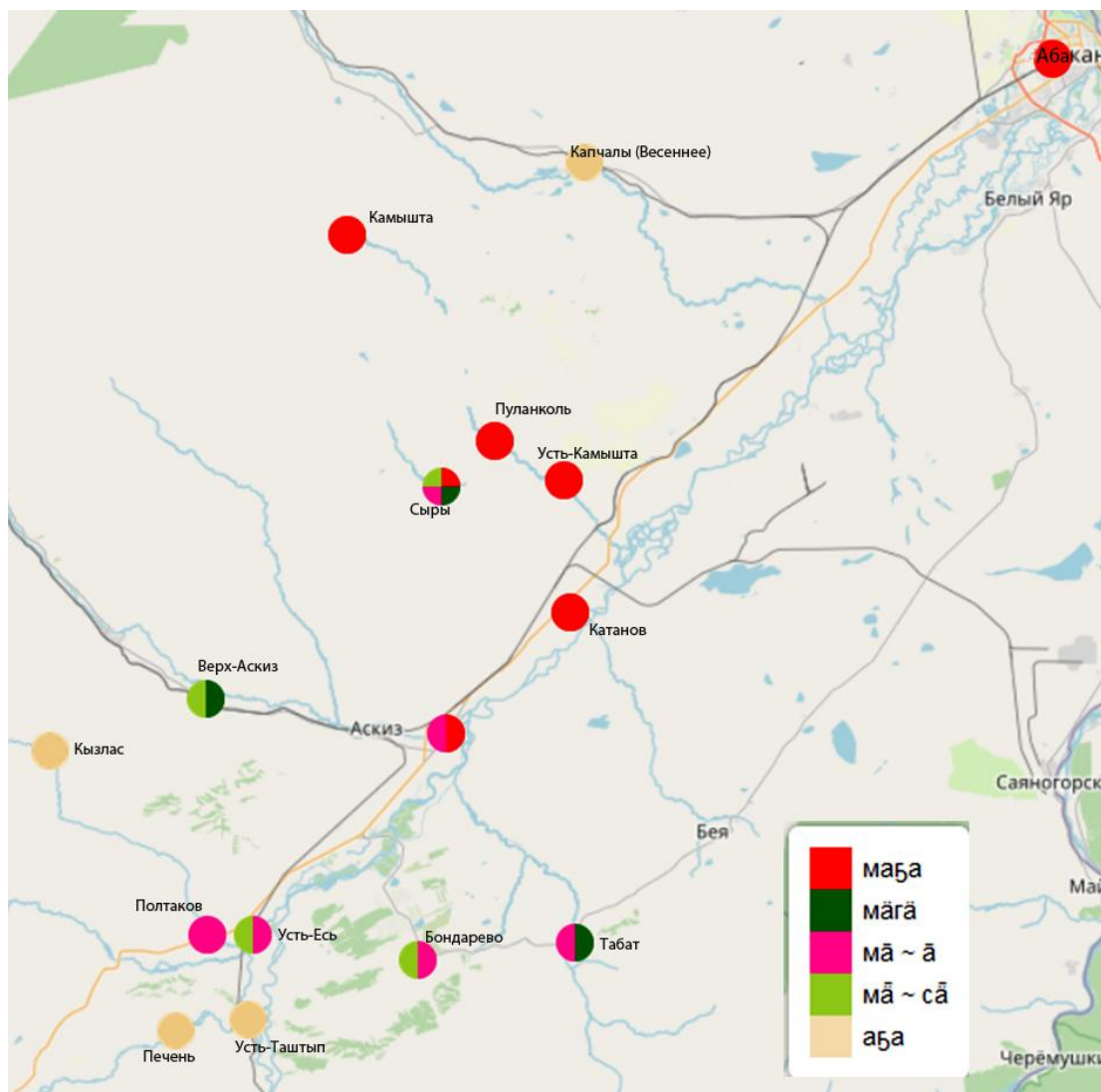

Рис. 3. Карта хакасских местоименных дативов, построенная по материалам Н. Ф. Катанова ⁷

Fig. 3. Map of Khakas pronominal datives based on the materials of N. F. Katanov

⁷ <https://turkmaps.org/khakdat/katanov.html>

Таблица 3

Table 3

Варианты форм дательного падежа в хакасских диалектах согласно данным хакасских диалектологов середины XX в.⁸

Variants of dative case forms in Khakas dialects according to data from Khakas dialectologists of the mid-20th century

№	Лицо, число	Литературная норма [ГХЯ 1975]	Диалекты и говоры хакасского языка				
			Кызыльский	Качинский	Сагайский	Бельтирский	Шорский
1.	1 sg	магаа		магаа	маага		маага
2.					маа		маа
3.			мееге		мееге		
4.			мее		мее	мее	
5.					мегее	меге	
6.	2 sg	сагаа		сагаа	саага		саага
7.					саа		саа
8.			сееге		сееге	сееге	
9.			сее		сее	сее	
10.					сееге		
11.	3 sg	агаа	анаа	агаа	анаа		
12.					аага	ага	аага
13.					аа	аа	аа
14.			анаага		анаага		

Набор различительных признаков для форм дательного падежа личных местоимений по материалам хакасских диалектологов середины XX в.:

- 1) вариант основы с заднерядным *а* (магаа, сагаа);
- 2) вариант основы с переднерядным *е* (без учета форм 3 sg, всегда выступающих с передним гласным) (мегее, сееге);
- 3) наличие стяжения в заднерядном варианте (маа, саа, аа);
- 4) наличие стяжения в переднерядном варианте (мее, сее);
- 5) наличие форм с долготой в 1-м слоге, перед окончанием датива в заднерядном варианте (маага, саага, аага);
- 6) наличие форм с долготой в 1-м слоге, перед окончанием датива в переднерядном варианте (мееге, сееге);
- 7) формы 3 sg типа анаага, анаа.

Картографировать эти данные в настоящий момент невозможно, так как в источниках указаны только диалекты и говоры, но не населенные пункты, в которых они были зафиксированы.

В таблице 4 выписаны формы дательного падежа личных местоимений 1–3 sg, извлеченные из опросов анкеты «Признаки-изоглоссы для хакасско-шорско-чулымского ареала (группы тюркских *z*-языков)», 100- и 200-словного списков Сводеша и др. Данные получены от информантов, говорящих на диалектах хакасского языка, методом сплошного опроса в более чем 100 населенных пунктах Хакасии. Записи были сделаны в интервале 2011–2022 гг.; в течение последних нескольких лет они были обработаны в программе Praat и проанализированы.

Показателем датива *-Га*⁹ в хакасском оформляются адресат (*нир мегее* ‘дай мне’) и бенефициар («датель интереса») (*магаа* ‘для меня’; *мегее кирек* ‘мне надо’). Дательный падеж также выступает в функции объекта направления движения (*кил мегее* ‘иди ко мне’), например, в кызыльском диалекте и в тех говорах качинского, куда не распространилась инновационная падежно-послеложная форма на *-Саp(Ы)*¹⁰, как это произошло в сагайском и шорском диалектах [ГХЯ 1975: 7, 74]: *кил минзер* ‘иди ко мне’. Ниже мы пренебрегаем семантическими различиями и

⁸ Источники данных: литературные формы – [ГХЯ 1975: 145, 146 и далее]; кызыльский – [Патачакова 1995]; качинский, сагайский, бельтирский, шорский – [ДХЯ 1973: 20, 42, 59, 95].

⁹ Морфологические показатели литературного языка представлены в морфемной записи. Об этом см., например, [Дыбо, Шеймович 2014; Дыбо и др. 2023].

¹⁰ Аффикс *-Саp(Ы)* происходит из послелога *сары*, который восходит к посессивной форме пространственного существительного *саары* ‘сторона-его’. Распространение этого аффикса в именном склонении тех же говоров, описанное, например, в [Боргояков 1976: 91–93], иное, чем в местоименном.

рассматриваем только материальную форму аффикса, поэтому формы дательного падежа, имеющие направительное значение, рассматриваются вместе с остальными дативными формами. В Атласе выражению функции аллатива в хакасских диалектах будет посвящена отдельная карта.

Таблица 4

Table 4

**Формы дательного падежа личных местоимений в хакасских диалектах
по данным лингвистических экспедиций Института языкознания РАН в 2015–2022 гг.¹¹
Forms of the dative case of personal pronouns in Khakas dialects
according to the data of linguistic expeditions of the Institute of Linguistics, RAS, 2015–2022**

№	Населенный пункт	Кол-во информантов	Диалект, говор	Форма дательного падежа личного местоимения	
				Переднерядный вариант основы	Заднерядный вариант основы
	Абрамов	4	саг.	<i>m'ege</i> x2	
				<i>mege</i> x6, <i>m'ege</i> x4	
				<i>mige</i> x3	
				<i>m'ege</i> x7, <i>mege</i> x2	<i>тава</i> x1
2.	Анхаков	3	саг.	<i>m'ega</i> x3, <i>s'ege</i> x1	
				<i>m'ige</i> x5	
				<i>mege</i> x6, <i>m'ege</i> x2, <i>s'ege</i> x1	<i>тава</i> x1, <i>сава</i> x1, <i>'ава</i> x1, <i>ава</i> x1
3.	Большие и Малые Арбаты	10	бельг.	<i>m'ege</i> x5, <i>me:</i> x1	
				<i>m'ige</i> x2, <i>m'ege</i> x1	
				<i>m'ige</i> x1, <i>m'ega</i> x1, <i>mege</i> x1	
				<i>m'ega</i> x1, <i>m'ege</i> x3	
				<i>m'ige</i> x4, <i>mige</i> x3, <i>s'ige</i> x1, <i>se:</i> x1, <i>m'ege</i> x5, <i>s'ege</i> x2	
				<i>m'ege</i> x2, <i>mege</i> x1	
				<i>mege</i> x2	
				<i>m'ege</i> x1, <i>mege</i> x1	
				<i>mege</i> x1	
4.	Большой Бор	2	бельг.		<i>m'ава</i> x1
				<i>m'ege</i> x6, <i>m'ega</i> x4, <i>mege</i> x1	
5.	Верх-Курлугаш	1	бельг.	<i>m'ega</i> x2	
6.	Бутрахты	6	бельг.	<i>m'ege</i> x1, <i>mege</i> x1	
				<i>m'ека</i> x1	<i>тава</i> x1
				<i>meke</i> x1, <i>m'ege</i> x1	
				<i>mege</i> x4, <i>sege</i> x3	
				<i>m'ege</i> x1, <i>m'ega</i> x1	
				<i>m'ega</i> x6, <i>mege</i> x1, <i>sege</i> x1	<i>ава</i> x1
7.	Чиланы	5	бельг.	<i>m'ege</i> x4, <i>mige</i> x1, <i>sige</i> x1	
				<i>m'ega</i> x4	
				<i>m'ega</i> x3	
				<i>mege</i> x2, <i>m'ega</i> x2	
				<i>m'ige</i> x2	
8.	Илиморов	1	саг.	<i>me:</i> x1	
9.	Лырсы	3	бельг.	<i>m'ege</i> x1, <i>m'ige</i> x1, <i>mege</i> x1	
				<i>mege</i> x3	
				<i>mege</i> x1, <i>m'ege</i> x1, <i>m'ega</i> x1	
10.	Усть-Хойза	2	саг.	<i>m'ega</i> x1	
				<i>mege</i> x1	
11.	Кызлас	3	саг.	<i>mige</i> x1	<i>тава</i> x1
				<i>mege</i> x3	<i>тава</i> x2 (с оговоркой «лит.»)
				<i>mege</i> x6, <i>sege</i> x2	<i>тава</i> x9 (с оговоркой «не здесь»)

¹¹ В табл. 4 приводятся варианты произнесения форм местоимений, записанные от информантов – уроженцев населенных пунктов, указанных в столбце 2; «x1» – количество произнесений словоформы в течение опроса. Диалектные формы местоимений представлены в фонетической транскрипции IPA. В случаях, когда последний слог не является ударным (*mege*), знак ударения «'» проставлен на слух (*m'ege*). Знаком «» обозначается мягкость предыдущего согласного.

12.	Тюрт-Тас	5	бельт.	<i>mege</i> x3	<i>тава</i> x1 (с оговоркой «лит.»)
				<i>mege</i> x1, <i>m'ege</i> x1	<i>тава</i> x1 (тут же поправляется на <i>mege</i>)
				<i>mege</i> x3	
				<i>mege</i> x1, <i>sege</i> x1	
				<i>m'ege</i> x3, <i>m'ega</i> x1	
13.	Казановка	4	саг.	<i>mige</i> x3	
				<i>mege</i> x6, <i>sege</i> x1	<i>тава</i> x1, <i>ава</i> x1
				<i>mege</i> x2	
				<i>mige</i> x1, <i>m'ege</i> x6	
14.	Бейка (Аскизский р-н)	3	саг.		<i>тава</i> x4
				<i>mege</i> x3	
				<i>mege</i> x2	
15.	Имек	1	бельт.	<i>m'ege</i> x2, <i>m'ega</i> x1	
16.	Карагай	3	бельт.	<i>m'ega</i> x1	<i>тава</i> x2
				<i>m'ega</i> x2	
					<i>m'age</i> x1
17.	Кызас	1	бельт.	<i>m'ege</i> x1, <i>m'ega</i> x1, <i>se:</i> x1	
18.	Нижняя База	3	саг.		<i>тава</i> x3
					<i>тава</i> x2
				<i>mige</i> x2	
19.	Усть-База	2	саг.	<i>mege</i> x2	<i>тава</i> x1
				<i>m'ige</i> x2, <i>mege</i> x2	
20.	Усть-Чуль	3	саг.		<i>тава</i> x3
				<i>mige</i> x3	<i>тава</i> x2
					<i>тава</i> x3
21.	Печень	3	бельт. (+лит)		<i>m'ava</i> x1
			бельт.	<i>m'ege</i> x3	<i>'ava</i> x1
				<i>m'ege</i> x2	
22.	Верхняя Тёя	8	саг.		<i>m'ava</i> x1, <i>тава</i> x2
					<i>m'ava</i> x2
					<i>m'ava</i> x9, <i>тава</i> x3, <i>sava</i> x2, <i>ава</i> x2
				<i>mege</i> x1, <i>m'ige</i> x1	
					<i>тава</i> x6, <i>sava</i> x2
					<i>тава</i> x1
				<i>m'ege</i> x1	<i>m'ava</i> x3, <i>тава</i> x1
23.	Нижняя Тёя	4	саг.	<i>m'ega</i> x2, <i>m'ege</i> x3,	
				<i>mege</i> x3	
				<i>mege</i> x4	
				<i>m'ege</i> x1, <i>s'ege</i> x1	
24.	Отты	4	саг.		<i>тава</i> x3
				<i>m'ege</i> x4, <i>mege</i> x1	
					<i>тава</i> x5, <i>sava</i> x1, <i>ава</i> x1
25.	Сафронов	3	саг.		<i>тава</i> x4, <i>m'ava</i> x1
				<i>mege</i> x1	
				<i>m'ege</i> x4, <i>m'ega</i> x3, <i>mege</i> x2, <i>sige</i> x2	
26.	Полтаков	4	саг.	<i>m'ege</i> x2	<i>ава</i> x1, <i>тава</i> x1
				<i>mege</i> x2	
				<i>m'ege</i> x1	<i>тава</i> x1, <i>m'ava</i> x1
				<i>m'ege</i> x2	
27.	Полизов	3	саг.	<i>sege</i> x1	<i>тава</i> x3, <i>sava</i> x3, <i>ава</i> x1
					<i>тава</i> x1
				<i>m'ig(e)</i> x1, <i>m'ege</i> x1	
28.	Усть-Есь	6	бельт.		<i>тава</i> x2
				<i>mege</i> x2	
					<i>тава</i> x1
				<i>m'ege</i> x1	<i>тава</i> x1
				<i>mege</i> x5, <i>sege</i> x1	
				<i>m'ege</i> x1	<i>тава</i> x1
				<i>m'ige</i> x1	

29.	Усть-Таштып	4	бельт.	<i>m'ige</i> x1, <i>mige</i> x1	<i>тава</i> x1
					<i>тава</i> x3
				<i>m'ega</i> x2	
				<i>me</i> : x2	'ава x1
30.	Хызыл Сагай	1	саг.	<i>mege</i> x3, <i>sege</i> x1	ава x1
31.	Койбалы	5	койб., саг.	<i>mige</i> x2	<i>тава</i> x1 (после колебаний)
				<i>mige</i> x1 (изолир.)	<i>тава</i> x4, <i>сава</i> x1
					<i>тава</i> x11, <i>сава</i> x5
				<i>mege</i> x1	<i>тава</i> x8, <i>сава</i> x2, <i>ава</i> x2
32.	Верх-Киндирла	3	саг.		<i>тава</i> x3
				<i>m'ige</i> x4	
				<i>mege</i> x3	
33.	Усть-Киндирла	7	саг.	<i>m'ige</i> x2	
				<i>mege</i> x4	
				<i>mege</i> x1	
				<i>mege</i> x3	
				<i>mige</i> x2	
				<i>mege</i> x1	
34.	Уты	1	бельт.	<i>me</i> 'e x1	
				<i>mige</i> x2	
35.	Большой Монок	2	бельт.	<i>m'iga</i> x2, <i>m'ige</i> x3	<i>тава</i> x1 (по чужой подсказке)
				<i>m'ega</i> x2	
36.	Малый Монок	2	бельт.		<i>тава</i> x3
				<i>m'ega</i> x2	
37.	Усть-Сос	4	бельт.	<i>m'ige</i> x3, <i>mege</i> x1	
				<i>m'ega</i> x1	
				<i>mege</i> x1	
					<i>тава</i> x3
38.	Усть-Табат	2	саг.	<i>m'ega</i> x2	
				<i>mige</i> x3	
39.	Маткечик	2	бельт.	<i>m'ige</i> x2	
				<i>m'ega</i> x3	
40.	Красный Ключ	2	бельт.	<i>m'eve</i> x2, <i>m'ige</i> x1	
				<i>m'ega</i> x1, <i>m'ega</i> x2	<i>m'ава</i> x1, <i>тава</i> x1, колебания, автоисправление с а на е
41.	Шалгинов	2	саг.		<i>тава</i> x5
					<i>тава</i> x8, <i>сава</i> x1
42.	Улуг-Кичиг	2	саг.	<i>m'ega</i> x3, <i>m'ega</i> x3, <i>mege</i> x4, <i>sege</i> x2	
				<i>m'ega</i> x3	
43.	Харачуль	2	бельт.	<i>m'ega</i> x2	
				<i>m'ega</i> x2, <i>m'ega</i> x8, <i>s'ega</i> x2	
44.	Печегол	2	бельт.		<i>тава</i> x1
					<i>тава</i> x3
45.	Чаптыков	4	кач.		<i>тава</i> x8, <i>сава</i> x1
					<i>тава</i> x3
			саг.		<i>тава</i> x5, <i>сава</i> x1, <i>ава</i> x1
					<i>тава</i> x2
46.	Аршаново	3	кач.		<i>тава</i> x4, <i>сава</i> x2, <i>ава</i> x1
					<i>тава</i> x4
					<i>тава</i> x3, <i>сава</i> x1, <i>ава</i> x1
47.	Сартыков	1	кач.		<i>тава</i> x3, <i>сава</i> x1
48.	Белый Яр	1	кач.		<i>тава</i> x4, <i>сава</i> x1, <i>ава</i> x1
49.	Хызыл-Салда	1	кач.		<i>тава</i> x9, <i>сава</i> x2
50.	Аёв	1	смесь кач. с бельт.		<i>тава</i> x1, <i>сава</i> x3, <i>ава</i> x1
51.	Камышта	1	кач.	<i>mege</i> x3, <i>sege</i> x2	ава x1
52.	Монастырево	4	кач.		<i>тава</i> x12, <i>сава</i> x3
					<i>тава</i> x4
					<i>тава</i> x7
					<i>тава</i> x10, <i>сава</i> x3, <i>ава</i> x1
53.	Солёноозерное	1	кач.		<i>тава</i> x11, <i>сава</i> x1

54.	Малый Имыш (Красноярский кр.)	1	кач.		<i>тава</i> x4, <i>ава</i> x1
55.	Сов.Хакасия	1	кач.		<i>тава</i> x7
56.	Усть-Камышта	1	кач.		<i>тава</i> x2
57.	Югачи	1	кач.		<i>тава</i> x3
58.	Горюново	2	кач.		<i>тава</i> x4
				<i>m'ege</i> x1, <i>mege</i> x1	<i>тава</i> x9, <i>сава</i> x1
59.	Июс	1	кач.		<i>тава</i> x6, <i>сава</i> x2
60.	Кобяково	2	кач.		<i>тава</i> x3
					<i>тава</i> x4
61.	Кожухово	1	кач.		<i>тава</i> x3
62.	Конгарово	6	кач.		<i>тава</i> x4
					<i>тава</i> x4, <i>та:</i> x1
					<i>тава</i> x2
					<i>тава</i> x3
					<i>тава</i> x6
					<i>тава</i> x9, <i>сава</i> x1
63.	Арабкаево	1	кач.		<i>тава</i> x 3
64.	Доможаков	1	кач.		<i>тава</i> x5, <i>сава</i> x1
65.	Котожеков	1	кач. с пре- обл. саг.		<i>тава</i> x4, <i>сава</i> x1
66.	Райков	1	кач.		<i>тава</i> x5, <i>сава</i> x1, <i>ава</i> x1
67.	Бейка (Усть- Абаканский р-н)	1	кач.		<i>тава</i> x1, <i>сава</i> x1
68.	Сапогов	1	кач.		<i>тава</i> x3, <i>сава</i> x2
69.	Трояков	1	кач.		<i>тава</i> x6, <i>сава</i> x1, <i>ава</i> x1
70.	Усть-Бюр	1	кач.		<i>тава</i> x4
71.	Чарков	2	кач.	<i>seve</i> x1	<i>тава</i> x2
					<i>тава</i> x5, <i>сава</i> x1, <i>ава</i> x1
72.	Малый Кобежиков	2	кач.		<i>тава</i> x4
					<i>тава</i> x3
73.	Трошкин	8	кач.		<i>тава</i> x5
					<i>тава</i> x14, <i>ава</i> x13
					<i>тава</i> x4
					<i>тава</i> x6, <i>ава</i> x3
					<i>сава</i> x3, <i>ава</i> x1
					<i>сава</i> x1, <i>тава</i> x9
					<i>сава</i> x1, <i>тава</i> x2
					<i>сава</i> x3, <i>тава</i> x16, <i>ава</i> x8
74.	Фыркал	1	кач.		<i>тава</i> x19, <i>сава</i> x4, <i>ава</i> x2
75.	Усть-Фыркал	1	кач.		<i>тава</i> x2
76.	Малый Спирин	5	кач.		<i>тава</i> x4
					<i>тава</i> x3
					<i>тава</i> x4
					<i>тава</i> x5
					<i>тава</i> x3
77.	Тлачик	4	шор.		<i>тава</i> x6, <i>s'ава</i> x1, <i>ава</i> x1, <i>'ава</i> x1
					<i>та:</i> x1, <i>ol'ава</i> x1
					<i>m'ава</i> x3
					<i>m'ава</i> x3, <i>s'ава</i> x1
78.	Тамалык	2	шор.		<i>m'ава</i> x2
					<i>s'ава</i> x1, <i>m'ава</i> x6
79.	Верх-Таштып	1	шор.		<i>m'ава</i> x1
80.	Верхние Сиры	4	бельт.? ташт.?	<i>m'ige</i> x4	<i>m'ава</i> x6, <i>сава</i> x1
			ташт.		<i>m'ава</i> x7, <i>s'ава</i> x1, <i>'ава</i> x1
			ташт.		<i>m'ава</i> x1
81.	Нижние Сиры	1	ташт.		<i>m'ава</i> x3
82.	Кызылсуг	4	шор.		<i>m'ава</i> x2, <i>s'ава</i> x8, <i>'ава</i> x8
					<i>m'ава</i> x4, <i>та:</i> x2
					<i>m'ава</i> x6
					<i>m'ава</i> x4

83.	Малая Сея	3	ташт.		<i>m'ava</i> x3
					<i>m'ava</i> x10, <i>тава</i> x2, <i>'аве</i> x1
					<i>m'ava</i> x3 (спонтанно), <i>тава</i> x1, <i>сава</i> x1 (изолированно), <i>'ава</i> x1
84.	Мурты	1	бельт.? ташт.		<i>m'ava</i> x3
85.	Шепчул	5	ташт.	<i>m'ige</i> x1, <i>m'ege</i> x2	
				<i>m'ige</i> x2	<i>m'ava</i> x5, <i>'аве</i> x2
				<i>m'ige</i> x1, <i>m'iga</i> x1	
					<i>m'ava</i> x6
86.	Сигиртуп	2	ташт.		<i>m'ava</i> x1
					<i>m'ava</i> x9, <i>'ава</i> x2, <i>s'ava</i> x2
					<i>m'ava</i> x10, <i>'ава</i> x1
87.	Матур	4	шор.		<i>m'ava</i> x12, <i>'ава</i> x5
					<i>та:</i> x1, <i>m'ava</i> x2
					<i>m'ava</i> x4
					<i>s'ava</i> x2, <i>m'ava</i> x9
88.	Нижний Матур	3	шор.		<i>m'ava</i> x1
					<i>m'ava</i> x10, <i>s'ava</i> x1, <i>ol'ava</i> x2
					<i>'аве</i> x1, <i>m'ava</i> x3, <i>тава</i> x1, <i>s'ava</i> x2
			ташт.		<i>m'ava</i> x12, <i>s'ava</i> x3, <i>ol'ava</i> x1
89.	Шора	1	шор.		<i>m'ava</i> x16, <i>ol'ava</i> x1, <i>s'ava</i> x1
90.	Анчул	9	шор.		<i>m'ava</i> x15, <i>s'ava</i> x2, <i>'ава</i> x1
					<i>та:</i> x4, <i>m'ava</i> x3, <i>тава</i> x4, <i>s'ava</i> x1
					<i>тава</i> x3, <i>m'ava</i> x8, <i>s'ava</i> x1
					<i>m'ava</i> x2, <i>s'ava</i> x1
					<i>m'ava</i> x5, <i>ава</i> x1, <i>s'ava</i> x1
					<i>m'ava</i> x9, <i>та:</i> x1, <i>s'ava</i> x3, <i>'ава</i> x1
					<i>m'ava</i> x4, <i>тава</i> x2, <i>s'ava</i> x4, <i>'ава</i> x2
					<i>m'ava</i> x3
91.	Агаскыр	2	кыз.	<i>m'æga</i> x5	
				<i>m'æga</i> x4	
92.	Гидро	1	кыз.	<i>m'æga</i> x2	
93.	Кирово (Ширинский р-н)	3	кыз.	<i>m'æge</i> x3	
				<i>m'æge</i> x1, <i>m'æge</i> x3, <i>s'æge</i> x1	
				<i>ме:</i> x1	
94.	Камышта (Красноярский край)	1	кыз.	<i>m'æge</i> x9, <i>m'æ:</i> x5, <i>ме:</i> x1	
95.	Подкамень	2	кыз.	<i>m'æge</i> x10, <i>m'æ:</i> x5, <i>s'æge</i> x1, <i>s'æ:</i> x1	<i>ана:ва</i> x1
				<i>m'æge</i> x10, <i>m'æga</i> x5, <i>m'æ:</i> x2, <i>s'æge</i> x1, <i>s'æ:</i> x1	<i>ана:ва</i> x1
96.	Сарала	4	кыз.	<i>m'æge</i> x2	
				<i>m'æga</i> x2	
				<i>m'æga</i> x4, <i>m'æ:</i> x4, <i>s'æ:</i> x1	
				<i>m'æge</i> x5, <i>s'æge</i> x1	<i>ан'ава</i> x 2
97.	Чебаки	1	кыз.	<i>m'æga</i> x8, <i>m'æ:</i> x8, <i>s'æ:</i> x3	<i>ан'ава</i> x2, <i>olan'ava</i> x1
98.	Талкин Ключ	2	кыз.	<i>m'æga</i> x3	
				<i>m'æga</i> x5	
99.	Тарча	1	кыз.	<i>m'æga</i> x20, <i>m'æ:</i> x6, <i>s'æga</i> x2, <i>s'æ:</i> x1	<i>ана:ва</i> x3, <i>ана:</i> x1
100.	Белый Балахчин	5	кыз.	<i>m'æga</i> x13, <i>s'æge</i> x4, <i>s'æ:</i> x2	
				<i>m'æge</i> x3, <i>m'æ:</i> x1	
				<i>m'æ:</i> x2, <i>m'æge</i> x11, <i>s'æge</i> x3	<i>ана:ва</i> x5
				<i>m'æga</i> x2, <i>m'æ:</i> x1	<i>ана:ва</i> x2
101.	Устинкино	4	кыз.	<i>m'æ:</i> x11, <i>m'æga</i> x13, <i>s'æge</i> x1	
				<i>m'æga</i> x2, <i>m'æ:</i> x1	
				<i>m'æge</i> x2	
				<i>m'æga</i> x9, <i>m'æ:</i> x3, <i>s'æga</i> x2	<i>ана:ва</i> x1
102.	Черное Озеро	6	кыз.	<i>m'ega</i> x6, <i>mege</i> x1, <i>m'e(ʁ)a</i> x2, <i>ме:</i> x5, <i>m'æga</i> x1	
				<i>m'æge</i> x3	
				<i>m'æga</i> x3, <i>m'æ:</i> x1	
				<i>m'æga</i> x2, <i>m'æ:</i> x1	
				<i>m'æga</i> x2, <i>ме:</i> x1	
				<i>m'æ:</i> x3, <i>m'æga</i> x2	<i>ана:ва</i> x2

2. Историческое развитие дативных форм личных местоимений единственного числа и оппозиция по заднерядности / переднерядности

Согласно [Erdal 2004: 192], древнетюркские местоимения 1–2 sg имели вид *bän / män* ‘я’, *sän* ‘ты’. В их парадигме заднерядная гласная нижнего подъема *a* присутствует в основе лишь в дательном (*baŋa / maŋa, saŋa* < **män-gA, *sän-gA*) и направительном (*baŋaru / maŋaru, saŋaru* < **män-gAru, *sän-gAru*) падежах.

Считается, что изменение переднерядной гласной прямой основы на заднерядную в косвенной основе датива (*ä* > *a*) могло произойти под влиянием велярного согласного, содержавшегося в клитике *-Ga*, имеющей значение направления, которая со временем переосмыслилась как аффикс датива [СИГТЯ 2002: 153 и далее] (о слове *gar* ‘направление’ см. [Боргояков 1976: 78 и далее]). Но, будучи исторически самостоятельным словом, клитика не подчинилась сингармонизму, а, напротив, вызвала регрессивную ассимиляцию (*bän + -Ga* > *baŋa*).

Фонетическими рефlekсами древнетюркских *maŋa, saŋa* в современном хакасском выступают *така* или *тā* [СИГТЯ 2002: 534–535]. В ряде тюркских языков в рамках процессов парадигматической унификации возникают новообразования – **men-GA* > *меҗе, mege, *sen-GA* > *сеҗе, sege*, – полученные по аналогии с остальными формами падежной парадигмы, так как основы местоимений 1–2 sg (*мин, син*) исходно переднерядны [СИГТЯ 1988: 250]. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что среди репрезентаций основы 3 sg отсутствует переднерядный вариант, так как и прямая (*ол*), и косвенная (*ан-*) его основы исходно заднерядные [Erdal 2004]. В тюркоязычных памятниках не встречается надежных свидетельств местоименных переднерядных форм в дательном падеже.

В [Erdal 2004] лично-указательное местоимение 3 sg ‘он, тот’ для древнетюркского языка представлено в виде *ol*, форма датива – *aŋar / aŋa* [Erdal 2004: 199]. В [СИГТЯ 1988: 229 и далее] реконструируется косвенная основа лично-указательного местоимения ‘тот, он’ в виде двух диалектных вариантов **on ~ an* в ранне- и позднепратюркском. Косвенные основы для дательного падежа у местоимения ‘тот, он’, как и у местоимения ‘этот’, отличаются большим разнообразием по языкам. Для хакасского языка дативная основа 3 sg выглядит как **a-* без основообразующего элемента *-n* при прямой основе *ol*: *ава*: [Там же: 230]. О том, как варьирует дативная основа 3 sg в шорском и кызыльском диалектах хакасского, см. в п. 5. Формы 3 sg естественным образом не затронуты парадигматической унификацией по рядности.

3. Обзор форм дательного падежа личных местоимений 1–3 sg по диалектам

3.1. Качинские дативы

В качинском диалекте, лежащем в основе литературной нормы, дативы личных местоимений ед. ч. безальтернативно представлены заднерядными вариантами со вторым ударным слогом: *тав'а, сав'а, ав'а*. Из 387 качинских форм зафиксировано всего две стяженные односложные (*та:*, *са:*), то есть примерно 0,5 %. Качинские экспедиционные материалы практически по всем населенным пунктам не демонстрируют расхождений с данными [ДХЯ 1973].

Мака, как было сказано выше, является наиболее архаичной формой, в современном хакасском языке она является рефлексом пратюркского *maŋa, saŋa* (ср. **män-gA, *sän-gA*) [Erdal 2004: 192].

3.2. Сагайские¹² дативы

Сагайские дативы (включая бельтирский говор) максимально разнообразны. Они представлены формами с переднерядной и заднерядной гласной, с долгой либо краткой гласной в первом либо во втором слоге: *така:*, *та:ка, меҗе:*, *тиҗе:*, *те:ге* (а также *ти:ге*).

При опросе сагайских информантов в экспедиционных материалах зафиксировано 577 местоименных форм 1–3 sg в дательном падеже. Заднерядных форм со вторым долгим слогом (*така:*, *сава:*, *ава:*) насчитывается 148 (из них в 15 случаях информанты признали, что *така:* – это литературный вариант, а в их селении говорят либо *меҗе:*, либо *те:ге*). Форм *та:ка, са:ка, ав:ка* с долгим первым слогом – 20. Стяженных односложных заднерядных форм не встретилось,

¹² Поскольку сагайский и бельтирский материал не дает систематических различий по дативам личных местоимений, формы сагайского диалекта мы рассматриваем вместе с формами его бельтирского говора.

переднерядных (*me:*, *se:*) зафиксировано 5. Переднерядных форм 1–2-го л. насчитывается 369, из них 221 форма с долготой 1-го гласного (*m'ege*, *s'ege*).

По результатам опросов обнаружилось всего два сагайских населенных пункта, где все зафиксированные местоименные дативные формы представлены только заднерядным вариантом (*та:ка:*): Мурты – 1 информант, Печегол – 2 информанта, оба недавние выпускники школы. В большинстве сагайских и бельтирских сёл (27 из 46) зафиксированы переднерядные дативы (*me:ge*, *mege:*). В 17 сёлах наряду с переднерядными версиями представлены и заднерядные (*me:ge*, *mege:*, *та:ка:*).

Для сагайского диалекта и его бельтирского говора в качестве исконных форм дательного падежа личных местоимений 1–2 sg можно назвать переднерядные варианты *mege:*, *mige:*, *sege:*, *sige:*. Инновационные формы *me:ge*, *se:ge*, скорее всего, развились в результате стяжения основы (*mege* > *me:*) и наращения второго аффикса датива с сохранением долготы первого стяженного гласного (*me:* + *-ge* > *me:ge*). Чаще всего в речи информантов одного села, а часто и в речи одного и того же информанта они смешиваются с формами со вторым долгим *e:*.

Заднерядные версии 1–2 sg с долготой первого гласного (*та:ка*, *са:ка*) немногочисленны (20 примеров). Они сосредоточены в с. Верхняя Тёя и Отты, находящихся на границе распространения двух диалектов – сагайского (с бельтирским говором) и шорского. В речи одного и того же информанта могут смешиваться с *me:ge*, *se:ge* и *та:ка:*, *са:ка:*. Информанты из Печени и Полтакова (оба с высшим образованием), давшие единичные примеры произнесения *та:ка*, *а:ка*, в остальном склонялись к литературной норме. По всей вероятности, форма *та:ка* в с. Верхняя Тёя и Отты – это результат влияния шорского диалекта.

Отметим, что хакасские диалектологи 60-х гг. XX в. не обнаруживали в сагайском и бельтирском заднерядных форм с долготой второго гласного. Вероятнее всего, эти формы – явление последних десятилетий, они являются результатом влияния литературного хакасского языка, проникающего через школьное образование и СМИ.

На основе сагайских форм *маага*, *мееге*, *саага*, *сееге* Д. Патачакова [ДХЯ 1973: 42] делает вывод о вероятном наличии в этом диалекте форм «двойного датива»¹³. Действительно, судя по пространственному и временному распределению односложных стяженных форм и двусложных форм с первым долгим *a:* или *e:*, вторые являются инновацией, полученной путем надстройки стандартного дативного окончания на односложную стяженную форму. В качестве косвенного доказательства можно привести правило сегментных преобразований, выведенное нами в [Дыбо и др. 2019], о том, что если морфонема *Г* находится в позиции перед долгим гласным или после него, то не выпадает, оказавшись в интервокальной позиции: «Все *Г*, имеющиеся в условной записи словоформы... и оказавшиеся в интервокальной позиции, выпадают, а окружающие их гласные стягиваются в одну долгую... Исключение: если предшествующая или следующая за *Г* гласная долгая (то есть двойная или *и*, *о*, *ö* непервого слога исконного слова), выпадения и стяжения не происходит: *салаа* ‘палец’ + *Га* Dat > *салаага* ‘пальцу’, *кõзõ* ‘сучок’ + *Ге* Dat > *кõзõге* ‘сучку’, *пызо* + *Га* Dat ‘теленка’ > *пызога* ‘теленку’, *пар* ‘идти’ + *и* Dur + *Ган* Past > *париган* ‘уходил’» [Дыбо и др. 2019: 60].

Таким образом, формы с первым долгим слогом в диалектах хакасского языка возникли в результате стяжения исходной формы датива после выпадения интервокального *G*: *таGA*, *меGA* > *та:*, *ме:* и в процессе последующего наращения второго аффикса дательного падежа: *та:*, *ме:* + *-GA* > *та:ка*, *меге*.

3.3. Шорские и таштыпские дативы

Ситуация в шорском диалекте по экспедиционным данным в основном совпадает с данными Н. Н. Межековой [ДХЯ 1973: 59]. Долгим в преобладающем количестве случаев является первый слог (*та:ка*, *са:ка*, *а:ка*). Эта долгота восходит к надстройке над стяжением второго дативного аффикса.

В шести обследованных сёлах с шорским диалектом (Матур, Нижний Матур, Тлачик, Анчул, Кызылсуг, Верх-Таштып) и пяти сёлах с таштыпским говором (Малая Сея, Верхние и Нижние

¹³ «Формы *маага*, *мееге*, *саага*, *сееге*, *аага*, *анаага*, можно полагать, образовались в результате повторения аффиксов дательного падежа в одном и том же слове. Повторение однозначных аффиксов в одном слове известно в тюркских языках, в том числе и в хакасском» [ДХЯ 1973: 42].

Сиры, Сигиртуп, Шепчул), не дающим систематических различий с шорским в отношении датива, зафиксированы 304 примера форм 1–3 sg дательного падежа, из них 9 односложных стяженных форм 1–2 sg. В случае шорского и таштыпского формы 3 sg приняты к рассмотрению, так как показательной для этих диалектов является долгота первого слога, которая, в отличие от сагайского и качинского, отмечена и в 3 sg. Здесь фиксируются только заднерядные варианты. Долгим в подавляющем количестве случаев является первый слог (*та:ка, са:ка, а:ка*). Только в 25 случаях из 304 обнаружена долгота второго слога. Подобные примеры характерны для речи информантов с высшим образованием или тех, кто подолгу живет в городе. По всей видимости, формы вида *така:* в шорском и таштыпском диалектах являются результатом влияния литературного языка.

Ситуация с местоимениями 3 sg рассмотрена в п. 5.

В звуковых материалах шорского диалекта встретилось относительно немного (но заметно больше, чем в сагайском и качинском) моносиллабических стяженных форм (*та:*, *са:*).

3.4. Кызыльские дативы

Кызыльские формы дательного падежа 1–2 sg представлены переднерядным вариантом (*та:ге, са:ге*) с широким передним долгим *æ*: в первом слоге. Зафиксированы 264 примера произнесений этих форм (включая 73 односложных стяженных формы) и 21 пример формы 3 sg. «В абсолютном начале слова и первом слоге *э* произносится как очень широкий звук, близкий к гласному *а* с мягким оттенком. В последующих слогах, как и в хакасском языке в целом, это полуширокий переднерядный звук» [Патачакова 1995: 9].

Широкому кызыльскому *æ* в хакасском литературном соответствует *i* нормальной долготы: кыз. *тап* ‘я’, *сап* ‘ты’ – хак. лит. *мин, син*. Гласный второго слога может не подчиняться рядной гармонии (*та:гв*).

В кызыльском долгота гласного первого слога также восходит к надстройке над стяжением, моносиллабических стяженных форм зафиксировано больше, чем во всех прочих диалектах хакасского языка, но это формы только 1–2 sg *та:*, *са:* (73 из 263). Однако по данным диалектологов середины XX и конца XIX вв. [Radloff 1868; Castren 1857; ДХЯ 1973], в прошлом и позапрошлом веке их было значительно больше, они охватывали и формы 3 sg. Об односложных стяженных формах и о ситуации с кызыльскими местоимениями 3 sg см. п. 5.

3.5. Выделение различительных признаков для карты распространения заднерядных и переднерядных дативных форм с долготой 1-го и 2-го слога

На основании рассмотренных выше оппозиций по рядности (п. 2) и долготе гласной 1-го либо 2-го слога (п. 4) выделяются различительные признаки для карты (см. рис. 4 на с. 141)¹⁴ заднерядности / переднерядности и долготы 1–2-го слога в местоименных дативах для диалектов хакасского языка:

1) вариант основы с заднерядным *а* (*така:*, *та:ка*) vs основы с переднерядным *е* (*меге:*, *те:ге*) (без учета форм 3 sg, всегда выступающих с заднерядным гласным);

2) оппозиция «долгота 1-го слога vs долгота 2-го слога», то есть предположительный «двойной датив» vs его отсутствие.

4. Моносиллабические стяженные дативные формы

Для моносиллабических стяженных форм вида *та:*, *те:*, *са:*, *се:* построена отдельная карта (см. рис. 5 на с. 142); по сравнению с двусложными дативами они оказались относительно малочисленны (5,8 % от общего количества форм).

Моносиллабические стяженные дативные формы вида *та:*, *те:*, *са:*, *се:* (результат выпадения звонкого *G* в интервокальной позиции *таGA, меGA > та:*, *те:*) в сагайском полевым материале встречаются редко: 5 случаев из 577 (3 *те:* и 2 *се:*), то есть менее 1 %; в качинском стяжений всего 2 (*та:*, *са:*) из 387 (0,5 %); в шорском их уже 9 (*та:*) из 304, то есть 3 %. В кызыльском диалекте односложные стяженные формы 1–2 sg (*та:*, *са:*) относительно частотны. Их отмечено 73 из 263, то есть почти 28 %. В речи небольшого числа кызыльских информантов такие формы преобладают, однако наряду с ними все равно употребляются и двусложные

¹⁴ В основу всех нижеследующих карт легли данные, приведенные в таблице 4 (см. с. 130–134).

нестяженные. Все односложные стяженные формы зафиксированы только для дативов личных местоимений 1–2 sg, для 3 sg их не встретилось.

Ситуация с односложными стяженными формами датива личных местоимений в хакасских диалектах и говорах была иной еще в середине XX в. Хакасские диалектологи фиксируют стяжения для форм 1–3 sg (*маа*, *мее*, *саа*, *сее*, *аа*) во всех диалектах, за исключением литературного языка [ДХЯ 1973; Патачакова 1995; Боргояков 1976].

Н. Г. Доможаков, описывая кызыльский диалект, указывает: «При склонении личных местоимений в дательном падеже ед. ч. в кызыльском будет *мэ* ‘мне’, *сэ* ‘тебе’, *а* ‘ему’» [Доможаков 1949: 10].

В. Радлов фиксировал стяженные односложные дативные формы в говоре кызыльцев Черного Июса, где им был записан эпос «Сюдэй Мерген и Чолтай Мерген» [Radloff 1868 2: 1]:

мā 609/373¹⁵, 612/482, 621/786, 626/923, 628/1038, 633/1198, 639/1415–16 (8 вхождений);

сā 639/1415–17 (3 вхождения);

сā 645/1596 (1 вхождение);

сā 639/1417, 1425 (3 вхождения);

ā 602/155, 604/224 (2 вхождения).

Можно заметить, что В. Радлов нерегулярно проставляет долготу над гласными переднерядных форм (*сā*, *сā*). Наряду с моносиллабическими формами *мā* и *ā* в тексте эпоса присутствуют также нестяженные *маба* (609/378) и *ана*¹⁶ (619/735, 619/737, 630/1092).

Правда, диалектные черты, которые считаются сегодня характерными для кызыльского диалекта, у рассказчика эпоса сильно разбавлены сагайскими и качинскими, так что представляется затруднительным определить идиолект рассказчика как чисто кызыльский.

По подсчетам, произведенным в электронном корпусе хакасского языка над материалами Н. Ф. Катанова, которые были собраны им в 1878–1892 гг., из 238 форм дательного падежа сагайских и качинских личных местоимений, стяженных форм (*мā*, *мā*, *сā*, *ā*) было 63 (26,5 %). А. Кастрен [Castren 1857: 21] также засвидетельствовал стяженные формы 1–3-го л. *mā*, *mā*, *sā*, *sā* в койбальском говоре качинского диалекта за 50 лет до Н. Ф. Катанова.

Различительные признаки, выделенные для карты односложных и двусложных стяжений:

1) односложные основы 1–2 sg с заднерядным *а* (*та:*) vs основы с переднерядным *е* (*те:*);

2) двусложные основы 1–2 sg с заднерядным *а* (*та:ва*) vs основы с переднерядным *е* (*те:ге*).

5. Диалектные формы датива 3 sg

Максимальное разнообразие приходится на формы дательного падежа личных местоимений 1–2 sg *мин* ‘я’, *син* ‘ты’; 3 sg *ол* ‘он’ получает меньше фонетических вариантов, будучи представлено только заднерядной версией. Распределение дативных форм местоимений 3 sg показано на отдельной карте (см. рис. 6 на с. 143).

Для местоимения 3 sg *ол* ‘он’ нормой в хакасском литературном, а также в сагайском и качинском диалектах считается форма дательного падежа *ава:*. До недавнего времени во всех диалектах фиксировалась та же стяженная форма *а:* (см. табл. 3 на с. 129), но в материалах экспедиций Института языкознания РАН она не встретилась ни разу.

В шорском диалекте датив 3 sg принимает форму *ава:*. Вслед за хакасскими диалектологами мы считаем, что это результат удвоения аффикса датива, нарощенного на стяжении.

Также в шорском диалекте регулярно встречается форма *ола:ва* – дативная форма местоимения присоединяется к прямой основе *ол* (ср. аналогичную кыз. форму *олана:ва*).

Обращает на себя внимание кызыльская форма *ана:ва*, которая у опрошенных кызыльских информантов является единственной формой дательного падежа для 3 sg. Она упоминается в работах хакасских диалектологов середины XX в. [Патачакова 213: 6] наряду с формой *анаа*. В наших полевых материалах *ана:* фиксируется лишь однажды у информантки из с. Тарча. В работе Н. Г. Доможакова, посвященной кызыльскому диалекту, упомянута единственная форма датива 3 sg *а* без указания на долготу либо стяжение (как, впрочем и формы 1–2 sg): «При склонении личных местоимений в дательном падеже ед. ч. в кызыльском будет *мэ* ‘мне’, *сэ* ‘тебе’, *а* ‘ему’» [Доможаков 1949: 10].

¹⁵ Первая цифра – номер страницы по [Radloff 1868 2, 1], вторая цифра – номер строки эпоса.

¹⁶ О форме вида *ана* см. в п. 5.

О развитии кызыльского *анаага*: *анаа* [= *анá*] (*ана* без долготы см. у В. Радлова [Radloff 1868: 2]) кажется похожим на форму притяжательного датива ¹⁷ (о посессивном склонении существительных см., например, в статье [Дыбо и др. 2023]) ¹⁸. *Анаага* скорее всего исторически является формой с «двойным дативом», содержащей два аффикса дательного падежа, один из которых (-*А*) пришел из притяжательного склонения, а второй (-*ГА*) – из простого, будучи добавлен по аналогии ¹⁹. Единственный раз у кызыльского информанта из с. Чебаки встречается вариант 3 sg *олана:ка* [*ифтер анда, где-то оланага купила пижези* ‘дома там, где-то ему купила сестра’] (модель, аналогичная шорскому *ол=а:ка*).

Различительные признаки для карты дативов 3 sg (см. рис. 6 на с. 143):

- 1) оппозиция «долгота 1-го слога vs долгота 2-го слога» (*ава:* vs *а:ва*), то есть предположительный «двойной датив» vs его отсутствие;
- 2) форма датива из посессивного склонения (*ана:*);
- 3) совмещение двух аффиксов датива из посессивного и простого склонения (*ана:ка*);
- 4) сращение прямой и косвенной основ (*ола:ка, олана:ка*).

Заключение

Полевые материалы, собранные в Хакасии в первой четверти XXI в., дают основания выделить следующие формы дательного падежа для личных местоимений 1–3 sg *мин* ‘я’, *син* ‘ты’, *ол* ‘он’ в диалектах хакасского языка (см. табл. 5 на с. 140).

1–2 sg

1) *тава:*, *сава:* – эти формы отмечены по всему качинскому ареалу и, довольно непредсказуемо, по сагайскому: в Бейском, Таштыпском, Аскизском р-нах – везде в сочетании с переднерядными вариантами в пределах одного населенного пункта;

2) *та:ва, са:ва; та:, са:* – эти формы характерны для шорского и таштыпского диалектов хакасского языка и распространены в Таштыпском р-не республики (*та:ва, са:ва, а:ва* также встречаются в сагайских селах Верхняя Тёя и Отты);

3) *те:ге, се:ге; те:, се:* (редко) – отмечены в сагайском диалекте хакасского (в Аскизском р-не) и его бельтирском говоре (Аскизском и Таштыпском р-нах);

4) *тæ:ге, sæ:ге; тæ:, sæ:* с широким передним æ – эти формы ярко характеризуют кызыльский диалект, не встречаясь практически нигде за пределами его ареала (Ширинский и Орджоникидзевский р-ны Хакасии (бассейн р. Июс), частично – в Ужурском р-не Красноярского края).

3 sg

1) *ава:* – форма, повсеместно распространенная в сагайском и качинском диалектах; сравнительно редко встречается в шорском ареале, скорее является для него результатом заимствования; в кызыльском диалекте зафиксированы единичные случаи;

6) *а:ва, ола:ва* (редко) – форма, наиболее частотная для шорского диалекта, практически не встречается за пределами шорского ареала;

7) *ана:ва, олана:ва* (редко), *ана:* – кызыльские формы, встречающиеся в кызыльском наряду с литературной формой *ава:*.

¹⁷ Ср. простой датив *атха* ‘лошади’ (*ат-ха* ‘лошадь-Dat’) и притяжательный датив *адына* ‘его лошади’ (*ат-ы-(н)а* ‘лошадь-3pos-Dat’).

¹⁸ Географическому распределению различных форм датива посессивного склонения посвящена отдельная карта.

¹⁹ Ср.: «Местоимение *ол* ‘он’ в дательном падеже имеет формы *анаа* и *анаага* (лит. *агаа*), т. е. к первичной форме дательного падежа *анаа* ‘ему’ повторно прибавляется падежный аффикс *-га* (*анаага*)» [Патачакова 1995: 6].

Таблица 5
Table 5

Варианты форм дательного падежа в хакасских диалектах согласно данным лингвистических экспедиций Института языкознания РАН 2015–2022 гг.
Variants of dative case forms in Khakas dialects according to the data of linguistic expeditions of the Institute of Linguistics, RAS, 2015–2022

Лицо, число	Диалекты и говоры хакасского языка				
	Кызыльский	Качинский	Сагайский	Бельтирский	Шорский
1 sg		<i>тава</i>	<i>тава:</i>	<i>тава:</i>	
			<i>та:ва</i> (В. Тёя, Отты)		<i>та:ва</i>
	<i>тæ:ge</i>		<i>те:ge</i>	<i>те:ge</i>	
	<i>тæ:</i>		<i>те:</i>	<i>те:</i>	<i>та:</i>
			<i>миге:</i>	<i>миге:</i>	
2 sg		<i>сава</i>	<i>сава:</i>	<i>сава:</i>	
			<i>са:ва</i> (В. Тёя, Отты)		<i>са:ва</i>
					<i>са:</i>
	<i>сæ:ge</i>		<i>се:ge</i>	<i>се:ge</i>	
	<i>сæ:</i>		<i>се:</i>	<i>се:</i>	
3 sg			<i>сиге:</i>	<i>сиге:</i>	
	<i>ана:</i>	<i>ава:</i>	<i>ава:</i>	<i>ава:</i>	<i>а:ва</i>
	<i>ана:ва</i>				
	<i>олана:ва</i>				

Сравнивая эту таблицу с данными хакасских диалектологов середины XX в. (см. табл. 2 на с. 128), а также с сагайскими, качинскими, кызыльскими формами XIX в., приведенными в работах В. Радлова и Н. Ф. Катанова, можно отметить следующие изменения в формах местоименных дативов.

1. Уменьшение количества моносиллабических стяженных форм. Бросается в глаза значительное сокращение использования моносиллабических стяженных форм в сагайском диалекте и бельтирском говоре, вплоть до почти полного их исчезновения. В XIX в. они отмечались Н. Ф. Катановым, сравнительно много было таких форм для датива местоимения 3 sg. По данным хакасского диалектного корпуса, в текстах Н. Ф. Катанова насчитывается: *ā* – 44 из 142 форм 3 sg (31 %), *мā*, *мā̄* – 17 из 41 формы 1 sg (41 %), *сā̄* – 1 вхождение (только в бельтирском). Диалектологи 60-х гг. XX в. без указания процентного соотношения отмечают моносиллабические дативные формы *маа*, *саа* в качинском, *маа*, *мее*, *саа*, *сее*, *аа* в сагайском, *мее*, *сее*, *аа* в бельтирском. В экспедиционных записях Института языкознания 2015–2022 гг. моносиллабических дативов 1 и 2 sg в сагайском, бельтирском и качинском исчезающе мало (в качинском – 0,5 %, в сагайском и бельтирском – 0,8 %). В шорском диалекте хакасского моносиллабические дативные формы *маа*, *саа*, *аа* отмечаются диалектологами 60-х гг. XX в. также без указания процентного соотношения с бисиллабами; в наших полевых записях их менее 3 % (также только 1 и 2 sg). Только в кызыльском полевом материале сравнительно большое количество дативов 1–2 sg – почти 28 %. Односложных стяженных дативных форм 3 sg нам не встретилось ни в одном из обследованных хакасских диалектов и говоров.

2. Рост употребления форм с двойным дативом. Второе заметное изменение также связано с односложными стяженными формами – это наращение второго аффикса датива, происходящее в настоящий момент (это позволяет предположить, куда исчезли односложные дативы вида *та:*, *са:*). В том же кызыльском диалекте носители часто употребляют односложную стяженную форму *тæ:* наряду с двусложной формой *тæ:ge*, надстраивая над стяжением второй аффикс датива.

3. Проникновение литературной нормы в диалекты. Еще одно важное изменение, произошедшее в сагайском диалекте и бельтирском говоре, связано с проникновением в них, по всей видимости, из литературного хакасского и из качинского диалекта, заднерядных форм вида *тава:*, *сава:*, не отмечавшихся ни в XIX, ни в середине XX вв.

Изменения почти не коснулись местоименных дативов кызыльского диалекта. По сравнению с состоянием на середину XX в., описанным в [Патачакова 1995], формы личных местоимений дательного падежа практически не изменились, помимо того, что нами в 2020-х гг. в экспедиции была единожды встречена не зафиксированная у Д. Ф. Патачаковой форма 3 sg *олана:ва* – слияние прямой основы местоимения ‘он’ с дативной формой *ана:ва* (см. п. 5). Ситуация с шорскими местоименными дативами по экспедиционным данным Института языкознания РАН соответствует описанию Н. Н. Межековой [ДХЯ 1973: 59].

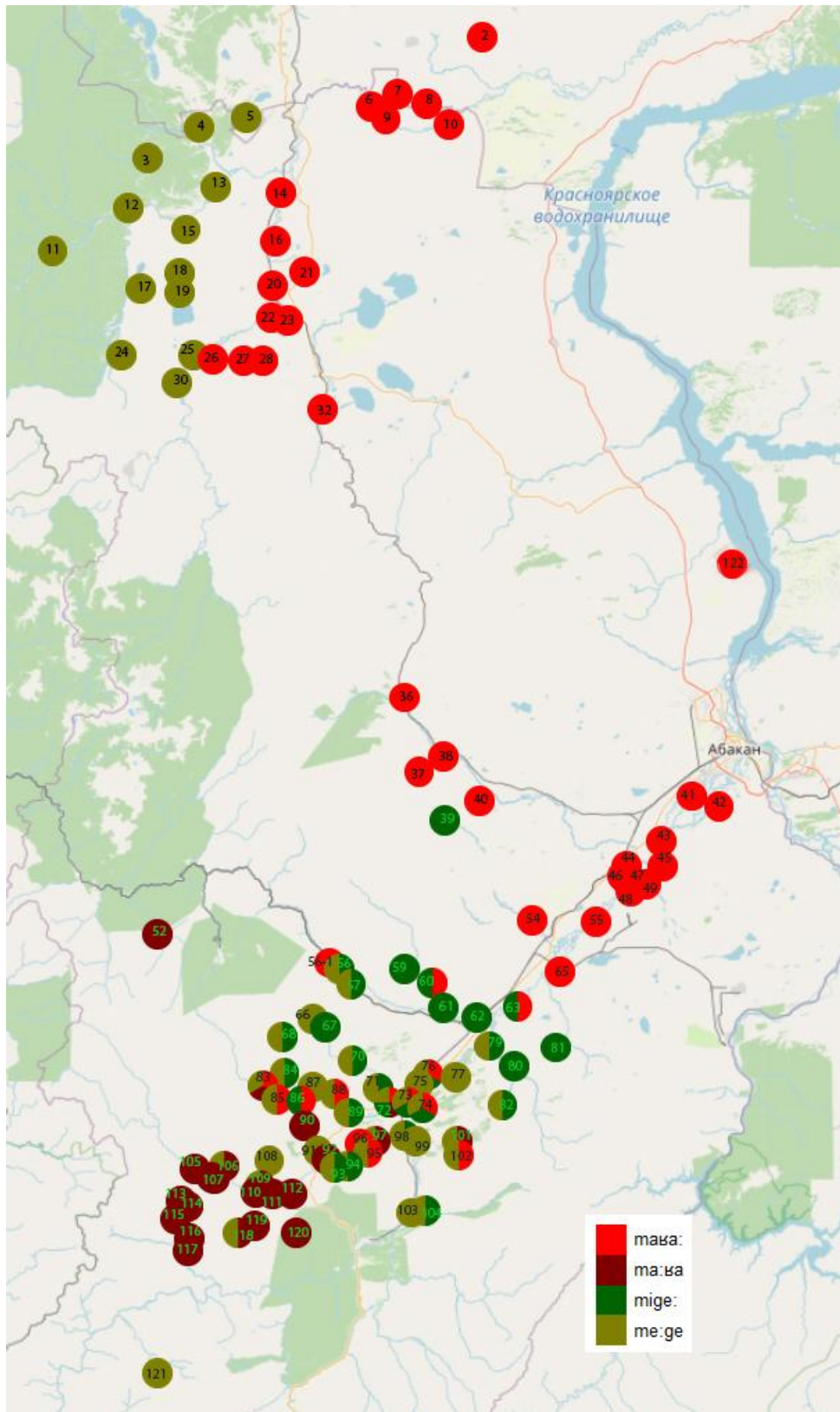

Рис. 4. Карта по признакам заднерядность vs переднерядность и долгота 1-го слога vs долгота 2-го слога для дативов 1–2 sg²⁰

Fig. 4. Map by the features: front vowel versus back vowel variants and long vowel in the 1st syllable vs. long vowel in the 2nd syllable for 1–2 sg

²⁰ <https://turkmaps.org/khakdat/prodativ.html>

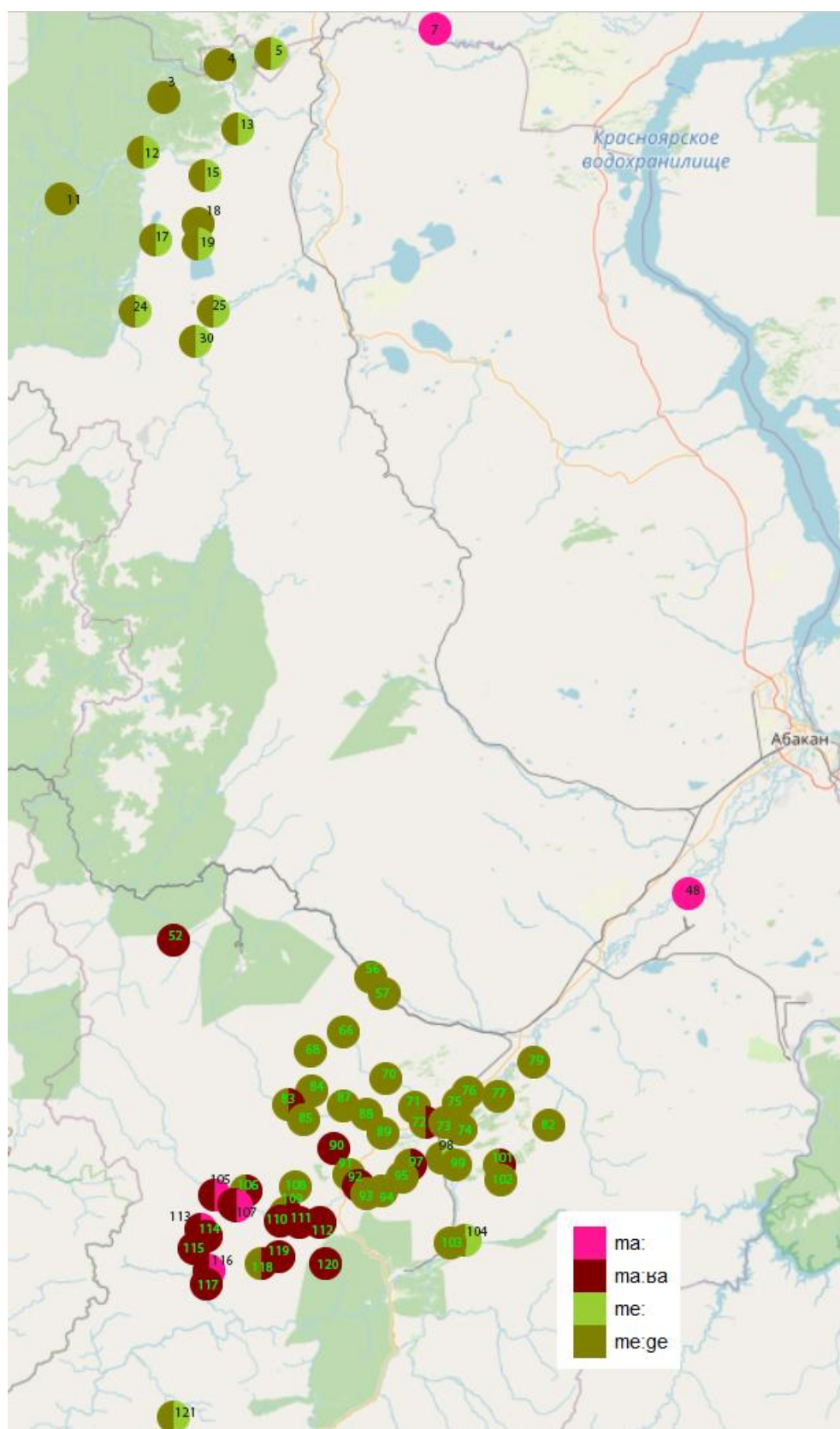

Рис. 5. Карта по признакам долготы первого слога и наличия односложных дативных форм 1–2 sg ²¹

Fig. 5. Map by the features of vowel length in the first syllable and the presence of monosyllabic dative forms for 1–2 sg

²¹ <https://turkmaps.org/khakdat/stydativ.html>

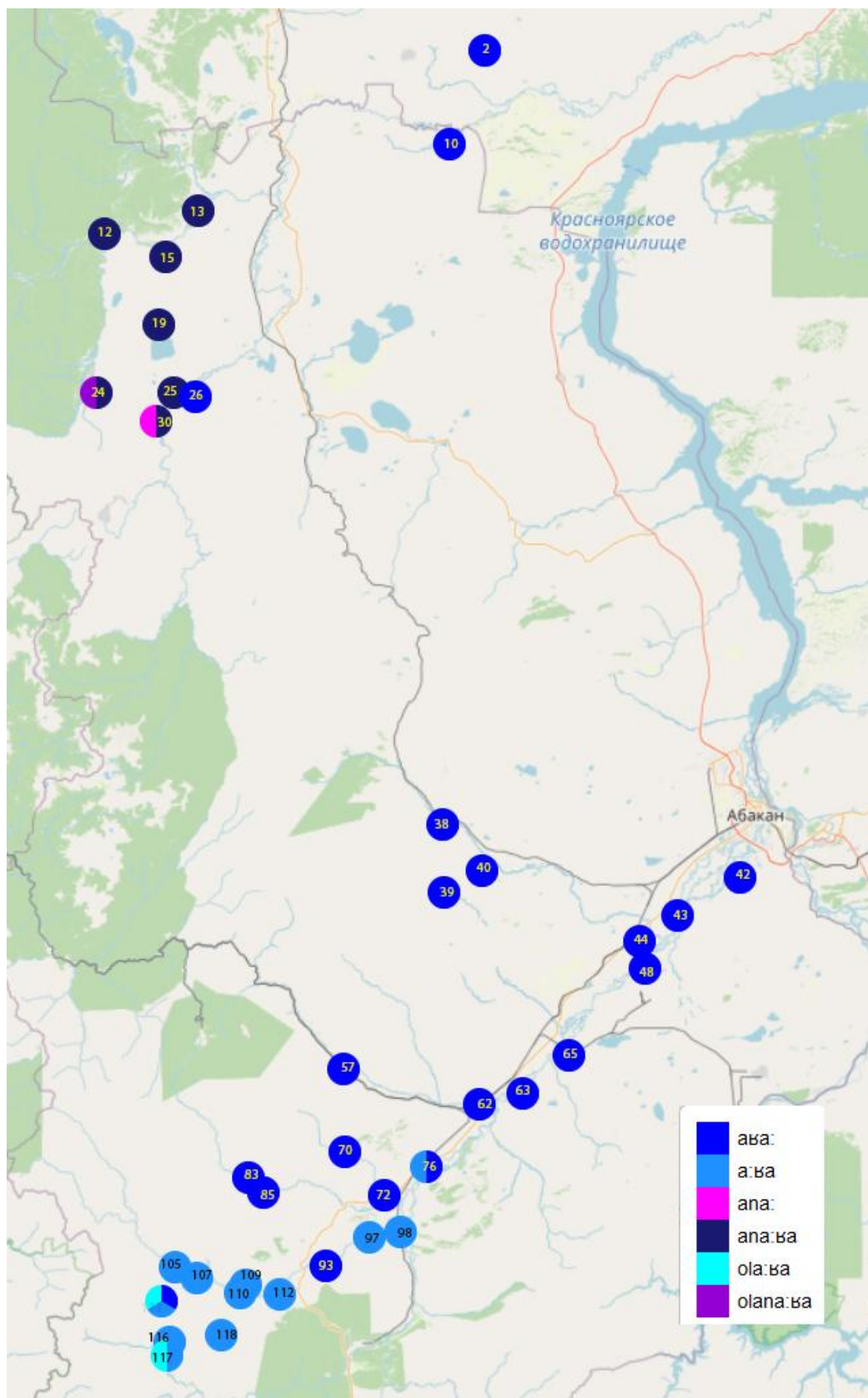

Рис. 6. Карта дативных форм 3 sg по всем хакасским диалектам²²
 Fig. 6. Map of 3 sg dative forms across all Khakas dialects

²² <https://turkmaps.org/khakdat/dativy.html>

Список населенных пунктов

1 – Сартачуль, 2 – Малый Имыш (+ Спирин, бывш.), 3 – Агаскыр, 4 – Костино, 5 – Камышта (Красноярский край), 6 – Новомарьясово, 7 – Конгарово, 8 – Арабкаево, 9 – Горюново, 10 – Мо-настырево, 11 – Орджоникидзевское (=Гидро), 12 – Сарала, 13 – Устинкино, 14 – Кожухово, 15 – Подкамень, 16 – Кобяково, 17 – Кирово (= Ошколь), 18 – Талкин Ключ, 19 – Черное Озеро, 20 – Июс (Красный Июс), 21 – Соленоозерское, 22 – Усть-Фыркал, 23 – Фыркал, 24 – Чебаки, 25 – Белый Балахчин, 26 – Трошкин, 27 – Топанов, 28 – Малый Кобежинов, 29 – Итеменев, 30 – Тарчы (бывш.), 31 – Ефремкино, 32 – Малый Спирин, 33 – Айдарак, 34 – Чалгыстаг, 35 – Хахпан-Сапчан (бывш.), 36 – Усть-Бюр, 37 – Бейка (Усть-Абаканский р-н), 38 – Чарков (=Уйбат), 39 – Камышта (Аскизский р-н), 40 – Аёв, 41 – Сапогов, 42 – Белый Яр, 43 – Райков, 44 – Трояков, 45 – Сартыков, 46 – Доможаков, 47 – Котожеков (бывш.), 48 – Аршаново, 49 – Хызыл-Салда, 50 – Балыкса, 51 – Неожиданный, 52 – Шора, 53 – Сыры, 54 – Усть-Камышта, 55 – Шалгинов, 56 – Улуг-Кичиг, 57 – Казановка, 58 – Верх-Аскиз, 59 – Бейка (Аскизский р-н), 60 – Нижняя База, 61 – Усть-База, 62 – Хызыл Сагай (бывш.), 63 – Койбалы, 64 – Куйбышево, 65 – Чаптыков, 66 – Усть-Хойза, 67 – Кызлас, 68 – Тюрт-Тас, 69 – Картоев, 70 – Сафронов, 71 – Абрамов, 72 – Полтаков, 73 – Усть-Есь, 74 – Усть-Сос, 75 – Бырганов, 76 – Анхаков, 77 – Маткечик, 78 – Кюнюре (=Конура, бывш.), 79 – Усть-Табат, 80 – Усть-Киндирла, 81 – Уты, 82 – Верх-Киндирла, 83 – Верхняя Тёя, 84 – Лырсы, 85 – Отты, 86 – Усть-Чуль, 87 – Илиморов, 88 – Политов, 89 – Нижняя Тёя, 90 – Харой, 91 – Имек, 92 – Нижний Имек, 93 – Бутрахты, 94 – Чиланы, 95 – Карагай, 96 – Печегол, 97 – Печень, 98 – Усть-Таштып, 99 – Большой Монок, 100 – Сартак, 101 – Красный Ключ, 102 – Малый Монок, 103 – Харачуль, 104 – Малые Арбаты (+ Бол. Арбаты), 105 – Анчул (+ Верх-Таштып), 106 – Большой Бор, 107 – Кызылсул (+ Карасул), 108 – Верхний Курлугаш, 109 – Верхние Сыры, 110 – Сигиртуп, 111 – Нижние Сыры, 112 – Малая Сея, 113 – Тлачик, 114 – Тамалык (бывш.), 115 – Балахаташ (бывш.), 116 – Матур, 117 – Нижний Матур, 118 – Шепчуль, 119 – Верхняя Сея, 120 – Мурты, 121 – Кизас (бывш.), 122 – Советская Хакасия.

Список условных сокращений и обозначений

1 sg – 1-е лицо, единственное число; 2 sg – 2-е лицо, единственное число; 3 sg – 3-е лицо, единственное число; белът. – бельтирский; кач. – качинский; койб. – койбальский; кыз. – кызыль-ский; саг. – сагайский; ташт. – таштыпский; шор. – шорский.

Список литературы

- Боргояков М. И. Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке. Абакан, 1976. 160 с.
- ГХЯ 1975 – Грамматика хакасского языка / Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1975. 420 с.
- Доможаков Н. Г. Описание кызыльского диалекта хакасского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 1949. 11 с.
- ДХЯ 1973 – Диалекты хакасского языка / Под ред. Д. Ф. Патачаковой. Абакан, 1973. 160 с.
- Дыбо А. В., Мальцева В. С. Хакаские диалекты: конец XIX в. и начало XXI в. // *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. Iss. 6. Pp. 1353–1367.
- Дыбо А. В., Мальцева В. С., Шеймович А. В. и др. Сегментные правила в автоматическом парсере корпуса хакасского языка // *Урало-алтайские исследования*. 2019. № 1 (32). С. 48–69.
- Дыбо А. В., Мальцева В. С., Шеймович А. В. и др. Структура хакасской словоформы и ограничения на сочетаемость аффиксов в автоматическом парсере хакасского языка // *Урало-алтайские исследования*. 2023. Т. 49, № 2. С. 42–75.
- Дыбо А. В., Шеймович А. В. Автоматический морфологический анализ для корпусов хакасского и древнетюркского языков // *Научное обозрение Саяно-Алтая*. 2014. № 2. С. 9–30.
- Катанов Н. Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань, 1897. 104 с.
- Катанов Н. Ф. (сост.). Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым. СПб., 1907. 659 с. (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Ч. IX.)

СИГТЯ 1988 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988. 560 с.

СИГТЯ 2002 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М.: Наука, 2002. 768 с.

Патачакова Д. Ф. Кызыльский диалект хакасского языка (краткий очерк): пособие для учителя. Абакан: Хакас. книж. изд-во, 1995. 47 с.

Хакасско-русский словарь / Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1953. 488 с.

M. Alexander Castrén's Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre. St. Petersburg, 1857. 210 с.

Erdal M. A grammar of Old Turkic. Leiden: Brill, 2004. 583 p.

Radloff W. Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens. Theil. II. B. 1. SPb., 1868. 434 с.

References

Borgoyakov M. I. *Razvitie padezhnykh form i ikh znacheniy v khakasskom yazyke* [Development of case forms and their meanings in the Khakas language]. Abakan, 1976, 160 p. (In Russian)

Dialekty khakasskogo yazyka [Dialects of the Khakas language]. D. F. Patachakova (Ed.). Abakan, 1973, 160 p. (In Russian)

Domozhakov N. G. *Opisanie kyzyl'skogo dialekta khakasskogo yazyka* [Description of the Kyzyl Dialect of the Khakas Language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Abakan, 1949, 11 p. (In Russian)

Dybo A. V., Mal'tseva V. S. Khakasskie dialekty: konets 19 v. i nachalo 21 v. [Khakas Dialects, Late 19th and Early 21st Centuries]. *Oriental Studies*. 2021, vol. 14, iss. 6, pp. 1353–1367. (In Russian)

Dybo A. V., Mal'tseva V. S., Sheymovich A. V. et al. Segmentnye pravila v avtomaticheskom parsere korpusa khakasskogo yazyka [Segmental rules in the automatic parser for the Khakas corpus]. *Uralo-altayskie issledovaniya* [Ural-Altaic Studies]. 2019, no. 1 (32), pp. 48–69. (In Russian)

Dybo A. V., Mal'tseva V. S., Sheymovich A. V. et al. Struktura khakasskoy slovoformy i ogranicheniya na sochetaemost' affiksov v avtomaticheskom parsere khakasskogo yazyka [The structure of the Khakas word form and restrictions on the compatibility of affixes in the automatic parser for the Khakas language]. *Uralo-altayskie issledovaniya* [Ural-Altaic Studies]. 2023, vol. 49, no. 2, pp. 42–75. (In Russian)

Dybo A. V., Sheymovich A. V. Avtomaticheskii morfologicheskii analiz dlya korpusov khakasskogo i drevnetyurkskogo yazykov [Automatic Morphological Analysis for Khakas and Old Turkic Language Corpora]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* [Sayan-Altaic Scientific Review]. 2014, no. 2, pp. 9–30. (In Russian)

Erdal M. *A grammar of Old Turkic*. Leiden, Brill, 2004, 583 p.

Grammatika khakasskogo yazyka [Grammar of the Khakas Language]. N. A. Baskakov (Ed.). Moscow, 1975, 420 p. (In Russian)

Katanov N. F. *Otchet o poezdke, sovershennoy s 15 maya po 1 sentyabrya 1896 g. v Minusinskiy okrug Eniseyskoy gubernii* [Report on the journey undertaken from May 15 to September 1, 1896, to the Minusinsk District of the Yenisei Province.] Kazan', 1897, 104 p. (In Russian)

Khakassko-russkiy slovar' [Khakas-Russian dictionary]. N. A. Baskakov (Ed.). Moscow, 1953, 488 p. (In Russian)

M. Alexander Castrén's Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre. St. Petersburg, 1857, 210 p.

Narechiya uryankhaytsev (soyotov), abakanskikh tatar i karagasov. Teksty, sobrannye i perevedennye N. F. Katanovym [The dialects of the Uriankhians (Soyots), Abakan Tatars and Karagas. Texts collected and translated by N. F. Katanov]. Katanov N. F. (Comp.). St. Petersburg, 1907, 659 p. (Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, izdannye V. Radlovym [Examples of the folk literature of the Turkic tribes, published by V. Radlov]. Pt. IX). (In Russian)

Patachakova D. F. *Kyzyl'skiy dialekt khakasskogo yazyka (kratkiy ocherk): posobie dlya uchitelya* [Kyzyl dialect of the Khakas language (a brief overview): a teacher's guide]. Abakan, Khakas. knizh. izd., 1995, 47 p. (In Russian)

Radloff W. *Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens*. Theil. II, B. 1, St. Petersburg, 1868.

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Morfologiya [Comparative-Historical Grammar of the Turkic Languages: Morphology]. Moscow, Nauka, 1988, 560 p. (In Russian)

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Regional'nye rekonstruktsii [Comparative-Historical Grammar of the Turkic Languages: Regional Reconstructions]. Moscow, Nauka, 2002, 768 p. (In Russian)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
08.05.2025

Сведения об авторе – Information about the Author

Александра Валерьевна Шеймович – младший научный сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН (Москва, Россия)

Alexandra V. Sheymovich – Junior Researcher, Department of Uralic and Altaic Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

asheimovich@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6363-114X>

О сравнительной функции частицы *-ла* // *-ле* в тувинском языке

А. В. Байыр-оол

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Исследуются сравнительные конструкции с частицей *-ла* // *-ле* в тувинском языке. Сравнительное значение этой частицы реализуется при именах существительных в составе сравнительных оборотов и в позиции сказуемого. Данная частица используется для выражения симулятивных отношений в предметных и событийных сравнениях, в которых параметр сравнения вербализован далеко не всегда. Эта частица употребляется для выражения недостоверного сравнения ('словно'). С ее помощью формируются яркие, эмоционально окрашенные, образные устойчивые сравнения, отражающие культурно обусловленные представления тувинцев.

Ключевые слова

тувинский язык, частица, сравнение, сравнительная конструкция, именное сказуемое, полипредикативная конструкция

Для цитирования

Байыр-оол А. В. О сравнительной функции частицы *-ла* // *-ле* в тувинском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55). С. 147–162. DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-147-162

On the comparative function of the particle *-la* (*-le*) in the Tuvan language

A. V. Bayyr-ool

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

This study examines comparative constructions with the particle *-la* (*-le*) in the Tuvan language. The comparative meaning of the particle under consideration is realized in nouns. The analysis identifies two contexts for its use: with nouns in comparative phrases and in the predicate position. In both types of constructions, the comparison parameter can be expressed either explicitly or implicitly. In sentences with comparative phrases, with the predicate expressed by an adjective, it is the adjective that denotes the parameter aspect. The understanding of the basis of the parameter is typically derived from the lexical meaning of the adjective. When a noun marked with the *-la* (*-le*) particle functions as the predicate, the basis for the parameter is inferred through associations typical of Tuvan culture or via modifiers related to the standard of comparison, whose meanings allow for the construction of a generalized notion of the parameter. The meanings of these definitions allow a generalized idea of the base of the parameter to be constructed. Both structural varieties have variants in which the base of the parameter can be verbalized using parametric nouns such as "magnitude," "weight," "subtlety," and other within an *izafet* construction. The particle concerned is used to express a simulative relationship in subject and event comparisons, where the parameter of comparison is not always verbally expressed. It is also employed to convey unreliable implicit comparison "as if". Furthermore, it serves to form vivid, emotionally charged, figurative stable comparisons that reflect the culturally specific concepts of the Tuvan people.

Keywords

Tuvan language, particle, comparison, comparative construction, nominal predicate, polypredicative construction

© А. В. Байыр-оол, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 3 (iss. 55)

For citation

Bayyr-ool A. V. O sravnitel'noy funktsii chastitsy *-la // -le* v tuvinskom yazyke [On the comparative function of the particle *-la (-le)* in the Tuvan language]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2025, no. 1 (iss. 53), pp. 147–162. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-147-162

Введение

В тувинском языке имеются разные способы выражения сравнения: морфологические (падежные формы и специальные сравнительные показатели), лексические (служебные и полнозначные слова) и синтаксические (именные и глагольные обороты). Многие из средств исследовались в ряде работ [Черемисина, Шамина 1996; Шамина 1990, 2008, 2014, 2022; Шамина, Байыр-оол 2024].

Сравнительные конструкции неоднократно изучались на материале разных тюркских языков – алтайского [Тыбыкова 1988, 1989; Озонова 2023а, 2023б; Озонова, Тыбыкова 2024; Тазранова 2024], хакасского [Султрекова 2017], шорского [Невская 2016, 2019, 2022; Шенцова 2022, 2024], чалканского [Федина, Кошкарева 2023; Федина, Кошкарева, Плотников 2023], якутского [Васильев 1986], казахского [Ескельдиева 2016; Тажибаева и др. 2024] и др.

М. И. Черемисина отмечает, что «именно показатель сравнения, его вхождение в конструкцию, делает содержащий его компонент “компаративным компонентом”, а всю конструкцию – сравнительной конструкцией» [Черемисина 1971: 57].

Сравнительная конструкция имеет сравнительный смысл и состоит из четырех компонентов:

- 1) то, что сравнивается, или «предмет сравнения»;
- 2) то, с чем сравнивается «предмет», то есть «эталон сравнения»;
- 3) показатель сравнительных отношений;
- 4) модуль сравнения, обозначающий общее свойство или признак, на основании которого проводится сравнение [Тыбыкова и др. 2013: 138].

В данной работе мы используем термины и понятия, выработанные в рамках проекта Института филологии СО РАН по сопоставительному описанию сравнительных конструкций в урало-алтайских языках Сибири, относящиеся к плану содержания: CMPR1 – первый компарат (предмет сравнения); CMPR2 – второй компарат (стандарт, эталон сравнения); REL – отношение (суждение о сходстве или различии компаратов); PRM – параметр сравнения (свойства компаратов, являющиеся основанием для их сопоставления), который складывается из совокупности двух признаков: PRM.FUND – основание параметра (свойство компарата, на которое направлено внимание, например, «рост», «цвет», «форма» и т. п.), PRM.ASP – аспект параметра (конкретное качество, проявление которого оценивается, например, «высокий» / «низкий», «красный» / «синий» / «зеленый», «круглый» / «овальный» / «квадратный» и др.); EXP – экспонента (дополнительная характеристика отношения с точки зрения степени сходства или различия – «точь-в-точь», «примерно», «значительно», «на 5 см» и т. п.) [Кошкарева, Плотников 2023]. «Отличием данной терминологической системы от предшествующих является ее семантический характер: в ней исчисляются смысловые компоненты, формирующие отношение сравнения, каждый из которых может быть выражен различными способами – лексическим, морфологическим, синтаксическим – или оставаться невербализованным. Таким образом последовательно разграничивается план выражения и план содержания сравнительных конструкций» [Федина, Кошкарева 2023: 55].

В статье исследуется сравнительное значение многозначной частицы *-ла // -ле (-на // не)*. По происхождению данная частица является первообразной (первичной), ее этимологию на синхронном уровне трудно проследить. Такие элементы языка характеризуются широким кругом функций: кроме выражения различной семантики, они выполняют формообразовательные, словообразовательные и союзные функции. Она употребляется в постпозиции, как большинство служебных частей речи в тюркских языках.

В толковом словаре выделяют следующие ее значения и функции: 1. Выражает усилительное значение; 2. Употребляется для выражения уподобления, сравнения; 3. Выражает ограничительное значение; 4. В сочетании с глагольной формой на *-гай* образует согласительное наклонение; 5. В сочетании со сложной глагольной формой на *-ып турда* (*олурда, чыдырда, чорда*) образует уступительное наклонение [Толковый словарь... 2011: 307–308].

Частица *-ла // -ле* гармонирует по твердости / мягкости с гласными звуками основы слова, к которому она присоединяется, например: *чодураа-ла* ‘словно черемуха’, *инек-ле* ‘словно корова’; вариант частицы *-на // -не* присоединяется к словам, оканчивающимся на сонорные *м, н, ң*: *согун-на* ‘словно стрела’, *хилиң-не* ‘словно бархат’, *авам-на* ‘словно моя мать’.

М. И. Черемисина и Л. А. Шамина отмечают один из подтипов сравнений с данной частицей, «где в качестве предмета сравнения выступает абстрактное существительное, обозначающее качество, а эталон сравнения – предмет или живое существо, в высокой степени обладающее этим качеством» [Черемисина, Шамина 1996: 80]. Авторы приводят примеры устойчивых сравнений с частицей *-ла // -ле*: *кыстың ээлгири ол хаак-ла* ‘гибкость девушки **как мокрый тальник**’, *ооң кашпагайы хартыга-ла* ‘его ловкость **как ястреб**’, *ооң каржызы араатан-на* ‘его злость **как зверь**’, *ооң мөгези буга-шары-ла* ‘его сила **как бык**’, *чажының кады аът чели-ле* ‘жесткость его волос – **как конская грива**’, *сугнуң ары шил-ле* ‘чистота воды – **как стекло**’ и т. д. [Там же: 81].

Приведенные авторами примеры употребления частицы *-ла // -ле* подтверждаются и нашими наблюдениями: эта частица часто используется при эталонах, выраженных устойчивыми сочетаниями, например: *кажары бөрү-ле* ‘хитрость=его как у волка’, *сыны дээрге согун-на* ‘стан=его (прямой) как стрела’, *делгеми хөл-ле* ‘ширина=его как озеро’, *арны ак тос-ла* ‘лицо=его как белая береста’, *карактары бышкан чодураа-ла* ‘глаза=его (черные) как поспевшая черемуха’, *улуҕ-шыыраа молдурга-ла* ‘здоровый, как теленок-двухлетка’ и др.

Как показывает собранный материал, сравнительное значение частицы *-ла // -ле* реализуется в сочетании с именами существительными, которые часто сопровождаются развернутыми определениями, например: *кижи-ле* ‘словно человек’; *хос аптара-ла* ‘словно пустой сундук’; *часкы хуннуң херели-ле* ‘словно луч весеннего солнца’. При глаголах у нее обнаруживается утвердительное значение, при наречиях – усилительное: *келген-не* ‘пришел ведь’, *дүрген-не* ‘очень быстро’.

Сравнительные конструкции с данной частицей выражают отношения эквивалентности – сходства двух предметов или событий. Разновидность сравнительных отношений, выражаемых при помощи частицы *-ла // -ле*, мы, вслед за Н. Б. Кошкаревой и В. Н. Соловар, разграничивающих эквативные и симилятивные сравнения по типу параметра и способу его выражения (эксплицитный и имплицитный), определяем как симилятивные: «При симилятивных отношениях параметр сравнения подразумевает комплекс недифференцированных признаков, по которым устанавливается близость предметов или явлений, или же параметр ассоциируется не с конкретными объективными свойствами компаратов, а с потенциально возможной общностью их восприятия. В роли параметра может выступать некий стандарт, очевидный для языкового сообщества и поэтому не требующий вербализации. Основой симилятивных отношений является обобщенный “признак” при предметных компаратах и отвлеченный “образ действия” при событийных компаратах, понимаемые максимально широко» [Кошкарева, Соловар 2024: 84].

Частица *-ла // -ле* в рассматриваемом значении выражает недостоверное предметное или событийное сравнение, которое при переводе на русский язык можно передать словом ‘словно’.

Сравнительные конструкции с частицей *-ла // -ле* делятся на две разновидности, различающиеся местом компонента с данной частицей в структуре предложения: существительное, оформленное этой частицей, может входить в состав сравнительного оборота, осложняющего именное предложение со сказуемым – прилагательным, либо само по себе являться сказуемым простого предложения.

Материалом нашего исследования послужили примеры из художественной литературы и фольклорных текстов, собранные путем сплошной выборки. Объем картотеки составляет 215 единиц. К исследованию привлекались и наши субъективные наблюдения над тувинской разговорной речью.

1. Существительные с частицей -ла // -ле в предложениях со сравнительными оборотами

Частица -ла // -ле чаще всего (в 34,5 % примеров нашей выборки) встречается в простых предложениях с именным сказуемым – прилагательным, которые репрезентируют пропозицию характеристики «кто / что каков»: подлежащее в их составе обозначает субъект-дескриптив, прилагательное является средством выражения характеризующего предиката, суть высказывания состоит в приписывании предмету того или иного признака. Эти предложения часто осложняются сравнительным оборотом: существительное в их составе оформляется сравнительной частицей, между подлежащим основной части предложения и субстантивным компонентом сравнительного оборота устанавливаются сравнительные отношения, выразителем которых выступает частица -ла // -ле.

По способу выражения основания параметра различаются две разновидности – с имплицитным и эксплицитным основанием параметра сравнения.

1.1. Конструкции с имплицитным основанием параметра сравнения

В структуре таких предложений подлежащее называет предмет сравнения (в примере (1) это *театр*); сказуемое, выраженное прилагательным или его эквивалентом, обозначает аспект параметра сравнения («красивый»); эталоном сравнения выступает образное составное сочетание *алдын хөл ортузунда куу куш* ‘птица лебедь посреди золотого озера’. Основанием для сравнения является подразумеваемый, но эксплицитно не выраженный параметр «внешний вид»:

(1) *Театр чараш-тыр, алдын хөл ортузунда куу куш-ла* [Кудажы 1992: 312].

театр	чараш-тыр	алдын	хөл	орту=зу=н=да	куу
театр	красивый-PTCL	золотой	озеро	середина=POSS.3Sg=INF=LOC	лебедь
куш-ла					
птица-PTCL					

‘Театр красивый, оказывается, словно птица лебедь посреди золотого озера.’

$$\{ \text{театр}^{\text{CMPR1}}, [\text{внешний вид}]^{\text{PRM.FUND}}, \text{красивый}^{\text{PRM.ASP}} \}$$

$$\text{словно}^{\text{REL.SIM}}$$

$$\{ \text{птица лебедь}^{\text{CMPR2}}, [\text{внешний вид}]^{\text{PRM.FUND}}, [\text{красивый}]^{\text{PRM.ASP}} \}^1$$

Эта сравнительная конструкция состоит из двух образов: *алдын*² *хөл* ‘золотое озеро’, имеющее фольклорное происхождение, и *куу куш* ‘птица лебедь’. Образ-эталон птицы в золотом озере, на наш взгляд, является индивидуально-авторским сравнением, сформированным на основе ассоциаций с красотой, гармонией и чувством внутреннего умиротворения. Компоненты, входящие в состав сравнительного оборота, позволяют уточнить представления о «красоте» как параметре сравнения, который конкретизируется в данном случае как «свойство предмета, вызывающее эстетическое наслаждение и положительные эмоции», ср. аналогичный пример: *Бугу-ле чуве магалыг-чаагай, алдын хөлде салдаан аңгыр куштар-ла* [Кудажы 1971: 311] ‘Все [это] замечательно-прекрасно, словно плавающие в золотом озере птицы турпаны’.

Структура таких предложений имеет вид:

$$N=\text{NOM}^{\text{CMPR1}} \text{ ADJ}^{\text{PRM.ASP}} N^{\text{CMPR2=ла}^{\text{REL.SIM}}} (\text{cop})$$

Существительное в составе сравнительного оборота часто сопровождается развернутыми атрибутивными конструкциями, отсылающими к параметру сравнения.

¹ В подобных записях здесь и далее отражается смысловое устройство сравнительных конструкций и семантические роли компонентов. Фигурные скобки определяют границы компонентов сравнительной конструкции, в квадратные скобки заключаются эксплицитно не выраженные, регулярно отсутствующие в конструкции компоненты, которые можно восстановить на основе устойчивых ассоциаций. В круглые скобки заключаются компоненты, ситуативно отсутствующие во фразе, восстанавливаемые на основе ближайшего контекста.

² Прилагательное *алдын* в качестве эпитета часто употребляется в тувинском фольклоре и характеризует идеализированные положительные образы, обладающие красотой и благородством (ср. *алдын даңгына* ‘золотая *дангына* (дочь хана, невеста главного героя-богатыря в эпосе)’).

- (2) *Эрниң тону дээрге чөөктүг, ыдык серге-ле* [Сарыг-оол 1992: 54].

эр=нин тон=у дээрге чөөк=түг ыдык серге-ле
 мужчины=GEN тон=POSS.3Sg PTCL пух=POSSV священный козел-PTCL
 ‘Тон³ мужчины же с пухом, словно священный козел.’

{тон мужчины^{CMPR1}, [фактура и объем]^{PRM.FUND}, с пухом^{PRM.ASP}}
 словно^{REL.SIM}
 {[шерсть] священного козла^{CMPR2}, [фактура и объем]^{PRM.FUND}, [пушистая и объемная]^{PRM.ASP}}

В предложении (2) первым компаратом является сочетание *эрниң тону* ‘тон мужчины’, а во втором компарате *ыдык серге* ‘священный козел’ опущен смысловой компонент «шерсть», однако на него указывает именное сказуемое *чөөктүг* ‘с пухом’. Основанием для сравнения является параметр «фактура и объем», аспект – такие комплексные признаки, как «наличие шерсти, пуха», а также вытекающее из этого представление о большом «объеме». В этом примере речь идет об освященном кастрированном козле, который по традиционным представлениям тувинцев несет обережную функцию, символизирует сохранность и благополучие поголовья скота [Донгак 2018: 30]. Это животное считается неприкосновенным: его не стригли, только во время линьки убирали комки скатавшейся шерсти.

- (3) *Кижилер дээрге имелеве, өөн чазарладыпкан кымысаяктар-ла* [Кудажы 1988: 193].

кижи=лер дээрге имелеве өөн чазарла=д=ып=кан
 человек=PL PTCL многочисленный юрта.POSS.3Sg рыться=CAUS=PFV=PP
 кымысаяк=тар-ла
 муравей=PL-PTCL
 ‘А людей – уйма, словно муравьи, гнездо [которых] разворошили.’

{люди^{CMPR1}, [количество]^{PRM.FUND}, многочисленный^{PRM.ASP}}
 словно^{REL.SIM}
 {муравьи^{CMPR2}, [количество]^{PRM.FUND}, [многочисленный]^{PRM.ASP}}

В предложении (3) первым компаратом является *кижилер* ‘люди’, основанием для сравнения служит «количество»: большое количество людей уподобляется количеству муравьев в муравейнике. Второй компарат *кымысаяктар* ‘муравьи’ передает образную характеристику «большое количество», в которой заключены и основание параметра «количество», и аспект параметра «многочисленность».

1.2. Конструкции с эксплицитным параметром сравнения

Параметр сравнения может получать эксплицитное выражение в составе изафетной конструкции, где он выступает в качестве определяемого имени – существительного абстрактной семантики, а определение к нему называет первый компарат, например:

- (4) *...кежиниң өңү хүрең, күскү пөш тооруу-ла, артында кылаңайнып бар чыткан* [Кудажы 1999: 16].

кеж=и=нин өң=ү хүрең күскү пөш тооруу-ла
 кожа=POSS.3Sg=GEN цвет=POSS.3Sg коричневый осенний кедр шишка.POSS.3Sg-PTCL
 артында кылаң=айн=ып бар чыт=кан
 к тому же блестеть=RITM=CV идти лежать=PP
 ‘...цвет кожи коричневый, словно осенняя кедровая шишка, к тому же поблескивал.’

{кожа^{CMPR1}, цвет^{PRM.FUND}, коричневый^{PRM.ASP}}
 словно^{REL.SIM}
 {осенняя кедровая шишка^{CMPR2}, [цвет]^{PRM.FUND}, [коричневый]^{PRM.ASP}}

³ Тон – тувинская национальная верхняя одежда.

В предложении (4) первый компарат «кожа» занимает позицию определения в составе атрибутивного сочетания *кежсиниң өңү* ‘цвет кожи’; определяемое имя «цвет» в позиции подлежащего называет основание параметра, по которому «кожа» сравнивается со вторым компаратом *күскү пөш тооруу* ‘осенняя кедровая шишка’; аспектом параметра выступает прилагательное *хурең* ‘коричневый’. В данном примере вербальное выражение получают и основание, и аспект параметра.

В подобных примерах основание параметра «цвет» является факультативным и может быть опущено, например: *кежи хурең, күскү пөш тооруу-ла* ‘кожа его коричневая, словно осенняя кедровая шишка’.

Структура предложений с эксплицитным основанием сравнения имеет вид:

$$N_{\text{GEN}}^{\text{CMPR1}} N_{\text{NOM}}^{\text{PRM.FUND}} \text{ADJ}^{\text{PRM.ASP}} N^{\text{CMPR2}}=\text{ла}^{\text{REL.SIM}} (\text{cop})$$

Таким образом, типичным способом выражения предметного сравнения является конструкция с семантикой характеристики, осложненная сравнительным оборотом, в которой аспект параметра назван сказуемым-прилагательным, а компараты обозначаются именами существительными. Показателем сравнительного отношения выступает морфологическое средство – частица *-ла* // *-ле*, которая прикрепляется ко второму компарату в составе сравнительного оборота и передает симулятивные отношения. Второй компарат часто сопровождается развернутыми определениями, семантика которых конкретизирует представления о параметре сравнения.

1.3. Эллипсис компонентов сравнительной конструкции

Для подобных высказываний характерен эллипсис разных компонентов, в том числе первого компарата, например:

(5) [...*кырган мээң идик-хевимни ушту берди.*] *Көк мөөн. Чаа сойган алгы-ла* [Кудажы 1984: 198].

көк мөөн чаа сой=ган алгы-ла
синий мокрый новый сдирать=PP шкура-PTCL

[...старик начал стаскивать мою одежду.] [Она] совсем мокрая. Словно свежесодранная шкура’.

$$\begin{aligned} &\{(\text{одежда})^{\text{CMPR1}}, [\text{влажность}]^{\text{PRM.FUND}}, (\text{мокрый})^{\text{PRM.ASP}}\} \\ &\quad \text{СЛОВНО}^{\text{REL.SIM}} \\ &\{\text{свежесодранная шкура}^{\text{CMPR2}}, [\text{влажность}]^{\text{PRM.FUND}}, [\text{мокрый}]^{\text{PRM.ASP}}\} \end{aligned}$$

В примере (5) о предмете сравнения мы узнаем из контекста: *идик-хевимни* ‘мою одежду’. Основанием для сравнения является параметр «содержащий большое количество влаги», выводимый из контекста: устойчивое сочетание *көк мөөн* (букв.: синий мокрый) обозначает ‘сильно пропитавшийся влагой, с сочащейся водой’. Второй компарат – *чаа сойган алгы-ла* ‘свежесодранная шкура’. Для экспрессивности сравнительный оборот оформлен как отдельное высказывание, грамматические связи которого с предшествующей частью текста очевидны.

Такие случаи употребления самостоятельного употребления сравнительных конструкций, в которых о предмете сравнения можно узнать только из предыдущего контекста, составляют 20.47 % выборки. Эллипсису может подвергаться не только первый компарат, но и параметр, на основании которого устанавливается сходство предмета и эталона, если в основе сравнения лежат типичные для национальной культуры тувинцев представления или предшествующий контекст подсказывает устойчивые ассоциации, например:

(6) [*Өскениңни аа?*] *Чээнектиң дыды-ла* [Кудажы 1992: 122].

өс=кен=иң=ни аа Чээнек=тиң дыды-ла
вырастать=PP=POSS.2Sg=ACC PTCL Чээнек=GEN лиственница-PTCL
‘[Как ты вырос, а?] Словно лиственница Чээнека.’

$$\begin{aligned} &\{(\text{ты})^{\text{CMPR1}}, [\text{рост}]^{\text{PRM.FUND}}, (\text{высокий})^{\text{PRM.ASP}}\}^{\text{CMPR1}} \\ &\quad \text{СЛОВНО}^{\text{REL.SIM}} \\ &\{\text{лиственница}^{\text{CMPR2}}, [\text{высота}]^{\text{PRM.FUND}}, [\text{высокий}]^{\text{PRM.ASP}}\} \end{aligned}$$

В примере (6) на первый компарат «ты» указывает грамматический показатель – аффикс 2-го л. ед. ч. в составе причастной формы *өскөниңни* ‘как ты вырос’, вторым компаратом выступает *дыт* ‘лиственница’. Основанием для сравнения является вербально не выраженный параметр «рост / высота», аспектом является «величина в высоту в вертикальном измерении». Фактически в этом высказывании ни первый компарат, ни параметр не выражены, однако легко реконструируются.

Таким образом, наиболее распространенным способом выражения сравнительных отношений при помощи частицы *-ла // -ле* являются предложения, в которых подлежащее выступает в роли первого компарата – предмета сравнения, именное сказуемое (прилагательное или его эквивалент) обозначает признак предмета и указывает на аспект параметра. Частица *-ла // -ле* оформляет второй компарат (эталон сравнения) в составе сравнительного оборота. В таких конструкциях позиция сказуемого в базовой части высказывания регулярно заполняется, тогда как в составе сравнительного оборота она остается невербализованной. Поскольку в семантике характеризующих предикатов, как правило, инкорпорировано представление об основании параметра («высокий» – о «росте», «красивый» – о «внешнем виде», «многочисленный» – о «количестве»), оно не требует специального выражения. Редукция основания параметра, а также редукция аспекта параметра в составе сравнительного оборота наблюдается регулярно и обусловлена конструктивно. Эллипсис других компонентов является ситуативным и поддерживается контекстом.

2. Существительные с частицей *-ла // -ле* в составе именного сказуемого

Сравнительные конструкции, в составе которых существительное, оформленное частицей *-ла // -ле* занимает позицию сказуемого, также представляют собой частный случай реализации пропозиции характеристики, в которой характеризующий предикат редуцирован. На первый план выходит сравнение двух предметов, один из которых (предмет сравнения) занимает позицию подлежащего и выражается существительным в Им. п., а второй (эталон сравнения) – существительным, оформленным частицей *-ла // -ле* в позиции именной части сказуемого.

Как и в первой разновидности, здесь также представлены два случая, различающиеся по имплицитности / эксплицитности основания параметра.

2.1. Конструкции с имплицитным основанием параметра

Конструкции с имплицитным основанием параметра сравнения могут передавать как предметное, так и событийное сравнение.

2.1.1. Предметное сравнение с имплицитным основанием параметра

Как правило, параметр, на основании которого устанавливается сходство, не вербализуется, обязательными компонентами являются два имени, называющие компараты.

Структура подобных предложений имеет следующий вид:

$$N^{CMPR1} N^{CMPR2=le} REL.SIM (cop)$$

(7) *Арын-баш-даа кызыл өрт-ле* [Сүрүң-оол 1994: 38].

арын-баш-даа кызыл өрт-ле
лицо-голова-PTCL красный пожар-PTCL
‘Лицо же словно красный пожар’.

$$\begin{aligned} &\{лицо^{CMPR1}, [температура]^{PRM.FUND}, [горячий]^{PRM.ASP}\} \\ &\quad \quad \quad \text{словно}^{REL.SIM} \\ &\{красный\ пожар^{CMPR2}, [температура]^{PRM.FUND}, [горячий]^{PRM.ASP}\} \end{aligned}$$

В предложении (7) предметом сравнения выступает *арын-баш* ‘лицо’; из контекста известно, что оно ‘горячее’; эталоном сравнения является словосочетание *кызыл өрт* ‘красный пожар’; основание для сравнения – параметр «высокая температура», заключающийся в значении слова *өрт* ‘пожар’. Определением *кызыл* ‘красный’ обозначается также сопутствующий признак «красный цвет».

В примере (10) реконструируется подразумеваемая модусная часть:

- (а) когда смотришь на людей в поле
(б) кажется, что
 (в) люди словно журавли

Форма дательного или местного падежа причастного сказуемого в зависимой части (а) обусловлена временными отношениями между этой частью и отсутствующей главной частью (б) с семантикой зрительного восприятия типа «кажется, что», «создается такое впечатление, как будто» и т. п. Между имплицитной главной частью (б) и эксплицитной зависимой частью (в) устанавливаются модус-диктумные отношения. По сути, и часть (а), и часть (в) являются зависимыми по отношению к имплицитной главной части (б), но в связи с ее отсутствием функцию главной части данного предложения формально принимает на себя часть (в). Соответственно, двум частям в плане выражения соответствуют три смысловых компонента плана содержания.

В части (а) содержится указание на первый компарат – *кижилерни* ‘людей’, поэтому в части (в) этот компонент не повторяется; эталоном сравнения являются *дуруяалар* ‘журавли’ в части (в). Основанием параметра является «образ действия»: люди в поле наклоняются подобно тому, как наклоняются журавли, собирающие жуков для еды:

$$\begin{aligned} &\{(\text{люди})^{\text{CMPR1}}, [\text{вести себя}]^{\text{PRM.FUND}}, [\text{ТАКИМ ОБРАЗОМ}]^{\text{PRM.ASP}}\} \\ &\quad \text{словно}^{\text{REL.SIM}} \\ &\{\text{журавли}^{\text{CMPR2}}, [\text{вести себя}]^{\text{PRM.FUND}}, [\text{ТАКИМ ОБРАЗОМ}]^{\text{PRM.ASP}}\} \end{aligned}$$

Причастный оборот, относящийся ко второму компарату ‘журавли’ (наклоняющиеся, собирающие в степи жуков для еды), конкретизирует способ протекания действия.

Во многих подобных примерах в составе зависимой части употребляются глаголы зрительного восприятия, например, глагол *көр-* ‘видеть, смотреть’, ср.:

- (11) *Чалгаапайны бөгүн көөрге, чанчык дүптээн таакпы-ла...* [Кудажы 1980: 64].
 чалгаапай=ны бөгүн көөр=ге чанчык дүптээн таакпы-ла
 лентяй=АСС сегодня смотреть.PtP=DAT кисет делать дно.PP табак-PTCL
 ‘Смотришь сегодня на лентяя – словно табак на дне кисета.’

- (а) когда смотришь на лентяя
(б) создается впечатление, как будто
 (в) лентяй словно табак на дне кисета

В предложении (11) первым компаратом является *чалгаапай* ‘лентяй’, вторым компаратом выступает фразеологизм *чанчык дүптээн таакпы* ‘табак на дне кисета’, которым обозначается жизнь без всяких хлопот и забот, в достатке, на чем-либо иждивении [Хертек 1975: 181].

$$\begin{aligned} &\{(\text{лентяй})^{\text{CMPR1}}, [\text{жить}]^{\text{PRM.FUND}}, [\text{безбедно}]^{\text{PRM.ASP}}\} \\ &\quad \text{словно}^{\text{REL.SIM}} \\ &\{\text{табак}^{\text{CMPR2}}, (\text{лежать}) \text{ на дне кисета}^{\text{PRM.FUND}}, [\text{без движения}]^{\text{PRM.ASP}}\} \end{aligned}$$

В контексте данного примера речь идет о человеке, находящемся на иждивении другого человека. Основанием для сравнения является параметр «образ жизни», аспект такого параметра – «сытая, обеспеченная жизнь на содержании кого-л.». В старину табак был привозным дорогим товаром, а кисеты изготавливались из плотной дорогой ткани и расшивались красивыми узорами, по этому атрибуту судили о материальном положении мужчины. Так, сравнительная конструкция *чанчык дүптээн таакпы-ла* ‘словно табак на дне кисета’ содержит параметр, включающий целый комплекс признаков.

- (12) ...комиссарның хемези сугда бажыңнарны оюп-кыйып турда, дөңгеликтер аразында өдүрек-ле [Кудажы 1992: 291].

комиссар=ның хеме=зи суг=да бажың=нар=ны
 комиссар=GEN лодка=POSS.3Sg вода=LOC дом=PL=ACC
 ою=п-кый=ып тур=да дөңгелик=тер
 обходить стороной=CV-срезать наискось=CV стоять=LOC кочка=PL
 ара=зы=н=да өдүрөк-ле
 промежуток=POSS.3Sg=INF=LOC утка-PTCL
 ‘...когда лодка комиссара объезжала, срезала наискось дома на воде – словно утка среди кочек.’

(а) когда лодка комиссара объезжала, срезала наискось дома на воде

(б) создавалось впечатление, как будто

(в) лодка [движется так же, как движется] утка среди кочек

В примере (12) основанием сравнения лодки и утки является параметр «характеристика передвижения». Речь идет о том, что лодка проезжала мимо или вокруг многих мест, как плавно двигающаяся и переваливающаяся с бока на бок утка.

{лодка^{CMPR1}, двигаться^{PRM.FUND}, [ТАКИМ ОБРАЗОМ]^{PRM.ASP}}
 словно^{REL.SIM}
 {утка среди кочек^{CMPR2}, двигаться^{PRM.FUND}, [ТАКИМ ОБРАЗОМ]^{PRM.ASP}}

(13) Толя хамык чемниң дээжилерин санап орда, оът баштаар өшкү-ле [Кудажы 1994: 65].

хамык чем=ниң дээжи=лер=и=н сана=п ор=да оът
 весь еда=GEN самое лучшее=PL=POSS.3Sg=ACC считать=CV сидеть=LOC трава
 башта=ар өшкү-ле
 питаться верхней частью растения=PrP козел-PTCL

‘Когда Толя считал самое лучшее из всей еды – словно козел, который бежит, ощиная верхушки трав’.

(а) Когда Толя считал самое лучшее из всей еды

(б) создавалось впечатление, что

(в) Толя [ведет себя так, как ведет себя] козел, питающийся верхушками трав

В примере (13) первым компаратом является *Толя*, вторым компаратом – *өшкү* ‘козел’. Основанием для сравнения выступает параметр «небрежное, поверхностное осуществление каких-либо действий», представление о котором формируется благодаря определительной причастной конструкции ‘питающийся верхушками трав’, которая относится к определяемому имени *өшкү* ‘козел’:

{(Толя)^{CMPR1}, [вести себя]^{PRM.FUND}, [ТАКИМ ОБРАЗОМ]^{PRM.ASP}}
 словно^{REL.SIM}
 {козел^{CMPR2}, [вести себя]^{PRM.FUND}, [ТАКИМ ОБРАЗОМ]^{PRM.ASP}}

Таким образом, в подобных конструкциях наблюдается несколько уровней редукции разного рода: выпадение модусного звена, а также компонентов сравнительной конструкции. Позиция параметра выражается атрибутивными конструкциями, часто причастными оборотами, которые служат средством свертывания пропозитивных смыслов, связанных с представлением об образе протекания действия. Тем самым при выражении событийной симулятивности атрибутивная конструкция, относящаяся ко второму компарату, становится средством указания на параметр сравнения, в отличие от первого типа конструкций, где определение, называющее параметр, формально соотносится с первым компаратом.

(14) *Кышкы идик-хевивистин аары коргулчун-на* [Кудажы 1984: 24].

$$\begin{array}{c} \{\text{одежда}^{\text{CMPR1}}, \text{тяжесть}^{\text{PRM.FUND}}, [\text{тяжелый}]^{\text{PRM.ASP}}\} \\ \text{словно}^{\text{REL.SIM}} \\ \{\text{свинец}^{\text{CMPR2}}, [\text{тяжесть}]^{\text{PRM.FUND}}, [\text{тяжелый}]^{\text{PRM.ASP}}\} \end{array}$$

Структура подобных предложений имеет вид:

$$N_{\text{GEN}}^{\text{CMPR1}} \quad N_{\text{NOM}}^{\text{PRM.FUND}} \quad N^{\text{CMPR2}=\text{Ja}}^{\text{REL.SIM}} \quad (\text{cop})$$

Если предмет сравнения назван в ближайшем контексте, то в составе изафетного сочетания он закономерно не выражается, например:

(15) [Эрес Оюнович сести-сести чоокишулай бээрге, мелдер кара чүве чыткан.] Улуу кыжаалаң шары-ла [Суван 2007].

улуу величина.POSS.3Sg	кыжаалаң четырёхгодовалый	шары-ла бык-PTCL
---------------------------	------------------------------	---------------------

[Когда Эрес Оюнович с опаской приблизился, там лежало что-то темное с подпалинами.]
 ‘Величиной с четырехгодовалого быка.’

$$\begin{array}{c} \{(\text{что-то})^{\text{CMPR1}}, [\text{размер}]^{\text{PRM.FUND}}, [\text{большой}]^{\text{PRM.ASP}}\} \\ \text{СЛОВНО}^{\text{REL.SIM}} \\ \{\text{четырёхгодовалый бык}^{\text{CMPR2}}, [\text{размер}]^{\text{PRM.FUND}}, [\text{большой}]^{\text{PRM.ASP}}\} \end{array}$$

В тувинском языке встречаются многочисленные и разнообразные сравнения, в которых в функции эталонов используются половозрастные названия домашних, например, *хунан инек* ‘корова-трехлетка’, *шары* ‘вол’, *буура* ‘верблюд-производитель’ и др. [Тюнтешева, Шагдурова, Байыр-оол 2024]. Употребление названий животных для обозначения размера предметов характерно для монгольских языков [Пюрбеев 1968: 76–77]. Возможно, такие сравнения отражают монгольское влияние на тувинский язык.

157

(15) [Ам арта узун.] Чиңгези – хыл-ла [Серен-оол 1995: 168].

чиңге=зи

хыл-ла

тонкость=POSS.3Sg

волос-PTCL

‘[К тому же (шея) длинная]. Тонкая, словно волосинка.’

$$\begin{array}{c} \{(\text{шея})^{\text{CMPR1}}, [\text{толщина}]^{\text{PRM.FUND}}, [\text{тонкий}]^{\text{PRM.ASP}}\} \\ \text{словно}^{\text{REL.SIM}} \\ \{\text{волос}^{\text{CMPR2}}, [\text{толщина}]^{\text{PRM.FUND}}, [\text{тонкий}]^{\text{PRM.ASP}}\} \end{array}$$

В примере (15) первый компарат ‘шея’ восстанавливается по контексту. Она сравнивается по толщине со вторым компаратом – волосом. В эллиптической конструкции параметрическое имя *чиңге* ‘тонкость’ в лично-притяжательной форме 3-го л. *чиңге=зи* ‘тонкость=его’ занимает позицию подлежащего и обозначает основание параметра сравнения. Волос в представлении носителей тувинского языка является эталоном минимальной толщины, например: *хыл моюн* ‘тонкая шея’ (букв.: волос шея).

Заключение

Сравнительное значение частицы *-ла // -ле* реализуется при именах существительных, называющих эталон сравнения, входящих в состав сравнительного оборота или занимающих позицию сказуемого. В обоих типах конструкций параметр сравнения может получать эксплицитное или имплицитное выражение.

В предложении со сравнительными оборотами сказуемое, выраженное именем прилагательным, называет аспект параметра, представление об основании параметра формируется, как правило, на основе лексического значения прилагательного.

Если существительное, оформленное частицей *-ла // -ле*, занимает позицию сказуемого, основание параметра домысливается на основе типичных для тувинской культуры ассоциаций или благодаря определениям, относящимся к эталону сравнения, через значение которых можно сконструировать обобщенное представление об основании параметра.

Обе структурных разновидности имеют варианты, в которых основание параметра может вербализоваться при помощи параметрических существительных типа «величина», «вес», «толщина» и под. в составе изафетной конструкции.

Данная частица используется для выражения симилиативных отношений в предметных и бытийных сравнениях. Она часто используется в эллиптических конструкциях, носящих экспрессивный оттенок и стилистически окрашенных. При помощи частицы *-ла // -ле* формируются яркие, эмоционально окрашенные образные сравнения, которые отражают культурно обусловленные представления тувинцев.

Список литературы

- Васильев Ю. И. Способы выражения сравнения в якутском языке. Новосибирск: Наука, 1986. 111 с.
- Донгак С. Ч. Мал ыдыктаар тыва ёзулалдар. Тувинские обряды освящения скота. Абакан: «ИПП «Журналист», 2018. 52 с.
- Ескельдиева Б. Е. Эквативные и симилиативные типы – отношения равенства в языках разных систем // Вестник ЕНУ им. Л. Н. Гумилева. 2016. № 1 (110). С. 220–225.
- Ескельдиева Б. Е. Сравнительные конструкции в казахском и в тюркских языках Сибири: Дис. ... д-ра философии (PhD). Астана, 2016. 170 с.
- Кошкарева Н. Б., Плотников И. М. Метаязык описания семантики сравнения как языкового знака // Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 180–216.
- Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н. Компаративные конструкции с семантикой эквивалентности в мансийском языке // Сибирский филологический журнал. 2024. № 3. С. 80–94.
- Невская И. А. Спорные вопросы алтайской грамматики: о статусе формы на *-ДЫй* в алтайском литературном языке // Российская тюркология. 2016. № 1 (14). С. 3–15.

Невская И. А., Тажиббаева С. Ж. Исследование сравнительных конструкций в тюркских языках (сравнительно-сопоставительный аспект) // Предложение как единица языка и речи: Материалы Всерос. науч. симпозиума с международным участием / Отв. ред. Е. В. Тюттешева. Новосибирск: Академиздат, 2019. С. 183–187.

Невская И. А. Типологические особенности шорских эквативных и симилятивных конструкций // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 286–299.

Озонова А. А. Способы выражения сравнения в алтайском эпосе (на материале эпоса «Очы-Бала») // Эпосоведение. 2023 а. № 3. С. 42–55.

Озонова А. А. Сравнительная полипредикативная конструкция с послелогом *чылап* / *чилеп* 'как, как будто' в алтайском языке // Сибирский филологический журнал. 2023 б. № 4. С. 260–271.

Озонова А. А., Тыбыкова Л. Н. Сравнительный аффикс *-ДЫй* и модально-сравнительные показатели, образованные на его основе (на материале алтайского языка) // Сибирский филологический журнал. 2024. № 3. С. 29–46.

Пюрбеев Г. Ц. Современная монгольская терминология (Лексико-семантические процессы и деривация). М.: Наука, 1984. 120 с.

Султрекова (Кыржинакова) Э. В. Сравнительные конструкции хакасского языка. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2017. 324 с.

Тажиббаева С. Ж., Невская И. А., Дыбо А. В. Грамматический статус синтетического показателя сравнения *-ДАй* в казахском языке // Сибирский филологический журнал. 2024. № 3. С. 12–28.

Тазранова А. Р. Семантика именных компаративных конструкций с лексемой *ошкыш* 'как, подобно, похоже' в алтайском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52). С. 82–97.

Толковый словарь тувинского языка. Под ред. Д. А. Монгуша. Т. II: К – С. Новосибирск: Наука, 2011. 798 с.

Тыбыкова Л. Н. Способы выражения сравнения в алтайском языке // Вопросы алтайского языкознания. Горно-Алтайск, 1988. С. 111–127.

Тыбыкова Л. Н. Сравнительные конструкции алтайского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1989. 17 с.

Тыбыкова А. Т., Черемисина М. И., Тыбыкова Л. Н. Синтаксис осложненного предложения в алтайском языке. 2-е изд. Горно-Алтайск, 2013. 268 с.

Тюттешева Е. В., Шагдурова О. Ю., Байыр-оол А. В. Сравнения с параметром «размер» в героическом эпосе тюрков Южной Сибири // Эпосоведение. 2024. № 3. С. 59–74.

Федина Н. Н., Кошкарева Н. Б. Редукция как механизм варьирования сравнительных аналитико-синтетических полипредикативных конструкций с послелогом *шылап* // *щылап* // *щынап* 'как, как будто' в чалканском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 2 (Вып. 46). С. 53–64.

Федина Н. Н., Кошкарева Н. Б., Плотников И. М. Сравнительные конструкции с полифункциональной лексемой *уш* 'как; такой же' как средство формирования образности в чалканском фольклоре // Эпосоведение. 2023. № 4. С. 62–75.

Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь. Кызыл: Тув. книж. изд-во, 1975. 300 с.

Черемисина М. И. Некоторые вопросы синтаксиса. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск: НГУ, 1971. 181 с.

Черемисина М. И., Шамина Л. А. Выражение сравнения в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. Вып. 3. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1996. С. 65–84.

Шамина Л. А. Временные полипредикативные конструкции тувинского языка. Новосибирск: Наука, 1987. 142 с.

Шамина Л. А. Тувинское служебное слово *дег*: статус и функции // Системность на разных уровнях языка. Новосибирск, 1990. С. 126–141.

Шамина Л. А. Способы выражения сравнительно-сопоставительных отношений в тюркских языках Южной Сибири // Материалы Международной научной конференции 25–27 сентября 2008 г. «Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России». Абакан, 2008. С. 184–187.

Шамина Л. А. Модус-диктумные сравнительные бипредикативные конструкции в тувинском языке // Сибирский филологический журнал. 2014. № 2. С. 189–200.

Шамина Л. А. Стратегия маркирования компаративной лексики в тувинских текстах // Вестник Тувинского государственного университета. Вып. 1. Социальные и гуманитарные науки. 2022. № 1 (88). С. 35–46.

Шамина Л. А., Байыр-оол А. В. Модально-компаративные конструкции с семантикой кажимости в тувинском языке // Сибирский филологический журнал. 2024. № 3. С. 47–62.

Шенцова И. В. Прагматика компаративных конструкций в эпических текстах тюрков Саяно-Алтая // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 151–173.

Шенцова И. В. Семантика и функции шорских маркеров подобия в сфере компаративности // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 192–207.

Список условных обозначений

ГПЕ – главная предикативная единица; **ЗПЕ** – зависимая предикативная единица; **1** – 1-е лицо деятеля ('я', 'мы'); **2** – 2-е лицо деятеля ('ты', 'вы'); **3** – 3-е лицо деятеля ('он', 'она', 'оно', 'они'); **ABL** – аблатив; **ACC** – аккузатив; **CAUS** – каузатив; **CMPR1** – первый компарат (предмет сравнения); **CMPR2** – второй компарат (эталон, или стандарт, сравнения); **CV** – деепричастие; **DAT** – датив; **GEN** – генитив; **INF** – инфикс; **LOC** – локатив; **N** – имя существительное; **NEG** – аффикс отрицания; **NOM** – номинатив; **PAST** – форма прошедшего времени; **PFV** – совершенный вид; **PL** – множественное число; **POSS** – посессивный (лично-притяжательный) аффикс; **POSSV** – показатель обладания; **PP** – причастная форма; **PRES** – форма настоящего времени; **PRM** – параметр сравнения; **PRM.ASP** – аспект параметра; **PrP** – причастие настояще-будущего времени на =ар; **PTCL** – частица; **RITM** – ритмический вид; **REC** – реципрок; **REL** – показатель сравнительных отношений; **REL.SIM** – симилиативное отношение; **SG** – единственное число.

Список источников

Кудажы К-Э. К. Ырак булут. Кызыл: ТывНУЧ, 1971. 382 ар.

Кудажы К-Э. К. Чогаалдар чыындызы. Кызыл: ТывНУЧ, 1980. 2 том. 372 ар.

Кудажы К-Э. К. Дуңзаа. Кызыл: ТывНУЧ, 1988. 319 ар.

Кудажы К-Э. К. Уйгу чок Улуг-Хем. Кызыл: ТывНУЧ, 1992. 320 ар.

Кудажы К-Э. К. Ыы. Кызыл: ТывНУЧ, 1999. 144 ар.

Сарыг-оол С. А. Үш томнуг чогаалдар чыындызы. Кызыл: ТывНУЧ, 1992. 3 том. 464 ар.

Серен-оол В. С. Сөөскеннер чечектелип турда. Кызыл: ТывНУЧ, 1995. 240 ар.

Сүрүң-оол С. С. Тывалаар кускун. Кызыл: ТывНУЧ, 1994. 349 ар.

References

Cheremisina M. I. *Nekotorye voprosy sintaksisa. Sravnitel'nye konstruksii russkogo yazyka* [Some questions of syntax. Comparative constructions of the Russian language]. Novosibirsk, NSU, 1971. (In Russian)

Cheremisina M. I., Shamina L. A. *Vyrazhenie sravneniya v tuvinskom yazyke* [Comparative constructions of the Russian language]. In *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, SB RAS, 1996, iss. 3, pp. 65–84. (In Russian)

Dongak S. Ch. *Mal ydyktaar tyva ezulaldar* [Tuvan rites of cattle consecration]. Abakan, IPP "Zhurnal", 2018, 52 p. (In Tuvan and Russian)

Eskeľ'dieva B. E. *Ekvativnye i similyativnye tipy – otnosheniya ravenstva v yazykakh raznykh sistem* [Equative and similitive types - equality relations in languages of different systems]. *Vestnik ENU im. L. N. Gumileva* [Bulletin of the L. N. Gumilyov Eurasian National University]. 2016, no. 1 (110), pp. 220–225. (In Russian)

Eskeľ'dieva B. E. *Sravnitel'nye konstruksii v kazakhskom i v tyurkskikh yazykakh Sibiri* [Comparative constructions in Kazakh and in Turkic languages of Siberia]. Dr. philol. sci. diss. Astana, 2016, 170 p. (In Russian)

Fedina N. N., Koshkareva N. B., Plotnikov I. M. *Sravnitel'nye konstruksii s polifunktsional'noy leksemoy ush 'kak; takoy zhe' kak sredstvo formirovaniya obraznosti v chalkanskom fol'klore* [Comparative constructions with the multifunctional lexeme ush 'as; the same as' as a means of forming figurativeness in Chalkan folklore]. *Eposovedenie* [Epic studies]. 2023, no. 4, pp. 62–75. (In Russian)

Fedina N. N., Koshkareva N. B. Reduktsiya kak mekhanizm var'irovaniya sravnitel'nykh analitiko-sinteticheskikh polipredikativnykh konstruktсий s poslelogom *shylap* // *shchylap* // *shchynap* 'kak, kak budto' v chalkanskom yazyke [Reduction as a mechanism of variation of comparative analytical-synthetic polypredicative constructions with the postposition *shylap/shylap/shynap* (as if) in the Chalkan language]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2023, no. 2, iss. 46, pp. 53–64. (In Russian)

Khertek Ya. Sh. *Tuvinsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [Tuvan-Russian phraseological dictionary]. Kyzyl, Tuv. knizh. izd., 1975, 300 p. (In Tuvan and Russian)

Koshkareva N. B., Plotnikov I. M. Metayazyk opisaniya semantiki sravneniya kak yazykovogo znaka [Metalinguistic representation of the semantics of comparison as a linguistic sign]. *Kritika i Semiotika* [Critique and Semiotics]. 2023, no. 2, pp. 180–216. (In Russian)

Koshkareva N. B., Solovar V. N. Komparativnye konstruktсии s semantikoy ekvivalentnosti v mansiyskom yazyke [Comparative constructions with the semantics of equivalence in the Mansi language]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2024, no. 3, pp. 80–94. (In Russian)

Nevskaya I. A. Spornye voprosy altayskoy grammatiki: o statuse formy na -DYy v altayskom literaturnom yazyke [Disputable issues of Altaic grammar: on the status of the -DYi form in the Altaic literary language]. *Rossiyskaya tyurkologiya* [Russian Turkology]. 2016, no. 1 (14), pp. 3–15. (In Russian)

Nevskaya I. A., Tazhibaeva S. Zh. Issledovanie sravnitel'nykh konstruktсий v tyurkskikh yazykakh (sravnitel'no-sopostavitel'nyi aspekt) [Study of comparative constructions in Turkic languages (comparative aspect)]. In *Predlozhenie kak edinitsa yazyka i rechi: Materialy Vseros. nauch. simpoziuma s mezhdunarodnym uchastiem* [Proposition as a unit of language and speech: Proceedings of the All-Russian scientific symposium with international participation]. E. V. Tyuntesheva (Ed). Novosibirsk, Akademizdat, 2019, pp. 183–187. (In Russian)

Nevskaya I. A. Tipologicheskie osobennosti shorskikh ekvativnykh i similyativnykh konstruktсий [Typological features of Shor equative and simulative constructions]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2022, no. 4, pp. 286–299. (In Russian)

Ozonova A. A. Sposoby vyrazheniya sravneniya v altayskom epose (na materiale eposa "Ochy-Bala") [Ways of expressing comparison in the Altai epic (based on the material of the epic "Ochy-Bala")]. *Eposovedenie* [Epic studies]. 2023, no. 3, pp. 42–55. (In Russian)

Ozonova A. A. Sravnitel'naya polipredikativnaya konstruktсиya s poslelogom *chylap* / *chilep* 'kak, kak budto' v altayskom yazyke [Comparative polypredicative construction with the postposition *chylap/chilep* (as if) in the Altai language]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2023, no. 4, pp. 260–271. (In Russian)

Ozonova A. A., Tybykova L. N. Sravnitel'nyy affiks -DYy i modal'no-sravnitel'nye pokazateli, obrazovannyye na ego osnove (na materiale altayskogo yazyka) [Comparative affix -DYy and modal-comparative markers derived from this affix (a case study of the Altai language)]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2024, no. 3, pp. 29–46. (In Russian)

Pyrbeev G. Ts. *Sovremennaya mongol'skaya terminologiya (Leksiko-semanticheskie protsessy i derivatsiya)* [Modern Mongolian terminology (Lexico-semantic processes and derivation)]. Moscow, Nauka, 1984, 120 p. (In Russian)

Shamina L. A., Bayyr-ool A. V. Modal'no-komparativnye konstruktсии s semantiko kazhimosti v tuvinskom yazyke [Modal-comparative constructions with the semantics of fate in the Tuvan language]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2024, no. 3, pp. 47–62. (In Russian)

Shamina L. A. Modus-diktumnye sravnitel'nye bipredikativnye konstruktсии v tuvinskom yazyke [Modus dictum comparative bipredicative constructions in the Tuvan language]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2014, no. 2, pp. 189–200. (In Russian)

Shamina L. A. Sposoby vyrazheniya sravnitel'no-sopostavitel'nykh otnosheniy v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri [Ways of expressing comparative relations in the Turkic languages of Southern Siberia]. In *Razvitie yazykov i kul'tur korennykh narodov Sibiri v usloviyakh izmenyayushcheyssya Rossii: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 25–27 sentyabrya 2008 goda* [The development of the languages and cultures of the indigenous peoples of Siberia in a changing Russia: Proceedings of the International Scientific Conference on September 25–27, 2008]. Abakan, 2008, pp. 184–187. (In Russian)

Shamina L. A. Strategiya markirovaniya komparativnoy leksiki v tuvinskikh tekstakh [The strategy of marking comparative vocabulary in Tuvan texts]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 1. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki* [Vestnik of Tuvan State University. Iss. 1. Social sciences and humanities]. 2022, no. 1 (88), pp. 35–46. (In Russian)

Shamina L. A. Tuvinskoe sluzhebnoe slovo *deg*: status i funktsii [Tuvan service word *deg*: status and functions]. In *Sistemnost' na raznykh urovnyakh yazyka* [Consistency at different levels of the language]. Novosibirsk, 1990, pp. 126–141. (In Russian)

Shamina L. A. *Vremennye polipredikativnye konstruktii tuvinskogo yazyka* [Temporary polypredicative constructions of the Tuvan language]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 142 p. (In Russian)

Shentsova I. V. Pragmatika komparativnykh konstruktii v epicheskikh tekstakh tyurkov Sayano-Altaya [Pragmatics of comparative constructions in the Epic texts of the Sayano-Altai Turks]. *Kritika i Semiotika* [Critique and Semiotics]. 2022, no. 2, pp. 151–173. (In Russian)

Shentsova I. V. Semantika i funktsii shorskikh markerov podobiya v sfere komparativnosti [Semantics and functions of Shore similarity markers in the field of comparativity]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2024, no. 1, pp. 192–207. (In Russian)

Sultrekova (Kyrzhinakova) E. V. *Sravnitel'nye konstruktii khakasskogo yazyka* [Comparative constructions of the Khakass language]. Abakan, Khakas. kn. izd., 2017, 324 p. (In Russian)

Tazhibaeva S. Zh., Nevskaya I. A., Dybo A. V. Grammaticheskii status sinteticheskogo pokazatelya sravneniya -DAi v kazakhskom yazyke [Grammatical status of the synthetic comparative indicator -Dai in the Kazakh language]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2024, no. 3, pp. 12–28. (In Russian)

Tazranova A. R. Semantika imennykh komparativnykh konstruktii s leksemoy oshkosh 'kak, podobno, pokhozhe' v altayskom yazyke [Semantics of nominal comparative constructions with the lexeme oshkosh "as, like, seems" in the Altai language]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 4 (iss. 52), pp. 82–97. (In Russian)

Tolkovyy slovar' tuvinskogo yazyka [Explanatory dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk, Nauka, 2011, vol. 2: K–S, 798 p. (In Tuvan and Russian)

Tyuntsheva E. V., Shagdurova O. Yu., Bayyr-ool A. V. Sravneniya s parametrom "razmer" v geroycheskom epose tyurkov Yuzhnoy Sibiri [Comparisons with the parameter "size" in the heroic epic of the Turks of Southern Siberia]. *Eposovedenie* [Epic studies]. 2024, no. 3 (35), pp. 59–74. (In Russian)

Tybykova A. T., Cheremisina M. I., Tybykova L. N. *Sintaksis oslozhnennogo predlozheniya v altayskom yazyke* [The syntax of a complicated sentence in the Altai language]. 2nd ed., Gorno-Altaysk, 2013, 268 p. (In Russian)

Tybykova L. N. Sposoby vyrazheniya sravneniya v altayskom yazyke [Ways of expressing comparison in the Altai language]. In *Voprosy altayskogo yazykoznaniya* [Questions of Altai linguistics]. Gorno-Altaysk, 1988, pp. 111–127. (In Russian)

Tybykova L. N. *Sravnitel'nye konstruktii altayskogo yazyka* [Comparative constructions of the Altai language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Alma-Ata, 1989, 17 p. (In Russian)

Vasil'ev Yu. I. *Sposoby vyrazheniya sravneniya v yakutskom yazyke* [Ways of expressing comparison in the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 1986, 111 p. (In Russian)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
21.06.2025

Сведения об авторе – Information about the Author

Азияна Витальевна Байыр-оол – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Aziyana V. Bayyr-ool – Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of Languages of Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

azikoa@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2844-2700>

ЯЗЫК ФОЛЬКЛОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

УДК 811.512.211 + 81'33

DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-163-174

Лингвистические особенности эвенского архаического эпоса «Өмчэни» ‘Одинокий’

С. И. Шарина

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Якутск, Россия*

Аннотация

Рассматриваются лингвистические особенности эвенского архаического эпоса – *нимкана* «Өмчэни», еще не введенного в научный оборот. Текст зафиксирован в 1961 г. в Усть-Янском районе Якутии. Учитывая актуальность систематического описания исчезающего говора, данный фольклорный текст представляет интерес для лингвистического анализа на уровне фонетики, морфологии и лексики. *Нимкан* демонстрирует наличие в усть-янском говоре диалектных признаков на уровне фонетических, лексических и грамматических признаков, соответствующих западному наречию. Обнаруживаются и некоторые отличия и особенности, что должно быть учтено при систематизации и классификации диалектных данных.

Ключевые слова

эвенский язык, архаический эпос «Өмчэни», усть-янский говор, фонетические, морфологические, лексические особенности

Благодарности

Исследование выполнено с использованием научного оборудования ЦКП федерального исследовательского центра «Якутский научный центр СО РАН».

Для цитирования

Шарина С. И. Лингвистические особенности эвенского архаического эпоса «Өмчэни» ‘Одинокий’ // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55). С. 163–174. DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-163-174

Linguistic features of the archaic Even epic “Өmcheni”

S. I. Sharina

*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia*

Abstract

Folklore serves as a vital resource for both language restoration and preservation. While fragments of the Even epic tradition have previously served as illustrative examples in grammatical and dialectal studies, a comprehensive analysis of a complete narrative remains lacking. This paper presents a linguistic analysis of the archaic Even epic, the *nimkan*, titled “Өmcheni” (“The Lonely Man”), which has not yet been introduced into scholarly discourse. The primary focus is on the dialectal attribution of the epic. Recorded in 1961 in the Ust-Yansky District of Yakutia by the Even scholar V. D. Lebedev from the storyteller Innokenty Sleptsov, the text provides a unique window into a critically endangered idiom: the Ust-Yansky dialect, which lacks a systematic description. Applying methods of observation, description, and dialectological analysis, this study identifies the distinctive phonetic, morphological, and lexical features of the text. The analysis confirms that the dialectal characteristics of the epic align with the Western dialect of the Even language, while also revealing several unique idiosyncrasies crucial for the accurate classification of dialect data. Overall, the text of “Өmcheni” has been

© С. И. Шарина, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 3 (iss. 55)

found to exemplify the authentic speech of the Ust-Yansky Evens, effectively capturing both the territorial specifics of the dialect and the distinctive features of the folklore language.

Keywords

Even language, archaic epic “Өмчэни”, Ust-Yansky dialect, phonetic, morphological, lexical features

Acknowledgments

The research was conducted using the scientific equipment of the Shared Core Facilities of the Federal Research Center YSC SB RAS.

For citation

Sharina S. I. Lingvisticheskiye osobennosti evenskogo arkhaicheskogo eposa “Өмчэни” [Linguistic features of the Even archaic epic “Өмчэни”]. *Yazyki i Fol’klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2025, no. 3 (iss. 55), pp. 163–174. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-163-174

Введение

В совокупности эвенских фольклорных жанров особое место занимает *нимкан* – архаический эпос, который демонстрирует не только ценные сведения о жизни народа, его мировоззрении и традиционной культуре, но и художественно-изобразительные особенности словесного искусства. Эвенский архаический эпос относится к наиболее ранней форме эпической традиции, который «...остановился на первоначальном этапе формирования» [Лебедева 1981: 18], не переходя на жанровые формы героического эпоса. Ключевым генезисом архаического эпоса эвенов является синтез мифологии и архаической волшебной сказки. В эвенском эпическом дискурсе эпический герой, наделенный чудесными качествами, преодолевает различные трудности для достижения своей цели, ведет богатырскую борьбу. В эвенской эпике доминирует семейно-родовая проблематика в сказочно-мифологическом оформлении, к которой относится и рассматриваемый *нимкан* «Өмчэни» ‘Одинокий’. Сказание представляет собой небольшой текст, исполненный сказителем-*нимкаланом* в виде прозаического повествования со вставками диалогов в песенной форме.

Язык *нимкана* может рассматриваться как один из важнейших истоков восстановления и сохранения языка. К настоящему времени язык эвенского архаического эпоса еще не получил достаточного научного освещения. Фрагменты эпических текстов ранее использовались только в качестве иллюстрационных образцов в грамматических и диалектных описаниях. При этом всеми исследователями эвенского языка неизменно признается диалектный характер языка эвенских сказаний, без них невозможно представить качественное исследование идиома, так как любой *нимкалан*-сказитель демонстрирует локальные территориальные традиции речи, это естественная черта устного народного творчества. Однако рассмотрение не только фрагментов и цитат, а всего цельного текста какого бы то ни было эпического сказания в контексте изучения говора ранее в эвеноведении не предпринималось.

Данная статья нацелена на выявление грамматических и лексических особенностей языка эвенского *нимкана* «Өмчэни» в аспекте его диалектной отнесенности. Ставятся задачи выяснения наличия диалектных особенностей на уровне фонетических, лексических и грамматических признаков в тексте сказания. В работе используются методы наблюдения и описания, диалектологического анализа.

При классификации локальных вариантов эпической традиции эвенов в числе прочих выделяется северный сказительский очаг как локальная разновидность архаического эпоса [Шарина 2024a]. К данной традиции относятся *нимканы*, записанные в разное время эвеноведами в Аллаиховском и Усть-Янском районах Якутии. На первый взгляд, северная локальная традиция объединяет образцы различных языковых идиомов (аллаиховский и усть-янский говоры) разных прибрежных арктических административно-территориальных образований Якутии. Однако в соответствии с классификационными признаками и параметрами – ареалу распространения и диалектным особенностям языка сказаний – данные *нимканы* демонстрируют сходство не только на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях языковой структуры, так как оба говора относятся к западному наречию эвенского языка, но и обнаруживают близость сюжетов, мотивов, образов, композиции и других художественно-изобразительных особенностей.

Текст архаического эпоса «Өмчэни»¹ был записан на территории современного Усть-Янского района Якутии (в стаде № 7, в местности *Хули Дюн* 'Лисья Нора' Силиннхского наслега) в 1961 г. первым эвенским ученым В. Д. Лебедевым, который собрал не только самое большое количество эпических произведений, но и лучшие образцы по уровню мастерства сказителей-*нимкаланов*, по качеству фиксации и документации. Сказителем выступил представитель эвенского рода *кукуюн* Слепцов Иннокентий Степанович, 40 лет. В архаическом эпосе с использованием песенных вставок в виде диалогов запечатлен весьма распространенный у эвенов сказочный сюжет о девах-лебедях, прилетающих к двум братьям. Главный герой по имени *Өмчэни* 'Одинокий', похитив крылья одной из них, женится на ней, однако младший брат, получив золотой шар от девушки, отдает ей крылья, и она улетает. Герой уходит искать улетевшую жену. *Өмчэни*, преодолевая испытания, добирается через отверстие «за небо» и находит в чудесном верхнем мире свою жену и ребенка, становится с помощью тестя обладателем бесчисленных оленьих стад и предком эвенов.

Рукописный текст выполнен карандашом в авторском варианте фонетической транскрипции на 22 тетрадных страницах (8 страниц в печатном формате, количество слов – 1091).

Полевой фольклорный материал данной экспедиции В. Д. Лебедева на языке оригинала еще не введен в научный оборот. Магнитофонная запись сказания отсутствует (судя по всему, не велась), поэтому нет возможности нотировать песенные фрагменты. Запись данного *нимкана* обработана нами, расшифрована на принятой современной графике, переведена на русский язык. Данный текст может быть использован для исследования усть-янского говора, который еще не имеет систематического описания, а также для сопоставления диалектной речи середины прошлого века с говором настоящего времени.

1. Фонетические особенности

Рассматриваемый текст «Өмчэни» являет собой аутентичный образец языковой традиции усть-янских эвенов благодаря качественной фиксации собирателя В. Д. Лебедева. Фонетические признаки соответствуют чертам говоров западного наречия эвенского языка [Лебедев 1978; Дуткин 1995; Кузьмина 2010; Шарина и др. 2018], отличия можно охарактеризовать как более резкую выраженность той или иной особенности.

1.1. Редукция. В области вокализма значимой чертой является редукция широких кратких гласных [а] и [э], так называемое *ы*-образное произношение звуков. В транскрипционной записи В. Д. Лебедева редуцированные аллофоны [ä] и [ë] обозначаются как <ь>: *өмэ́н* 'один' обозначается собирателем как *өтэ́н*, *уча́йкэлкан* 'имеющий верхового оленя' как *иськы́лкан*, *эмэ́ргэ́һми* 'возвратись' как *эмэ́ргэ́һми*. Однако, по мнению А. А. Бурыкина, идентичное обозначение редуцированных [ä] и [ë] как <ы> неприемлемо, так как при более детальном исследовании подтверждается различное звучание этих аллофонов по признаку ряда [Бурыкин 1986: 59–60]. Вероятно, в будущем следует более тщательно и развернуто рассмотреть редуцированные варианты звуков [ä] и [ë] с помощью методов экспериментальной фонетики. Редукция кратких гласных [а] и [э] в непервых слогах отмечается во многих говорах западного и среднего наречия. В записи сказания редукция фиксируется и в первых слогах, например: *bəj* 'человек', *gyrbə* 'имя'. В современных полевых материалах по усть-янскому говору такой редукции в первых слогах не наблюдается²: *гэрбэ́* 'имя', *бэй́* 'человек'. Ярко выраженная редукция характерна для говоров эвенов Якутии, относящихся к западному наречию [Лебедев 1978; Дуткин 1995; Кузьмина 2010; Шарина и др. 2018; Кузьмина и др. 2019].

1.2. Призвуки в абсолютном исходе слов. В записи сказания отмечены характерные сверхкраткие редуцированные призвуки [ʔ] и [ʔ̚] в абсолютном исходе односложных слов с прикрытым слогом: *гад^а* 'взял', *о́н^а* 'как', *иав^а* 'что', *и́н^а* 'зашел', *бу́н^а* 'были'. В наших материалах по усть-янскому говору наличие призвуков [ʔ] и [ʔ̚] в конце односложных слов также подтверждается: *буа́ʔ̚* 'месяц', *и́ʔ̚* 'звук'. Дистрибуция редуцированных призвуков подчиняется закону гармонии

¹ Лебедев В. Д. Материалы диалектологической экспедиции. 1961 г. // Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Ед. хр. 56.

² Полевые материалы автора, собранные в Усть-Янском районе Якутии и у информантов из данного района в г. Якутске с 2012 по 2024 гг.

гласных: [ʔ] встречается в конце закрытых слогов с гласными заднего ряда в инлауте, [ʔ] – в исходе слов с переднерядными гласными. Такие призвуки ранее отмечались в говорах среднего наречия и в западных говорах. Вероятно, когда-то эти слова были двусложными по своей структуре [Цинциус 1947: 27].

1.3. Дифтонгоиды. В тексте «Өмчэни» фиксируются дифтонгоиды [ʷэ] и [ʷа], квалифицирующиеся как сложные звуки, состоящие из двух разных гласных: *“эчитлэн”* ‘после того как ударила’, *тʷэкʷ* ‘сейчас’, *иланмʷар* ‘тридцать’, *гʷа* ‘второй’. В наших полевых материалах по усть-янскому говору в дополнение к основному кратким и долгим гласным также подтверждается наличие дифтонгоидов [ʷэ] и [ʷа], характеризующихся скользящей артикуляцией двух разных гласных и образующих единый сложный звук.

[ʷэ] – дифтонгоидный долгий гласный переднего ряда, средне-верхнего подъема. В усть-янском говоре дифтонгоид начинается со звука, близкого к [и], и заканчивается призвуком другого гласного [э], встречается обычно в первом слоге, например: *“энуэ”* ‘язык’, *нʷэркэ* ‘место вокруг очага в жилище’, *нʷэкчир* ‘делают’, *тʷэкʷ* ‘сейчас’.

[ʷа] – долгий дифтонгоидный гласный переднего ряда, нижнего подъема, в усть-янском говоре реализуется с элемента, близкого к звуку [и], и переходит в [а], например: *нʷакычун* ‘молчит’, *гʷатмыр* ‘второй, старший’, *мʷан* ‘десять’.

Дифтонгоидные гласные [ʷэ] и [ʷа] обнаруживаются и в других идиомах эвенского языка, отличия составляют лишь различные оттенки реализации [Бурыкин и др. 2021: 35–36].

1.4. Спирантность. В области консонантизма в рассматриваемом *нимкане* отмечается почти полная спирантизация согласного [с] в фарингальный щелевой глухой согласный [h]. Спирантизация фиксируется в инициальном, медиальном и финальном положении, например: *һадун* ‘иногда’, *һэд’э* ‘хороводный танец’, *дэһчин* ‘лег’, *һаһтиһһан* ‘схватил’, *һөлһэһ* ‘быстро выскочил наружу’, *көһдэһ* ‘совсем’. Однако в тексте встречаются и следующие примеры записи: *амчанси* ‘отец твой’, *һөһчэндүлэс* ‘в люльку твою’, где сохраняется переднеязычный щелевой глухой (напряженный) согласный [с]. Наши полевые материалы также подтверждают, что в настоящее время переход на полную спирантность в усть-янском говоре нельзя считать законченным, в отличие от других говоров западного наречия [Шарина 2024 б]. Фарингальный щелевой глухой согласный [h] в восточных говорах встречается только в начале слова: *һаман* ‘шаман’, *һөррэн* ‘ушел’.

1.5. Ассимиляция согласных. В тексте сказания последовательно обнаруживаются сочетания *лд*, *мд*, *нд*, *уд* вместо характерных для восточных говоров и литературного языка сочетаний *лр*, *мр*, *нр*, *ур*. Данное чередование свойственно только западному наречию и является одним из его основных дифференциальных признаков, например: *Буючэлэн, һөһмэр д’уди биддэжэн һүһинд’ал дэггэчэлдэ, өгили эргинникэн, икэлдэ* ‘Когда поехал охотиться, а братишка был дома, начали летать лебеди, высоко кружась, запели’; *Өмчэничэн тиминни бадикяр, һүһинд’ал этлэтэн эмдэ инүйт биди, амкйчан хэйэдун дэһчин* ‘На следующее утро Омчэни, еще до прилета лебедей, превратившись в шерстинку, лег на вершине бугорка’; *Өмчэничэн нөлэйи үндэһ* ‘Омчэничэн пошел к брату’; *Чукачан тарич куһайакан итиван дэһлэчэнди патаккаттайн хоһудан, хэд’эниддил этидутэн иттэ* ‘Птичка крылышками била лицо ребенку, чтобы тот плакал, когда танцующие не видели’.

В записи *нимкана* при соединении корневых и суффиксальных морфем фиксируется уподобление предстоящего согласного последующему, например, показатель направительного падежа *-тки* переходит в *-кки*, а ограничительная частица *-ткан* / *-ткэн* принимает форму *-ккан* / *-ккэн*, например: *Тарак бэй буйурэкэн эмэргэһми, д’үккийи мучуракан, үчакан йти кйһинуканакан иландук нулгэдук йһни* ‘Когда тот человек возвращался домой с охоты, скрежет зубов его верхового оленя был слышен с расстояния трех кочевков’; *Куһайакан мукулиһн’уми-ккэн эвиникэн эмэптэн* ‘Ребенок же остался, играя только со своим шаром’. Подобная регрессивная ассимиляция наблюдается и в наших полевых материалах по усть-янскому говору и в целом свойственна западным эвенским идиомам.

2. Морфологические особенности

Морфологические признаки, присущие тексту сказания, также обнаруживаются в говорах западного, восточного и среднего наречий [Цинциус 1947; Новикова 1980; Лебедев 1982; Роббек 1989; Кузьмина и др. 2019; Бурыкин и др. 2021], различия выявляются в более или менее регулярном употреблении определенных грамматических форм.

2.1. Дифференциальные признаки западного наречия, обнаруживаемые в тексте сказания. В *нимкане* отсутствует эксклюзивная форма местоимения *бу* ‘мы (без вас)’, отражающая исключение адресата речи из дейктической зоны местоимения 1-го л. мн. ч. Данная черта характерна для всех говоров эвенов Якутии (за исключением березовского), относящихся к западному или среднему наречию. Обнаруживается использование личных местоимений *бй* ‘я’, *һй* ‘ты’ вместо притяжательных местоимений 1-го и 2-го л. *мин* ‘мой’, *хин* ‘твой’, например: *бй эдиуу* ‘мой муж’, *һй ойыһ* ‘твоя невестка’. В сказании не фиксируется употребление направительно-местного и направительно-продольного падежей. По нашим данным, вместо данных форм падежей в усть-янском говоре употребительны конструкции с послелогом [Шарина 2013].

В тексте обнаруживаются примеры с дезигнативом (пример 10), который рассматривается как суффикс назначительного падежа в соответствии с его статусом [Бурыкин и др. 2021: 228].

2.2. Согласование прилагательных с существительными. Из морфологических особенностей представляются интересными нехарактерные для западного наречия случаи оформления прилагательных показателями падежа соответственно определяемому существительному:

- (1) *Мэуэ=м* *мукули=в* *бө=ди=м!*
Золотой=ACC *шар=ACC* *дать=FUT=1Sg*
 ‘Золотой шар тебе дам.’
- (2) *Өмчэни=чэн* *дэун’эми=никэн* *өкэн’=нэ* *мө=лэ* *миркэ=н,*
Омчэни=DIM *терять сознание=SIM.CV.Sg* *молочный=LOC* *вода=LOC* *ползти=3Sg*
тари́ч *өкэн’=э=ч* *мө=ч* *ав=рй=н* *мэни.*
потом *молочный=VOW=INSTR* *вода=INSTR* *мыться=NFUT=3Sg* *себя*
 ‘Омчэничэн, теряя сознание, пополз к молочной реке, вымылся в молоке.’

Такие же нормы согласования прилагательных с существительными в числе и в падеже отмечаются и в наших полевых материалах по говору эвенов Усть-Янского района. Данная особенность характерна для говоров восточного, среднего наречия и литературного эвенского языка.

В тексте сказания употребляются две детерминативные формы с лично-выделительным значением, которые указывают на то, что действие выполнено непосредственно участником: *бэйдй* ‘сам’ и *мэ́нкэн* ‘сам’: первое используется преимущественно для 3-го л., а второе – для 1-го и 2-го л., например:

- (3) *Өмчэни=чэн* *эди=у=у* *мэ́нур* *мэ́нкэн* *дэлку=нди.*
Омчэни=DIM *муж=AL.POSS=POSS.1Sg* *самых себя* *сам* *разъединять=2Sg*
 ‘Мой муж Омчэничэн, ты сам нас разлучил.’
- (4) *Нө=н* *көчүкэн,* *ады-вул* *ану́йн=а́=у=а=тти*
младший брат=POSS.3Sg *маленький* *несколько* *лет=VOW=AL.POSS=VOW=PRS.PART*
бэйдй *һагди,* *һө* *мә́лан*
сам *старый* *очень* *хороший охотник*
 ‘Братишка маленький еще, ему всего несколько лет, а сам взрослый, очень хороший охотник.’

2.3. Особенности в области глагола. В тексте высока частотность выражения прошедшего времени с помощью перфектного причастия на *-ча* / *-чэ*. Так, формы прошедшего времени глагола на *-ри* в сказании встречаются всего три раза (*гөбэрин* ‘исчез’, *тикрин* ‘упал’, *төйрин* ‘угостил’), а перфектное причастие используется более десяти раз. Данная особенность присуща западному наречию эвенского языка.

Обращает на себя внимание использование в тексте эпоса разных форм императива. Встречаются формы повелительного I (показатели *-ли, -гар- / -гэр-, -уар- / -уэр-, -лра- / -лрэ-*), повелительного II (*-да- / -дэ-* и системы личных суффиксов) и повелительного III (*-ја- / -јэ-*) наклонений, например:

- (5) «*Өмчэни=чэ=м буз=ла=н ан=да=ку, эртэки о=ли*», –
 Омчэни=DIM=ACC земля=LOC=3Sg столкнуть=IMP.I=1Sg сюда стать=IMP.II.2Sg
гөн=ни чўкача=м.
 сказать=3Sg птичка=ACC
 ‘Посторонись, чтобы я вытолкнул Омчэни на его землю», – сказал птичке.’

В тексте эпоса встречаются редкие для литературных и фольклорных произведений, как и для живой повседневной речи, формы повелительного III наклонения на *-ја- / -јэ-* и личных показателей 2-го л. ед. и мн. ч., которые вытесняются из обихода формами повелительного I наклонения. Форма повелительного III наклонения имеет значение скорее вежливой просьбы, нежели указания совершить что-либо, и употребляется по отношению к малознакомому или уважаемому собеседнику. Примеры:

- (6) *Аһатка=м ил'чарр=а=н јал=ли=ји*
 девушка=ACC заплетённая коса=VOW=POSS.3Sg рука=PROL=POSS.RFL.Sg
ут=ја=нди, тарпай мин=у кўни=ја=нди.
 намотать=IMP.III=2Sg затем мой=ACC кричать=IMP.III=2Sg
 ‘Заплетенную косу девушки намотай на руку, затем оклики меня.’
- (7) *Этки=лэ=ји дюма=ја=нди.*
 тесть=LOC=POSS.RFL.Sg идти в гости=IMP.III=2Sg
 ‘К тестю своему иди в гости.’

Обычно в фольклорных материалах данная форма императива имеет семантику будущего времени или непринудительного действия с оттенком желательности, что подтверждается и в тексте «Өмчэни». В примере (6) имеется в виду отдаленное время действия, планируется завтрашний день героев *нимкана*. В предложении (7) демонстрируется скорее приглашение, а не требование выполнить действие.

Залоговые формы в тексте сказания встречаются редко, отмечены по одному примеру рефлексива, каузатива (пример 8) и реципрока (пример 9):

- (8) *Өмчэни=чэ=м д'эб=укэн=ни, д'алукун тәй=ри=н.*
 Омчэни=DIM=ACC кушать=CAUS=3Sg досыта угостить=PST=3Sg
 ‘Накормил Омчэни, досыта угостил.’
- (9) *Тачин гөмэч=э=д=ди д'ур, һонон дэгэл=дэ,*
 так говорить=REC=VOW=PROG=ANT.CV.PI. так и улеть=3PI
э=мнин дө=р.
 не делать=CONSEC.CV приземлиться=NEG.CONN
 ‘Так, переговорив, улели, не приземлившись.’

Среди глагольных видовых показателей наибольшая частотность использования прослеживается у следующих форм: вид моментального действия *-сан- / -сэн- / -сн-* встречается 4 раза (пример 10), вид стремления совершить действие *-счи-* употребляется 4 раза (пример 11), вид длительного ослабленного действия *-дян- / -ден-* – 3 раза (пример 12). Другие аспектуальные формы в тексте используются в единичных случаях.

- (10) *Өмчэничэн* *нууа=ча=уа=йи,* *нөки=гэ=йи,*
 Омчэни=DIM лук=DIM=DES=POSS.RFL.Sg стрела=DES=POSS.RFL.Sg
ḡ=һна=н.
 делать=MOM=3Sg
 ‘Омчэни быстро сделал себе лук и стрелу.’
- (11) *Мэһу=м* *мукули=в* *ичукэчэ=һчи=н-дэ,* *кууа=йакан*
 золотой=ACC шар=ACC показать=CONAT=3Sg=PTL ребенок=DIM
э=һ=ни *бө=р.*
 не делать=NFUT=3Sg дать=NEG.CONN
 ‘Пыталась показывать золотой шар, а ребенок все равно не дает.’
- (12) *Өмчэничэн* *аман=һи* *нам=а=нд’а* *барда=ла=н*
 Омчэни=DIM отец=2Sg море=VOW=AUG противоположный берег=LOC=3Sg
д’илики=кэкэн *ḡ=диди* *эм=э=д’эн=д’э=н.*
 горностай=DIM статья=ANT.CV.Sg приходиться=VOW=DUR=NFUT=3Sg
 ‘Твой отец Омчэни на той стороне большого моря, превратившись в горностая, идет.’

2.4. Использование причастных и деепричастных форм. Для языка эпоса характерно регулярное использование различных причастных и деепричастных форм. Состав причастных форм, представленных в тексте, охватывает перфектное причастие (с суффиксом *-ча / -чэ*), причастие настоящего времени (*-ри / -ды / -ти / -ни / -си*) (пример 4), причастие прошедшего времени (*-даһ / -дэһ*). Текст «Өмчэни» изобилует употреблением одновременного (на *-никан / -никэн*) (пример 2) и разновременного (*-риди / -тиди / -ниди / -диди / -сиди*) деепричастий (примеры 9, 12). Если в современных языковых материалах по усть-янскому говору обнаруживается тенденция к неразличению форм числа (что свойственно западному наречию), то в тексте эпоса представлена изменяемая по числам форма разновременного деепричастия с суффиксом *-дид’ур* (пример 9). Данная черта присуща говорам восточного наречия и литературному эвенскому языку.

3. Лексические особенности

Архаический эпос «Өмчэни» в целом демонстрирует нормы аутентичного локального народно-разговорного языка усть-янских эвенов. Лексика эпического текста в основном представлена исконно эвенскими словами тунгусо-маньчжурского происхождения, не фиксируются юкагиризмы (хотя юкагирские диалектизмы свойственны усть-янскому говору), встречаются некоторые якутские заимствования, которые связаны с коммуникативной практикой.

3.1. Якутизмы. В тексте встречается слово *һонон* ‘так и’ (пример 8), которое в современном якутском литературном языке функционирует в форме *сонон* и понимается как усилительная форма причинно-следственного союза *онон* ‘так, и так’, выражающего заключение, некий итог с оттенком причинной связи [БТСЯЯ 2011: 523].

В авторском повествовании встречается также якутизм *кырынаһ* > (як.) *кырынаас* ‘горностай’, однако в песенной вставке от лица одной из героинь сказания при обозначении того же животного приводится эвенский аналог *д’иликикэкэн* ‘горностайчик’ (пример 11).

В рассматриваемом *нимкане* личное имя имеют лишь три персонажа: *Өмчэни*, его верховой олень *Худэрэнэ* и тесть героя *Бүскан Бүрай*, живущий в мире «выше небес». Данное имя не этимологизируется в эвенском языке, и в его сложной структуре усматривается якутское происхождение. Вообще эвенской мифологии и эпосу двойные или более сложные имена не присущи [Варламова и др. 2019]. Напротив, такое наблюдается в якутском фольклоре. Первая часть составного имени *Бүскан* может трактоваться как состоящая из слов як. *муус / буус* ‘лед’ и як. *хаан* ‘правитель’. Слово *хаан* обычно используется в якутском фольклоре в названиях различных божеств (например, *Дьылҕа Хаан*, *Чыныс Хаан* и др.). Вторая часть имени *Бүрай* в переводе с якутского ‘удалой, удалец’ также характерна для сложных имен якутских фольклорных небожителей и богатырей (*Сүгэ Буурай*, *Көр Буурай* и др.).

3.2. Диалектизмы. Из диалектизмов в *нимкане* можно отметить термин *өйи* ‘невестка’ (в восточных говорах *уги*, *өги*), который в тексте преимущественно оформляется суффиксом *-дмар / -дмэр*: *өйитмэр* ‘жена старшего брата, невестка’. В эвенском языке суффикс оценки сте-

пени проявления признака *-дмар / -дмэр* часто сочетается с терминами родства, например: *акад-мар* ‘старший брат’, *нөдмэр* ‘младший брат’. В тексте данное слово фиксируется и с оформлением редким показателем совместности *-чил*: *өйичил* ‘с невесткой’. Особенностью данного суффикса является то, что он употребляется в основном в сочетании с терминами родства, свойства и названиями домашних животных [Роббек 1989: 38–39], относится к неизменяемым. По нашим наблюдениям, имена с показателем *-чил* не оформляются справа личными и безличными притяжательными суффиксами. Это можно объяснить тем, что слова с показателем *-чил* несут в своей семантике значение принадлежности «своей»: *хутчэнчил* ‘со своим сыночком’, *хунуичил* ‘со своим хозяином’, *энинчил* ‘со своей матерью’, *унинчил* ‘со своей собакой’ и др.

В сказании слово *эмэргэдэй* ‘вернуться, возвратиться’ имеет более узкое значение ‘возвратиться с охоты’, причем приводится с другими глаголами с подобным значением *мучудай* ‘вернуться, возвратиться’, *мэрэктэй* ‘вернуться откуда-либо’. Возможно, это диалектная особенность, которая требует дальнейшего исследования.

3.3. Историзмы. В тексте *нимкана* фиксируются лексические единицы, вышедшие из активного употребления. Из устаревших слов в эпическом тексте выявлена лексема *мāнакан*, оформленная диминутивным суффиксом *-кан*, образованная от слова *мāна* ‘панцирь из кости’, которое в настоящее время встречается исключительно в фольклоре. Историзм *байкун* ‘игральная палка, клюшка’ – отглагольное имя, образованное от слова *байкундай* ‘играть, гоня мяч или чурку палкой’, также встречается только в фольклоре. В настоящее время оно является историзмом, игры такого вида у эвенов уже не фиксируются.

3.4. Фольклорная лексика. В тексте высока частотность употребления обращения *эдиуу* ‘муж мой’ от *эди* ‘муж, супруг’. Данное слово встречается только в фольклорных текстах, причем преимущественно в диалогических песенных вставках от лица женского персонажа, разговаривающего с мужем. Обращение *эдиуу* ‘муж мой’ присуще сказаниям на говорах и восточного, и среднего, и западного наречий.

Из фольклорных слов в *нимкане* регистрируется еще использование лексемы *мукули* ‘шар’. В рассматриваемом сказании другие синонимы слова ‘шар’ не используются, хотя в усть-янском говоре отмечается слово *чүндукан* ‘шар’ (в восточных говорах *чүнрукан*). Слово *мукули*, по нашим данным, фиксируется только в фольклоре эвенов – носителей говоров западного наречия.

Наблюдается обозначение числа шестнадцать *д’өр д’апкын* ‘две восьмерки’, встречающееся в фольклорных текстах, например: *Д’өрбу д’апкым эвэтлэйи кампыһ тикрым* ‘Две восьмерки ребра сломал [я], упав [с неба]’.

3.5. Метафорические выражения. Обращает на себя внимание слово *гāдиуалайи* и *г’āдиуайди* – иносказательное обозначение костра, огня. Данное слово этимологически возводится к основе *гадай* ‘взять, принимать’, далее при помощи суффикса *-диуа* образуется причастие будущего времени *гадиуа* ‘тот, который будет брать, принимать’ и прибавляются падежные и притяжательные суффиксы *-ла* (местный падеж), *-йи* (возвратно-притяжательный суффикс), *-ди* (показатель творительного падежа). По всей видимости, в тексте причастие будущего времени *гāдиуа* ‘тот, который будет брать, принимать’ использовано в метафорическом значении ‘костер, огонь’, так как у эвенов до настоящего времени сохраняются элементы древних традиционных верований в духа огня и обязательное угощение огня перед любым значимым ритуальным действием.

В сказании также приводится выражение *илан нулгэ* ‘три кочевки’: *Тарак бэй буйуракан эмэргэһми, д’уккийи мучуракан, үчакан йти кйхинуканакан иландук нулгэдук йхни* ‘Когда тот человек возвращался с охоты домой, скрежет зубов его верхового оленя был слышен с расстояния трех кочевок’. Расстояние в одну кочевку равно приблизительно 10 км, значит, оленя слышно за 30 км. В сказании гиперболизация номинаций, намеренное преувеличение признака через эмоциональную выразительность создает образ оленя, обладающего большой силой и мощью.

3.6. Фразеологизмы. В рассматриваемом архаическом эпосе фиксируется неоднократное использование одного и того же устойчивого выражения *умаякчан’ди бүтүдэй* ‘замерзнуть на своих соплях’. Эта речевая формула приводится в диалоговых песенных вставках двух разных героинь.

Песня птички Чукачана:

*Чипипи, чипипи,
Бйһий бн^а гөндим?
Эчин-тэкэн гөнэм:
Өмчэничэн амчанһи
Дючандулайи умаякчан'ди
Бүтүд энчэ бидин, гөнэм.*

*‘Чипипи, чипипи,
Что я могу сказать?
Лишь так сказала:
Отец твой Омчэничэн
В своей юрточке, видно,
Замерз на своих соплях, говорю.’*

В данном случае птичка, сестра девы-лебедя, узнав о приближающемся к ним Омчэни, скрывает это от других персонажей, танцующих хороводный танец *хэде*, и делает вид, что как бы осуждает героя, стараясь помочь ему таиться до поры, до времени.

Песня девы-лебедя, жены героя:

*Гивлин'чо-о, гивлин'чо-о, гивлин'чо-о,
Өмчэничэн эдиу,
Мэнуур мэнкэн дэлкунди.
Теккы д'өрэкэн йала-ла бакалдид'ип,
Гәдиңалайи гәдучалас.
Мэунун чүкачан бдид'ур һөрэд'эндип.
Эрэк н'анинд'а төлдэлэн
Бүскан Бүрай ам^а биһни.
Тарйала һөрид'эндип.
Тадувур-да г'әдиңәди
Умайокчән'ди бүтүд'иңэнди.
Теккил д'өрэкэн йала бакалдадип!*

*‘Гивлиньчо, гивлиньчо, гивлиньчо,
Мой муж Омчэничэн,
Ты сам нас разлучил.
Теперь уж второй раз не встретимся,
После того как ты бросил нас в костер.
Превратясь в золотых птичек, улетаем.
За этим огромным небом
Живет мой отец Бускан Бурай.
Туда и отправляемся мы.
Хоть на этом костре
На своих соплях замерзнешь.
Теперь уж второй раз не встретимся!’*

Вторая песня – прощание жены из-за того, что Омчэни бросил в костер жену и сына. В обоих случаях передается интенсивное эмоциональное напряжение героинь, осуждающих Омчэни (в первом случае, правда, притворно). По свидетельству наших информантов, выражение *умаякчан'ди бүтүд энчэ* ‘замерз на своих соплях (он)’ и *умайокчән'ди бүтүд'иңэнди* ‘на своих соплях замерзнешь’ может трактоваться как оценка ленивого, слабого, никчемного человека, не способного ни на что, даже вытереть свои сопли. Омчэни же, судя по тексту, прекрасный охотник, умелец, обладающий волшебными способностями, решающий свои проблемы наперекор всем трудностям, и такая оценка может только раззадорить героя и добавить больше экспрессии и выразительности для слушателя.

Заключение

В результате лингвистического анализа текста выявлены особенности *нимкана* «Омчэни» на уровне фонетики, морфологии и лексики. Судя по весьма качественной фиксации эпоса, количественно и качественно состав гласных и согласных фонем не имеет отклонений от эвенского литературного языка. В рассматриваемом *нимкане* прослеживаются следующие диалектные фонетические особенности: редукция, наличие призвуков в абсолютном исходе слов, дифтонгоидов, спонтизация согласного [с] в фарингальный [h], характерные для западных говоров чередования согласных, регрессивная ассимиляция. Морфологические особенности определяются как дифференциальные признаки западного наречия: отсутствие эксклюзивного местоимения *бу* ‘мы (без вас)’; использование личных местоимений вместо притяжательных; отсутствие форм направительно-местного и направительно-продольного падежей. Наряду с этим отмечаются и черты восточного наречия – согласование прилагательных с существительными. Фиксируется более высокая частотность употребления перфектного причастия на *-ча* / *-чэ*, нежели форм прошедшего времени на *-ри*, что присуще западному наречию эвенского языка. Выявляется довольно регулярное употребление определенных грамматических форм глагола: императивных показателей, некоторых видовых.

В лексическом составе выявляются якутизмы, собственно диалектизмы усть-янского говора, историзмы, фольклорные слова, метафорические выражения и фразеологизмы. Все приведенные особенности должны быть учтены при систематизации и классификации диалектных данных и определении места усть-янского говора в диалектной системе эвенского языка.

В целом текст *нимкана* «Өмчэни» сказителя Иннокентия Степановича Слепцова, записанный эвенским ученым В. Д. Лебедевым с соблюдением всех необходимых норм, несет в себе основные характерные признаки аутентичной речи усть-янских эвенов, прекрасно демонстрирующей локальные особенности носителей усть-янского говора и черты фольклорного языка. Как и любой фольклорный текст, он имеет перспективу изучения не только в собственно лингвистическом, но и в широком историко-культурном контексте.

Список условных обозначений

1 – первое лицо; 2 – второе лицо; 3 – третье лицо; ACC – винительный падеж; AL.POSS – относительное притяжание; ANT.CV – одновременное деепричастие; AUG – аугментатив; CAUS – каузатив; CONAT – конатив (вид стремления совершить действие); CONSECV – последовательное деепричастие; DES – назначительный падеж; DIM – диминутив; DUR – дуратив (вид длительного ослабленного действия); FUT – будущее время; IMP.I – императив I; IMP.II – императив II; IMP.III – императив III; INSTR – творительный падеж; LOC – местный падеж; MOM – моментатив (вид моментального действия); NEG.CONN – коннегатив (форма глагола на -р); NFUT – аорист; Pl – множественное число; POSS – посессив; POSS.RFL – возвратное притяжание; PROG – прогрессив (конкретно-процессуальный вид); PROL – продолжный падеж; PRS.PART – причастие настоящего времени; PST – прошедшее время; PTL – частица; REC – реципрок; RFL – рефлексив; Sg – единственное число; SIM.CV – одновременное деепричастие; VOW – соединительный гласный.

Список литературы

Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2011. Т. 8 (Буква С). 572 с.

Бурыкин А. А. Язык малочисленного народа в его письменной форме (на материале эвенского языка). СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 384 с.

Бурыкин А. А. К фонологической интерпретации некоторых явлений в вокализме диалектов эвенского языка // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск: Наука, 1986. С. 57–63.

Бурыкин А. А., Шарина С. И. Эвенский язык: Фонетика. Графика и орфография. Морфология. Новосибирск: Наука, 2021. 402 с.

Варламова Г. И., Саввинова С. Н., Нестерова Е. В. Имена собственные персонажей эвенского эпоса: словарь-указатель. Новосибирск: Наука, 2019. 220 с.

Дуткин Х. И. Аллаиховский говор эвенов Якутии. СПб.: Наука, 1995. 144 с.

Кузьмина Р. П. Язык ламунхинских эвенов. Новосибирск: Наука, 2010. 115 с.

Кузьмина Р. П., Шарина С. И. Особенности языка верхнеколымских эвенов. Новосибирск: Наука, 2019. 116 с.

Лебедев В. Д. Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, 1978. 208 с.

Лебедев В. Д. Охотский диалект эвенского языка. Л.: Наука, 1982. 243 с.

Лебедева Ж. К. Архаический эпос эвенов. Новосибирск: Наука, 1981. 157 с.

Новикова К. А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Ч. 2. Л.: Наука, 1980. 244 с.

Роббек В. А. Язык эвенов Березовки. Л., 1989. 207 с.

Роббек В. А. Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте. Новосибирск: Наука, 2007. 725 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / Под ред. В. И. Цинциус. Т. 1 (А–Н). Л., 1975. 672 с.; Т. 2 (О–Э). Л., 1977. 992 с.

Цинциус В. И. Очерки грамматики эвенского (ламутского) языка. Л., 1947. 270 с.

Шарина С. И. Некоторые особенности языка усть-янских эвенов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 6 (26). С. 153–157.

Шарина С. И., Кузьмина Р. П. Нижнеколымский говор эвенского языка. Новосибирск: Наука, 2018. 184 с.

Шарина С. И. Локальные эпические традиции эвенов: лингвистический аспект // Полилингвальность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 2. С. 213–222. URL: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-213-222> (дата обращения: 15.01.2025).

Шарина С. И. Особенности консонантизма усть-янского говора эвенского языка // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2024. № 3 (48). С. 172–179.

References

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Large explanatory dictionary of the Yakut language]. P. A. Sleptsov (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2011, vol. 8 (Letter S), 572 p. (In Yakut, in Russian)

Burykin A. A. *Yazyk malochislennogo naroda v yego pis'mennoy forme (na materiale evenskogo yazyka)* [The language of a small people in its written form (based on the Even language)]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 2004, 384 p. (In Russian)

Burykin A. A. К fonologicheskoy interpretatsii nekotorykh yavleniy v vokalizme dialektov evenskogo yazyka [On the phonological interpretation of some phenomena in the vocalism of the Even dialects]. In *Fonetika yazykov Sibiri i sopredel'nykh regionov* [Phonetics of the languages of Siberia and adjacent regions]. Novosibirsk, Nauka, pp. 57–163. (In Russian)

Burykin A. A., Sharina S. I. *Evenskiy yazyk: Fonetika. Grafika i orfografiya. Morfologiya* [Even language: Phonetics. Graphics and spelling. Morphology]. Novosibirsk, Nauka, 2021, 402 p. (In Russian)

Dutkin Kh. I. *Allaikhovskiy govor evenskogo yazyka* [Allaikhovsky dialect of the Even language]. St. Petersburg, Nauka, 1995, 144 p. (In Russian)

Kuz'mina R. P. *Yazyk lamunkhinskikh evenov* [The language of the Lamunkha Evens]. Novosibirsk, Science Publ., 2010, 112 p. (In Russian)

Kuz'mina R. P., Sharina S. I. *Osobennosti yazyka verkhnekolymskikh evenov* [Features of the language of the Upper Kolyma Evens]. Novosibirsk, Nauka, 2019, 116 p. (In Russian)

Lebedeva Zh. K. *Arkhaicheskiy epos evenov* [Archaic epic of the Evens]. Novosibirsk, Nauka, 1981, 157 p. (In Russian)

Lebedev V. D. *Okhotskiy dialekt evenskogo yazyka* [Okhotsky dialect of the Even language]. Leningrad, Nauka, 1982, 241 p. (In Russian)

Lebedev V. D. *Yazyk evenov Yakutii* [Even language of Yakutia]. Leningrad, Nauka, 1978, 207 p. (In Russian)

Novikova K. A. *Ocherki dialektov evenskogo yazyka: Ol'skiy govor* [Essays on dialects of the Even language: Olsky dialect]. Leningrad, 1980, pt. 2, 244 p. (In Russian)

Robbek V. A. *Yazyk Berezovskikh evenov* [The language of the Evens of Berezovka]. Leningrad, Nauka, 1989, 205 p. (In Russian)

Robbek V. A. *Grammaticheskiye kategorii evenskogo glagola v funktsional'no-semanticheskom aspekte* [Grammatical categories of the Even verb in the functional-semantic aspect]. Novosibirsk, Nauka, 2007, 726 p. (In Russian)

Sharina S. I., Kuzmina R. P. *Nizhnekolymskiy govor evenskogo yazyka* [Lower Kolyma dialect of the Even language]. Novosibirsk, Nauka, 2018, 184 p. (In Russian)

Sharina S. I. Lokal'nyye epicheskiye traditsii evenov: lingvisticheskiy aspekt [Local Epic Traditions of the Evens: Linguistic Aspect]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki* [Polylinguality and Transcultural Practices]. 2024, vol. 21, no. 2, pp. 213–222. URL: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-213-222> (accessed 15.01.2025) (In Russian)

Sharina S. I. Nekotoryye osobennosti yazyka ust'-yanskikh evenov [Some features of the language of the Ust-Yana Evens]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanities research in the Russian Far East]. 2013, no. 6 (26), pp. 153–157. (In Russian)

Sharina S. I. Osobennosti konsonantizma ust'-yanskogo govora evenskogo yazyka [Features of Consonantism of the Ust-Yana dialect of the Even language]. *Severo-Vostochnyy humanitarnyy vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities]. 2024, no. 3 (48), pp. 172–179. (In Russian)

Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov: Materialy k etimologicheskomu slovar'u [Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages: Materials for the etymological dictionary].

V. I. Tsintsius (Ed.). Leningrad, 1975, vol. 1 (A–N), 672 p.; Leningrad, 1977, vol. 2 (O–E), 992 p. (In Russian)

Tsintsius V. I. *Ocherk grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka* [Essay on the grammar of the Even (Lamut) language]. Leningrad, Uchpedgiz, 1947, 270 p. (In Russian)

Varlamova G. I., Savvinova S. N., Nesterova E. V. *Imena sobstvennyye personazhey evenskogo eposa: slovar'-ukazatel* [Proper names of the characters of the Even epic: dictionary-index]. Novosibirsk, Nauka, 2019, 220 p. (In Russian)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
23.01.2025

Сведения об авторе – Information about the author

Сардана Ивановна Шарина – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия)

Sardana I. Sharina – Candidate of Philology, Leading Researcher, Department of Northern Philology, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation)

sarshar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7536-2757>

**Образ «свой» – «чужой» в языковом сознании бурят:
экстралингвистический и лингвистический компоненты
(на материале бурятского языка)**

Г. А. Дырхеева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Аннотация

Цель статьи – выявить специфику дихотомии «свой» – «чужой» в бурятской лингвокультуре. Методы: описательный, сравнительный, ассоциативный эксперимент и др. Показана значимость оппозиции при анализе национального самоопределения бурят, их билингвизме и др. Представлен анализ автостереотипа *буряад* ‘бурят’, ассоциативных полей *өөрын* ‘свой’ и *хариин* ‘иностранный, чужой’. Выявлено, что оппозиция обладает универсальными и национально-специфическими признаками, связанными со стереотипами в языковом сознании соответствующими высказываниями и словами, и что для бурят важнейшими являются кровнородственные, этнические и языковые проявления данной оппозиции.

Ключевые слова

свой, чужой, бурятский язык, русский язык, ассоциативный эксперимент, гештальт

Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

Для цитирования

Дырхеева Г. А. Образ «свой» – «чужой» в языковом сознании бурят: экстралингвистический и лингвистический компоненты (на материале бурятского языка) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55). С. 175–185. DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-175-185

**The “Us” versus “Them” dichotomy in the linguistic consciousness of the Buryats:
extralinguistic and linguistic components (a case study of the Buryat language)**

G. A. Dyrkheeva

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation*

Abstract

The “Us” versus “Them” dichotomy serves as a fundamental, universally recognized category that manifests in various domains of human existence. The study of this category is therefore intrinsically linked to the challenge of mutual understanding, which is an issue of particular contemporary relevance. This article aims to identify the nationally specific linguistic and extralinguistic components that characterize the category under study within Buryat linguoculture. The research methodology incorporates descriptive and comparative methods, an associative experiment, and semantic gestalt analysis. The significance of the dichotomy is demonstrated through an examination of national self-identification, native language knowledge, the role of bilingualism, the “own dialect” versus “other dialect” distinction, and the contrast between the Buryat and Mongolian languages. A concise lexical analysis is conducted focusing on the autostereotype *buryad* (Buryat) and the associative fields of the adjectives *өөрын* (one’s own) and *khariin* (foreign, alien, outsider), offering insights into how native speakers of the Buryat language perceive the dichotomy in question. The findings indicate that

© Г. А. Дырхеева, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55)

Yazyki i Fol’klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 3 (iss. 55)

in the Buryat linguoculture, the dichotomy possesses certain relatively stable features, both universal and nationally specific. These are associated with stereotypes embedded in the linguistic consciousness through corresponding expressions and words. It can be concluded that for the Buryats the most significant manifestations of the dichotomy are those grounded in kinship, ethnicity, and language.

Keywords

the “Us” versus “Them” dichotomy, Buryat language, Russian language, associative experiment, gestalt

Acknowledgments

The article was prepared within the framework of a state assignment (project “The Human World in Mongolian Languages: Analysis of Means of Expressing Emotivity”, No. 121031000258-9).

For citation

Dyrkheeva G. A. *Obraz “svoy” – “chuzhoy” v yazykovom soznanii buryat: ekstralingvisticheskiy i lingvisticheskiy komponenty (na materiale buryatskogo yazyka)* [The “Us” versus “Them” dichotomy in the linguistic consciousness of the Buryats: extralinguistic and linguistic components (a case study of the Buryat language)]. *Yazyki i Fol’klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 3 (iss. 55), pp. 175–185. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-175-185

Введение

Окружение человека, в основном, бывает неоднородным, поэтому дихотомия «свой» – «чужой» является универсальной вневременной категорией, пронизывающей все стороны человеческой жизни. Данная оппозиция является основой первичной классификации и оценки явлений окружающего мира. Соответственно, она проявляется в политике, психологии, этике, социальной, культурной сферах жизни человека. Активизация данной семантической оппозиции особенно усиливается в случае межнациональных контактов. Очень ярко она проявляется в начальный период этнического взаимодействия и практически не исчезает, а может лишь в определенные периоды затухать, нивелироваться.

Вызванная часто экстралингвистическими причинами оппозиция «свой» – «чужой» обязательно находит свое отражение в языке. Самый яркий пример: человек, говорящий в чужом обществе на языке этого общества, воспринимается как свой. В лингвистике термин «свой» – «чужой» становится все более популярным [Смирнов 1995; Балясникова 2003; Мочкина 2007; Падерина 2021; Арекеева 2023; и др.].

Многомерная природа дихотомии «свой» – «чужой» позволяет исследовать ее в различных аспектах. В частности, мы рассматриваем экстралингвистический¹ и лингвистический аспекты.

Экстралингвистический аспект исследования дихотомии «свой» – «чужой»

Одним из основных компонентов данного аспекта является приверженность людей к родному языку, который в сознании большинства людей является главным элементом культуры, позволяющим сохранять свою национальную идентичность.

Каковы же современные процессы национального самоопределения бурят и роль языка в этом процессе, является ли бурятский язык основным признаком бурятской нации, точнее, какие мнения по этому поводу существуют сегодня? Поскольку от ответа на эти вопросы во многом зависят и подходы к решению проблем бурятского языка, рассмотрим, как на этот вопрос отвечают исследователи. Большинство из них согласны с мнением, что «язык есть та неотчуждаемая принадлежность любого народа, то культурно-природное наследие, в котором находит выражение его идентичность, самосознание и самобытность. Вне всякого сомнения, именно язык следует считать доминантным признаком этноса. Все другие – общность территории, государственность, социальное устройство – по отношению к языку признаки сопутствующие. Исчезнет язык – уйдет в небытие и народ, говоривший на нем» [Нерознак 1992: 3].

При опросах же выясняется, что, например, бурят роднят с их национальностью чаще «культура, природа, земля», но не язык. Общеизвестно, например, что показателем витальности языка,

¹ В данном случае под экстралингвистикой подразумевается совокупность этнических, социальных, исторических и множество других факторов, связанных с развитием языка. Поскольку природа этого понятия также многомерна, как и природа оппозиции «свой» – «чужой», основное внимание в статье уделено ее социальной, социолингвистической, значимости, а именно анализу национального самоопределения бурят, знанию ими родного языка, роли билингвизма, дихотомии «свой диалект» – «чужой диалект», оппозиции «бурятский язык» – «монгольский язык».

наряду с количеством говорящих на нем, их соотношением с общей численностью данной этнической группы, является использование его молодым поколением. Что касается проблем современной самоидентификации бурят и роли языка в этом процессе, то, например, социолингвистические опросы среди молодежи в Республике Бурятия в 1999–2000 гг. показали, что при выявлении факторов общности бурят язык оказался на втором месте (54,4 %) по степени значимости после культуры, обычаев, традиций (79 %) [Дырхеева 2002: 90]. Для многих из них переход на общегосударственный русский язык – сознательный добровольный выбор. Последние опросы [Дырхеева 2023: 26] показывают, что многие молодые люди не видят перспективы бурятского языка. Можно также отметить, что для них знание языка родителями более значимо, чем индивидуальное владение им.

При этом понятно, что уровень национально-языкового сознания не всегда соответствует уровню национального самосознания. Необходимо также учитывать, что развитие сознания человека почти всегда отстает от развития объективной реальности, и при рассмотрении подобных проблем необходимо учитывать психологический фактор.

Очевидно, что наиболее ярко оппозиция «свой» – «чужой» проявляется в случае двуязычия, отношения к своему и чужому языку. Обычно в случае восприятия языка человеком она воплощается в отношениях «родной язык» – «язык другого народа», при этом считается, что «свое» должно получать положительную оценку, а «чужое» восприниматься как чуждое. Однако, как показывает история, в случаях взаимодействия языков может происходить смена мотиваций престижа: мотивация престижа «в глазах своих» и «в глазах чужих» [Вахтин 2001: 233–243].

Интересен в этом плане пример И. Г. Балханова, который рассматривается в связи с проблемой языковой социализации мигрантов из традиционного сельского общества в модернизированное, более престижное городское, а также в связи с ролью языка в данном процессе. Данные, полученные методом включенного наблюдения (респондент – городская бурятка с высшим образованием, плохо владеющая родным языком, была вынуждена сменить род занятий и заняться перекупкой мяса на колхозном рынке), достаточно ярко демонстрируют, насколько сложно могут выстраиваться межличностные отношения на почве владения / невладения языком.

*«С другой стороны, есть моменты, не менее важные в нашем бизнесе, которые мне, человеку с высшим образованием и коренной улан-удэнке, дают возможность доминировать среди коллег. Речь идет о том, что из-за отсутствия элементарных знаний, а также плохого знания русского языка, особенностей стиля поведения им бывает трудно выстраивать отношения с контролирующими органами или, допустим, с администрацией рынка... То есть способ ведения своих дел способствует различного рода злоупотреблениям в отношении к ним со стороны рядовых чиновников. Хотя то, чего они добиваются с таким трудом, должно делаться элементарно. Сейчас я среди них в этом отношении своего рода лидер, консультант, эксперт. Я сама практически не владею бурятским языком, так как выросла в городе, и пришла в этот бизнес сравнительно недавно. Отношение ко мне некоторое время было враждебным. Я для них **была чужая** (Здесь и далее выделено мною – Г. Д.). Из-за незнания бурятского языка я часто попадала в неприятные ситуации. Допустим, утром при закупке мяса его владельцы начинают договариваться со мной по-бурятски. Я отвечаю им по-русски и прошу их также вести разговор на русском. Тогда они подходят к моим конкурентам и без подобных проблем сдают им свое мясо. А я остаюсь ни с чем.*

*Сейчас ситуация для меня выглядит несколько иначе. Закупкой мяса непосредственно я не занимаюсь. Мне в этом помогают мои коллеги-конкуренты. Я же, в свою очередь, решаю их проблемы в других областях. И второй момент, связанный непосредственно с процессом реализации мяса. Мои коллеги проявляют в этом порой невероятную негибкость, несмотря на то, что конкуренция в мясных рядах очень жесткая. Лично у меня у первой среди всех появилась своя клиентура. Дело в том, что первый основной вопрос, который задает покупатель, касается цены. Мои коллеги, если к ним обращается бурят, отвечают **строго по-бурятски**, при этом прекрасно понимая, что многие из городских не владеют родным языком. На первый взгляд, это мелочь, но в торговле мелочей не бывает. Затем, из-за неумения говорить на хорошем русском, они могут рекламировать свой товар только по-бурятски, что также сужает слой потенциальных покупателей. Меня вначале удивляла их негибкость, даже какая-то вредность именно в том, что потенциальному покупателю бурятской национальности они считают своим долгом отвечать **исключительно по-бурятски**, несмотря на то, что тот обращается к ним первым по-русски, т. е. давая понять, что русский язык для него более приемлем.*

Но сейчас ситуация все-таки меняется. Конкуренция свое берет. Люди начинают меняться. И знаете, что я заметила: меняются те, кто старается копировать мой стиль работы. Хотя это звучит, может быть, нескромно, но люди ко мне тянутся, советуются, еще раз повторяю, стараясь

*копировать мой стиль во всем. Однако есть среди коллег и такие, кто осуждает меня. Причем я иной раз сама не могу разобраться, в чем дело. Вначале мне казалось, что из-за того, что я более удачлива в этом бизнесе, хотя выросла в городе. Но сейчас мне кажется, что дело тут еще в том, что больше всего им не нравится во мне **моя ассимилированность**» [Балханов 2002: 82–83].*

Несомненно, что оппозиция «свой» – «чужой» проявляется в характере народа. Национальная психология, менталитет – одни из важнейших внутренних факторов формирования межнациональных отношений, отношения народа к своей культуре, природе, обычаям, религии, воспитанию, хозяйственному укладу и, естественно, к языку – основному и ярчайшему признаку национальной культуры.

Как отмечает И. Э. Елаева [1997], среди доминант современной этнической идентичности бурят на первом месте стоит «открытость» бурятского этноса как этносоциальной системы для внешних влияний. Степень незамкнутости бурятской культуры помимо воздействия геополитического фактора в не меньшей степени определялась историей межэтнических отношений в регионе и религиозным фактором. Именно фактор «открытости» играет решающую роль в общем процессе ассимиляции бурятского народа, в частности в утрате, потере им родного языка. Известно, что историческое развитие народа, культурно-политические условия существования во многом определяют его отношение к своему языку, языковому развитию. В отличие от некоторых народов, также длительное время находившихся в контактах (а иногда и в борьбе) с соседними народами, для бурят не характерны пуризм, отстаивание своей культурной самобытности, ревностное отношение к языку. Они активно приобщаются к современным цивилизационным процессам, урбанизируются, что способствует утрате, нивелировке национального быта, культуры, хотя они прочно владеют достаточным объемом духовных, культурных традиций, которые подпитываются культурными связями с монголоязычными народами. В истории бурят не было крупных войн или вековой борьбы за выживание, насильственной этнической ассимиляции. Это наложило отпечаток на психологию народа, которому свойственны космополитизм, приверженность общим широким национальным интересам. Как отметила одна из респонденток (русская по национальности), буряты сами виноваты в том, что теряют родной язык и переходят на русский язык. В Якутске, например, знание якутского языка было престижным еще до революции, как французский при дворе. Многие ссыльные отлично знали якутский язык. Якуты, например, не только между собой, но и при встрече с любым азиатом, в случае, если они их не представили, сразу начинают разговор на якутском языке. У бурят же не принято в присутствии иноязычных говорить на родном языке, при этом наблюдается так называемое явление «переклочкивания кода».

Лингвистический аспект исследования дихотомии «свой» – «чужой»

Часто среди носителей того или иного языка, в которых за основу литературной формы взят один из диалектов и он как бы наделяется свойством эталонности, возникает «лингвистическая ревность». Как считает Ш. Б. Чимитдоржиев, в данном случае затрагивается проблема престижности того или иного диалекта, и прав Б. Я. Владимирцов, который писал, что литературный язык, базирующийся на одном из собственных диалектов, со стороны носителей других диалектов вызывает неприятие, что мы и наблюдаем сегодня, когда «общественные функции бурятского литературного языка с каждым днем сужаются, а разговорная речь все более превращается в русско-бурятский жаргон» [Чимитдоржиев 1999: 45]. Носители же западных диалектов, например, не могут читать периодику и книги на бурятском литературном языке, основанном на хоринском восточном диалекте, не всегда понимают носителей других диалектов, что отчасти способствует переходу на русский язык общения.

То есть существует противопоставление «свой диалект» – «чужой диалект». Возможны даже случаи, когда носители разных диалектов при общении посмеивались, причем не очень доброжелательно, друг над другом, когда оказывалось, что одно и то же слово имело разное значение. Как отмечал в устной беседе профессор В. И. Рассадин, ни у одного другого народа подобное не наблюдается.

Определение статуса идиома во многом зависит от внеязыковых факторов, в том числе от этнического самосознания пользующегося им социума. В отношениях «группа – этнос», «этнос – этнос» и т. д. могут преобладать тенденции притяжения и тенденции отталкивания, что часто влияет на определение статуса языка. При этом реальное лингвистическое сходство или

несходство идиомов может игнорироваться [Перехвальская 1995: 115]. Здесь очень важен фактор престижа или непрестижа родственного языка: финский – карельский, бурятский – монгольский, молдавский – румынский и т. д.

Что касается оппозиции «бурятский язык» – «монгольский язык», то, согласно отечественным лингвистическим меркам, бурятский язык является самостоятельным, национальным языком. Однако интересное мнение зарубежных монгольских ученых относительно идентификации бурят было высказано на Международном семинаре «Байкальский регион и геополитика Центральной Азии: история, современность и перспектива» (20–23 января 2003 г., п. Энхалук) Амаржаргал, когда она спросила, почему буряты называют себя и калмыков монголоязычными народами, ведь вы же монголы? Также в выступлении лингвиста У. Мандуху из Внутренней Монголии Китая было отмечено, что бурятский язык они считают бурятским диалектом монгольского языка [Мандуху 2022].

Собственно в языке оппозиция «свой» – «чужой» обычно проявляется в увеличении репрезентантов понятий «чужой», «странный», «непонятно говорящий» в этнологической фразеологии, пословицах, поговорках (*непрошенный гость хуже татарина, что русскому здорово, то немцу смерть* и др.), в анекдотах. В частности, у бурят про детей, которые только начинают лепетать, говорят *хятадаар хэлэнэ* ‘говорит по-китайски’.

Для бурят, помимо этнонациональных, диалектных противопоставлений, оппозиций типа «литературный язык – диалект – говор» достаточно важным является установление происхождения, рода или места их рождения, что обычно выясняется с помощью первого вопроса при знакомстве: *Ши хаанаһаа б ши?* ‘Откуда ты?’. И если следовать Г. Гачеву, то первым, главным вопросом кочевых народов будет «Откуда ты?» или «Чей ты?» [Гачев 2003: 9], и это, скорее всего, связано именно с кочевым образом жизни.

Лексика является основным языковым уровнем, где проявляются особенности национального менталитета. Как справедливо отмечает Д. Б. Сундуева, «для речевого поведения представителей бурятской национальности в рамках родного языка, а в настоящее время и русского, не характерно широкое употребление резких оценочных слов, категоричных суждений. Буддийское вероисповедание, совместная жизнь с другими народами в суровых климатических условиях способствовали развитию таких нравственных основ характера, как внутренний самоконтроль, терпимость, взаимоуважение» [Сундуева 2005: 132–135]. Подтверждением тому служит также проведенный ею анализ группы слов, обозначающих характеристику лиц по национальной принадлежности, используемых молодежью. В частности, было установлено, что во внелитературных подъязыках широко представлены лексические единицы: *мангадушка*, *мангадяра*, *ородушка* ‘русская’, *даг*, *дагер* ‘дагестанец’, *ара*, *хачик* ‘армянин’, *чурки*, *горные* ‘представители среднеазиатских и закавказских республик’, *хохол* ‘украинец’, *бурмян* – обозначение лиц, рожденных от смешанных браков бурятских женщин и армян, *китаёза* ‘китаец’ и др., большинство из которых имеют хождение на всей территории России. Представленные в русской речи бурят лексемы, обозначающие лиц кавказской национальности, в речи билингва не обладают ярко выраженным пейоративным значением.

Слова *мангадяра*, *ородушка*, образованные с помощью русских суффиксов *-яр(а)* и *-ушк(а)*, иллюстрируют в большей степени стремление молодежи к экспрессии, новизне, нежели являются проявлением негативной коннотации. Например:

В Улановке учиться конечно интереснее // Но мы в Читаго тоже не скучаем // По выходным / если домой не уезжаем / отрываемся по полной программе // Недавно я ходил на дискач / на бурдэнс // Встретил одноклассников // Музыка что надо была // Классно повеселились короче // Ородушек много пришло / педовских (Информант 3, 19 лет).

Цындыма приезжала на каникулы // В Питере учится // в Полярке / изменилась здорово // Разговаривает в основном по-русски / новые приколы / все такое // Вообще стала мангадушка (Информантка 4, 18 лет).

Зафиксированная в данных случаях семантика слов *мангадушка* и *ородушка* характеризует представителей бурятской национальности, не знающих родного языка, они используются с неодобрительной коннотацией.

Попытка выявить специфику проявления национальных особенностей дихотомии «свой» – «чужой» на лексическом уровне была также проведена нами с помощью ассоциативного анализа [Дырхеева 2020].

Тест на основе 84 слов-стимулов, включающих слова различных тематических групп и частей речи на двух языках – бурятском и русском, был проведен в 2009–2010 гг. В список слов-стимулов были включены базовые константы-концепты, в которых заложены универсальные и национальные ценности. В связи с задачами эксперимента были выделены лексические сферы, категории, наиболее ярко отражающие видение мира бурят, в том числе, связанные с отражением оппозиции «свой» – «чужой», это слово-этноним *буряад* ‘бурят’, прилагательные *өөрын* ‘свой’ и *хариин* ‘иностранный чужой, чужак’.

Одним из внешних проявлений оппозиции «свой» – «чужой» может служить этническое самоназвание или этноним. Анализ особенностей автостереотипа *буряад* ‘бурят’ [Дырхеева 2020: 84–96] позволил, в частности, выявить, что наиболее характерным представлением о себе на родном языке является представление о национальном единстве, родной земле: *яһатан* (11)², *яһан* (3), *манай яһатан* ‘наш народ, наша нация’, *миниин яһатан* ‘мой народ’, *зон* ‘народ’ (2), *нютаг* ‘родное место, родные кочевья, родина, улус’, *нютаагархин* ‘одноулусники, земляки’ (3), *то-онто* ‘послед, плацента, место рождения’, *уг гарбалтай* ‘происхождение, предки’, *хонгоодоор* ‘хонгодор (одно из бурятских племен)’. В группу ассоциатов – представлений о себе вошли также *нуудэлшэ* ‘кочевник’, *морин эрдэни* ‘конь-сокровище’, *мяхан* ‘мясо’, заимствованное *традици* ‘традиция’ и др.

Интересно, что представления о себе на родном языке и на русском различаются незначительно. Так, в группу ассоциатов на бурятском языке вошли такие оценочные характеристики, как *хара* ‘черный, смуглый’ (2), *маяа* ‘кривоногий’, *набтар* ‘приземистый, малорослый’, *удаан* ‘медлительный’, которые касаются в основном внешних характеристик, причем некоторые имеют отрицательную коннотацию. Русскоязычные реакции в основном совпадают с автостереотипами на бурятском: *народ*, *народность*, *национальность*, *нация*, *нация скуластая*, *земляк*, *сородичи*, *сосед*, *этнос*. В сумме они составляют более половины всех реакций. Дополнительными являются следующие представления о себе: *традиции*, *юрта* (2), *борец*, *конь*, *кочевник*, *культура*, *отара*, *скотовод*, *стадо*, *степь*, *табун*, *хэлэн* ‘язык’. При этом эмоционально-оценочные репрезентанты на русском языке имеют преимущественно положительную коннотацию: *хитрый* (5), *умный* (4), *гордость* (2), *гордый*, *добрый*, *изворотливый*, *красота*, *мудрость*, *разный характер*, *ум*, *хитрость*, *хороший парень*, *когда трезв*. Возможно, это связано с более критичным отношением к себе в высказываниях между «своими» и желанием выглядеть лучше со стороны «чужих».

Для выявления специфики ассоциативного поля *ӨӨРЫН* ‘свой’ был использован анализ его семантического гештальта, который признается как один из наиболее эффективных при исследовании этнокультурных особенностей национально-языковых картин мира [Караулов 2000].

Ассоциативное поле (АП) на бурятском языке выглядит следующим образом:

ӨӨРЫН: *миниин* ‘мой’ (25), *гэр* ‘дом’ (9), *аба* ‘отец’ (7), *айл* ‘семья, дом’, *хүн* ‘человек’ (6), *манай* ‘наш’ (4), *түрэл* ‘родня, родственники, родственный’, *үхибүүн* ‘ребенок’, *һанаан* ‘мысль, дума, намерение’ (3), *бэе* ‘тело’, *зөөри* ‘имущество’, *унтари* ‘постель’, *хэрэг* ‘дело’ (2), *бодол* ‘мысль’, *болгохо* ‘делать, ставить’, *бэеын* ‘телесный’, *дайда* ‘земля’, *дүтын* ‘близкий’, *дүтэ* ‘близкий’, *дүшэ* ‘правнук’, *единоличник* ‘единоличник’, *миниин үеын* ‘мой по возрасту, ровесник’, *могой* ‘змея’, *мүшэн* ‘звезда’, *нютаг* ‘родное место, родина, улус’, *ойро* ‘вблизи, близкий’, *өөрын бэишэ* ‘не мой’, *сүмкэ* ‘сумка’, *тала* ‘степь, сторона, место’, *угол* ‘угол’, *үбгэ эсэгын* ‘дед’, *үхин* ‘девушка, ребенок’, *хуби заяан* ‘доля, судьба, удел’, *хубсаһан хүн* ‘одежда человек’, *хүбүүн* ‘сын, мальчик’, *хүн хубсаһан* ‘человек одежда’, *хүнэй юумэн* ‘вещи человека’, *һанал* ‘мнение’ (1) [86 + 36 + 25]³.

² В скобках указана частота ответа-реакции на слово-стимул, при совпадении частот она указывается в конце группы слов-ассоциатов с данной одинаковой частотой. Для реакций с частотой 1 она не указывается.

³ Первая цифра – общее количество реакций, вторая – число разных реакций, третья – количество реакций с частотой 1.

В данном ассоциативном поле можно выделить следующие гештальтные зоны:

1) персоналии: *аба* 'отец' (7), *айл* 'семья, дом', *хүн* 'человек' (6), *түрэл* 'родня, родственники, родной', *үхибүүн* 'ребенок' (3), *дүшэ* 'правнук', *минии үеын* 'мой по возрасту, ровесник', *үбгэ эсэын* 'дед', *үхин* 'девушка, ребенок', *хубсаһан хүн* 'одежда человек', *хүн хубсаһан* 'человек одежда', *хүнэй юумэн* 'вещи человека', *хүбүүн* 'сын, мальчик' (итого: 33 реакции);

2) взаимозаменяемые или эквивалентные лексемы: *минии* 'мой' (25), *манай* 'наш' (4) (итого: 29 реакций);

3) собственность, принадлежность: *гэр* 'дом' (9), *бэе* 'тело', *зөөри* 'имущество', *унтари* 'постель', *хэрэг* 'дело' (2), *бэеын* 'телесный', *дайда* 'земля', *сүмкэ* 'сумка', *угол* 'угол', *хуби заяан* 'доля, судьба, удел' (итого: 22 реакции);

4) слова мыслительной деятельности: *hanaan* 'мысль, дума, намерение' (3), *бодол* 'мысль', *hanal* 'мнение' (итого: 5 реакций);

5) прочие: *болгохо* 'делать, ставить', *могой* 'змея', *мүшэн* 'звезда', *единоличник* 'единоличник' (итого: 4 реакции);

6) пространство (расстояние): *дүтын* 'близкий', *дүтэ* 'близкий', *ойро* 'вблизи, близкий' (итого: 3 реакции);

7) место, локус: *нютаг* 'родное место, родина, улус', *тала* 'степь, сторона, место' (итого: 2 реакции);

8) антоним: *өөрын бэшэ* 'не мой' (1 реакция).

Расположение зон определяется суммарной частотой входящих в них слов-реакций. Слова в зоне упорядочены по алфавиту и частоте, которая приводится в конце группы с одинаковой частотой (если частота слова равняется единице, она не указана). После их перечисления в скобках показана общая частотность слов данной зоны.

Основными ментальными и языковыми компонентами-гештальтами лексемы *өөрын* являются «персоналии» (33), причем основную часть (20) составляют лексемы, обозначающие родственные отношения, то есть, как и в случаях анализа других ассоциативных полей и ядра языкового сознания [Дырхеева 2020: 106], подтвердилась важность для бурят семейных уз, родственных отношений. Значительными по объему являются зоны «взаимозаменяемые или эквивалентные лексемы» и имеющие значение «собственности, принадлежности». Специфичным является выделение четвертой зоны – слов мыслительной деятельности: для бурят характерна актуализация ментально-мыслительной деятельности человека. Данная особенность была также отмечена при анализе понятия *hэихэл* 'совесть' [Дырхеева 2024].

Русскоязычное АП лексемы *свой* имеет следующий вид.

СВОЙ: *родной* (14), *дом*, *человек* (10), *близкий*, *мой*, *чужой* (5), *наш* (4), *собственность* (3), *близкий, личный, ребенок, частный* (2), *для тебя, друг, другому не дам, замок, земля, имидж, круг, личное, мобильник, мое, не чужой, образ, работа, род, родня, собственный, счет, твой, человек родной, язык* (1) [84 + 32 + 20].

Гештальт на русском языке выглядит следующим образом:

1) взаимозаменяемые, близкие по значению или эквивалентные: *родной* (14), *близкий*, *мой* (5), *наш* (4), *близкий, личный* (2), *личное, не чужой, собственный, мой* (итого: 33 реакции);

2) собственность, принадлежность: *дом* (10), *собственность* (3), *замок, земля, мобильник, счет* (итого: 17 реакций);

3) персоналии: *человек* (10), *ребенок* (2), *друг, родня, человек родной* (итого: 15 реакций);

4) прочие: *частный* (2), *для тебя, другому не дам, круг, работа, род, язык* (итого: 8 реакций);

5) антоним: *чужой* (5), *твой* (итого: 6 реакций);

6) внешность: *имидж, образ* (итого: 2 реакции).

Как видим, три первые зоны гештальта на обоих языках совпадают, однако очередность их различается. Можно отметить, в первую очередь, разнообразие содержания первой зоны, что говорит о богатстве средств выражения отношения близости в русском языке. Очевидно также,

что, как и во многих других случаях [Дырхеева 2020: 51], русскоязычная зона «персоналии» оказалась менее частотной⁴ и в ней практически отсутствуют лексемы, выражающие близкородственные отношения. Кроме того, на особенности ассоциативных связей, как и во многих других случаях, сказались структурно-семантические особенности бурятского языка. Например, к ним относится конверсия типа *түрэл* ‘родня, родственники, родной’, отнесение которых к соответствующей зоне в каждом конкретном случае рассматривались индивидуально.

Слово *хариин*⁵ многозначное и определяется как ‘чужой, чуждый, иноземный’. Соответственно, и его АП достаточно разнообразное.

ХАРИИН: *хүн* ‘человек (в словосочетании – иностранец)’ (17), *хэлэн* ‘язык’ (10), *ондоо* ‘другой’ (8), *ондоо гүрэнэй* ‘другого государства’, *холын* ‘дальний’ (7), *гүрэн* ‘государство’ (6), *бэри* ‘невестка’ (3), *айлшан* ‘гость’, *басаган* ‘девочка, девушка’, *газар* ‘земля’, *хүбүүн* ‘мальчик, сын’, *хармаа* ‘кушанье’, *холын хүн* ‘человек издалека’ (2), *американ хүн* ‘американец’, *буса* ‘другой, иной’, *дайда* ‘земля, место, местность’, *дайсан* ‘враг’, *зон* ‘народ’, *нүхэр* ‘друг’, *ондоо тээхи* ‘из другого’, *ондоо юумэ* ‘другая вещь’, *талын* ‘степной’, *танил бэшэ* ‘незнакомый’, *тиимэ* ‘такой’, *тиихэдэ* ‘тогда, в тот раз’, *хүн зон* ‘народ’, *хурьгэн* ‘зять’, *холо* ‘далеко’, *хубсаһан* ‘одежда’, *хэрэлдээн* ‘ссора’, *эндиин* ‘вероятно, разговорный вариант от эндэ – эндэхин ‘здешний’ (1) [88 + 31 + 18].

Выделены следующие зоны гештальта:

1) персоналии: *хүн* ‘человек, иностранец’ (17), *бэри* ‘невестка’ (3), *айлшан* ‘гость’, *басаган* ‘девочка, девушка’, *хүбүүн* ‘мальчик, сын’, *холын хүн* ‘человек издалека’ (2), *американ хүн* ‘американец’, *дайсан* ‘враг’, *зон* ‘народ’, *нүхэр* ‘друг’, *хүн зон* ‘народ’, *хурьгэн* ‘зять’ (итого: 34 реакции);

2) прочие: *хэлэн* ‘язык’ (10), *гүрэн* ‘государство’ (6), *хармаа* ‘кушанье’ (2), *дайсан* ‘враг’, *хэрэлдээн* ‘ссора’, *тиимэ* ‘такой’, *тиихэдэ* ‘тогда, в тот раз’, *хэрэлдээн* ‘ссора’ (итого 23 реакции);

3) взаимозаменяемые, эквивалентные: *ондоо* ‘другой’ (8), *буса* ‘другой, иной’, *ондоо тээхи* ‘из другого’, *танил бэшэ* ‘незнакомый’ (итого 11 реакций);

4) собственность, принадлежность: *газар* ‘земля’ (2), *дайда* ‘земля, место, местность’, *ондоо юумэ* ‘другая вещь’, *хубсаһан* ‘одежда’ (итого 5 реакций);

5) пространство (расстояние): *талын* ‘степной’, *холо* ‘далеко’ (итого 2 реакции);

6) антоним: *эндиин* ‘вероятно, разговорный вариант от эндэ – эндэхин ‘здешний’ (итого 2 реакции).

Гештальтные зоны *өөрын* и *хариин* отличаются от русскоязычной *свой* тем, что в них очередность по частотности почти совпадает, самыми частотными являются реакции «персоналии», «эквиваленты», «собственность, принадлежность». Скорее всего, данный факт свидетельствует о достаточно жесткой структуре оппозиции «свой» – «чужой» в языковом сознании бурят. Интересно, что *хариин* ‘чужой’ чаще всего относится именно к чужому человеку, самая высокая частота (17) у *хүн* ‘человек, иностранец’⁶, то есть значение оппозиции здесь в основном связано с социальной группой, *чужой* является представителем другой группы, это базовое активное значение характерно для большинства культур и языков. При этом можно отметить, что отрицательные реакции или слова с негативной коннотацией для характеристики чужих здесь отсутствуют. Интересно также, что реакция *хэлэн* ‘язык’ встречается в зонах *свой* и *хариин* и отсутствует в *өөрын*, что объясняется тем, что *свой язык* по-бурятски будет *мини хэлэн*, то есть *өөрын* заменяется на эквивалентное *мини* ‘мой’.

⁴ Можно предположить, что в данном случае русскоязычное сознание бурят близко к языковому сознанию русских. Однако в связи с отсутствием стимула *свой* в «Русском ассоциативном словаре» [1994] сравнение провести не удалось.

⁵ Очевидно, что здесь, как и во многих других случаях, наблюдается несовпадение лексико-семантических полей. В связи с тем, что в ходе эксперимента русскоязычное АП было представлено на параллельное значение *хариин* ‘иностранец’, ассоциативные поля на бурятском и русском языках оказались существенно различными и не поддающимися сравнению. Кроме того, в связи с отсутствием соответствующих АП в «Русском ассоциативном словаре», к сожалению, также не было возможности сравнить их между собой и, соответственно, выявить степень близости в данном случае языкового русскоязычного сознания бурят-билингвов по отношению к языковому сознанию русских.

⁶ О значимости лексемы «человек» во всех АП и в языковом сознании бурят см. [Дырхеева 2020].

Заключение

Вариации и формы языкового проявления дихотомии «свой» – «чужой» многообразны, специфичны для каждого языка и культуры, имеют большое научное и практическое значение. Исследователи сходятся во мнении, что задача описания национальной самобытности непосредственно связана с проблемой взаимопонимания, которая особенно остро ощущается в наше время, когда, с одной стороны, по словам Г. Гачева, «народы мира максимально сближаются по образу жизни, быту, производству, культуре, а с другой – обостряется национальная чувствительность» [Гачев 2003: 59]. Незнание или неучет данных особенностей может повлечь достаточно серьезные последствия при межъязыковом взаимодействии.

Дихотомия «свой» – «чужой» является универсальной когнитивной базой, характер функционирования которой определяется культурой, а также психическими процессами. Специфика различий зависит от культурных и языковых особенностей, она связана с формированием этнического самосознания, социальным поведением. Как и многие другие языковые элементы, данная оппозиция характеризуется определенной аффективной (эмоциональной) окрашенностью.

Как показал анализ, в бурятской лингвокультуре данная оппозиция также обладает достаточно устойчивыми универсальными и национально специфическими признаками, которые связаны со стереотипами, закрепленными в языковом сознании соответствующими высказываниями и словами. Как и по другим параметрам, для бурят в данном случае важнейшими являются кровнородственные, этнические и языковые проявления данной оппозиции.

Список литературы

- Арекеева Ю. Е. Репрезентация оппозиции «свой» – «чужой» в языковой картине (на материале русского и китайского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2023. 21 с.
- Балханов И. Г. Двужычие как фактор маргинализации // Двужычие в Бурятии: новые аспекты изучения. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. С. 72–88.
- Балясникова О. В. «Свой-чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 33 с.
- Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 337 с.
- Гачев Г. Ментальности народов мира. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 541 с.
- Дырхеева Г. А. Бурятский язык в условиях двуязычия: проблемы функционирования и перспективы развития. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 188 с.
- Дырхеева Г. А. Бурятский язык в условиях двуязычия: особенности трансформации языкового сознания (по результатам ассоциативного эксперимента). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2020. 236 с.
- Дырхеева Г. А. Детский бурятско-русский билингвизм: динамика социолингвистических изменений // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. № 2. С. 20–28.
- Дырхеева Г. А. Семантический гештальт понятия *hэшхэл* 'совесть' в языковом сознании бурят-билингвов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 2. С. 93–98.
- Елаева И. Э. Тезисы к докладу на Ученом совете Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 1997 г.
- Караулов Ю. Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания // Языковое сознание: содержание и функционирование: XIII Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: тез. докл. (Москва, 1–3 июня 2000 г.). М., 2000. С. 107–108.
- Мандуху У. Средневековый монгольский и бурятский языки // Мир Центральной Азии. Т. IV. Ч. 1. Языки. Фольклор. Литература: Материалы международной научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. С. 88–89.
- Мочкина В. Х. Отношения «свой» – «чужой» в межэтнических коммуникациях // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник. Вып. 8. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2007. С. 39–42.
- Нерознак А. П. Язык охраняется законом // Русская речь. 1992. № 2. С. 3–9.
- Падерина Т. С., Сюэ Б. Этническое своеобразие концепта «свой-чужой» в языковом сознании русских и китайцев // Russian Linguistic Bulletin. 2021. № 3 (27). С. 13–17.

Перехвальская Е. В. Статус идиома и этническое самосознание // Этническое и языковое самосознание: Мат-лы конференции (Москва, 13–15 декабря 1995 г.). М., 1995. С. 115–116.

Русский ассоциативный словарь. Кн. 1 / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов и др. М., 1994. 224 с.

Смирнов Ю. И. Противопоставление «свой – чужой» и множественность форм самосознания // Этническое языковое самосознание: Мат-лы конференции (Москва, 13–15 декабря 1995 г.). М., 1995. С. 133–134.

Сундеева Д. Б. Бурятско-русское двуязычие в Агинском Бурятском автономном округе: социолингвистический аспект. Чита: ЧитГУ, 2005. 181 с.

Чимитдоржиев Ш. Б. Возрождение бурятской культуры в контексте развития монгольского мира // Материалы «Круглого стола и выездного заседания Комитета Народного Хурала Республики Бурятия по международным и региональным связям, национальным вопросам, делам общественных организаций и религиозных объединений по вопросу «О ходе реализации Концепции государственной национальной политики Республики Бурятия (предпринятые действия, проблемы и пути дальнейшей реализации)». Улан-Удэ, 1999. С. 44–47.

References

Arekeeva Yu. E. *Reprezentatsiya oppositsii "svoiy – chuzhoy" v yazykovoy kartine (na materiale russkogo i kitayskogo yazykov)* [Representation of the opposition "friend or foe" in the language picture (based on the Russian and Chinese languages)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Chelyabinsk, 2023, 21 p. (In Russian)

Balkhanov I. G. *Dvuyazychie kak factor marginalizatsii* [Bilingualism as a factor of marginalization]. In *Bilingvizm v Buryatii: novye aspekty izucheniya* [Bilingualism in Buryatia: new aspects of study]. Ulan-Ude, BSC SB RAS, 2002, pp. 81–84. (In Russian)

Balyasnikova O. V. *"Svoiy-chuzhoy" v yazykovom soznanii nositeley russkoy i angliyskoy kul'tur* ["Friend-Foe" in the linguistic consciousness of native speakers of Russian and English cultures]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2003, 33 p. (In Russian)

Chimitdorzhiev Sh. B. *Vozrozhdenie buryatskoy kultury v kontekste razvitiya mongolskogo mira* [Revival of Buryat culture in the context of the development of the Mongolian world]. In *Materialy "Kruglogo stola i vyeznogo zasedaniya Komiteta Narodnogo Khurala Respubliki Buryatiya po mezhdunarodnym i regionalnym svyazym, natsional'nym voprosam, delam obschestvennykh organizatsiy i religioznykh obedineniy po voprosu "O khode realizatsii Kontseptsii gosudarstvennoy politiki Respubliki Buryatiya (predprinyatye deystviya, problem i puti dal'neyshey realizatsii)"* [Materials of the "Round table and visiting meeting of the Committee of the People's Khural of the Republic of Buryatia on international and regional relations, national issues, affairs of public organizations and religious associations on the issue "On the progress of the implementation of the Concept of the state national policy of the Republic of Buryatia (actions taken, problems and ways of further implementation)"]. Ulan-Ude, 1999, pp. 44–47. (In Russian)

Dyrkheeva G. A. *Buryatskiy yazyk v usloviyakh dvuyazychiya: osobennosti transformatsii yazykovogo soznaniya (po rezul'tatam assotsiativnogo eksperimenta)* [Buryat language in the context of bilingualism: features of the transformation of linguistic consciousness (based on the results of an associative experiment)]. Ulan-Ude, BSC SB RAS, 2020, 236 p. (In Russian)

Dyrkheeva G. A. *Buryatskiy yazyk v usloviyakh dvuyazychiya: problem funktsionirovaniya i perspektivy razvitiya* [Buryat language in the context of bilingualism: problems of functioning and development prospects]. Ulan-Ude, BSC SB RAS, 2002, 188 p. (In Russian)

Dyrkheeva G. A. *Detskiy buryatsko-russkiy bilingvizm: dinamika sotsiolingvisticheskikh izmeneniya* [Children's Buryat-Russian bilingualism: dynamics of sociolinguistic changes]. *Vostochnyy vektor: istoriya, obshchestvo, gosudarstvo* [Oriental Vector: History, Society, State]. 2023, no. 2, pp. 20–28. (In Russian)

Dyrkheeva G. A. *Semanticheskiy geshtal't ponyatiya heshkhel 'sovest' v yazykovom soznanii buryat-bilingvov* [Semantic gestalt of the concept of heshkhel 'conscience' in the linguistic consciousness of bilingual buryats]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of cognitive linguistics]. 2024, no. 2, pp. 93–98. (In Russian)

Elaeva I. E. *Tezisy k dokladu na Uchenom sovete Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN* [Theses to the report at the Academic council of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies SB RAS]. 1997. (In Russian)

Gachev G. *Mental'nosti narodov mira* [Mentality of the peoples of the world]. Moscow, Eksmo, 2003, 541 p. (In Russian)

Karaulov Yu. N. Semanticheskiy geshtal't i obrazy soznaniya [Semantic gestalt of the associative field and images of consciousness]. In *Yazykovoe soznanie: sodержanie i funktsionirovanie: 13 Mezhdunar. simpozium po psikholingvistike i teorii kommunikatsii: tez. dokl. (Moskva, 1–3 iyunya 2000 g.)* [Linguistic consciousness: content and functioning: 13th International symposium on psycholinguistics and communication theory: abstracts (Moscow, June 1–3, 2000)]. Moscow, 2000, pp. 107–108. (In Russian)

Manduhu U. Srednevekovyi mongol'skiy i buryatskiy yazyki [Medieval Mongolian and Buryat languages]. In *Mir Tsentral'noy Azii* [The world of Central Asia]. Ulan-Ude, BSC SB RAS, 2002, vol. IV, pt. 1: Yazyki. Fol'klor. Literatura: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Languages. Folklore. Literature: Proceedings of the international scientific conference], pp. 88–89. (In Russian)

Mochkina V. Kh. Otnosheniya “svoy” – “chuzhoy” v mezhetnicheskikh kommunikatsiyakh [Relationships “own” – “other” in interethnic communications]. In *Etnosotsialnye protsessy v Sibiri: Tematicheskii sbornik* [Ethnosocial processes in Siberia: thematic collection]. Novosibirsk, Sibirskoe nauchn. izd., 2007, iss. 8, pp. 39–42. (In Russian)

Neroznak A. P. Yasyk okhranyaetsya zakonom [Language is protected by law]. *Russkaya Rech'* [Russian Speech]. 1992, no. 2, pp. 3–9. (In Russian)

Paderina T. S., Syue B. Etnicheskoe svoeobrazie kontsepta “svoy-chuzhoy” v yazykovom soznanii russkikh i kitaytsev [Ethnic originality of the concept “own-other” in the linguistic consciousness of Russians and Chinese]. *Russian Linguistic Bulletin*. 2021, no. 3 (27), pp. 13–17. (In Russian)

Perekhval'skaya E. V. Status idioma i etnicheskoe samosoznanie [Status of idiom and ethnic self-awareness]. In *Etnicheskoe i yazykovoe samosoznanie. Materialy konferentsii (Moskva, 13–15 dekabrya 1995)* [Ethnic and linguistic self-awareness: Conference proceedings (Moscow, December 13–15, 1995)]. Moscow, 1995, pp. 115–116. (In Russian)

Russkiy assotsiativnyy slovar' [Russian associative dictionary]. Yu. N. Karaulov, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov et al. (Eds.). Moscow, 1994, bk. 1, 224 p. (In Russian)

Smirnov Yu. I. Protivopostavlenie “svoy – chuzhoy” i mnozhestvennost' form samosoznaniya [The “own – other” contrast and the multiplicity of forms of self-awareness]. In *Etnicheskoe i yazykovoe samosoznanie. Materialy konferentsii (Moskva, 13–15 dekabrya 1995)* [Ethnic and linguistic self-awareness: Conference proceedings (Moscow, December 13–15, 1995)]. Moscow, 1995, pp. 133–134. (In Russian)

Sundueva D. B. *Buryatsko-russkoe dvuyazychie v Aginskom Buryatskom avtonomnom okruge: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Buryat-Russian bilingualism in the Agin-Buryat autonomous okrug: sociolinguistic aspect]. Chita, ChitSU, 2005, pp. 132–135. (In Russian)

Vakhtin N. B. *Yazyki narodov Severa v 20 veke. Ocherki yazykovogo sdviga* [Languages of the peoples of the North in the 20th century. Essays on language shift]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin, 2001, 337 p. (In Russian)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
05.03.2025

Сведения об авторе – Information about the Author

Галина Александровна Дырхеева – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела языкознания, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

Galina A. Dyrkheeva – Doctor of Philology, Principal Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation)

an5dag1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3477-6280>

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 398(092) + 82-97

DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-186-203

«Я люблю науку!»: интервью с Натальей Константиновной Козловой (к ее 70-летию)

С. А. Мясникова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия

Для цитирования

Мясникова С. А. «Я люблю науку!»: интервью с Натальей Константиновной Козловой (к ее 70-летию) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55). С. 186–203. DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-186-203

“I love science!”: Interview with Natalia Konstantinovna Kozlova (on her 70th birthday)

S. A. Myasnikova

F. M. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

For citation

Myasnikova S. A. “Ya lyublyu nauku!”: interv’yu s Natal’ey Konstantinovnoy Kozlovoy (k ee 70-letiyu) [“I love science!”: Interview with Natalia Konstantinovna Kozlova (on her 70th birthday)]. Yazyki i Fol’klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 3 (iss. 55), pp. 186–203. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-186-203

Рис. 1. Н. К. Козлова в отделе русской традиционной культуры ГЦНТ Омской области «Сибирский культурный центр», 2023 г.

Fig. 1. N. K. Kozlova in the department of Russian traditional culture of the SCFA of the Omsk region “Siberian Cultural Center”, 2023

1 сентября 2025 г. отметила свой 70-летний юбилей известный сибирский фольклорист, доктор филологических наук, профессор Омского государственного педагогического университета Наталья Константиновна Козлова.

Наталья Константиновна – фольклорист с многолетним стажем экспедиционной работы, имеет большой опыт полевой собирательской практики, активно занимается научно-исследовательской, педагогической и общественной работой. Является членом Главной редколлегии академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», председателем Правления Омской региональной общественной организации «Центр славянских традиций», заместителем председателя областной комиссии по нематериальному этнокультурному достоянию при Министерстве культуры Омской области. Имеет более 160 научных и учебно-методических публикаций.

© С. А. Мясникова, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55)
Yazyki i Fol’klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 3 (iss. 55)

В настоящей статье представлены фрагменты беседы с Натальей Константиновной, посвященной ее профессиональной деятельности.

Софья Мясникова (СМ): Наталья Константиновна, всю свою жизнь Вы посвятили исследованию фольклора. Расскажите, пожалуйста, что повлияло на Ваш профессиональный выбор.

Наталья Константиновна Козлова (НК): Я родилась в городе Омске, отец мой был рабочим, а мама служащей. До седьмого класса средней школы я хотела быть хирургом. А в восьмом классе к нам пришла учительница по литературе, и мне было невероятно интересно на ее уроках. Я представляла, что вот так же буду стоять у доски и детям рассказывать про писателей. Читать я обожала с детства, в буквальном смысле зачитывалась книгами. Поэтому выбрала филологический факультет.

А к фольклору как пришла? Наверное, определяющими стали занятия по фольклору на первом курсе института и преподаватель устного народного творчества Людмила Владимировна Новоселова, которая увидела мой интерес к народной культуре и предложила поехать в экспедицию по северным районам Омской области. Это был 1973 год. Мы работали две недели: сначала в Тарском районе, потом переехали в Седельниковский район. И после первой экспедиции я «заболела» фольклором настолько, что поняла – это мое.

СМ: Когда Вы поняли, что хотите заниматься научной деятельностью?

НК: Это произошло еще в студенческие годы. Я выступала на конференциях, на тот момент уже увлекалась быличками, мифологией. По быличкам я написала выпускную работу, которая в педагогическом институте стала первой дипломной по фольклору за все годы. Литературы по мифологической прозе в те годы было очень мало. В. П. Зиновьев занимался мифологической прозой, но о его работе тогда было неизвестно. А еще за год до этого вышла монография Эрны Васильевны Померанцевой «Мифологические персонажи в русском фольклоре», в которой быличка рассматривалась как жанр фольклора. Я тоже рассматривала быличку именно как жанр фольклора, а не просто как рассказы о суевериях. В то время больше никто быличками и не занимался. Это потом уже, в 1990-е годы, случился бум интереса к этому жанру и к мифологии вообще.

СМ: Вы сразу по окончании педагогического института начали работать на кафедре?

НК: Нет, мой путь на кафедру, как на основное место работы, был долгим и сложным. К окончанию института я уже поняла, что очень хочу преподавать фольклор и заниматься им с научной точки зрения, хочу заниматься наукой. Но у нас было обязательное распределение. Окончив институт, я уехала вместе с мужем в село и работала там некоторое время учителем русского языка и литературы, а мой муж – директором школы.

В конце 70-х годов в педагогическом институте ввели обязательную фольклорную практику. На курсе могло учиться до 170 человек одновременно, и нужно было преподавать у нескольких групп. Требовались фольклористы. На тот момент мы уже вернулись в Омск, а так как я – человек, связанный с фольклором, то, естественно, обо мне и вспомнили. В 1979 году мне предложили почасовую нагрузку на кафедре. Я поехала в экспедицию руководителем одной из групп и потом каждый год ездила в фольклорную экспедицию со студентами. Позже мне стали предлагать вести и другие курсы. В общей сложности я проработала почасовиком на кафедре почти семь лет. За эти годы несколько раз появлялась возможность перейти на постоянную работу в институт, но все время возникали какие-то сложности.

СМ: Вы работали почасовиком на кафедре, а было ли у Вас основное место работы? Связано ли оно было с фольклором или наукой?

НК: Конечно, у меня была основная работа, но она никак не была связана ни с фольклором, ни с наукой. После выхода из декретного отпуска в 1979 году я пошла работать не в школу, а на завод им. Октябрьской революции, где работали мои родители, корреспондентом радиогазеты. Отработала там почти год. Потом ушла во Дворец пионеров методистом по работе с октябрятами, позже работала там же, но в краеведческом отделе. Всего Дворцу пионеров я отдала шесть лет.

СМ: Как Вы перешли на штатную работу в университет?

НК: Однажды мне позвонил Вадим Михайлович Физиков, в то время он был деканом филологического факультета, и предложил место лаборанта на кафедре. Я долго сомневалась, ведь мне хотелось заниматься в институте наукой! Вадим Михайлович убедил меня, что с лаборанта легче перейти на педагогическую должность, и при первой же возможности меня переведут. Так я стала лаборантом кафедры русской литературы, а в 1987 году меня перевели на должность

ассистента, и я стала искать, куда можно поступить в аспирантуру. Тут мне помогла Людмила Владимировна Новоселова. Она позвонила Юрию Ивановичу Смирнову, занимавшемуся исследованием быличек, славянской мифологии. Юрий Иванович пригласил меня познакомиться на совещании по томам серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», которое проходило в новосибирском Академгородке. В Новосибирске меня поразило научное сообщество, представительные люди в национальных костюмах. Юрий Иванович предложил тему, которая стала определяющей в моей научной деятельности, – «мифологические представления об огненном змее», а через год ввел в состав рабочей группы тома по сказочной прозе русских, проживающих в Сибири.

Будучи ассистентом, я вела лекции по устному народному творчеству, древнерусской литературе, русской литературе XVIII века, продолжала ездить со студентами в фольклорные экспедиции. Через какое-то время я заняла должность старшего преподавателя, после защиты кандидатской диссертации стала доцентом, а докторскую диссертацию я защитила, уже будучи заведующей кафедрой культурологии философского факультета ОмГПУ.

СМ: Расскажите, пожалуйста, о своей учебе в ИМЛИ (Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН) и работе над диссертациями. В каком году Вы поступили в аспирантуру?

НК: Я не поступала в аспирантуру. Я была соискателем. В 1989 году я прикрепилась к Юрию Ивановичу соискателем ученой степени кандидата наук. На написание кандидатской диссертации у меня ушло очень много времени. Конечно, сказывалось семейное положение, наличие двоих детей, но самое главное – это то, что нужно было собирать материал. Материал для диссертации я набирала в течение пяти лет. Это, конечно, полевая работа, работа в Ленинской библиотеке (Российская государственная библиотека, до 1992 г. – Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. – С. М.). Естественно, все это было не напрасно, ведь сейчас, благодаря экспедиционной работе, которую вела я и студенты под моим руководством, в Фольклорном архиве Омского педагогического университета хранится большое количество текстов по «змеиной» теме.

В 1997 году в Институте мировой литературы им. А. М. Горького я защитила кандидатскую диссертацию по специальности «Фольклористика» на тему «Восточнославянские былички о Змее и змеях. Мифический любовник». Юрий Иванович Смирнов был моим Учителем с большой буквы, я прошла у него в ИМЛИ очень хорошую школу. Он научил меня, как работать с текстами, какими должны быть указатели, объяснил правила их составления.

Защита кандидатской прошла блестяще. За меня единогласно проголосовали все члены диссертационного совета. И после этого Виктор Михайлович Гацак предложил сразу поступать к нему в докторантуру. При написании докторской диссертации я вплотную занялась систематизацией, любовь к которой у меня пошла от Юрия Ивановича. В 2007 году в диссертационном совете ИМЛИ я защитила докторскую диссертацию на тему «Восточнославянские мифологические рассказы о змеях. Систематика. Исследование. Тексты» под руководством В. М. Гацака.

СМ: Вы упомянули, что работали заведующей кафедрой культурологии на философском факультете ОмГПУ. Расскажите немного об этом.

НК: У истоков кафедры культурологии стояли Арам Айкович Асоян (известный советский и российский филолог, культуролог, дантовед. – С. М.) и Татьяна Ивановна Подкорытова. Они пригласили меня быть заведующей кафедрой, заниматься административными делами. Изначально кафедра создавалась на филологическом факультете, но уже через год была переведена в структуру философского факультета ОмГПУ. Проработала я там практически 10 лет, до 2012 года, и это было замечательное время.

На кафедре собрался прекрасный коллектив единомышленников, мы разрабатывали интересные курсы, продолжали ездить в фольклорные экспедиции, выезжали по городам в рамках музейной практики. У нас было много дипломников с интересными темами, основанными, как правило, на региональном материале. В начале 2000-х годов требовалось открытие новых специальностей, и я, посоветовавшись с кафедрой, решила открыть специальность «Народная художественная культура». В 2006 году мы выпустили первых бакалавров и с этого же года начали набирать магистрантов.

Нам удавалось в учебном плане охватить почти весь спектр народной культуры, начиная от теоретических вопросов и кончая практическим воплощением фольклора: режиссурой народных

праздников, традиционным народным декоративно-прикладным искусством, народной музыкой и танцами. Что касается теоретических курсов, мы читали «Актуальные проблемы теории истории», «Фольклористику», «Методы исследования народной художественной культуры», курсы по народной культуре Прииртышья, по мифологии народов мира и славянской мифологии. Это было время, когда можно было развернуться. Собирали фольклор, работали в тесном контакте с Государственным центром народного творчества, в целом, была творческая, очень интересная жизнь.

Рис. 2. Экспедиция в д. Граковку
Усть-Ишимского района, 2006 г.

Fig. 3. Expedition to v. Grakovka,
Ust-Ishim district, 2006

В 2012 году философский факультет был расформирован, и кафедра культурологии вернулась на филологический факультет, где объединилась с кафедрой литературы. При переходе на филологический факультет я отказалась продолжать деятельность на посту заведующего кафедрой, заняла должность профессора. На этой должности работаю с магистрантами и сейчас.

СМ: Ранее Вы рассказывали о том, что Юрий Иванович Смирнов ввел Вас в число составителей тома русской нескладочной прозы серии «Памятники фольклора...». Сейчас Вы продолжаете работать над созданием серии?

НК: Да, сейчас я вхожу в Главную редколлегия серии. Том нескладочной прозы имеет печальную судьбу и уже много лет «пробуксовывает». С 1989 года я была одним из составителей тома, после смерти Юрия Ивановича стала его руководителем.

Много факторов влияет на то, что работа по тому идет очень тяжело. В первую очередь, сложность заключается в том, что материал по народной мифологической прозе находится до сих пор в живом бытовании. Его проблематично отслеживать и отбирать для публикации, в мифологической прозе много новообразований, которые сложно поддаются систематизации. Кроме того, переплелись этнические традиции. Во-вторых, все составители тома находятся в разных городах. У каждого из нас своя основная работа, а составлением тома мы должны заниматься между делом, но так это не получается. Составление тома – это большой труд! В-третьих, большая сложность в составлении систематизации фольклорного материала. Над ней должен работать или один человек, или команда, которая состоит из людей, находящихся рядом друг с другом, буквально сидящих за одним столом. Мы пробовали распределить эту работу на нескольких человек, работающих в разных городах, но опыт оказался неудачным. А одному человеку, чтобы осилить такую систематизацию, понадобится много лет. Ну и в связи с финансовыми трудностями общение составителей тома осуществляется в основном по интернету. В живом формате совещания сейчас не проводятся, что тоже накладывает отпечаток на общую разобщенность рабочей группы.

Тем не менее, несмотря на все проблемы, работа над томом ведется. Я сейчас составляю указатель мотивов сибирских быличек, пока о домовом¹. Мне кажется, у меня это получается. Исходя из указателя будет формироваться состав текстов. Решила, что нужно брать только костяк традиционных сюжетов, не показывая новообразования. Возможно, тогда может что-то получиться.

СМ: Помимо Вашей педагогической и научной деятельности, Вы ведете очень активную общественную работу и долгие годы являетесь председателем Правления региональной общественной организации «Центр славянских традиций». Расскажите об этом.

¹ См. статью Н. К. Козловой в этом номере журнала (с. 9–32). – *Ред.*

НК: Наша организация называется НКО Омская региональная общественная организация «Центр славянских традиций». Она была создана в конце 1990-х годов единомышленниками, энтузиастами, теми, кто любит фольклор, кто переживает за его судьбу. Я возглавляю организацию с 2004 года, уже 21 год.

В то время в Омске и Омской области не было организованной работы по сбору фольклора. Только пединститут выезжал в экспедиции, да Ефим Яковлевич Аркин ездил сам по себе, а больше никто этим не занимался. Огромную роль в объединении фольклористов сыграла Виктория Юрьевна Багринцева, которая возглавила эту работу и повела всех за собой. Именно ей принадлежит заслуга в организации Сибирского культурного центра в Омске.

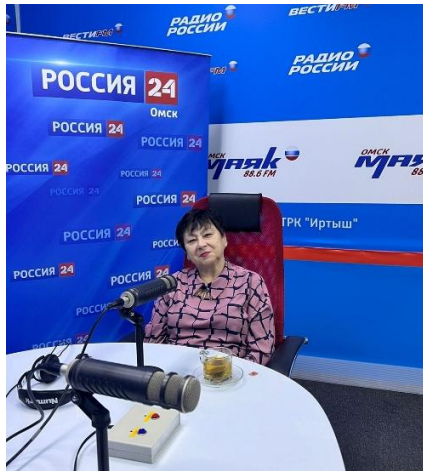

Рис. 3. Запись на ВГТРК, 2025 г.

Fig. 3. In the process of the recording on RTR (VGTRK), 2025

К сожалению, не получилось создать центр, который официально был бы структурой и научной, и досуговой. Но работу общественной организации нам удалось выстроить в тесном контакте ученых, практиков, работников культуры, образования и науки.

СМ: В чем заключаются Ваши функции председателя правления общественной организации?

НК: Во-первых, надо сказать, что это общественная деятельность, которая не предполагает никакой оплаты, все строится только на чистом энтузиазме. На нем мы и работаем. Очень многое в организации, как мне кажется, держится на моем авторитете: обеспечиваю представительство общественной организации, работаю в тесном сотрудничестве с Сибирским культурным центром и лично с его заведующей Аленой Сергеевной Малиновской.

Мы занимаемся сохранением, изучением и актуализацией славянской традиционной культуры в регионе. Проводим различные мероприятия по этому направлению, пишем грантовые проекты, осуществляем организацию фольклорных экспедиций, публикацию архивных материалов. За счет грантовой поддержки наших проектов закупается хорошее оборудование для фиксации и обработки полевых материалов. Это и компьютеры, и принтеры, и зеркальные фотоаппараты, и аппаратура для панорамных фото- и видеосъемок, и многое другое. Поэтому общественная организация обеспечивает и материальную сторону работы, что очень важно. Также моя деятельность охватывает научное кураторство различных проектов, в том числе издательских.

Наша общественная организация настолько авторитетна, что я, как председатель, вхожу в различные общественные советы: Консультативный совет по национальным и межконфессиональным отношениям при Губернаторе Омской области; Экспертный совет по делам национальностей и религий при Администрации г. Омска; Областная комиссия по нематериальному этнокультурному достоянию при Министерстве культуры Омской области; Художественно-экспертный совет по народным художественным промыслам.

СМ: Наталья Константиновна, как бы Вы оценили свою профессиональную деятельность в целом? Что, на Ваш взгляд, хотелось бы изменить? Или, может быть, наоборот, все складывается именно так, как Вы того и хотели? И что хотелось бы сделать еще?

НК: Чего я не сделала... Конечно, я многого еще не сделала. Хотелось бы, чтобы традиционная культура была жива, как раньше, когда я только начинала собирать фольклор, чтобы было больше экспедиций. Мне бы хотелось, чтобы было больше собирательской, экспедиционной, научной активности. Мне всегда хотелось работать в научно-исследовательском институте, а я всю жизнь проработала в педагогическом. Конечно, это хорошо, у меня много благодарных учеников, и я сама чувствую, что мне приятно делиться своими знаниями. Но я думаю, что достигла бы большего, если бы работала в научно-исследовательской среде.

Считаю, что за свою научную деятельность сделала и продолжаю делать много для изучения омского регионального фольклора, сибирской традиционной культуры. Надеюсь, что и как

исследователь мифологии я тоже известна. Мне приятно, что меня приглашают в качестве рецензента авторитетные учебные и научные организации, мои публикации цитируются.

Планов много. Очень хочется расшифровать все, что записано в экспедициях за все годы, привести в порядок все записи, изложить свою концепцию о народном календаре, которая у меня есть; сделать много разных указателей по мифологической прозе. Это очень трудоемкая работа, которая отнимает немало времени. Хочется, наконец, доделать том по русской сказочной прозе. Много чего хочется, главное, чтобы хватило силы, здоровья и жизни вообще.

СМ: Наталья Константиновна, а какое Ваше жизненное кредо?

НК: Не знаю. Наверное, относиться к людям хорошо, не заикливаться на себе, не считать себя центром вселенной, а видеть вокруг себя интересных людей, общаться с ними. Не быть эгоистом в профессиональном плане. Признавать чужой труд, не делать вреда людям. Я давно уже поняла, что если ты сделал вред человеку, то это обязательно к тебе вернется. Как и добро, оно тоже возвращается.

Я люблю науку! Мне нравится заниматься исследовательской работой. Я рада, что у меня есть ученики, которые продолжают мое дело. Это настоящее счастье, когда ученый, преподаватель может передать свои знания будущим поколениям.

* * *

За годы педагогической деятельности под руководством Натальи Константиновны было защищено более 150 выпускных квалификационных работ (специалитет, бакалавриат, магистратура), одна кандидатская диссертация. За свою многолетнюю плодотворную педагогическую и общественную деятельность Н. К. Козлова отмечена многочисленными благодарственными письмами и почетными грамотами: Почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации, Почетной грамотой Министерства образования Омской области (2023), почетными грамотами губернатора Омской области; удостоена медали «За миссионерское служение на Сибирской земле» (2008), медали «Омск – 300-летие» (2016). Биография Натальи Константиновны опубликована в международной энциклопедии «Who is who в России» (2009).

От всей души поздравляем Наталью Константиновну с юбилеем и желаем ей долгих лет жизни, крепкого сибирского здоровья и успехов в реализации всех научных замыслов!

Приложение

Библиография трудов Натальи Константиновны Козловой

Диссертационные работы

1. *Козлова Н. К.* Восточнославянские былички о мифическом любовнике. Опыт систематизации сюжетов: Дис. ... канд. филол. наук: Рукопись. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького, 1996. 203 с.
2. *Козлова Н. К.* Восточнославянские былички о мифическом любовнике. Опыт систематизации сюжетов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск: изд-во ОмГПУ, 1996. 23 с.
3. *Козлова Н. К.* Восточнославянские мифологические рассказы о змеях. Систематика. Исследование. Тексты: Дис. ... д-ра филол. наук: Рукопись. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького, 2007. 769 с.
4. *Козлова Н. К.* Восточнославянские мифологические рассказы о змеях. Систематика. Исследование. Тексты: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Омск: изд-во ОмГПУ, 2007. 42 с.

Монографии

5. *Козлова Н. К.* Восточнославянские былички о змее и змеях. Мифический любовник. Указатель сюжетов и тексты. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. 261 с.
6. *Козлова Н. К.* Восточнославянские мифологические рассказы о змеях. Систематика. Исследование. Тексты. Омск: Изд. дом «Наука», 2006. 460 с.
7. *Заповедный край. Народная культура с. Крестики Оконешниковского района Омской области: коллективная монография / Е. Я. Аркин, В. Ю. Багринцева, Н. Н. Вельгоша, Н. К. Козлова [и др.]; под ред. В. Ю. Багринцевой, Н. К. Козловой.* Омск: Золотой тираж, 2022. 208 с.

8. Тюкалинская свадьба. Свадебные традиции русских старожилов Омского Прииртышья: коллективная монография / В. Ю. Багринцева, М. А. Жигунова, Н. К. Козлова, Н. И. Лаптев, Т. М. Репина, О. Г. Сидорская; под ред. В. Ю. Багринцевой. Омск: Золотой тираж, 2023. 228 с.

Публикации фольклорных текстов

9. Козлова Н. К. «Там лес и дол видений полны...». Восточнославянские мифологические рассказы Омского Прииртышья о лешем, полевом, водяном и русалке: Сб. фольклорных текстов. Омск: Издатель-полиграфист, 2014. 106 с.
10. «Суворушка» (книга для семейного чтения) / собиратель И. С. Коровкин, обработка текстов В. Я. Ионовой, Т. Г. Леоновой, Н. К. Козловой; под ред. Н. К. Козловой. Омск: Изд. дом «Наука», 2024. 100 с.

Статьи, доклады, тезисы, рецензии, отчеты об экспедициях

1976

11. Леонова Т. Г., Белкина Л. М., Козлова Н. К. Поездки Омского педагогического института (отчет об экспедиции) // Русский фольклор. Л.: Наука, 1976. Т. 16: Историческая жизнь народной поэзии. С. 305.

1990

12. Козлова Н. К. Мифический любовник в быличках Прииртышья // Русский фольклор Сибири. Элементы архитектоники. Новосибирск: Наука, 1990. С. 93–104.
13. Козлова Н. К., Новоселова Л. В. Коротко об экспедициях (отчет об экспедиции) // Советская этнография. 1990. № 4. С. 157–159.

1992

14. Козлова Н. К. Мотив «Полет мифического существа» в быличках и поверьях об огненном змее // Локальные традиции и жанровые формы фольклора: Материалы Всесоюз. науч. конф. «Говоры и разговорная речь». Кемерово: Изд-во Кемеров. гос. ун-та, 1992. С. 36–54.
15. Козлова Н. К. Былички и поверья Прииртышья об огненном змее // Славянские чтения. Литература, язык, история, искусство: Тез. докл.; Омск. отд-ние Междунар. фонда славянской письменности и культуры. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ин-та, 1992. С. 19–20.
16. Козлова Н. К. О «чуди», «татарах», Ермаке и сибирских курганах // Капля (Ежемесячный литературно-краеведческий журнал). Омск, 1992. № 2. С. 119–133.

1993

17. Козлова Н. К. Конопля, вши и змей-любовник. К вопросу о возникновении сюжета былички // Славянские чтения. Духовная культура и история славян: Тез. и материалы докл. науч.-практ. конф. Омск: Изд-во Тарск. филиала Омск. гос. пед. ун-та, 1993. Вып. 2. С. 82–85.

1994

18. Козлова Н. К. Мотивы и сюжеты о беременности и родах женщины от мифического любовника в восточнославянских быличках и поверьях // Русский вопрос: История и современность: Материалы докл. Второй всерос. науч. конф. Омск, 1994. Ч. 2. С. 61–64.

1995

19. Козлова Н. К. Гибель огненного змея (анализ фольклорного сюжета) // Славянские чтения: Материалы докл. науч.-практ. конф. «Международный фонд славянской письменности и культуры». Омск: Изд-во Тарского филиала ОмГПУ, 1995. Вып. 4. Ч. 1. С. 59–63.

1996

20. Козлова Н. К. Смерть в бане. К вопросу о происхождении одного из сюжетов о мифическом любовнике // Статьи о фольклоре и литературе: Сб. науч. статей преподавателей и аспирантов кафедры рус. и зарубеж. лит-ры. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 1996. С. 43–51.

1998

21. Козлова Н. К. Травя-оберег «донник» и мифическая «Дна» древнерусских амулетов-змеи-ков // Вторые омские искусствоведческие чтения: Сб. материалов. Омск: Альтернатива АРТ, 1998. С. 13–15.

22. Козлова Н. К. Мифический любовник: змей или заложный покойник (генезис образа) // От текста к контексту: Сб. науч. статей / Под ред. А. А. Асосяна. Ишим; Омск, 1998. С. 76–84.

23. Козлова Н. К. 23 года спустя... (Сравнительный анализ материалов экспедиций 1973 и 1976 гг. в Знаменский район Омской области) // Народная культура Сибири: Материалы науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовск. центр по фольклору. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 1998. Вып. 7. С. 178–182.

24. Козлова Н. К. Эволюция образа мифического любовника в восточнославянских быличках и поверьях // Славянские чтения. Духовные ценности народа: Тез. и материалы науч.-практ. конф. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 1998. Вып. 4. С. 185–188.

25. Козлова Н. К. Опыт систематизации сюжетов восточнославянских быличек о мифическом любовнике // Наука о фольклоре сегодня. Междисциплинарные взаимодействия. К 70-ти-летию юбилею Ф. М. Селиванова. М.: Диалог. Москов. гос. ун-т, 1998. С. 159–163.

26. Козлова Н. К. Сюжеты восточнославянских быличек о мифическом любовнике. Семантика и эволюция // Традиционный фольклор в полиэтнических странах: Материалы Второго междунар. симпозиума «Байкальские встречи». Улан-Удэ: Издат.-полиграф. комплекс Вост.-Сиб. гос. академии культуры и искусств, 1998. С. 161–166.

1999

27. Козлова Н. К. Общие мотивы и их интерпретация в преданиях и быличках русских и татар // Народная культура Сибири: Материалы VIII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовск. центра по фольклору. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 1999. С. 173–176.

2000

28. Козлова Н. К. Сюжеты восточнославянских быличек о змеях на Воздвижение // Народная культура Сибири: Материалы IX науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовск. центра по фольклору. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2000. С. 113–116.

29. Козлова Н. К. Представления о «Чудской горе» в сказочной прозе русских старожильческих сел Знаменского района Омской области // Русский вопрос: история и современность: Сб. науч. трудов. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2000. С. 225–228 (Сер. «Культурное наследие народов Западной Сибири»).

2001

30. Козлова Н. К. Тюркские и финно-угорские сказания о мифической жене в «эпическом подтексте» славянского сюжета о змее-любовнике // Байкальские встречи III: Культуры народов Сибири: Материалы III Междунар. науч. симпозиума. Улан-Удэ: Издат.-полиграф. комплекс Вост.-Сиб. гос. академии культуры и искусств, 2001. Т. 1. С. 31–42.

31. Козлова Н. К. Змея внутри человека (сюжеты и мотивы мифологических рассказов) // Народная культура Сибири: Материалы X науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовск. центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2001. С. 143–148.

32. Козлова Н. К. Травы-обереги от мифического любовника // Славянские чтения: Материалы науч.-практ. конф. / Под ред. М. П. Одинцовой. Омск: Курьер, 2001. Вып. 7–8. С. 143–148.

33. Козлова Н. К. Представления о «Чудской горе» в сказочной прозе русских старожилов сел Знаменского района Омской области (по полевым материалам 1999 г.) // Финно-угорская фольклористика на пороге нового тысячелетия: Материалы науч.-практ. конф. / Отв. ред. Т. Г. Владыкина. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, языка и лит-ры УрО РАН, 2001. С. 75–80.

34. Козлова Н. К. Указатель сюжетов восточнославянских быличек о мифическом любовнике // Живая старина. 2002. № 2. С. 8–10.

2002

35. Козлова Н. К., Степахина С. С. Сюжеты и мотивы восточнославянских быличек и поверий о колдовстве на свадьбе // Гуманитарные исследования. Сер. «Преемственность». Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2002. Вып. 6. С. 160–171.

36. Козлова Н. К. Сюжеты и мотивы о змее-медянице в восточнославянской сказочной прозе // Русская филология: язык – литература – культура: Материалы Первой междунар. конф., сб. статей / Ред. и сост. И. Ю. Морозов. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2002. С. 105–113.

37. Козлова Н. К. «Покумимся-полюбимся...» (К вопросу об эпическом подтексте восточнославянского сюжета о мифическом любовнике // Славянская традиционная культура и современный мир: Сб. материалов науч.-практ. конф. М., 2002. Вып. 4. С. 103–111.

2003

38. Козлова Н. К. «Въ уста ми влязло едно зме...» (Восточнославянские мифологические сюжеты о змее, заползающей в рот человеку) // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 63–81.

39. Козлова Н. К. Прародительница-лебедь бурятских легенд и метаморфозы образа мифической жены в восточнославянской народной традиции // Этнокультурное образование: совершенствование подготовки специалистов в области традиционных культур: Материалы IV Междунар. науч. симпозиума «Байкальские встречи». Улан-Удэ, 2003. Т. 2. С. 71–79.

40. Козлова Н. К. Жена-змея в восточнославянских мифологических рассказах // Реальность. Человек. Культура: Материалы межвузовск. науч. конф. Омск, 2003. С. 37–39.

41. Козлова Н. К. Трансформация змеиного мотива в резных наличниках городов и сел Западной и Восточной Сибири // Народная культура Сибири: Материалы XII науч.-практ. семинара Сибирского регион. вузовск. центра по фольклору. Омск, 2003. С. 192–196.

42. Козлова Н. К. Конопля, вши и змей-любовник // Традиционная культура русских Западной Сибири XIX–XX вв. Очерки истории и быта. Омск, 2003. С. 125–140.

2004

43. Козлова Н. К. Лесной хозяин. Указатель сюжетов и тексты // Гуманитарные исследования. Сер. «Преемственность». Омск, 2004. Вып. 7. С. 57–84.

2005

44. Козлова Н. К. «Сидит Яша в ореховом кусте...» (еще раз к вопросу о семантике хороводно-игровой песни) // Культура провинции: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Курган, 2005. С. 47–52.

45. Козлова Н. К. Народная сказочная проза русско-бурятского села (к вопросу о взаимоотношении традиций) // Образование, культура и гуманитарные исследования Восточной Сибири и Севера в начале XXI века: Материалы V Междунар. науч. симпозиума. Улан-Удэ, 2005. Т. 1. С. 175–180.

46. Козлова Н. К. Сретенье: языческие контуры христианского праздника // Семантическое поле культуры: генетические связи, типологические параллели, творческие диалоги: Материалы всерос. науч. конф. Омск, 2005. С. 14–24.

47. Козлова Н. К. Восточнославянские сюжеты о мифической жене: от мифологического рассказа к сказке // Народная культура Сибири: Материалы всерос. науч. конф. «Шастинские

чтения» и XI науч.-практ. семинара Сибирского регион. вузовск. центра по фольклору. Иркутск, 2005. С. 26–33.

48. Козлова Н. К. Сюжеты (сюжетные ситуации) о полозе (огромном змее) в восточнославянской несказочной прозе // Филологический сборник: Лингвистика. Литературоведение. Фольклористика: Сб. науч. статей / Под ред. М. С. Штерн. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2005. С. 211–232.

2006

49. Козлова Н. К. Обрядовая кукла – «вещный символ» или воплощение предка? // Реальность. Человек. Культура: Социальное и природное: Материалы всерос. науч. конф., посвящ. пятилетию основания филос. факультета. Омск, 2006. С. 8–10.

50. Козлова Н. К. Сюжеты и мотивы преданий об огромном змее в контексте мифологических представлений о творении мира // Народная культура Сибири: Материалы XV науч. семинара-симпозиума Сибирского регион. вузовск. центра по фольклору. Омск, 2006. С. 105–109.

51. Козлова Н. К. Мифосемантическое поле слога «ку» // Омский научный вестник. Омск, 2006. № 5. С. 223–227.

52. Козлова Н. К. Божество древних тюрков «Умай» и «Дъна» древнерусских амулетов-змевигов // Вестн. Бурят. Гос. ун-та. Сер. 4: История. Улан-Удэ, 2006. Вып. 12. С. 103–109.

53. Козлова Н. К. «Кажимотка», «Жоймерица» и конопляная кудель (К вопросу о мифологическом образе покровительницы) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. № 17/2. С. 389–399.

54. Козлова Н. К. Возрождение собора // Жук (Журн. для коллекционеров открыток). 2006. № 01 (09). С. 11–12.

2007

55. Козлова Н. К. «Творимая легенда»: некоторые аспекты создания фольклорного нарратива // Народная культура Сибири: Материалы XVI научн. семинара-симпозиума Сибир. регион. вузовск. центра по фольклору. Омск: Амфора, 2007. С. 131–136.

56. Козлова Н. К. Слой еврейской культуры в Омском городском пространстве // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке. История и современность: Материалы VIII регион. науч.-практ. конф. / Под ред. Я. М. Кофмана. Красноярск: Краснояр. писатель, 2007. С. 227.

2008

57. Козлова Н. К. Опыт составления указателя мотивов мифологической темы // Актуальные проблемы сибирской фольклористики: Материалы всерос. науч. конф. Новосибирск: Ин-т филол. СО РАН, 2008. С. 41–56.

58. Козлова Н. К. «Кружок союза украинок» и змей-любовник, или откуда в сибирском старожиловском районе следы украинской традиции // Народная культура Сибири: Материалы XVII научн. семинара-симпозиума Сибир. регион. вузовск. центра по фольклору. Омск: Амфора, 2008. С. 122–127.

59. Козлова Н. К. Новая книга о русском празднике: Рецензия // Культурологические исследования в Сибири. Омск: Изд. дом «Наука», 2008. № 3 (25). С. 107–109.

2009

60. Козлова Н. К. «Сидит Яша в ореховом кусте...» (К мифологической семантике ореха) // Проблемы художественной антропологии: Материалы III межвузовской научн.-практ. конф. с междунар. участием. Тара: Изд-во А. А. Аскаленко, 2009. С. 61–67.

61. Козлова Н. К. Эволюция главного персонажа преданий о происхождении природных объектов: от мифического змея – к богатырю // Славянские чтения 4: Сб. статей межрегион. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Тара: Изд-во А. А. Аскаленко, 2009. С. 6–8.

62. Козлова Н. К. Памяти знахарки // Народная культура Сибири: Материалы XVIII науч. семинара-симпоз. Сибир. регион. вузовск. центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Амфора, 2009. С. 59–64.

2010

63. Козлова Н. К. Славянский языческий змей и его изобразительные метаморфозы // Славянские чтения 5: Сб. статей межрегион. науч.-практ. конф. Тара: Изд-во А. А. Аскаленко, 2010. С. 140–144.

64. Козлова Н. К. Элементы театрализации в исполнении Плугушора у «сибирских» молдаван // I Ульяновские чтения. Сибирский провинциальный театр в контексте современной культуры: Материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием. Тара: Изд-во А. А. Аскаленко, 2010. С. 84–90.

65. Козлова Н. К. Энциклопедия города Омска. / Под ред. Г. А. Павлова, Л. В. Новоселовой, С. Г. Сизова. Омск: Изд. дом «ЛЕО», 2010. Т. 1: Омск: от прошлого к настоящему (период с 1716 по 2008 г.). 920 с. (Рецензент)

66. Козлова Н. К. Фольклористика Омского Прииртышья // Энциклопедия Омской области: В 2 т. / Под общ. ред. В. Н. Русакова. Омск: Омск. кн. изд-во, 2010. Т. 2. С. 480.

67. Козлова Н. К. Предания // Энциклопедия Омской области: В 2 т. / Под общ. ред. В. Н. Русакова. Омск: Омск. кн. изд-во, 2010. Т. 2. С. 233–234.

68. Козлова Н. К. «Ди скулац , скулац, боеере / Ко венит колиндатори, / Валеи ром шку флор ди мэр...»: Итоги экспедиционной поездки 2010 г. к потомкам сибирских молдаван // Народная культура Сибири: Материалы XIX науч. семинара Сибир. регион. вузовск. центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Амфора, 2010. С. 130–137.

2011

69. Козлова Н. К. Проблемы составления указателя мотивов мифологической прозы // От конгресса к конгрессу: Материалы Второго Всерос. конгресса фольклористов: Сб. докладов. М.: Гос. республ. центр рус. фольклора, 2011. С. 390–411.

70. Козлова Н. К. «Встреча человека с мифическим существом» как основной сюжетобразующий мотив народной мифологической прозы // Встречи и диалоги в смысловом поле культуры: Материалы всерос. науч. конф. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2011. С. 110–114.

71. Козлова Н. К. Вдумчиво, серьезно и бережно (о проблемах сохранения и развития народной культуры в регионе) // Омское наследие. 2011. № 9. С. 32–35.

2012

72. Козлова Н. К. Баллада А. Фета «Змей» и народные мифологические рассказы о змее-любовнике // Омский вестник. 2012. № 2. С. 359–362.

73. Козлова Н. К. Народные параллели литературных баллад на сюжет «Жених-мертвец» // Омский вестник. 2012. № 2. С. 388–393.

74. Козлова Н. К. «Всякое дело с концом хорошо» (о назревшей необходимости и проблемах создания комплексных сводов фольклорно-этнографических и исторических материалов региона) // Традиционная культура Тарского Прииртышья. Перспективы развития и изучения. Сравнительный аспект: Материалы регион. науч.-практ. конф. / Отв. ред. О. А. Федорова. Омск: Полиграф. центр КАН, 2012. С. 7–14.

75. Козлова Н. К. Из прошлого в настоящее: культурологические заметки о народном костюме (впечатления от поездки в Мордовию) // Народная культура Сибири: Материалы XXI науч. семинара Сибир. регион. вузовск. центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Амфора, 2012. С. 82–86.

76. Козлова Н. К. «Страсти по Симеону»: некоторые фольклорные данные о почитании Симеона Верхотурского в Сибири // Карповские чтения: Сб. статей / Отв. ред. С. Н. Пяткин. Арзамас: Арзамас. гос. пед. ин-т, 2012. Вып. 4. С. 30–37.

77. Козлова Н. К. Межэтнические отношения в многонациональном селе (по материалам экспедиции 2010 г. в с. Кутузовка Щербакульского р-на Омск. обл.) // Диалог культур в пространстве Сибири: Материалы регион. науч.-практ. конф. с междунар. участием / Отв. ред. Н. К. Козлова. Омск, 2012. С. 95–104.

2013

78. Козлова Н. К. Архитектурное пространство Военного 16-го городка г. Омска. Взгляд культуролога // Встречи и диалоги в смысловом поле культуры: Материалы Вторых и Третьих культурологических чтений. Омск: Амфора, 2013. С. 130–139.

79. Козлова Н. К. «Живая традиция»: опыт совместных проектов Государственного центра народного творчества Омской области и Центра славянских традиций по сохранению и изучению славянской традиционной культуры // «Синергия творчества и бизнеса – путь к успеху»: Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Омск; Прага, 2013. С. 51–57.

80. Козлова Н. К. Белорусские формы в указателе сюжетов сибирской мифологической прозы о русалке // Традиционная культура. 2013. № 2. С. 129–137.

81. Козлова Н. К. Роль указателя структурно-семантических единиц праздника (календарного цикла) в исследовании его смыслового наполнения // Мельниковские чтения: Материалы Шестой межрегион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2013. С. 84–91.

82. Козлова Н. К. Изучение эпосов Сибири в рамках курса «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» в программе подготовки магистров «Этнокультурное образование» // Якутский героический эпос олонхо – шедевр устного и нематериального наследия человечества в контексте эпосов народов мира: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 120-летию П. А. Ойунского. Якутск, 2013. С. 242–247.

83. Козлова Н. К. Дневник сельского жителя // Проблемы художественной антропологии: Материалы всерос. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Т. Ю. Березина. Омск: Полиграф. центр КАН, 2013. С. 37–51.

2014

84. Козлова Н. К. Исследовательские возможности указателя сюжетов мифологической темы (на примере темы «Мифический любовник») // Народная культура Сибири: Материалы XXII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовск. центра по фольклору. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2014. С. 37–42.

85. Козлова Н. К. Леонова Т. Г. Культурологические заметки о традиционном якутском костюме // Народная культура Сибири: Материалы XXII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовск. центра по фольклору. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2014. С. 69–78.

86. Козлова Н. К. Методические рекомендации по архивно-полевой работе // Сборник материалов к областному семинару-практикуму по русской традиционной культуре. Омск: Диалог, 2014. С. 5–25.

87. Козлова Н. К. Центры русской традиционной культуры Омской области и их роль в сохранении и изучении народных традиций // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Материалы X междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию освоения целинных и залежных земель / Под ред. Т. Н. Золотовой, В. В. Слабодцкого, Н. А. Томилова, Н. К. Чернявской. Омск: Изд-во Омск. гос. аграр. ун-та, 2014. Ч. 2. С. 92–98.

88. Козлова Н. К. Старый Омск. Историко-культурный аспект в преподавании региональной культуры // Филологические и культурологические дисциплины в рамках реализации ФГОС в школе и вузе: Материалы Второй регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. учителей и работников образования. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2014. С. 149–155.

89. Козлова Н. К. «Дракон обыкновенный»: о несостоявшейся научной сенсации // Встреча культур в пространстве Сибири: научные исследования, мемуаристика, художественная критика / Под ред. Н. К. Козловой, Т. И. Подкорытовой. Омск: Издатель-Полиграфист, 2014. С. 191–199.

90. Козлова Н. К. «Поместья мирного незримый покровитель» (систематизация сюжетов и мотивов сибирской мифологической прозы о домовом) // Встреча культур в пространстве

Сибири: научные исследования, мемуаристика, художественная критика / Под ред. Н. К. Козловой, Т. И. Подкорытовой. Омск: Издатель-Полиграфист, 2014. С. 224–230.

91. Козлова Н. К. Репина Т. М. Ворсовый ковер с. Крестики Оконешниковского района Омской области: история и современное бытование // Встреча культур в пространстве Сибири: научные исследования, мемуаристика, художественная критика / Под ред. Н. К. Козловой, Т. И. Подкорытовой. Омск: Издатель-Полиграфист, 2014. С. 243–252.

92. Козлова Н. К. К юбилею Татьяны Георгиевны Леоновой // Традиционная культура. 2014. № 4. С. 168–170.

93. Козлова Н. К. Алтайские формы повествований о мифической жене в международном контексте // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2014. № 4. С. 160–164.

94. Козлова Н. К. Об этой книге (отзыв на научную монографию) // Леонова Т. Г. Проблемы изучения регионального фольклора: Монография. Омск: Амфора, 2014. Ч. 1. С. 3–5.

95. Козлова Н. К., Проданик Н. В. Предметная область «Основы духовно-нравственной культуры народов России»: система подготовки учителя в Омском государственном педагогическом университете // Образовательная область «Духовно-нравственная культура»: опыт, проблемы, перспективы: Материалы регион. науч.-практ. конф. Омск: Технотрейд, 2014. С. 8–14.

2015

96. Козлова Н. К. Проблемы создания единой системы электронной базы данных фольклорных архивов Омской области // Народная культура Сибири: Материалы XXIII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовск. центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2015. С. 67–77.

97. Козлова Н. К. Убить змею – душеспасительное ли дело? // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 10 (1). С. 287–294.

98. Козлова Н. К., Щербакова Н. Н. Региональный фольклор как объект научного исследования: итоги и перспективы // Национальные приоритеты России. Омск, 2015. № 1 (15). С. 64–66.

2016

99. Козлова Н. К. «Правила содержания домовых в городских квартирах» (материалы о домашнем духе в пространстве Интернет) // Народная культура Сибири: Материалы XXIV науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовск. центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2016. С. 32–45.

100. Козлова Н. К. Обращение к академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» в рамках магистерской программы «Этнокультурное образование» (направление «Народная художественная культура») // I Сибирский форум фольклористов: Тез. докл. Новосибирск: Академиздат, 2016. С. 180–182.

2017

101. Козлова Н. К. Проблемы изучения вечерочных традиций Прииртышья // Народная культура Сибири: Материалы XXV науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовск. центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2017. С. 62–69.

2018

102. Казлова Наталля. Беларускія сюжэты, матывы і вобразы ў кантэкście народнай міфалагічнай прозы Омскага Прыіртшышша // Беларускі фальклор. Матэрыялы і даследаванні / Зборнік навуковых прац. Мінск: Беларуская навука, 2018. Вып. 5. С. 141–156.

103. Козлова Н. К. «Что есть мотив?» (еще раз к вопросу о научной терминологии) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2018. № 2 (Вып. 36). С. 82–87.

104. Козлова Н. К. «Границы памяти...» // «Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой...»: книга воспоминаний жителей села Крестики о времени Великой Отечественной

войны / Сост. Н. К. Козлова, при участии Р. С. Деевой, Т. М. Репиной. Омск: Издатель-Полиграфист, 2018. С. 62–75.

105. Козлова Н. К. «Борошата» // «Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой...»: книга воспоминаний жителей села Крестики о времени Великой Отечественной войны / Сост. Н. К. Козлова, при участии Р. С. Деевой, Т. М. Репиной. Омск: Издатель-Полиграфист, 2018. С. 75–87.

2019

106. Козлова Н. К. Исследовательские возможности указателя мотивов мифологической темы (на примере первого мотива темы «Мифический любовник» // III Всерос. конгресс фольклористов: Сб. науч. статей: в 5 т. / Сост. В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова, ред. А. В. Лобанова. М., 2019. Т. 4: Российская фольклористика в XXI веке. Перспективы развития. С. 23–32.

107. Козлова Н. К., Щербакова Н. Н. Юбилей Татьяны Георгиевны Леоновой // Традиционная культура. 2019. № 2. С. 171.

108. Козлова Н. К. Сказочный репертуар А. С. Кожемякиной в записях омского краеведа И. С. Коровкина (по материалам фольклорного архива Омского госпедуниверситета) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2019. № 2 (Вып. 38). С. 5–15.

109. Козлова Н. К. Юбилей Татьяны Георгиевны Леоновой // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2019. № 2 (Вып. 38). С. 95–98.

110. Козлова Н. К. Материалы И. С. Коровкина в фольклорном архиве Омского государственного педагогического университета // Народная культура Сибири: Материалы XXVI и XXVII науч.-практ. семинаров Сибир. регион. вузовск. центра по фольклору. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2019. С. 8–16.

111. Козлова Н. К. Душа и песня (некоторые наблюдения за ролью народной песни в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка) // Фольклорные и литературные исследования: современные научные парадигмы: к 80-летию юбилею В. М. Физикова: Сб. статей междунар. науч. конф. / Ред.-сост. Э. И. Коптева, О. Л. Гиль. Омск: Омск. гос. пед. ун-та, 2019. С. 109–123.

112. Козлова Н. К. Сказочная традиция русских старожилов (чалдонов) Большеуковского района Омской области в репертуаре А. С. Кожемякиной // Электронный каталог объектов нематериального культурного наследия Омской области. Омск, 2019 [Электронный ресурс. URL: <https://www.omsk-gcnt.ru/nematerialnoe-kulturnoe-nasledie/skazochnaya-traditsiya-russkikh-starozhilov-chaldonov-bolsheukovskogo-rayona-omskoy-oblasti-v-repert/> (дата обращения: 10.09.2025)].

2020

113. Козлова Н. К. Сказочная традиция русских старожилов Большеуковского района Омской области (бытовые и легендарные сказки) // Электронный каталог объектов нематериального культурного наследия Омской области. Омск, 2020 [Электронный ресурс. URL: <https://www.omsk-gcnt.ru/nematerialnoe-kulturnoe-nasledie/skazochnaya-traditsiya-russkikh-starozhilov-bolsheukovskogo-rayona-omskoy-oblasti-bytovye-legendarny/> (дата обращения: 12.09.2025)].

114. Козлова Н. К. Из опыта работы над издательским проектом «Книга воспоминаний жителей села Крестики о времени Великой Отечественной войны» // Народная культура Сибири: Материалы XXVIII науч.-практ. семинаров Сибирского регион. вузовск. центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2020. С. 116–123.

115. Козлова Н. К., Багринцева В. Ю. Народная драма в омских записях и информациях // Электронный каталог объектов нематериального культурного достояния Омской области. Омск, 2020 [Электронный ресурс. URL: <https://www.omsk-gcnt.ru/nematerialnoe-kulturnoe-nasledie/narodnaya-drama-v-omskoy-priirtshe/> (дата обращения: 12.09.2025)].

2021

116. Козлова Н. К. «Вятские – ребята хватские...» (прииртышские фольклорные тексты о вятских) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 50–66.
117. Козлова Н. К. Отражение времени Великой Отечественной войны в народной сказочной прозе // Народная культура Сибири: Материалы XXIX науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовск. центра по фольклору. Омск, 2021. С. 9–18.
118. Козлова Н. К. Философский потенциал тюрков и финно-угорских народов // Философские формы в культуре: Монография к 75-летию доктора филологических наук, профессора, ректора Омской гуманитарной академии А. Э. Еремеева. Омск: Изд-во Омск. гуманит. академии, 2021. С. 13–24.
119. Козлова Н. К. Симеон Верхотурский. Некоторые фольклорно-этнографические данные о почитании местночтимого святого // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2021. Вып 1 (10). С. 215–226.
120. Козлова Н. К. «Как я почту в войну носил...» (всегда ли условны сказочные пространство и время) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (Вып. 42). С. 75–82.
121. Козлова Н. К., Багринцева В. Ю. «Записки из мертвого дома» Ф. М. Достоевского и другие омские свидетельства о бытовании народной драмы // Наука о человеке: Гуманитарные исследования. Омск, 2021. Т. 15, № 4. С. 21–31.
122. Козлова Н. К. 70 лет омской фольклористики (изучение, сохранение и актуализация народной культуры Сибири, ее прошлое и настоящее) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2. 2021. № 4. С. 108–113.

2022

123. Козлова Н. К. Традиционный календарный праздник в современном социуме // Современные театральные формы праздничной культуры: идеи, практика, осмысление: Сб. материалов всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. / Отв. ред. И. С. Цыремполова, С. А. Добрынин. Улан-Удэ: Издат.-полиграф. комплекс Вост.-Сиб. гос. ин-та культуры, 2022. С. 10–19.
124. Козлова Н. К. Татьяна Георгиевна Леонова (02.05.29–16.12.21). Некролог // Традиционная культура: Научный альманах. 2022. № 1 (Т. 23). С. 187–188.
125. Козлова Н. К. История одной рукописи (о сборнике Н. Ф. Чернокова «Сибирские песни и игры. Дневники и письма», составленном И. С. Коровкиным) // Аношинские чтения: Материалы III Всерос. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Т. Н. Золотова. Омск: Издатель-Полиграфист, 2022. С. 255–233.
126. Козлова Н. К. XXX научно-практический семинар Сибирского регионального вузовского центра по фольклору, состоявшийся в рамках всероссийской конференции «Народная культура Сибири: история и современность» // Народная культура Сибири: история и современность: Материалы Всерос. конф., посвящ. 70-летию со времени проведения первой фольклорной экспедиции Омск. пед. ин-та, и XXX науч.-практ. семинара Регион. вузовск. центра по фольклору / Отв. ред. Н. К. Козлова. Омск: Изд. дом «Наука», 2022. С. 6–10.
127. Козлова Н. К. Фольклорный архив ОмГПУ: проблемы сохранности и обработки экспедиционных материалов // Народная культура Сибири: история и современность: Материалы Всерос. конф., посвящ. 70-летию со времени проведения первой фольклорной экспедиции Омск. пед. ин-та, и XXX науч.-практ. семинара Регион. вузовск. центра по фольклору / Отв. ред. Н. К. Козлова. Омск: Изд. дом «Наука», 2022. С. 53–58.
128. Козлова Н. К. Предисловие. Заповедный край... // Заповедный край. Народная культура с. Крестики Оконешниковского района Омской области: монография / Е. Я. Аркин, В. Ю. Багринцева, Н. Н. Вельгоша, Н. К. Козлова [и др.]; под ред. В. Ю. Багринцевой, Н. К. Козловой. Омск: Золотой тираж, 2022. С. 5–15.
129. Козлова Н. К. (при участии Репиной Т. М.). Традиции ковроткачества села Крестики // Заповедный край. Народная культура с. Крестики Оконешниковского района Омской области: монография / Е. Я. Аркин, В. Ю. Багринцева, Н. Н. Вельгоша, Н. К. Козлова [и др.]; под ред. В. Ю. Багринцевой, Н. К. Козловой. Омск: Золотой тираж, 2022. С. 18–36.

130. Козлова Н. К. Святочная «вечерина» русских старожилов с. Красноярское Омского района Омской области // Региональный каталог нематериального этнокультурного достояния Омской области [Электронный ресурс. URL: <https://www.omsk-gcnt.ru/nematerialnoe-kulturnoe-nasledie/vechorochnye-traditsii-russkogo-starozhilcheskogo-sela-krasnoyarka-omskogo-rayona-omskoy-oblasti/>] (дата обращения: 02.09.2025)].

131. Козлова Н. К., Репина Т. М. Традиции ковроткачества села Крестики // Региональный каталог нематериального этнокультурного достояния Омской области [Электронный ресурс. URL: <https://www.omsk-gcnt.ru/nematerialnoe-kulturnoe-nasledie/traditsii-kovrotkachestva-sela-krestiki-okoneshnikovskogo-rayona-omskoy-oblasti/>] (дата обращения: 02.09.2025)].

2023

132. Козлова Н. К. Имя Н. Ф. Чернокова и его фольклористическое наследие в истории изучения народной культуры региона: (тез. докл.) // Культурное наследие Сибири: изучение, музеефикация, презентация (к 30-летию Сибирского филиала Института Наследия): Материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Под. ред. Т. Н. Золотовой, И. А. Селезневой. Омск: Сибир. филиал Института Наследия, 2023. С. 75–76.

133. Козлова Н. К. Из эпистолярного архива Т. Г. Леоновой. К истории первой экспедиции ОГПИ // Народная культура Сибири: Материалы XXXI науч.-практ. семинара, посвящ. памяти д-ра филол. наук, проф. Татьяны Георгиевны Леоновой (1929–2021) / Отв. ред. В. А. Москвина. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2023. С. 16–23.

134. Козлова Н. К., Лацис Ю. С., Москвина В. А., Проданик Н. В. Музейная деятельность как составляющая образовательного процесса // Лепта: Ежегод. Науч.-метод. альманах. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2023. С. 58–64.

135. Козлова Н. К., Мясникова С. А. Особенности бытования традиционного костюма в Сибири (по материалам фотографий начала XX столетия) // Вестн. Санкт-Петербург. гос. ун-та технологии и дизайна. Сер. 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2023. № 3. С. 48–52.

2024

136. Козлова Н. К. Материалы омского краеведа Ивана Семеновича Коровкина в личном архиве Т. Г. Леоновой и перспективы работы с ними // Материалы XII регион. науч.-практ. конф. «Вагановские чтения», посвящ. 430-летию г. Тары. Омск: Амфора, 2024. С. 18–23.

137. Козлова Н. К. Первые фольклорно-этнографические материалы по русской старожильской свадьбе Прииртышья и перспективы работы с ними // Вестн. Санкт-Петербург. гос. ун-та технологии и дизайна. Сер. 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2024. № 2. С. 130–132.

138. Акелькина Е. А., Еремеев А. Э., Каткова Е. И. и др. Александр Николаевич Островский – создатель репертуара русского национального театра: Коллективная монография / Ред. Е. А. Акелькина. Омск: Изд-во Омск. гуманитар. академии, 2024. 176 с. (Рецензент)

2025

139. Козлова Н. К. Этнокультурное наследие. Два омских издания о традиционной культуре русских старожилов Сибири // Сибирь в судьбе России. К 30-летию фонда «Возрождение Тобольска»: Сб. статей Всерос. науч.-практ. конф. / Ред.-сост. Н. А. Ягодинцева. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2025. С. 285–293.

140. Козлова Н. К. Информации и песенные тексты белорусских переселенцев Тюкалинского района Омской области (по материалам экспедиций 1976, 1978 гг.) // Народная культура Сибири: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (XXXIII науч.-практ. семинар) / Отв. ред. Н. К. Козлова. Омск: Изд. дом «Наука», 2025. С. 60–67.

141. Козлова Н. К. Проблемы составления указателя сюжетов мифологических рассказов на тему «Мифическая жена» // Традиции во времени: Тез. докл. IV Междунар. чтений памяти В. М. Гацака / Отв. ред. В. Л. Кляус, З. Я. Рахматулина. Уфа, 2025. С. 79–87.

142. Козлова Н. К. Опыт составления указателя мотивов русской мифологической прозы Сибири: рассказы о мифическом хозяине крестьянского дома и подворья // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55). С. 9–32.

Учебно-методические пособия

143. Козлова Н. К. Объединим усилия // Егорий хоробрый: Всерос. фестиваль рус. традиц. культуры: информ.-метод. сб. для работников культуры и образования / Сост. В. Ю. Багринцева, отв. ред. М. А. Жигунова. Омск: Диалог, 2010. С. 50–51.

144. Козлова Н. К. Фольклорная практика: Учебная программа. Комплекс учебно-методических материалов для студентов 2 курса филологического факультета. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 1996. С. 129–133.

145. Козлова Н. К. Восточнославянские мифологические рассказы и поверья о змее и змеях. Исследовательская программа-вопросник для сбора полевого материала. СПб.: Тесса, 2003. 34 с.

146. Козлова Н. К. Практика по изучению традиционной культуры: Учебная программа для студентов 2-го курса, обучающихся по программе высшего профессионального образования (специальность «Культурология с дополнительной специальностью»). Омск: Омск. кн. изд-во, 2003. 8 с.

147. Козлова Н. К. Как работать с вопросником // Методические рекомендации по описанию объектов нематериального культурного наследия: Сб. материалов к областному семинару-практикуму по русской традиционной культуре. Омск: Гос. центр нар. творчества, 2012. С. 6.

148. Козлова Н. К., Басаева Ю. Ю., Лобзова О. Н., Малиновская А. С. Методические рекомендации по описанию объектов нематериального культурного наследия: Сб. материалов к областному семинару-практикуму по русской традиционной культуре. Омск: Гос. центр нар. творчества, 2012. 49 с.

149. Козлова Н. К. Содержание и специфика работы по полемому сбору сведений об истории населенного пункта. Методические рекомендации по архивно-полевой работе: Сб. материалов к областному семинару-практикуму по русской традиционной культуре. Омск: Диалог, 2014. С. 26–35.

150. Козлова Н. К. Методические рекомендации по архивно-полевой работе: Сб. материалов к областному семинару-практикуму по русской традиционной культуре. Омск: Диалог, 2014. 46 с.

Научное редактирование

151. Шаги в науку: Сб. тез. участников городского этапа XXXV Регион. науч.-практ. конф. школьников и учащейся молодежи. Омск, 2003. 78 с. (Главный редактор)

152. Диалог культур в пространстве Сибири: Материалы регион. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Омск, 2012. 274 с. (Отв. редактор)

153. Встреча культур в пространстве Сибири: научные исследования, мемуаристика, художественная критика. Омск: Издатель-Полиграфист, 2014. 286 с. (Член редколлегии)

154. Народная культура Сибири: Материалы XXII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовск. центра по фольклору. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2014. 262 с. (Член редколлегии)

155. Народная культура Сибири: Материалы XXIII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовск. центра по фольклору. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2015. 252 с. (Член редколлегии)

156. Народная культура Сибири: Материалы XXIV науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовск. центра по фольклору. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2016. 234 с. (Член редколлегии)

157. Народная культура Сибири: Материалы XXV науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовск. центра по фольклору. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2017. 310 с. (Член редколлегии)

158. «Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой...»: книга воспоминаний жителей села Крестики о времени Великой Отечественной войны. Омск: Издатель-Полиграфист, 2018. 122 с. (Составитель, член редколлегии, вступительная статья)

159. Народная культура Сибири: Материалы XXVI и XXVII науч.-практ. семинаров Регион. вузовск. центра по фольклору. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2019. 176 с. (Член редколлегии)

160. Народная культура Сибири: Материалы XXVIII науч.-практ. семинаров Сибир. регион. вузовск. центра по фольклору. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2020. 188 с. (Член редколлегии)

161. Народная культура Сибири: история и современность: Материалы Всерос. конф., посвящ. 70-летию со времени проведения первой фольклорной экспедиции Омск. пед. ин-та, и XXX науч.-практ. семинара Регион. вузовск. центра по фольклору. Омск: Изд. дом «Наука», 2022. 284 с. (Отв. редактор)

162. Заповедный край. Народная культура с. Крестики Оконешниковского района Омской области: Монография / Е. Я. Аркин, В. Ю. Багринцева, Н. Н. Вельгоша, Н. К. Козлова [и др.]. Омск: Золотой тираж, 2022. 208 с. (Отв. и науч. редактор)

163. «Суворушка» (книга для семейного чтения) / Собирает И. С. Коровкин, обработка текстов В. Я. Ионовой, Т. Г. Леоновой, Н. К. Козловой. Омск: Изд. дом «Наука». 2024. 100 с. (Отв. редактор)

164. Народная культура Сибири: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (XXXIII науч.-практ. семинар). Омск: Изд. дом «Наука», 2025. 168 с. (Отв. редактор)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
13.09.2025*

Сведения об авторе – Information about the Author

Софья Анатольевна Мясникова – кандидат филологических наук, доцент кафедры музыкального искусства факультета культуры и искусств Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Sofia A. Myasnikova – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Culture and Arts, F. M. Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

zenya_inbox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6690-1608>

**Всероссийская научная конференция с международным участием
«III Сибирский форум фольклористов» (г. Новосибирск, 16–20 июня 2025 г.)**

П. С. Шахов

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Приводятся сведения о прошедшей в Новосибирске с 16 по 20 июня 2025 г. Всероссийской научной конференции с международным участием «III Сибирский форум фольклористов», организованной Институтом филологии СО РАН, Сибирским отделением РАН и Главной редакционной коллегией академической двуязычной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». В статье дана хроника прошедшего научного мероприятия: названы тематические направления секционных заседаний, приведены сведения о количестве и географии участников, описаны сопутствующие мероприятия форума (фотовыставка, презентация книг, демонстрация этнографического кино и др.). Приводится текст резолюции III Сибирского форума фольклористов, даны ссылки на некоторые материалы СМИ о форуме.

Ключевые слова

Сибирский форум фольклористов, фольклор Сибири и Дальнего Востока, «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»

Для цитирования

Шахов П. С. Всероссийская научная конференция с международным участием «III Сибирский форум фольклористов» (г. Новосибирск, 16–20 июня 2025 года) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55). С. 204–210. DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-204-210

**All-Russian scientific conference with international participation
“The 3rd Siberian forum of folklorists” (Novosibirsk, June 16–20, 2025)**

P. S. Shakhov

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

This article presents an overview of the All-Russian scientific conference with international participation “The 3rd Siberian Forum of Folklorists,” held in Novosibirsk from June 16 to 20, 2025. The event was organized by the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences and the Editorial Board of the bilingual academic series “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East”. The article chronicles the scientific program, detailing the themes of the plenary session and ten sectional meetings. Three sections of the Forum were dedicated to significant anniversaries: the 130th birthday of V. Propp, the 100th birthday of the renowned Altai storyteller A. G. Kalkin, and the 90th birthday of S. P. Rozhnova, editor of the Russian translations for the “Monuments of Folklore” series. Also detailed is participant data, covering twenty-two Russian regions and ten countries of the near and far abroad. Consideration is given to the accompanying events of the Forum, including a photo exhibition, demonstration of ethnographic cinema, and book presentations, including the 35th volume of the series “Monuments of Folklore of the peoples of Siberia and the Far East” (“Altai Folk Songs”, vol. 35). Finally, the article provides the text of the resolution adopted at the 3rd Siberian Forum of Folklorists and links to related media coverage.

© П. С. Шахов, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 3 (iss. 55)

Keywords

Siberian forum of folklorists, folklore of Siberia and the Far East, “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East”

For citation

Shakhov P. S. Vserossiyskaya nauchnaya konferentsiya s mezhdunarodnym uchastiem “III Sibirskiy forum fol’kloristov” (Novosibirsk, 16–20 iyunya 2025 goda) [All-Russian scientific conference with international participation “The 3rd Siberian forum of folklorists” (Novosibirsk, June 16–20, 2025)]. *Yazyki i Fol’klor Korenykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 3 (iss. 55), pp. 204–210. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-204-210

Введение

Масштаб Сибирского форума фольклористов, ведущего свое начало с 2016 г. и ознаменовавшего новый этап развития сибирской фольклористики [Солдатова 2016: 141], позволяет говорить о значимом событии мировой гуманитарной науки.

Одной из задач форума является создание междисциплинарной научной дискуссионной площадки для фольклористов, этномузыковедов, лингвистов, этнографов и других специалистов, изучающих культурное наследие народов сибирско-дальневосточного региона. На форуме обсуждаются актуальные проблемы современного гуманитарного знания, апробируются результаты исследований, осуществляется обмен опытом ученых из многочисленных российских регионов и зарубежья, устанавливаются междисциплинарные контакты. Кроме этого, в работе форума принимают участие народные исполнители, носители нематериального культурного достояния народов России, проводится презентация последних научных изданий о традиционной культуре народов Сибири и Дальнего Востока, демонстрируются научные документальные фильмы и пр.

Состоявшийся в 2021 г. II Сибирский форум фольклористов был посвящен 90-летию со дня рождения Александра Бадмаевича Соктоева, инициатора создания академической двуязычной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

По результатам двух прошедших Сибирских форумов фольклористов были изданы сборники тезисов докладов, которые демонстрируют широкую географию их авторов, основные тематические направления форума и многообразие исследовательских аспектов [I Сибирский форум фольклористов 2016: 3–7; II Сибирский форум фольклористов 2021: 3–6].

С 16 по 20 июня 2025 г. в новосибирском Академгородке прошел III Сибирский форум фольклористов, организованный Институтом филологии СО РАН совместно с Сибирским отделением РАН и Главной редакционной коллегией академической двуязычной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (см. фото 1).

Фото 1. Участники III Сибирского форума фольклористов. 17 июня 2025 г. Фото К. А. Сагалаева

Photo 1. Participants of the III Siberian Forum of Folklorists. June 17, 2025. Photo by K. A. Sagalaev

1. Открытие форума, пленарное заседание и работа секций

На открытии форума с приветственными словами выступили вице-президент РАН, председатель СО РАН, академик РАН Валентин Николаевич Пармон (видеообращение), президент Академии наук Абхазии, академик АНА, иностранный член РАН, д-р филол. наук, профессор Зураб Джотович Джапуа и директор Института филологии СО РАН, чл.-кор. РАН, д-р филол. наук, профессор Игорь Витальевич Силантьев.

Начало форума было ознаменовано минутой молчания, посвященной светлой памяти ученых-фольклористов, ушедших из жизни в последние годы, были упомянуты Татьяна Георгиевна Леонова (1929–2021), Эдуард Ефимович Алексеев (1937–2022), Клавдия Ергековна Укачина (1939–2022), Юрий Ильич Шейкин (1949–2023), Гаврил Николаевич Курилов (1938–2024), Иван (Таныспай) Баксурович Шинжин (1934–2024).

На пленарном заседании с докладами выступили Е. Н. Кузьмина (доклад «Основные итоги развития серии “Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока”»), И. И. Земцовский (доклад «Пропп-учитель»), З. Д. Джапуа (доклад «Абхазские сказители в свете общей типологии сказительства»), Н. К. Козлова (доклад «Проблемы систематизации и публикации русской мифологической прозы в рамках академической серии “Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока”»), Е. Э. Хабунова (доклад «Универсальный тип “герой-помощник” в национальных версиях эпоса “Джангар”») и В. Л. Кляус (доклад «Фольклор русских старожилов Монголии: жанры, бытование, трансформации»).

Секционные заседания форума были распределены по десяти тематическим направлениям, три из которых посвящены значимым юбилейным датам:

1. Типологические и историко-морфологические исследования фольклора народов Сибири и Дальнего Востока (секция посвящена 130-летию со дня рождения крупнейшего ученого Владимира Яковлевича Проппа).

2. Эпические традиции народов Сибири (секция посвящена 100-летию со дня рождения выдающегося алтайского сказителя Алексея Григорьевича Калкина).

3. Теория и практика фольклористического перевода (секция посвящена 90-летию Светланы Павловны Рожновой – редактора русского перевода в 20-ти томах серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»).

4. Обрядовый фольклор в контексте традиционной культуры и религиозных представлений народов Сибири и Дальнего Востока.

5. Сюжеты и мотивы в фольклоре народов Сибири и Дальнего Востока.

6. Специфика фольклорных жанров сибирских народов.

7. Этномузыкологические исследования сибирских и дальневосточных культур.

8. Язык фольклорных текстов народов Сибири и Дальнего Востока.

9. Проблемы систематизации, архивации, цифровизации и публикации фольклора народов Сибири и Дальнего Востока.

10. Фольклор народов Сибири и Дальнего Востока: этнографический и социально-исторический аспекты.

На форуме были обсуждены 118 устных докладов российских и зарубежных ученых, занимающихся изучением фольклорных традиций народов России и сопредельных регионов. Значительная часть докладов была ориентирована на освещение различных аспектов исследования фольклора коренных и переселенческих народов Сибири и Дальнего Востока, в том числе в сравнительно-типологическом аспекте в ряду близких этнических культур.

К началу мероприятия из печати вышел сборник тезисов 84-х докладов, отражающих все заявленные тематические направления форума [III Сибирский форум фольклористов 2025: 3–7]. Сборник тезисов напечатан Сибирским отделением РАН, его электронная версия размещена на сайте Института филологии СО РАН ¹.

Совокупная география участников, выступивших с докладами и / или представивших тезисы докладов, охватила 22 российских региона – европейскую часть России (Москва, Санкт-Петербург, Пермский край, Республики Татарстан, Башкортостан, Калмыкия, Мордовия, Коми,

¹ Ссылка на электронную версию сборника тезисов III Сибирского форума фольклористов: https://www.philology.nsc.ru/elib/view_book.php?id=424

Удмуртская и Чувашская Республики), регионы Севера (Ненецкий АО Архангельской области), Сибири (Новосибирск, Омск, Иркутск, Республики Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия, Саха (Якутия), Ханты-Мансийский АО) и Дальнего Востока (Владивосток, Петропавловск-Камчатский), – а также 10 стран ближнего и дальнего зарубежья (Абхазия, Бахрейн, Беларусь, Италия, Казахстан, Кыргызстан, США, Финляндия, Эстония, Япония).

2. Фотовыставка, презентация книг и демонстрация фильмов

В здании Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, где прошли все заседания форума, была организована фотовыставка, посвященная традиционной культуре народов Сибири и Дальнего Востока. Выставка была подготовлена мл. науч. сотрудником сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН Константином Андреевичем Сагалаевым.

В конце первого дня участники форума представили новые научные издания по фольклористике. На презентации выступили следующие участники:

1) З. Д. Джапуа (президент АНА, академик АНА, иностранный член РАН, д-р филол. наук, проф.) представил 10-томное издание «Нарты. Абхазский героический эпос», монографию А. Н. Генко «Введение в этнографию Кавказа» и собственную монографию «О фольклоре и не только»;

2) Т. А. Бакчиев (гл. спец-т отдела инвестиционных проектов Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б. Н. Ельцина, д-р филол. наук, профессор) презентовал справочное издание «Сказители народов Евразии», а также свои монографические работы «Сновидения сказителя» и «Сказительский дар»;

3) Р. А. Султангареева (руководитель Научно-исследовательского центра Башкирского фольклора БГПУ им. М. Акмуллы, гл. науч. сотрудник, д-р филол. наук) рассказала о своей монографии «Башкирский народный эпос в XXI веке: бытование и исполнительские традиции: кубаиры, исследования и видеоматериалы»;

4) Н. Р. Ойноткинова (гл. науч. сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН, д-р филол. наук) представила свои работы последних лет (монографию «Мифологическая картина мира алтайцев: концепты, мотивы, сюжеты», «Мифологический словарь алтайцев», этнолингвистический словарь «Лексика фауны Горного Алтая»);

5) Т. Д. Булгакова (профессор кафедры этнокультурологии РГГУ им. А. И. Герцена, д-р культурологии, профессор) презентовала свою книгу «Шаманские войны. Социорелигиозные факторы конфликтности в менталитете нанайцев»;

6) Е. В. Королева (эксперт-консультант, переводчик с тюрко-монгольских языков Фонда «Сибирский писатель») рассказала о книге алтайского поэта-фронтовика Янги Тодоша «Воинские песни Ойрота. 1941–1945 гг.», гл. ред. и сост. Б. Я. Бедюров; пер. Е. В. Королевой.

Особо значимым событием форума стала презентация 35-го тома академической двуязычной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» – «Народные песни алтайцев», увидевшего свет в начале 2025 г. Новое издание представили члены редакционной коллегии серии и авторский коллектив тома [Народные песни алтайцев 2025: 5–6]:

– заместитель главного редактора серии, гл. науч. сотрудник, зав. сектором фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН, д-р филол. наук, профессор Е. Н. Кузьмина (редактор научного аппарата 35-го тома);

– ст. науч. сотрудник НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, д-р филол. наук Т. М. Садалова (ответственный редактор 35-го тома);

– ст. науч. сотрудник НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, канд. филол. наук М. А. Демчинова (вступительная и текстологическая статьи, подготовка и перевод текстов, указатели, составление, примечания, комментарии, сверка фонограмм с текстами);

– президент Ассоциации «Архив “Евразия” имени Романо Мастроматтеи» (Италия, Рим), канд. искусствоведения, доцент Г. Б. Сыченко (музыковедческая статья, нотные записи, составление, примечания, комментарии, сверка фонограмм с текстами, составление аудиоприложения).

Помимо Института филологии СО РАН, в подготовке тома участвовали НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки и Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Аудиоприложение к 35-му тому

впервые представлено на флэш-карте, размещенной на форзаце книги, а также продублировано в виде QR-кода.

На форуме была проведена демонстрация фольклорно-этнографического научно-документального кино. Показаны три фильма:

1) фрагменты фильма Пии Сиирала «Течение музыки» / «Музыкальный поток» о жизни четырех чукчей (Этилъян, Ёваң, Кулумич, Тыңаан), с которыми автор познакомилась во время своих поездок на Камчатку и Чукотку в 2008, 2009 и 2017 гг.;

2) фильм «Самагалдай. Тыва улустун ырызы», подготовленный М. В. Бавуу-Сюрюн, Ч. О. Хомушку, А.-Д. Э. Мижит, представляющий собой видеоурок о тувинской народной песне «Самагалдай», которая была распространена в южных районах Тувы, а сейчас бытует у цаатанов и тувинцев Монголии;

3) фильм К. А. Сагалаева «Забытое волшебство», посвященный утраченным традициям южных хантов – крапивному ткачеству и вышивке цветными нитями, а также современным попыткам их реконструкции.

Культурная программа форума включала в себя ряд экскурсий по Академгородку, которые 16 июня провела директор Интегрального музея-квартиры Академгородка, лидер «Академбюро» Анастасия Германовна Близняк, познакомив участников форума с жемчужиной Новосибирского научного центра. 20 июня был организован выезд участников форума в Историко-архитектурный музей под открытым небом Института археологии и этнографии СО РАН.

3. Резолюция III Сибирского форума фольклористов

По результатам работы III Сибирского форума фольклористов была принята резолюция, в которой изложены основные решения научного собрания. В частности, в ней подчеркивается необходимость дальнейшего развития двуязычной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», имеющей большое значение для фольклористики, образовательной и культурной сфер, а также для сохранения и возрождения национальных традиций.

В резолюции отмечается необходимость продолжения работ по созданию и дальнейшему систематическому развитию электронных ресурсов открытого доступа: баз данных, интерактивных карт, словарей, аннотированных каталогов фольклорных материалов и пр., разрабатываемых в гуманитарных научных учреждениях Сибири и Дальнего Востока, включая Республики Тыва, Бурятия, а также Башкортостан и Калмыкия.

В завершении резолюции отмечены следующие шаги, необходимые для дальнейшего развития отечественной фольклористики:

1) обратить особое внимание ученых Сибири и Дальнего Востока на острейшую необходимость подготовки молодых фольклористов из числа студентов и магистрантов;

2) проводить регулярные междисциплинарные семинары и круглые столы с обсуждением проблем исследования фольклора в этнографическом, историческом и других аспектах на площадках научных и образовательных учреждений Сибири и Дальнего Востока;

3) практиковать проведение научно-методических семинаров по аудиовизуальной антропологии, проблемам каталогизации, описания фольклорных сюжетов и мотивов, по изучению фольклора народов Сибири и Дальнего Востока методами автоматической обработки текстов, исследованию семиотики и семантики архаических культурных кодов;

4) поддерживать и развивать междисциплинарные исследования, выполняемые на стыке лингвистики, музыковедения, стиховедения и фольклористики, а также связи и контакты между специалистами гуманитарных учреждений;

5) содействовать широкому распространению опыта создания информационных электронных порталов, баз данных, развивать сотрудничество научных учреждений в этой сфере;

6) продолжить издание полевых и архивных материалов (в том числе на интернет-площадках), при этом остается актуальной ответственность и научная добросовестность ученых в деле исследования и публикации фольклорных материалов, в верификации архивных источников;

7) в целях широкого ввода в научный оборот фольклорных произведений обращать особое внимание в публикуемых изданиях на необходимость перевода текстов на русский язык и обеспечение их научным аппаратом;

8) обратиться к Главе Республики Алтай с просьбой о награждении авторского коллектива тома «Народные песни алтайцев» двуязычной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» за проведенную ими работу по составлению и научной подготовке к изданию текстов песенного фольклора;

9) провести IV Сибирский форум фольклористов в 2029 г.

В резолюции также отмечено, что регулярное проведение форума (каждые четыре года) способствует появлению новых научно и социально значимых проектов, выходу фундаментальных трудов по фольклористике и смежным наукам. Сибирский форум фольклористов обретает междисциплинарный характер, объединяя усилия специалистов из разных областей гуманитарной науки.

4. Соцмедиа и СМИ о форуме

Практически все заседания III Сибирского форума фольклористов были записаны при технической поддержке и с помощью программы видеоконференцсвязи ИЭОПП СО РАН. Видеозаписи заседаний с хронометрической разметкой по докладам размещены в специально созданном плейлисте «III Сибирский форум фольклористов»² в официальной группе «Институт филологии СО РАН» социальной сети «ВКонтакте».

Прошедший форум нашел отражение в ряде публикаций местной прессы³ и интернет-порталах⁴, вышел телевизионный сюжет «Вести: Новосибирск»⁵ и передача на «Радио России»⁶.

Список литературы

I Сибирский форум фольклористов: Тезисы докладов (7–11 ноября 2016 г., Новосибирск) / отв. ред. Е. Н. Кузьмина. Новосибирск: Академиздат, 2016. 188 с.

II Сибирский форум фольклористов: к 90-летию со дня рождения А. Б. Соктоева, основателя серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»: Тезисы докладов (18–20 октября 2021 г.) / отв. ред. Е. Н. Кузьмина. Новосибирск: Алекспресс, 2021. 194 с.

III Сибирский форум фольклористов: Тезисы докладов (16–20 июня 2025 г., Новосибирск) / отв. ред. Е. Н. Кузьмина; Сиб. отд-ние РАН, Ин-т филологии СО РАН. Новосибирск: СО РАН, 2025. 256 с.

Народные песни алтайцев / сост. М. А. Демчинова, Г. Б. Сыченко. Новосибирск: СО РАН, 2025. 948 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 35).

Солдатова Г. Е. Новый этап развития сибирской фольклористики // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016. № 2 (31). С. 138–141.

References

I Sibirskiy forum fol'kloristov: Tezisy dokladov (7–11 noyabrya 2016 g., Novosibirsk) [The 1st Siberian Forum of Folklorists: Abstracts of reports (November 7–11, 2016, Novosibirsk)]. E. N. Kuz'mina (Ed.). Novosibirsk, Akademizdat, 2016, 188 p. (In Russian)

² Плейлист «III Сибирский форум фольклористов». URL: https://vkvideo.ru/playlist/-156102320_8

³ Михайлова Елена. Сибирские фольклористы собрались на форум в третий раз // Бумеранг. № 22 (1143) от 19 июня 2025 г. С. 3. URL: <https://bumerang.nsk.ru/last-issue/nomer-22-2025/>

⁴ Валерия Шацкова. В новосибирском Академгородке открылся III Сибирский форум фольклористов // Наука в Сибири. 18 июня 2025 г. [Электронный портал]. URL: <https://www.sbras.info/news/v-novosibirskom-akademgorodke-otkrylsya-iii-sibirskiy-forum-folkloristov>

⁵ Собиратели народного творчества встретились на форуме в Новосибирске // Вести: Новосибирск. Телевизионный сюжет от 18 июня 2025 г. Корреспондент: Анастасия Сорока. URL: https://www.nsktv.ru/news/education/sobirатели_narodnogo_tvorchestva_vstretilis_na_forume_v_novosibirske/

⁶ «Народные песни алтайцев»: пополнение в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» // Радио России. Пять вечеров. 20 июня 2025 г. Ведущие эфира: Сергей Костриков, Олеся Уварова [Беседа с Е. Н. Кузьминой, М. А. Демчиновой и Н. Р. Ойноткиновой]. URL: https://vk.com/iflsoran?w=wall-38320907_97503

II Sibirskiy forum fol'kloristov: k 90-letiyu so dnya rozhdeniya A. B. Soktoeva, osnovatelya serii "Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka": Tezisy dokladov (18–20 oktyabrya 2021 g.) [The 2nd Siberian forum of folklorists: on the 90th anniversary of the birth of A. B. Soktoev, founder of the series "Monuments of Folklore of the peoples of Siberia and the Far East": Abstracts of reports (October 18–20, 2021)]. E. N. Kuz'mina (Ed.). Novosibirsk, Alekspress, 2021, 194 p. (In Russian)

III Sibirskiy forum fol'kloristov: Tezisy dokladov (16–20 iyunya 2025 g., Novosibirsk) [The 3rd Siberian Forum of Folklorists: Abstracts of reports (June 16–20, 2025, Novosibirsk)] E. N. Kuz'mina (Ed.). Institute of Philology SB RAS. Novosibirsk, SB RAS, 2025, 256 p. (In Russian)

Narodnye pesni altaytsev [Altai folk songs]. M. A. Demchinova, G. B. Sychenko (Comps.). Novosibirsk, SB RAS, 2025, 948 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]; Vol. 35). (In Russian and Altai)

Soldatova G. Ye. Novyy etap razvitiya sibirskoy fol'kloristiki [A new stage of development of the Siberian folkloristics]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2016, iss. 31, pp. 138–141. (In Russian)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
25.09.2025

Сведения об авторе – Information about the Author

Павел Сергеевич Шахов – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Pavel S. Shakhov – Candidate of Art Studies, Senior Researcher, Department of Folklore of Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

pashahoff@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2023-8185>

ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ
2025. № 3 (Вып. 55)

В оформлении обложки использована репродукция картины

Любови Арбачаковой «Медвежья песня»

Раздел «Лингвистика»: редактор и оператор электронной верстки *А. В. Байыр-оол*

Раздел «Фольклористика»: редактор и оператор электронной верстки *К. Д. Козырева*

Корректор текста на английском языке *Е. В. Давыдова*

ISSN 2712-9608

